

Энциклопедия тайн и сенсаций

Энциклопедия
тайн и сенсаций

КЛАДЫ И
КЛАДОИСКАТЕЛИ

КЛАДЫ И КЛАДОИСКАТЕЛИ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТАЙН И СЕНСАЦИЙ

**КЛАДЫ
И
КЛАДОИСКАТЕЛИ**

© ЛИТЕРАТУРА
МИНСК, 1996

ББК 63.3(0)
К47
УДК 930.9

Серия основана в 1996 году

Подготовка текста *Ю. Н. Иванова*

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части, а также реализация тиража запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

К47 Клады и кладоискатели /Подгот. текста Ю. Н. Иванова.— Мн.: Литература, 1996.— 640 с.— (Энциклопедия тайн и сенсаций).
ISBN 985-437-050-X.

Новый том серии «Энциклопедия тайн и сенсаций» посвящен сокровищам, кладам и кладоискателям, а также невероятным историям всегда их сопровождавшим. В книге собраны наиболее интересные сведения от древнейших времен до наших дней о сокровищах и людях, пытавшихся их найти.

К 9300000000

ББК 63.3(0)

ISBN 985-437-050-X

© Литература, 1996

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 9

**РАЗДЕЛ I. КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВО:
МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ** 16

**ГЛАВА 1. КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВО
В СТАРОМ СВЕТЕ** 16

1. ПЕРВЫЕ КЛАДОИСКАТЕЛИ —
ГРАБИТЕЛИ МОГИЛ 17
2. ОГРАБЛЕННЫЕ ФАРАОНЫ 20
3. ХАЛИФ-КЛАДОИСКАТЕЛЬ 24
4. ДОЛИНА ЦАРЕЙ 31
5. ЗАГАДОЧНЫЙ ТАЙНИК
С МУМИЯМИ ФАРАОНОВ 33
6. ТАИНСТВЕННЫЕ СФИНКСЫ 41
7. КАК ПРЯТАЛИ СВОИ СОКРОВИЩА
ВЕЛИКИЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ 44
8. КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВО В ЕВРОПЕ 47

**ГЛАВА 2. КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВО
В НОВОМ СВЕТЕ** 49

1. ВСЕ НАЧАЛОСЬ С КОЛУМБА 50
2. В ПОИСКАХ ЛЕГЕНДАРНОГО ЭЛЬДОРАДО 52
3. СОКРОВИЩА «ПОЗОЛОЧЕННОГО ЧЕЛОВЕКА» . 55
4. «ЛА ЛУС ДЕЛЬ ОРО! —
СВЕТ ЗОЛОТА, СЕНЬОР!» 63
«УАКЕРОС» 64
- ИНТЕРВЬЮ, ВЗЯТОЕ У ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
«ГРОБОКОПАТЕЛЯ» 65

«ПОЮЩИЕ СОСУДЫ ВИКУСА»	75
ГЛАВА 3. КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВО В РОССИИ	79
1. НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ	82
2. «ЗАГОВОРЕННЫЕ» КЛАДЫ	85
3. РАЗБОЙНИЧЬИ КЛАДЫ	88
4. ЛЕГЕНДЫ О КЛАДАХ СТЕПАНА РАЗИНА И ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА.	91
5. «СЫСКНЫЕ ДЕЛА» О КЛАДАХ	93
6. КЛАДОИСКАТЕЛИ-САМОДЕРЖЦЫ	97
7. КЛАД В КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЕ	100
8. КУРГАНЫ	102
9. ГДЕ КЛАДЫ ЗАРЫТЫ?	104

РАЗДЕЛ II. ТАЙНЫ ИСЧЕЗНУВШИХ

СОКРОВИЩ 106

1. КЛАД ТАМПИЛИЕРОВ	107
2. ЗОЛОТЫЕ КОНИ ХАНА БАТЯЯ	130
3. ТАЙНА ХАНСКОЙ КАЗНЫ	132
4. СОКРОВИЩА МОНТЕСУМЫ	135
5. ЗОЛОТО ИНКОВ	143
ТАЙНА АТАУАЛЬПЫ	143
НЕНАЙДЕННЫЕ СОКРОВИЩА ИНКОВ	146
ПОИСКИ ЗОЛОТА ИНКОВ НА ВУЛКАНЕ САНГАЙ	149
6. ПОИСКИ СОКРОВИЩ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ .	155
ЗЛОПОЛУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ	156
ТАЙНА ОАЗИСА ЗЕРЗУРА	157
7. ПОТЕРЯННЫЕ СОКРОВИЩА ЛОБЕНГУЛЫ . . .	161
8. КЛАД ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА	181
9. КЛАД НАПОЛЕОНА	186
ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: РЕКА БЕРЕЗИНА	186
ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: СЕМЛЕВСКОЕ ОЗЕРО.	192

НУЖНЫ ЛИ ПОИСКИ?	194
ПОПЫТКИ РАЗГАДАТЬ ЗАГАДКУ	
КЛАДА НАПОЛЕОНА	197
10. ЗОЛОТО КОЛЧАКА.	199
11. НЕ ИЩИТЕ СОКРОВИЩА В НЕСВИЖСКОМ	
ЗАМКЕ. ГДЕ ОНИ, ЗНАЕТ РАДЗИВИЛЛ.	212

РАЗДЕЛ III. ПИРАТСКИЕ КЛАДЫ 215

1. «КОРОЛЕВСКИЕ ПИРАТЫ», БУКАНЬЕРЫ	
И ФЛИБУСТЬЕРЫ	217
2. ЗОЛОТЫЕ МИРАЖИ ОСТРОВА КОКОС	221
КЛАД ГЕНРИ МОРГАНА	221
КЛАД УИЛЬЯМА ДАМПИРА	223
«СОКРОВИЩА ЛИМЫ»	225
КЛАД КРОВАВОГО МЕЧА	228
НЕУДАЧЛИВЫЙ КЛАДОИСКАТЕЛЬ	
АВГУСТ ГИССЛЕР.	230
ЭКСПЕДИЦИЯ НА КОКОС АВТОГОНЩИКА	
МАЛЬКОЛЬМА КЭМПБЕЛЛА	231
ЭКСПЕДИЦИЯ ЗА ЭКСПЕДИЦИЕЙ	232
ГИБЕЛЬ КЛАДОИСКАТЕЛЕЙ	235
3. ТАЙНА ОСТРОВА ОУК	237
С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ	237
ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ОТЫСКАТЬ КЛАД	240
ЭКСПЕДИЦИЯ СИНДИКАТА «ТРУРО».	242
ПОИСКИ КЛАДА	
СИНДИКАТОМ «ГАЛИФАКС»	246
КЛАДОИСКАТЕЛЬ ДАНФИЛД	246
СПУСК В ДЕНЕЖНУЮ ШАХТУ	
КЛАДОИСКАТЕЛЯ	
ДЭНИЕЛЯ БЛЭНКЕНШИПА	247
4. СОКРОВИЩА ОСТРОВА ПИНОС	252

ЭКСПЕДИЦИЯ КЛАДОИСКАТЕЛЯ ГОРДОНА.	254
НЕУДАЧНЫЕ ПОИСКИ ПИРАТСКИХ КЛАДОВ АМЕРИКАНЦЕМ СТЕФЕНСОМ	257
ПИРАТСКИЕ СОКРОВИЩА, НАЙДЕННЫЕ УИККЕРОМ	264
5. ЗОЛОТЫЕ ОСТРОВА КАРИБСКОГО МОРЯ.	269
6. ТАЙНА УТЕСА ПЕРСЕ.	273
7. ПИРАТСКИЕ КЛАДЫ НА ПОБЕРЕЖЬЕ НЬЮ-ДЖЕРСИ	279
8. КЛАД ПИРАТА ОЛИВЬЕ ВАССЕРА.	281
9. ПИРАТСКИЙ КЛАД НА ОСТРОВЕ ГРИГАН	283
10. СОКРОВИЩА КОРСАРА	292
11. КЛАДЫ КАПИТАНА КИДДА.	293

РАЗДЕЛ IV. ПОДВОДНОЕ

КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВО	305
1. ВИЛЬЯМ ФИПС — СИМВОЛ УДАЧИ	310
2. ЛЕГЕНДА О «ГАЛЕОНЕ ТОБЕРМОРИ»	314
3. СОКРОВИЩА БУХТЫ ВИГО	319
4. ЗОЛОТОЕ ДНО У ОСТРОВОВ СИЛЛИ	334
«КОРОВЬИ МАЯКИ»	334
ЭТО — СИЛЛИ!...	336
ЛЕГЕНДА ОКАЗЫВАЕТСЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ.	339
5. ТАЙНА БРИГА «ТЕЛЕМАК»	342
6. «ИСПАНСКИЙ БАНК» НА ДНЕ МОРЯ.	351
7. ТРАГЕДИЯ «ГРОСВЕНОРА»	357
8. КЛАД ФРЕГАТА «ЛЮТИН»	366
9. ЗОЛОТО «ЧЕРНОГО ПРИНЦА».	372
10. «ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА» В КАРИБСКОМ МОРЕ.	378

11. ГРАБИТЕЛИ ПОДВОДНЫХ СОКРОВИЩ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ	381
12. ПОДВОДНЫЙ ШЕРЛОК ХОЛМС — РОБЕР СТЕНЮИ.	386
СОКРОВИЩА ИСПАНСКОГО ГАЛЕАСА «ХИРОНА»	386
КЛАДЫ БУХТЫ ПОРТУ-ДУ-ГИЛЬБЕРМИ	404
13. ГАЛЕОНЫ XX ВЕКА	418
ЗОЛОТО «ЛОРЕНТИКА»	418
РОКОВОЙ ГРУЗ «ЕГИПТА».	428
УНИКАЛЬНЫЙ ПОДЪЕМ ЗОЛОТЫХ СЛИТКОВ	435
ЗОЛОТОЙ ГРУЗ «ЭДИНБУРГА».	439

РАЗДЕЛ V. КЛАДЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА 449

1. СОКРОВИЩА РСХА.	450
СОГЛАШЕНИЕ «ГИММЛЕР — ФУНК»	450
ТАЙНИК С «ПОЛЬСКИМ ЗОЛОТОМ»	453
«РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЕ СОВЕЩАНИЕ»	458
«АЛЬПИЙСКАЯ КРЕПОСТЬ»	461
«БАВАРСКИЕ» КЛАДЫ	467
АЛЬПИЙСКИЕ СОКРОВИЩА	469
ТАЙНА ОЗЕРА ТОПЛИЦ	471
2. ЗОЛОТО РОММЕЛЯ.	476
3. УСКОЛЬЗАЮЩИЕ МИЛЛИОНЫ	489
4. ПО СЛЕДАМ «ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ».	502
ИСТОРИЯ В ПРЕДИСЛОВИЕ	502
СЛЕД ОБРЫВАЕТСЯ	504
ЧТО С ВАМИ, ДОКТОР РОДЕ?	507
ПОИСК ВЕДУТ ПОЛЬСКИЕ АКВАЛАНГИСТЫ	511
ЧТО МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ ВЫ, ЭРИХ КОХ?	513
ЛЕГЕНДЫ И НОВЫЕ ВЕРСИИ.	515

РАЗДЕЛ VI. ПО СЛЕДАМ СЕНСАЦИОННЫХ ОТКРЫТИЙ И НАХОДОК	516
1. СОКРОВИЩА ЦАРЯ ПРИАМА	517
2. ЗОЛОТОЕ ЛИЦО АГАМЕМНОНА	525
3. ИСТОРИЯ ВЕНЕРЫ МИЛОССКОЙ	533
4. ТАЙНА «СВЯЩЕННОГО КОЛОДЦА»	539
ОТКРЫТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ МАЙЯ	539
ОБРУЧЕНИЕ БОГА ДОЖДЯ	543
НА ДНЕ СВЯЩЕННОГО КОЛОДЦА	552
5. СОКРОВИЩА КОБАДИАНА	561
6. ЗИМБАБВЕ. КОПИ ЦАРЯ СОЛОМОНА	574
7. ОТКРЫТИЕ ГРОБНИЦЫ ТУТАНХАМОНА	585
ЭКСПЕРТЫ, ПИЛИГРИМЫ И РЕПОРТЕРЫ	587
ЗОЛОТОЙ ЗАЛ	589
ЗОЛОТЫЕ КОВЧЕГИ	590
ПРОКЛЯТИЕ ФАРАОНОВ	592
ЗОЛОТЫЕ ГРОБЫ	594
ПЕРЕД ЛИЦОМ ФАРАОНА	598
ИЗВЕРЕННЫЙ И ОЦЕНЕННЫЙ	599
8. РУКОПИСИ МЕРТВОГО МОРЯ	602
МОНАХИ, ТОРГОВЦЫ, ПРОФЕССОРА	603
ОДИН МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ	606
ОХОТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ	608
ИЕРУСАЛИМСКИЕ КЛАДЫ	611
9. ЧТО ДАЛ «ДОПРОС» АФИНЫ ПАЛЛАДЫ?	612
10. ЗОЛОТО МОЧИКА	622
11. ЗОЛОТОЙ ЧЕЛОВЕК КУРГАНА ИССЫК	627
12. КЛАДЫ СТАРОЙ РЯЗАНИ	635
ЛИТЕРАТУРА.	638

ВВЕДЕНИЕ

Так было всегда: зарытые сокровища, потаенные клады...

За долгие тысячелетия, которые насчитывает наша цивилизация, люди укрыли от посторонних глаз множество кладов — благородных металлов, драгоценных камней и прочих «материальных ценностей». Где только не прятал человек свои (или не свои) богатства: на необитаемых островах и в дремучих лесах, высоко в горах и глубоко под землей, в роскошных дворцах и ветхих лачугах, в специально устроенных тайниках и случайно оказавшихся под рукой стульях.

Клады ценны не только (а порой и не столько) тем золотом, серебром или изумрудами, что входят в их состав, хотя стоимость таких драгоценностей сплошь и рядом оценивается баснословными суммами. Некоторые клады имеют прежде всего огромную историческую ценность, не сравнимую ни с каким денежным эквивалентом. Крупнейшие музеи мира гордятся уникальными ювелирными шедеврами, которые говорят о неповторимом искусстве древних мастеров, о высоком уровне культуры больших и малых народов. Но, прежде чем попасть в музеи, многие экспонаты провели долгие столетия в «заточении» в виде потаенных сокровищ. На поиски таких сокровищ с древнейших времен и до сего времени отправлялись и отправляются кладоискатели.

Говорят, что кладоискательство — исконная

страсть человечества. На тропу искателей ценностей выходили и принцы, и нищие. Одни бредили золотом, якобы покоящимся в могилах Чингисхана, Алариха — короля готов, Аттилы — вождя гуннов. Другие занимались вскрытием захоронений египетских фараонов, ломали стены церквей и соборов средневековой Европы. Те, кто не верил в успех найти клад на суше, шли по следам морских катастроф, пытаясь вернуть ценности, отнятые у людей морем.

С незапамятных времен по свету бродят искатели кладов. Люди разных профессий и характеров, старые и молодые, сообща и в одиночку ищут бочонки с золотом, жемчуг и самоцветы, мешки с соверенами и дукатами, драгоценные украшения — все, что их взбудораженное воображение рисует при слове «клад».

В тысячах сказок, легенд, преданий, песен рассказывается о спрятанных в далеком прошлом кладах и об увлекательных приключениях их искателей. Традиция, то есть передача из уст в уста и из поколения в поколение, придавала им богатое оформление в виде драматических, а иногда и фантастических аксессуаров, связанных с сокрытием и отысканием кладов.

Сведения о кладах и о людях, которые стремились их найти, содержатся не только в устных преданиях и легендах. Их сохранили даже авторитетные исторические источники начиная с древнейших времен. Упоминания о них мы находим еще у Платона — двадцать три века назад. О них же писал Аристотель в своей «Политике». Страбон две тысячи лет назад сообщал, что в его

время происходило разграбление древних могил в Коринфе — кладоискатели продавали древние вещи коллекционерам, искали сокровища. Элиан рассказывал об эпидемии кладоискательства, охватившей греческий город Дельфы.

В раннее средневековье в Европе, полной войнами, набегами, переселениями народов, интерес к зарытым в беспокойное время сокровищам и кладоискательству не иссяк. Есть отрывочные сведения о том, что, например, франки собирали старинную римскую стеклянную посуду, а светские и церковные князья и вельможи составляли коллекции древних сосудов, монет, резных камней, украшений. Естественно, о драгоценностях и золоте мы и не говорим — они всегда были желанной добычей.

Среди кладоискателей, коллекционеров и грабителей могил, а грань между ними была относительно и достаточно условна, встречались не только имена везучих кустарей-дилетантов. Порой в этой роли выступали целые племена, государственные организации, некоторые коронованные особы, признанные ученые, известные политические деятели и просто крупные международные авантюристы-профессионалы. Нередко поисками сокровищ занимались люди, наделенные недюжинными способностями, знаниями, мужеством и изобретательностью. Многие из них, возможно, могли стать первооткрывателями, учеными, землепроходцами, но, влекомые жаждой наживы, поисками призрачного счастья, они становились всего-навсего рядовыми кладоискателями, грабителями могил...

Нынешние кладоискатели не похожи на своих предков, располагавших лишь компасом да обрывком карты или затертой схемой, оставленной бывшим владельцем сокровищ. Сегодня им на помощь пришла современная наука и техника. Чуткие магнитные, гравиметрические и другие физические приборы позволяют прощупать землю и каменные сооружения. С помощью чувствительных методов анализа удается обнаружить ничтожные примеси благородных металлов в водах рек и озер, которые «подозреваются» в сокрытии драгоценностей. Не осталось в стороне даже телевидение: ведь оно дает возможность заглянуть в труднодоступные или вовсе не доступные пещеры и гроты далеких островов сокровищ. Когда же клад найден, то для того, чтобы заставить его «заговорить», широко привлекаются физики и химики, историки и лингвисты, искусствоведы и геологи — словом, специалисты многих отраслей знаний.

Кого же можно считать истинным владельцем найденного клада? Каково взаимоотношение удачливого кладоискателя, хозяина территории, на которой найден клад, и того, кто этот клад запрятал или кому он когда-то принадлежал?

Споры по этим вопросам велись задолго до нашей эры и продолжаются до сегодняшнего дня. Согласно одной крайней точке зрения, кто бы ни нашел клад, он должен принадлежать тому, на чьей земле, в чьих прибрежных водах или в чьем доме он был обнаружен. Другая крайняя точка зрения предусматривала, что клад безраздельно принадлежит тому, кто его нашел.

Пытаясь примирить оба взгляда, византийский император Юстиниан в своем знаменитом кодексе установил, что половина клада должна принадлежать юридическому владельцу территории, а половина — тому, кто нашел его. Однако в эпоху укрепления центральной власти государство стало ущемлять интересы кладоискателей, что привело к сокрытию находок, к широкому развитию контрабандной торговли переплавленным золотом и гибели многих исторических ценностей. Закон считал потенциальным собственником всех кладов короля или казну.

Так, по английскому закону от 1276 года, действовавшему с незначительными поправками до 1887 года, «если в доме или на земле найден клад и о его существовании владелец не знает, то клад принадлежит королю». В 1887 году к закону было сделано добавление, что если клад представляет для государства историческую ценность, то нашедший получает определенный процент вознаграждения. Но процент был настолько ничтожен, а процедура выяснения обстоятельств находки настолько долгой и подозрительной, что кладоискатели, естественно, предпочитали умалчивать о своих удачах и заниматься незаконной контрабандой, тем более что уследить за найденным в земле золотом несравненно сложнее, чем, скажем, за украденным в банке. Власти наконец-то спохватились, и в 1929 году закон изменили.

Любопытны законы в Австралии. Там нашедший клад может рассчитывать лишь на милость правительства, которое дает ему часть. Если клад поднят со дна моря, то он должен быть передан

правительству, которое объявляет о розыске владельца клада.

Если в течение года владелец не объявится, то клад переходит в собственность властей, которые решают, сколько отдать нашедшему. Если же владелец объявится и докажет свои права на клад, то нашедший может надеяться теперь на щедрость владельца. Не обходится без курьезов. Так, недавно вблизи берегов Австралии были подняты старинные корабли «Батавия», «Золотой дракон» и «Зайтдорп», когда-то принадлежавшие голландской компании «Датч Ист Индия Компани», прекратившей свое существование еще в XVIII веке. Претензии на роль владельца этих судов предъявила Голландия. Закон формально должен был признать владельцем голландское правительство, и корабли, погостив у Посейдона, вместе со своим содержимым возвратились в Амстердам, откуда они вышли более двух столетий назад.

Как будто прост закон США. Если клад найден, то он принадлежит нашедшему, который обязан уплатить подоходный налог с суммы стоимости клада по американским расценкам в год находки. Правда, предусматривается ряд оговорок, в разных штатах есть свои законы, многое зависит от места, где сделана находка, и в юридическом комментарии кладоискатель предупреждается о том, что он имеет шансы не получить ни цента за свои труды.

В странах СНГ человек, нашедший клад, должен сообщить об этом властям, после чего получает денежное вознаграждение в зависимости от

ценности обнаруженного сокровища и от обстоятельств его происхождения.

В этой книге мы хотим рассказать читателям о наиболее поучительных событиях в многовековой истории кладоискательства.

РАЗДЕЛ I. КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВО: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

ГЛАВА 1. КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВО В СТАРОМ СВЕТЕ

*Спрячь золото верней!
Смотри, следят за нами.
Спрячь золото верней!
Свет солнца страшен мне:
Меня ограбить может пламя
Его лучей.*

*Спрячь золото верней:
Не здесь, а под семью замками...
.....
Но как узнать, но как узнать,
Откуда вора можно ждать?*

Э. Верхарн. Золото

1. ПЕРВЫЕ КЛАДОИСКАТЕЛИ — ГРАБИТЕЛИ МОГИЛ

...Сейчас принято думать, что владельцы сокровищ, будь то простой купец, пират или коронованное лицо, терзаемые страхом потерять свои богатства, решались доверить их только земле или морю. В общем-то, представление о кубышках в дуплах и горшках с золотом в земле правильное и логичное: в беспокойное, смутное время надежней было спрятать сокровища и ценности, чем лишиться их навсегда.

Однако земные недра пополнялись сокровищами и по другой причине. Стремление прятать ценности, даже когда сокровищам не угрожала никакая опасность, в древности было свойственно многим народам, достигшим определенной ступени развития. Истоки подобного обычая теряются в глубине веков, и они в своем первоначальном виде выглядели несколько иначе. Судя по всему, это находило свое объяснение в вере в «загробную жизнь», в «загробное существование», когда воображаемая жизнь на «том свете» представлялась людям прямым продолжением жизни на земле.

И, может быть, хорошо известные археологам «клады» каменных изделий, относящихся к неолиту и еще более раннему времени, а затем подобные же «клады» бронзовых изделий, которые считают тайниками и хранилищами товаров «странствующих» торговцев и мастеров по металлу, на самом деле были сокровищами, запрятан-

ными не столько «на черный день», сколько на будущую «загробную жизнь» — вначале всего племени, а затем одного человека. Кто знает! Известно лишь, что в свое время каменные топоры, наконечники копий и стрел и прочий «каменный реквизит», а затем изделия из меди и бронзы (и даже их полуфабрикаты) представляли не меньшее богатство, чем сверкающие сокровища фараонов и царей. Ведь каждому времени — свое понятие о ценностях...

Особенно пышные похороны в древности устраивались выдающимся членам общества — знати, жрецам, вождям и царям, которых в последний путь сопровождали огромные сокровища. Однако, насколько могущественными владыки были при жизни, настолько же бессильны становились после своей смерти. Еще в древности они оказывались во власти тех людей, которых сегодня называют «грабителями могил».

Это странное ремесло насчитывает уже не одну тысячу лет. Оно зародилось, видимо, в то время, когда первый владыка решился доверить свои сокровища земле, пытаясь обеспечить себе безбедное существование на «том свете».

С тех пор и началась игра в прятки владык с грабителями могил и кладоискателями. Эта игра продолжается уже века: мертвые прячут — живые ищут...

По всему миру еще в древности были разграблены своими или чужими кладоискателями памятники старины: знаменитые гробницы египетских фараонов; прекрасные скальные гробницы арабов-набатеев Петры в Сирии (причем ограбле-

ны, как заметил известный английский альпинист Джон Браун, опытными «мастерами-скалолазами» с использованием специального снаряжения); златообильные курганы скифских царей и военачальников; чаатасы, полные сокровищ, в долине Енисея и на Алтае. Да разве перечтешь все те места на земном шаре, где бы еще в древности не поработали кирка и заступ жадных на золото грабителей могил. Ни страх перед мертвыми, ни боязнь проклятия не останавливали тех, кто искал сокровища. Это они, осквернители и грабители могил, за тысячи лет до «кладоискателей от науки» — археологов взламывали печати гробниц, проникали в забытые тайники «города мертвых». Сокровища, похищенные ими на протяжении веков, не поддаются учету.

2. ОГРАБЛЕННЫЕ ФАРАОНЫ

Несмотря на немалый опыт по сокрытию сокровищ, египетским фараонам не удалось избежать участи быть ограбленными после своей смерти.

...Оказалась пустой самая древняя пирамида Египта, ступенчатая усыпальница Джосера, ограбленная, по предположению исследователей, спустя 500 лет после ее постройки. Пустыми оказались могилы самых древних фараонов в Абидосе, вторая по величине пирамида Хефрена и многие-многие другие усыпальницы владык Египта.

Разграбление и осквернение «святых могил» еще в период Древнего царства (история Египта делится исследователями на три условных периода (Древнее, Среднее, Новое царства) и историю позднейшего времени VII — III веков до н. э., вплоть до завоевания Египта войсками Александра Македонского и начала эллинистического периода) привели к тому, что в эпоху Среднего царства египтяне начали изыскивать всевозможные и порой весьма хитроумные способы сокрытия и предохранения усыпальниц владык и знати. Однако это далеко не всегда им удавалось.

В 1935 году учеными-египтологами был обнаружен знаменитый папирус Амхерста-Капара, относимый к царствованию фараона Рамзеса IX, в котором описано одно из самых древнейших уголовных дел, связанное с... грабителями могил эпохи Рамзесидов.

Как рассказывает папирус Амхерста-Капара, «профессия» грабителей могил — одна из самых

древнейших в криминальном деле: уже тогда, более трех тысяч лет тому назад, существовали организованная преступность, первые документально засвидетельствованные в истории преступники и первые следователи, а коррупция, подкуп и шантаж стали неотъемлемыми спутниками грабителей могил. Пытаясь защитить царские усыпальницы, фараоны и египетская знать уже тогда вынуждены были держать специализированную службу охраны на западном берегу Нила, где располагались некрополи — «города мертвых». Видимо, охрана гробниц и была одной из древнейших функций первой в истории человечества «полиции».

Не надеясь на стражу, с которой, как показывает древний папирус, находили общий язык грабители могил, фараоны стремились всячески скрыть или затруднить доступ к погребальной камере, наполненной сокровищами. И чего только не было изобретено и опробовано фараонами!

Как правило, вход в склеп закрывался изнутри тяжелым замковым камнем. После совершения погребальной церемонии из-под камня выбивались опоры, и он, съезжая вниз, напрочь замуровывал проход в центральный покой, где стоял саркофаг с золотой мумией фараона, а в соседних помещениях располагались его сокровища. Такой же огромный камень, спущенный вниз по наклонному ходу в склеп, закрывал дверь в коридор. Колодец, по которому поднимались люди, после того как замуровывались входы и выходы, засыпался землей и закладывался плитой, не отличающейся от соседних плит. Фараон вроде бы мог мирно

спать под стометровой громадой пирамиды, не доступный ни людям, ни демонам...

Но наиболее важной и страшной в глазах египтян должна была быть «психическая» защита священных мумий от грабителей могил. По их верованиям, мумии были окружены своего рода «ореолом неприкосновенности» (уже в наши дни «пирамидоманы» — «знатоки-любители» тайн и секретов Древнего Египта — назовут его «поясом излучения», способным отбросить и даже убить осквернителей могил). Кроме того, умершие якобы защищены и «материальной» поддержкой. Это были статуэтки, ритуальные предметы и даже ларвы, т. е. злые духи умерших, не находящие себе покоя после смерти и призванные будто бы вызывать ужасные галлюцинации у тех, кто без разрешения проникает в гробницу. Далее, завершая похоронный обряд, жрецы как бы обращались к «инфернальным» (адским) божествам, настоящим вампирам астрального мира, прося их взять под свою опеку умершего и нести возле его «тени» несусыпный караул. Кстати говоря, эта «психическая» защита, которая могла действовать лишь на древних египтян, уже в наши дни, в XX веке, послужила основой легенды о знаменитом «проклятии фараона» (в связи с открытием гробницы Тутанхамона и смертью некоторых из ее исследователей). О нем много писали в 20—30-х годах нашего века.

Увы, от грабителей могил не спасали ни страшные заклятия, ни охранные надписи, обрекающие воров на муки в загробном мире, ни каменные глыбы, ни запутанные лабиринты подземелий,

ямы, которые внезапно разверзались, если тронуть какой-нибудь специальный «рычажный камень», или же плиты, вдруг обрушивающиеся на головы незадачливых грабителей, когда приходил в действие другой механизм. Археологов ждали пустые залы, гулкие коридоры, развороченные саркофаги... По свидетельству самих египтян, датируемому XXI веком до н. э., многие из пирамид стояли совершенно пустыми и заброшенными еще в глубокой древности.

«Работа» грабителей усыпальниц фараонов была очень тяжелой. Ведь им приходилось пробиваться сквозь толщу каменной громады, а это нелегкое дело даже для наших современников, вооруженных новейшей техникой. К тому же они работали тайно, по ночам, вынося землю и щебень мешками и корзинами, чтобы никто не обнаружил подкопа.

Фараоны не раз пытались перехитрить грабителей, но все было напрасно — ничто не могло спасти их усыпальницы от разграбления...

3. ХАЛИФ-КЛАДОИСКАТЕЛЬ

О несметных сокровищах и богатейших кладях египетских пирамид, а также об их ограблении красочно повествуют арабские сказания.

Вспомним хотя бы сюжет известной сказки об Аладдине и его сокровищах или об Али-Бабе и его волшебной пещере, охраняемых древними магическими заклятиями: «Внутри западной пирамиды тридцать кладовых из разноцветного камня, наполненных дорогими камнями, обильными богатствами, диковинными изображениями и роскошным оружием, которое смазано жиром, приготовленным с мудростью... И там же есть стекло, которое свертывается и не ломается, и разные смешанные зелья, и целебные воды. А во второй пирамиде — рассказы о волхвах, написанные на досках из кремня — для каждого волхва доска из досок мудрости, — и начертаны на этой доске его диковинные дела и поступки, а на стенах изображения людей, словно идолы, которые исполняют руками все ремесла».

В таких выражениях арабские сказания «Тысячи и одной ночи» повествуют о сокровищах египетских пирамид. И в них — не только сохранившиеся предания местных египтян, с богатым фольклором которых арабы познакомились во время завоевания Египта, но и посещение самими арабами гробниц фараонов с их волнующим содержанием. А Аладдин, и Али-Баба, и другие герои арабских сказаний могли сами побывать в сказочных пещерах-пирамидах и подземельях, где комнат с сокровищами столько же, как уста-

новили исследователи, сколько потаенных камер в настоящей древнеегипетской пирамиде, а количество ступеней, ведущих к ним, — ровно столько, сколько ступеней у тайных ходов пирамид, проложенных к сердцу усыпальницы.

Пожалуй, это самое наглядное свидетельство того, что вновь пришедшие завоеватели не раз взламывали гробницы и хорошо изучили конструкции усыпальниц в период арабского средневековья.

Однако об ограблении древних усыпальниц пришельцами-арабами сообщается не только в легендах и сказаниях. Об этом рассказывают и исторические хроники. Например, арабские летописи приписывают роль «казначая» фараоновых сокровищ халифу ал-Маамуну, сыну легендарного арабского халифа Харуна ар-Рашида. Якобы в правление его отца-оригинала сильно пооскудела государственная казна в Багдаде, и он давно уже прислушивался к советам придворных звездочетов и знатоков истории, что не грех бы попытаться счастья в Египте, в царских усыпальницах. Там, мол, рубины величиной с куриное яйцо, изумрудам нет числа, редкие карты мира и неведомые звездные таблицы древних астрологов, сосуды из небьющегося стекла, оружие из нержавеющей металлов, а золота... Золотом будто бы выложены длинные коридоры и стены царских посмертных покоев.

Разве могло быть иначе, если даже «отец истории», Геродот, с трудом которого хорошо были знакомы самые просвещенные из «правоверных», писал, что только «десять лет продолжалось стро-

ительство... дороги и подземных покоев на холме, где стоят пирамиды», а само ее строительство заняло будто бы двадцать трудных и тяжелых в истории Египта лет. И еще писал Геродот, будто бы «в этих покаях Хеопс устроил свою усыпальницу на острове, проведя на гору нильский канал». Разве не поистине царские сокровища, достойные такой великой пирамиды, должны были таиться в ее кладовых, на подземном острове среди черного мрака озера, никогда не видевшего света солнца и блеска звезд?

Помог случай. В подвластном ал-Маамуну Египте в IX веке вдруг вспыхнуло восстание, и халиф с огромной армией выступил из Багдада. Усмирив голодных феллахов, срубив головы непокорным правителям, он затем обратил взоры на гороподобные усыпальницы в Гизе и приказал пробить ход внутрь величественной пирамиды Хеопса, Ахет-Хуфу. «Огнем и уксусом», как с гордостью или горечью писали разные летописцы, сразился юный халиф с известняком пирамиды, пробивая внутрь нее штольню, и победил...

Вот каковы дальнейшие приключения ал-Маамуна в древней Стране Пирамид. Не зная о существующем входе в Большую Пирамиду, о котором столько раз писали античные историки и о котором, надо полагать, знали местные жители, его отряд «камнеломов» пробил внутрь пирамиды штольню длиной в тридцать с лишним метров. Неожиданно кирка одного из воинов провалилась в пустоту, откуда повеяло «пылью столетий и духом вечности». Это был узкий коридор, чуть более одного метра ширины и примерно такой же

высоты. Исследователи назовут его потом «нисходящим коридором»...

Под углом в 26 градусов он уходил на 183 метра в глубь Хеопса, если считать от вершины пирамиды. С трудом преодолев около 40 метров, которые проходили под основанием пирамиды, в крошечной темноте и тесноте, воины халифа вошли в грубо высеченный в скале под основанием пирамиды зал. Факелы выхватывали из темноты испуганные и разочарованные лица взломщиков — каменная комната, видимо, самая глубокая в пирамиде, была абсолютно пустой. По обломкам, валявшимся на полу, воины поняли, что их опередили — здесь уже когда-то побывали грабители. Отряд повернул назад, внимательно осматривая стены коридора, которым они пришли сюда...

Неожиданно кто-то, ощупывая каменные блоки, обнаружил, что один из камней был сдвинут с места. Здесь и нашли гранитную плиту, прикрывающую вход в еще какой-то коридор, ведущий, видимо, наверх. Но эту плиту, как и две, подобные ей, с места сдвинуть не удалось, о чем незамедлительно было доложено халифу, ожидающему известий в роскошном шатре под сенью пирамиды.

Ал-Маамун, чье разыгравшееся воображение уже рисовало груды золота и драгоценных камней, приказал пробивать новый туннель, в обход гранитных преград, на которые не действовали даже «огонь и уксус». Наконец отряд прорвался в «восходящий коридор», еще более узкий и тесный. Проползя на четвереньках 45 метров, воины попали в «горизонтальный коридор» длиной 36

метров, который привел их в еще один зал, намного больший нижней комнаты (исследователи XIX века назовут его «камерой царицы»). Комната в глубине пирамиды тоже была пуста...

Разочарованные и испуганные — страшил гнев обманувшегося владыки, — они повернули назад, с надеждой ощупывая стены. И снова удача! На месте пересечения «восходящего» и «горизонтального» коридоров воины обнаружили выемку на потолке: так они попали в просторную галерею, которую сегодня называют «большой». Действительно, она была на редкость просторной, по сравнению с теми, которые приходилось преодолевать кладоискателям, — около 9 метров в высоту. Теперь-то уж наверняка они идут по пути сокровищ фараона. Напряжение нарастало...

Галерея под углом в 30 градусов вела куда-то вверх; по сторонам из темноты проступали невесты для чего сделанные большие ниши и узкие щелястые скаты. Разумеется, для того, подумали воины, чтобы носильщики фараоновых сокровищ могли заходить туда, давая дорогу своим товарищам, таскавшим внутрь пирамиды бесценные грузы...

Скользя и падая на гладких камнях покатога пола, воины устремились вперед. Каждый хотел первым взглянуть на то, что все так жадно искали. Халиф наверняка щедро вознаградит человека, первым увидевшего сокровища и сообщившего ему радостную новость...

Поднявшись на 46 метров, воины чуть не споткнулись о высокий порог и увидели решетку, которая отделяла некое подобие вестибюля от самой

большой комнаты пирамиды — «камеры царя», как ее потом назвали археологи. За решеткой из мрака проступила просторная, четких пропорций и линий комната, облицованная полированными гранитными блоками. В глубине ее возвышался огромный гранитный саркофаг...

Сведения, дошедшие до нас, противоречивы: одни летописцы сообщают, что нашли будто бы изумрудный бассейн с золотыми монетами (однако изумрудные бассейны не были известны в Древнем Египте, как не было там и золотых монет — их впервые начал чеканить только в VII веке до н. э. лидийский царь Крез). Будто бы принесли халифу-кладоискателю рубины величиной с куриное яйцо (но этих самоцветов не знали в древности), а затем и золотой саркофаг с богато украшенной мумией (это уже близко к истине). Некоторые же авторы сообщали, что халифу-взломщику достался только пустой саркофаг без крышки и ни грамма драгоценностей.

И есть все основания верить именно этим летописцам: скорее всего, и впрямь ал-Маамун, первым смело и не таясь «распечатавший» эту великую гробницу мира, ничего не нашел в ней. Ведь, как известно, практически все пирамиды Египта были ограблены еще к началу XVIII династии, т. е. примерно к 1570 году до н. э. А о том, что есть вход в Ахет-Хуфу, было известно за много столетий до жадного сына знаменитого халифа, героя арабских сказаний. Вход этот находился на северной стороне пирамиды, на высоте 14 метров от ее подножия. В наши дни он открыт и его показывают туристам, но во времена фараонов его скрывал ог-

ромный треугольный камень, насаженный на шип и потому легко поворачивающийся на своей оси. Белая отполированная поверхность камня, как писали античные авторы, сливалась с полированными плитами наружной облицовки, что делало «дверь» совершенно незаметной.

Геродот, побывавший в Египте в IV веке до н. э., сообщал, что вход этот в его время был еще закрыт и замаскирован прекрасной облицовкой из полированных плит. Историк Страбон, посетивший страну фараонов около пяти столетий спустя, довольно подробно описывал ход, ведущий в пирамиду. «На боку пирамиды, на небольшой высоте, есть камень, который можно отодвинуть; если приподнять этот камень, открывается извилистый ход, ведущий к могиле», — писал он в своей «Географии». Можно подумать, что сам Страбон прошел темными галереями по следам некогда процветавшей пышной погребальной процессии, настолько хорошо он был осведомлен об устройстве Большой Пирамиды.

Выходит, что нетерпеливый халиф ломился в «открытую дверь», — опроси он поподробнее местных жителей (правда, с ними он основательно испортил отношения), и ему рассказали бы, как без помощи «огня и уксуса» проникнуть внутрь знаменитой усыпальницы. Так неудачно закончились приключения обманувшегося ал-Маамуна в Стране Пирамид, собиравшегося, как говорят некоторые арабские историки, в гневе разобрать по камешкам все египетские пирамиды, чтобы в конце концов где-нибудь да и найти потаенные сокровища фараонов.

4. ДОЛИНА ЦАРЕЙ

О том, как «исследовались» в Египте памятники старины в эпоху колониальных захватов, рассказывает Эрих Церен в книге «Библейские холмы».

Он пишет, что в начале XIX века в долине Нила в поте лица трудился крупный международный вор от археологии — итальянец Бельцони. Он работал на английского консула в Каире Солта, конкурируя со своим «коллегой» Дроветти, в свою очередь грабившим пирамиды Египта по поручению французского консула. За пять лет Бельцони сделал невозможное, собирая древние памятники везде, где только ему удавалось их обнаружить: начиная от маленького амулета — скарабея и кончая знаменитым 25-метровым «обелиском Клеопатры» и гигантской головой поющего «колосса Мемнона», привезенными им в Британский музей. У Бельцони, по словам Э. Церена, напрочь отсутствовало всякое уважение к произведениям древнего искусства и к надгробным памятникам. Например, он, как и ал-Маамун, использовал таран, чтобы крушить в Долине Царей стены древних пирамид. Таким путем ему удалось из гробницы фараона Сети I вытащить прекрасный алебастровый саркофаг, который ныне украшает Британский музей. Бельцони присваивал все уникальные египетские древности, казавшиеся ему интересными и ценными, которые могли бы заинтересовать европейские музеи. Он не останавливался, если их даже приходилось добывать с оружием в руках. Поистине это была жизнь разбой-

ника, возможная на берегах Нила лишь в начале XIX века...

А несколько позже, в 1837 году, другой предприимчивый «исследователь» открывал последние неизвестные детали устройства Большой Пирамиды. Это был знаменитый богач, сын английского фельдмаршала Ричард Говард-Визе. Над «камерой царя», которая так разочаровала в свое время воинов ал-Маамуна, после долгих веков мрака первым (не считая древних грабителей могил) исследовавшим Великую Пирамиду, он обнаружил три загадочные пустоты и вентиляционный канал, создававший в усыпальнице с саркофагом постоянную температуру. Найденные в пустотах надписи еще раз подтвердили, что пирамида строилась Хеопсом, а назначение самих пустот сводилось к тому, чтобы снять огромную нагрузку на «камеру царя». Все ничего, но нетерпеливый и безответственный кладоискатель исследовал пирамиду с помощью динамита.

5. ЗАГАДОЧНЫЙ ТАЙНИК С МУМИЯМИ ФАРАОНОВ

...Лабиринты, лестницы, ловушки, шахты, передвигающиеся полы и крыши, каменные пробки не могли сохранить священные могилы. В эпоху Рамзесидов XIX—XXI династий грабители стали действовать настолько дерзко, что проникали даже в святая святых — Долину Царей (именно об этом рассказывает папирус Амхерста-Капара). В это же время стража нередко вступала в сговор с преступниками и делила с ними добычу, указывая наиболее короткий путь к цели.

И вот в X—XI веках до н. э. царь-жрец Херихор, уже ни на что не надеясь, приказывает обойти царские усыпальницы, собрать драгоценные мумии и спрятать их в засекреченный тайник у храма Дейр-эль-Бахри. Государственная власть и некогда всесильное жречество уже не в состоянии были защитить священные мумии от ненасытной алчности грабителей могил, не верящих ни в Бога, ни в черта... Многие из уцелевших фараонов вынуждены были сменить адрес — под покровом ночи верные жрецы, предводительствуемые Принцем Запада, доставили их мумии из Долины Царей в специальный тайник, вырубленный в скалах на глубине более 9 метров. Вход в шахту опечатали и старательно замаскировали от чужих глаз. Теперь уже сами жрецы действовали подобно своим противникам — тихо, тайно, под покровом ночи...

Трудно сказать, клялись ли они вечно хранить

священную тайну, но, как показали открытия нового времени, они крепко держали язык за зубами, потому что перенесенные ими мумии — а всего было перепрятано 37 саркофагов — пролежали нетронутыми около 3000 лет. А может быть, этих жрецов умертвили, дав им испить яду, чтобы о тайне знали лишь один-два человека в государстве.

Только в 1881 году ученые открыли загадочный тайник с мумиями фараонов, за несколько лет до этого обнаруженный местными кладоискателями, грабителями могил конца XIX века. Вот как это произошло.

...Летом 1881 года на квартиру к одному немецкому египтологу явился богатый американец. Незнакомец расселся в кресле и, вынимая из портфеля свиток папируса, сказал:

— Мне говорили, что вы умеете читать египетские тексты, вот я и решил обратиться к вам с просьбой оценить этот документ. Я заплатил за него довольно крупную сумму...

Профессор внимательно посмотрел на папирус и углубился в египетский текст. По мере чтения на его лице появлялось все большее и большее изумление. С едва сдерживаемым волнением он спросил:

— Где вы это приобрели?

— Где я купил? Неужели это очень ценный папирус?

— Этот текст принадлежал фараону, гробница которого в Долине Царей пуста с незапамятных времен. Подобные свитки, как правило, вкладывались в саркофаги фараонов; отсюда можно сде-

лать вывод, что мумия этого царя не была уничтожена и хранится в совершенно ином месте. Вы, вероятно, понимаете, как важно для науки установить происхождение этого папируса.

— Я и не думаю скрывать, — ответил с улыбкой американец. — В Каир я приехал с намерением пополнить свои коллекции древними вещами. Зная, что это запрещено, я встречался с арабскими торговцами только ночью. Однажды какой-то араб огромного роста пригласил меня в заднюю комнату лавки и предложил этот папирус, заломив страшную цену. Мы долго торговались, наконец я заплатил деньги и тут же выехал из Египта, чтобы меня не выследили и не отобрали добычу.

Немецкий египтолог написал об этом происшествии в Каир. Директор Египетского музея профессор Гастон Масперо, узнав, что выкраден ценный манускрипт, буквально рвал и метал. В последние годы за границу было вывезено добрых полтора десятка исключительно важных документов и памятников египетского прикладного искусства, а все расследования не дали никакого результата, кроме информации, что торгует ими какой-то араб, о котором только и знали, что он огромного роста.

Полиция оказалась совершенно бессильной, и поэтому директор решил взять дело в свои руки. Задание обнаружить великана в чалме он поручил молодому ассистенту Эмилю Бругшу, который даже руки потирал, радуясь предстоящей роли детектива-любителя.

Поиски он начал с того, что выехал в Луксор и

остановился в отеле, распустив слух, что он — американец, скупающий античные памятники. Днем и ночью он бродил по закоулкам города, время от времени покупая за большие деньги какие-то предметы. Сначала арабы пытались ему подsunуть дешевые подделки, но молодой иностранец с одного взгляда узнавал фальсификаты и презрительно их отшвыривал. После этого они прониклись к нему уважением, убедившись, что имеют дело со знатоком, а не с наивным туристом.

Как-то раз ассистент проходил на базаре мимо одной из бесчисленных лавчонок. Седобородый араб, сидящий на пороге, кивнул ему головой и, проводив в заднюю комнату, предложил купить маленькую статуэтку из камня. При виде статуэтки Бругш едва не вскрикнул. По стилю он сразу определил, что видит перед собой скульптуру, насчитывающую по меньшей мере 3000 лет. Торгуясь, он вертел статуэтку в руках и, заметив вырезанные на ней иероглифы, пришел к выводу, что она найдена в гробнице одного из фараонов XXI династии. Но эта гробница в Долине Царей уже очень давно пустовала. Откуда же взялась скульптура? Мнимый американец с показным безразличием купил статуэтку и дал арабу понять, что ищет также и другие образцы египетского искусства.

Через несколько часов после этого разговора к нему в отель явился араб по фамилии Абд ал-Расул из деревни Ал Гурнак и предложил различные предметы, относящиеся к периоду господства той же самой династии. Принесенный товар моло-

дой ученый оглядел небрежно, зато как зачарованный впился взглядом в пришельца, бородатого мужчину огромного роста. Сомнений не было, он встретился, наконец, лицом к лицу с тем легендарным торговцем, который, выскальзывая как призрак из ловушек, вот уже несколько лет трепал нервы полиции и археологам. Он приказал арестовать араба и отправить его в тюрьму.

Однако следствие, проводимое египетскими властями, не давало никаких результатов. Бедняга ото всего отпирался, хотя, согласно бесчеловечной методе тогдашней египетской полиции, его ступни секли розгами. Родственники, а также другие жители деревни, вызванные в качестве свидетелей, клялись Аллахом, уверяя, что Абд ал-Расул — честнейший человек и он никогда не запятнал бы себя запрещенной торговлей древностями. Следствие застряло на мертвой точке, и арестованного пришлось выпустить на свободу.

Но через несколько дней виновник — о диво! — пришел и сознался, что он и есть тот самый торговец, которого разыскивали. Что же произошло?

Абд ал-Расул был членом шайки, в которую входили его братья и несколько дальних родственников. По договоренности он получал пятую часть доходов от нелегальной торговли. Но, вернувшись из тюрьмы, в награду за то, что, несмотря на пытки, он никого не выдал, Абд ал-Расул потребовал себе половину всех доходов. Произошла страшная ссора и даже драка. Отказ разозлил его до такой степени, что, желая отомстить своим компаньонам, он побежал в полицию.

Директор Египетского музея Масперо находился тогда в Париже, поэтому вызвали его ассистента, которого больше всего интересовал таинственный источник появляющихся на рынке древностей. Абд ал-Расул рассказал буквально фантастическую историю своего открытия.

Однажды в сопровождении брата Магомета и деревенского знакомого он отправился к небольшой долине, лежащей рядом с Долиной Царей и отделенной от нее грядой холмов. Здесь они совершенно неожиданно наткнулись на открытую шахту, вертикально прорубленную в скале. Абд ал-Расул спустился на веревке вниз, но вскоре приказал вытащить себя назад и с ужасом в глазах стал вопить:

— Африт! Там, внизу, сидит Африт!

«Африт» по-арабски значит «злой дух», поэтому все трое бросились бежать. Вечером Абд ал-Расул признался брату, что история с Афритом была хитростью, он ее выдумал, желая напугать знакомого, чтобы утаить от него свое открытие. Назавтра оба брата спустились в подземную галерею, где в мерцающем свете факела им представилось необычайное зрелище. В пещере стоял длинный ряд деревянных саркофагов. Поднимая крышки, братья убедились, что они содержат хорошо сохранившиеся мумии. По знаку на лбу можно было догадаться, что это останки фараонов. Братья знали, что должны сообщить о своем открытии в департамент античности, но предпочли умолчать и получить за найденные сокровища возможно больше. Об извлечении всех драгоценностей одновременно нельзя было и думать:

появление на рынке стольких древностей наверняка бы вызвало подозрение властей.

Поэтому они решили привлечь к этому делу родичей и некоторых знакомых, чтобы эксплуатировать гробницу постепенно. Таким путем они обеспечили бы себе доход на всю жизнь.

Ассистент музея Эмиль Бругш немедленно отправился в указанную долину и спустился на дно шахты.

«Я не был уверен, — пишет он в своих воспоминаниях, — был это сон или явь. Взглянув на один из саркофагов, я прочел на крышке имя царя Сети I, отца Рамзеса II. В нескольких шагах от него с руками, сложенными на груди, в скромном саркофаге покоился Рамзес II. Чем дальше я продвигался в глубь галереи, тем больше встречал сокровищ. Здесь Аменхотеп I, там — Ахмес, три фараона по имени Тутмес, царица Ахмес Нефертити — всего 37 саркофагов с хорошо сохранившимися мумиями царей, цариц, князей и княгинь».

Некоторые саркофаги были еще запечатаны, другие стояли открытыми, их уже ограбили. Между гробами в беспорядке валялось огромное количество таких предметов, как вазы, ларцы и украшения, которыми снабжались умершие для загробного путешествия. На некоторых черепах еще держалась кожа и волосы, тут и там в раскрытых ртах виднелись хорошо сохранившиеся зубы. Особенно сильное впечатление производил Рамзес II, умерший в возрасте 90 лет. В черепе фараона Секенри зияла огромная дыра от смертельного удара, полученного им во время вторже-

ния азиатов. Нередко можно было заметить близкое родство фараонов. Так, к примеру, по чертам лица ясно видно, что Рамзес II был сыном Сети.

Складывая мумии в тайник, жрецы, как в музее, не забыли оставить на каждой из них таблетку с именем и указанием, где она была захоронена прежде (выяснилось, например, что Рамзес III трижды путешествовал с места на место).

Найденные мумии было решено перенести в Египетский музей в Каире и разместить их в отдельном зале (их можно там осматривать только по специальному разрешению). Мумии погрузили на суда и переправили в низовье Нила.

Известие о необычайном открытии разнеслось по Египту с быстротой молнии. Как только флотилия судов приближалась к какой-либо прибрежной деревне, все население выходило к реке и вело себя так, словно прощалось с кем-то очень себе близким. Согласно египетским похоронным обычаям, мужчины время от времени салютовали из своих ружей, а женщины душераздирающе вопили и в порыве скорби рвали на себе волосы.

А спустя 17 лет, в 1898 году, в гробнице Аменхотепа II, тоже ограбленной в древности, посчастливилось найти еще тринадцать мумий фараонов и их ближайших родственников.

(Зенон Косидовский. Когда солнце было богом. — М.: Наука, 1991)

6. ТАИНСТВЕННЫЕ СФИНКСЫ

Как же поступали во времена древнего Египта с пойманными грабителями могил? Какова была судьба рабочих, ремесленников и художников, которые, будучи изолированными, в строжайшей тайне должны были строить гробницу своему фараону, сооружать ходы, колонны, саркофаги, украшать стены и создавать художественные рельефы? Точно нам это неизвестно. Но чем больше фараоны опасались за свои гробницы, тем с большим рвением старались они избавиться от людей, хорошо знакомых с подземными ходами и архитектурой скальных гробниц, тайна которых тщательно охранялась.

Не использовали ли на таких работах преимущественно пленных или рабов и не убивали ли их после окончания постройки?

На такие вопросы в состоянии, может быть, ответить открытие, сделанное в 1943 году. В зарытом под землей сундуке нашли папирус, который содержал секретный текст. В нем речь шла о шести таинственных рабах-сфинксах.

Но только в 1952 году удалось сделать новое открытие, после которого содержание этого папируса стало более понятным. Однажды торговый караван в пустыне Южной Нубии застигла страшная песчаная буря. Он нашел себе защиту в тени близлежащих гор, где погонщики обнаружили каменную человеческую голову, которая выглядывала из песчаной дюны. В тени этого громадного древнего монумента из красного песчаника караван укрывался до тех пор, пока буря не утихла.

Вернувшись к Нилу, проводник каравана сообщил в египетскую Службу древностей об этой находке, обозначив точное местонахождение статуи 20-метровой высоты и 80-метровой длины. Экспедиция египетских археологов раскрыла неожиданную тайну этого сфинкса: громадная фигура оказалась полой. Внутри нее находилось несколько помещений. Проникнуть в этот высоченный 20-метровый колосс можно было только поднявшись на высоту около 15 метров по каменной лестнице.

Перед глазами ученых возникла страшная картина. С потолка свисали кожаные ремни, в узлах которых сохранились останки человеческих ног. Пол покрыт сотнями человеческих черепов и различными костями.

Очевидно, этот колосс с телом льва и человеческой головой издавна был местом казни. Приговоренных к смерти подвешивали за ноги и выдерживали так до тех пор, пока распадавшееся тело не обрушивалось на пол.

Вешали ли здесь грабителей?

Или это были рабочие, сооружавшие гробницы фараонов, тайну которых они должны сохранить ценой своей жизни?

А может быть, те и другие?

С тех пор нашли еще пять таких сфинксов. И все они были местом казни.

Может быть, однако, преждевременно говорить о них как о местах казни. Вполне возможно, что здесь совершались человеческие жертвоприношения. А может быть, одно связано с другим: создатели гробниц фараонов после окончания своей работы приносились в жертву богам.

Подвешенные вниз головой на кожаных ремнях — так кончали они свою жизнь в священном чреве колосса-сфинкса, чтобы поспешить в потусторонний мир и достойно принять там своего фараона.

Не случайно образ египетского сфинкса в европейской литературе получил такие зловеще таинственные и загадочные черты еще до открытия страшной роли и назначения этих статуй...

7. КАК ПРЯТАЛИ СВОИ СОКРОВИЩА ВЕЛИКИЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ

Вряд ли знали великие правители и грозные полководцы древности и средневековья об опыте египетских фараонов по сокрытию своих сокровищ, иначе пирамиды перестали бы быть уникальным явлением в истории, одним из подлинных чудес света. Чего только не было придумано владыками для того, чтобы сохранить свои сокровища и свои могилы от разграбления в угоду древнему представлению — на «тот свет» без золота попасть нельзя. И надо заметить, что многие из них превзошли хитростью, оригинальностью и... простотой приемов утаения даже кичливых египтян, почитавших себя в древности самыми умнейшими из умных на земле, как пишет о них Геродот.

Барвары, к которым с презрением относились соседние «просвещенные» и «цивилизованные» народы, во многих случаях шли по другому пути. Нет, они тоже создавали громоздкие и труднодоступные, но все же заметные погребальные сооружения — земляные и каменные курганы, подобные пирамидам, как это было у скифов, саков, тюрков и других. Но порой они старались утаить место самого погребения, малейшие его следы, и уничтожить свидетелей и участников его сооружения.

...В 410 году в Калабрии, в Италии, умер король готов — Аларих. Много золота, драгоценных камней, изукрашенного оружия и утвари, награб-

ленных по всей Европе, от Крыма до Италии, было положено с ним в могилу. Спустя века в народных немецких песнях и балладах сохранились предания о сокровищах готских владык:

Готы бочонками меряют золото,
Камни-сокровища в игры идут.
Прялки из золота, блюда из золота,
Свиньи — и те на серебряном жрут...

Зная о грабителях могил, готы постарались сделать абсолютно недоступным самое место захоронения своего усопшего предводителя. Вероятно, совершенно самостоятельно они изобрели в то время более оригинальный способ, чтобы навечно утаить сокровища: для этого готы перегородили реку плотиной, а когда русло обнажилось, вырыли на дне реки огромную усыпальницу. Потом, опустив в могилу золотой гроб и все сокровища, совершив положенный ритуал, они разрушили плотину, и река вернулась в прежнее русло. Не довольствуясь этим, они в ту же ночь перебили всех, кто знал, в каком месте реки находится могила вождя. Это была, надо сказать, поистине кровавая жертва в честь умершего воителя... До сих пор ни рука грабителя, ни заступ археолога не коснулись сокровищ Алариха — многометровый слой воды и быстрое течение стали самыми надежными стражами погребения. Никто даже не знает точно, где находится его могила (известен лишь город — Козенца).

...В начале IV века на Западную Европу обрушились дикие орды гуннов, вырвавшиеся откуда-

то из глубин Центральной Азии. Смерть и разорение приходили в страны, куда вторгались на своих низкорослых конях эти коренастые, безбородые, похожие на скопцов всадники. По словам летописца, гунны «благодаря своей неудержимой жажде золота» собрали огромную добычу.

В 453 году умер вождь гуннов, Аттила, наводивший ужас на всю Европу и прозванный здесь «Бичом Божьим». Тело его было помещено в золотой гроб, золотой — в серебряный, серебряный — в железный. Весь этот тройной саркофаг вместе с несметными сокровищами затем был предан земле и похоронен по готто-гуннскому образцу. Гунны устроили кровавую тризну: для того, чтобы сохранить в тайне место погребения вождя, они перебили всех, кто участвовал в похоронах. Могила его в Паннонии так и осталась найденной, несмотря на многочисленные попытки ее отыскать...

Иной вариант захоронения предложен другими завоевателями — монголами. Когда умер Чингисхан, тело его было предано земле среди бескрайней степи. Место, где лежал кровавый воитель, не отмечено ни единым кустиком, ни деревцем. Но даже этого показалось мало, и вот, чтобы скрыть малейшие следы, через степь прогнали гигантский табун лошадей в десять тысяч голов. Могила Чингисхана не найдена до сих пор...

8. КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВО В ЕВРОПЕ

В Европе в эпоху Возрождения увлечение античностью охватило широкие круги общества, и это помогло пышным цветом расцвести кладоискательству и поискам предметов старины. Впоследствии из этого и выросла наука — археология.

Впрочем, до научных методов открытия и исследования памятников было еще далеко. Проблема кладов в то время стала объектом острой полемики среди ученых-юристов. В конце концов было решено, что, если сокровище обнаружено благодаря помощи «доброго духа», нашедший имеет право оставить его у себя. Если же путь к кладу указал «злой дух», ясно, что делалось это в обмен на какие-то богопротивные услуги. Какие именно — надлежало расследовать со всей строгостью. В этом случае судьбу того, кто нашел сокровище, решал уголовный суд, а сам клад конфисковывался в пользу государства. Спорным оставался вопрос, как точно определить, злой или добрый дух помогал кладоискателю. Тем более что многие клады считались заговоренными. Они не давались в руки, если человек не знал тайного ключа к ним.

Так появились различные руководства к поискам кладов — рукописи, не менее ценные, чем сами сокровища, которые предстояло найти с их помощью.

В XVII веке несколько дукатов считались большими деньгами, на которые можно было купить целое имение. А уж восемь тысяч дукатов — сумма просто фантастическая по тем временам! И,

тем не менее, именно столько заплатил один человек, чтобы стать обладателем редкой книги. Возможно, поступок этот станет нам понятнее, если мы узнаем, как назывался этот фолиант: «Книга чудес, написанная доктором Иоганном Фаустом, или Черный ворон, или Тройная сила над Адом, посредством которой я мог заставить духов доставлять мне все, чего я пожелаю, будь то золото или серебро, большие или малые клады».

Каждый, через чьи руки проходила эта рукопись, готов был заплатить и платил за нее любые деньги. Многие дни в предвкушении удачи он разбирал тайные знаки и скрытые намеки, разбросанные по пергаментным страницам, пережив всю гамму настроений — от надежды до разочарования, пока не начинало закрадываться в душу сомнение...

И тогда новый претендент, готовый стать счастливым обладателем тайной книги, выставлял на столе столбиком золотые монеты, а прежний обладатель начинал вдруг мучительно колебаться — не упускает ли он из рук удачу и счастье?..

ГЛАВА 2. КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВО В НОВОМ СВЕТЕ

*Но однажды пред ним
Вдруг предстал пилигрим —
Путник в белом, нездешнем наряде.
«Странник! — рыцарь сказал.
— Ты нигде не встречал
Золотую страну Эльдорадо?»
И услышал в ответ:
«За вершинами лет,
Там, в Долине Теней, ждет награда
Тех, кто вечно в пути,
Кто задумал найти
Золотую страну Эльдорадо».*

Эдгар По

А теперь отправимся из Старого в Новый Свет и посмотрим, как развивалось кладоискательство на американском континенте.

Начало ему здесь было положено европейцами, вернее, первыми из них — испанцами, ставшими охотниками за сокровищами покоренных народов Америки.

1. ВСЕ НАЧАЛОСЬ С КОЛУМБА

Открытие и завоевание стран Нового Света — одна из наиболее трагичных и кровавых страниц мировой истории.

В 1492 году Христофор Колумб открыл неизвестные земли — Багамские острова, Кубу и Эспаньолу, позже названную Санто-Доминго и затем переименованную в Гаити.

Вдохновенные рассказы Колумба и его спутников об изобилии золота и жемчуга в открытых ими странах воспламенили воображение разорившихся испанских дворян, купцов и разного рода искателей приключений. Многие из них подались в конкистадоры.

Конкистадоры (буквально «завоеватели») — так назывались испанские дворяне, получившие разрешение от правительства на захват заморских территорий во имя испанской короны с обязательством делиться добычей с казной. Чаще всего конкистадорами становились разорившиеся идальго, стремившиеся разбогатеть за счет жестокого грабежа «туземцев», которых они затем обращали в христианство. Современник эпохи завоевания епископ В. Лас-Касас так охарактеризовал испанских конкистадоров: «Они шли с крестом в руке и ненасытной жаждой золота в сердце».

В 1495 году испанское правительство нарушило договор с Колумбом и разрешило всем кастильским подданным переселяться в заморские земли с обязательством неукоснительно пополнять королевскую казну двумя третями добытых сокровищ.

Закованные в латы, изрыгающие огонь из кремневых ружей, восседающие на лошадях, до толе неведомых в Новом Свете, испанцы внушали панический ужас аборигенам, нещадно грабили коренных жителей Америки, истребляя их десятками и сотнями тысяч.

На американском материке — в Мексике, Панамае, Перу и Чили завоеватели обнаружили баснословно богатые залежи золота и серебра. Здесь взорам нищих идалго явились такие сокровища, которые им даже и не снились. Например, когда Кортес в 1519 году высадился в Вера-Крус, индейцы, помимо множества золотых и серебряных украшений, преподнесли ему в дар два золотых блюда величиной с колесо телеги...

Страсть к наживе заставила испанцев преодолеть неприступные горы, непроходимые джунгли и болота Центральной и Южной Америки. Они не останавливались ни перед чем. По своим масштабам эта золотая лихорадка превзошла все последующие — калифорнийскую лихорадку 1849 года, австралийскую — 1852, трансваальскую — 1885 и клондайкскую — 1896 года.

2. В ПОИСКАХ ЛЕГЕНДАРНОГО ЭЛЬДОРАДО

Испанские конкистадоры Эрнандо Кортес и Франсиско Писарро захватили баснословные богатства, сокрушив государство ацтеков в Мексике и империю инков в Южной Америке. О том же мечтают и другие конкистадоры: разве сокровищами инков и ацтеков исчерпано золото Нового Света? Во многих районах тропической Америки испанцы слышат рассказы о «золотом человеке», правящем сказочно богатой страной. Каждое утро этот человек «пудрит» свое тело золотым песком и каждый вечер погружается в воды священного озера, чтобы смыть золотую «пудру» и смолу, благодаря которой она держится на теле. При этом в воду бросают и другие драгоценные дары. Да и само дно озера выложено золотыми плитами попеременно с изумрудами.

Понятно, как разгорелись аппетиты завоевателей. «Золотой» по-испански звучит как «эль-дорадо». Так конкистадоры стали называть легендарного «золотого человека», а затем и всю страну, которой он правил.

Вера в Эльдорадо была столь велика, что нашлись даже очевидцы, якобы сами посетившие эту страну и ее столицу, носящую то же название. Из джунглей частенько возвращались обезумевшие от болезней и голода неудачливые авантюристы из первых отрядов завоевателей континента. Они рассказывали, что главный город страны целиком построен из драгоценной яшмы, золо-

та и серебра, а жители волшебного города гибнут под тяжестью украшений и изумрудов величиной с куриное яйцо. Фанатики, вышедшие из леса, добавляли, что жители страны, напуганные нашествием иноземцев, начали прятать свое золото в тайники, ибо это был металл, посвященный Богу Солнца.

Эльдорадо очаровало и захватило воображение многих странствующих рыцарей, бродяг и авантюристов. В XVI, XVII, XVIII веках тысячи людей искали сказочные сокровища золотой страны. В ее поисках они прочесывали горы и джунгли Южной Америки, переносили неимоверные лишения, гибли от болезней, нездорового климата и отравленных стрел воинственных индейцев, но не нашли ни самой страны, ни ее столицы, города Эльдорадо. Лишь много лет спустя удалось приоткрыть завесу тайны, окружающей страну золота.

В Северо-Западных Андах, на территории нынешней республики Колумбия, с незапамятных времен жили племена индейцев, говорившие на языках чибча. Одно из этих племен, муиски, достигло высокой степени развития культуры. Ко времени испанского завоевания муиски создали несколько государств; самым главным из них была Богота (так называлась и столица этого государства, передавшая свое имя столице Колумбии).

Муиски, как и все индейцы чибча, поклонялись силам природы. Выше всего они почитали солнце и воду. А потому в их честь совершали торжественную церемонию. Верховный жрец, бывший и

повелителем страны, с ног до головы покрывался золотым песком и в лучах восходящего солнца погружался в воду священного озера, а затем в озеро бросали ожерелья, кольца, статуэтки, блюда, сделанные из чистого золота и украшенные изумрудами. Церемония устраивалась редко, при восшествии на престол очередного царя-жреца. Фантазия сделала эту церемонию ежедневной.

Обряд муисков и алчность любителей наживы и породили мифическую страну золота, Эльдorado.

3. СОКРОВИЩА «ПОЗОЛОЧЕННОГО ЧЕЛОВЕКА»

Однако озеро, куда муиски бросали свои драгоценные дары, — не выдумка. Этим озером является озеро Гуатавита, лежащее в кратере потухшего вулкана на западе Колумбии.

Государство чибча-муисков завоевал в XVI столетии испанский конкистадор Хименес де Кесада. Он первым узнал от индейцев, что на дно Гуатавиты бросали драгоценные золотые дары. И первым попробовал достать их со дна озера.

...В 1536 году молодой испанец Гонсало Хименес де Кесада возглавил экспедицию из 875 солдат, чтобы двинуться на поиски Эльдорадо. Его армия выглядела живописно и воинственно. Вождь был выряжен в черный вельветовый камзол, расшитый серебром; на его голове поблескивал стальной шлем. Офицеры щеголяли в роскошных одеяниях из пурпурного шелка и в широких шляпах, увенчанных заливчатскими султанами. Солдаты — громылы как на подбор — были закованы в железо.

Марш по джунглям Южной Америки, а потом через высокогорные перевалы Анд, однако, оказался им настоящим адом. Блестящее войско растаяло наполовину: солдаты умирали, болели и дезертировали. Павлиньи наряды вождя и офицеров превратились в лохмотья.

Через несколько месяцев у измученных конкистадоров появилась снова надежда. Одна из многочисленных стычек с индейцами принесла им до-

бычу в виде изумрудов и золотых украшений. Это разожгло аппетиты завоевателей и придало им сил. Но из 875 солдат к тому времени уже осталось только 200 жалких, недобитых вояк, которые походили на нищих.

На вершинах Анд, касающихся облаков, в современной Колумбии, дорогу им преградила армия индейцев из племени чибча-муисков. Битва была короткой, но отчаянной. Индейцы со своими копьями и пращами не могли одолеть испанцев, вооруженных аркебузами; конкистадоры одержали победу.

В стране чибча лежит озеро Гуатавита, обрамленное отвесными скалами. Испанцы разбили там лагерь и бросились грабить индейцев, отбирая у них все золото. Когда его больше не стало, завоеватели начали пытаться индейских вождей, требуя, чтобы они сказали, где спрятаны предполагаемые золотые сокровища. Но единственным ответом, который они получали от несчастных, подвергнутых пыткам, был жест, указывающий на глубины озера; именно там якобы находилось все золото племени.

Как-то утром под звуки флейт и барабанов к озеру с пением стала приближаться танцевальным шагом длинная процессия индейцев. В самом центре шествия несли паланкин, в котором восседал король племени.

На берегу короля высадили из паланкина, раздели догола, намазали смолами и густо обсыпали золотым порошком. Позолоченный человек, блестя на солнце, вошел в лодку, выплыл на середину озера и нырнул в воду.

Через некоторое время он появился на поверхности, уже смыв с себя золото, и вернулся на берег. Индейцы громкими возгласами приветствовали короля. И тут испанцы были ошеломлены: в конце обряда посыпался обильный дождь из различных золотых драгоценностей — ожерелий, диадем, браслетов, колец и брошей, добытых из тайников. Все эти сокровища пошли на дно озера.

В основе ритуала — как узнали испанцы через переводчика — лежала старая легенда индейцев чибча. Было это очень давно: король Сина посадил на кол любовника своей жены, а ее заставил есть его тело. Жена, обезумев, схватила дочку и бросилась в озеро, где с тех пор живет рядом с новым супругом — пернатым змеем.

Прошло много времени, но каждый год — так говорится в песне жрецов — короли племени чибча по традиции ныряют в озеро, чтобы жертвами из золота и изумрудов вымолить прощение за ужасный проступок своего предка.

Этот обычай существовал уже несколько столетий. Но удивительнее всего было то, что чибча не имели золотых россыпей. Золото они получали от соседей в обмен на картофель, кукурузу, фасоль и прежде всего — изумруды, которых было очень много в их горах. Изумруды индейцев чибча путем обмена доходили до народа кокле в Панаме и даже до Мексики, где в руки Кортеса попал прекрасный изумруд величиной с утиное яйцо.

В поисках сокровищ испанцы как-то раз зашли в селение Тунха, лежавшее на восток от озера Гу-

атавита. Они увидели там необычное зрелище. Над завалинками индейских хижин висели большие золотые листы, тонкие, как бумага. На ветру золото раскачивалось, издавая нежные звуки, напоминающие арфу.

Жрецы носили золотые серьги исключительно тонкой работы и диадемы, в которые были воткнуты разноцветные перья. Все жители украшали свои одежды изумрудами величиной с грецкий орех. С носов у них свисали огромные золотые украшения, закрывая губы и придавая их голосам странный металлический оттенок.

Два года шныряли конкистадоры по этой стране, грабя индейцев. По словам Хименеса Кесады, они собрали столько золота, что могли бы им заполнить большую комнату до самого потолка, кроме того, захватили 1185 очень ценных изумрудов.

В феврале 1539 года разнеслась весть, что приближается какая-то неизвестная испанская армия. Оказалось, что ею командует Себастьян де Беналькасар, бывалый конкистадор, сильный, отчаянный авантюрист, в жилах которого текла огненная мавританская кровь. В Анды его тоже заманила легенда об Эльдорадо.

Жизнь Беналькасара была полна приключений. Начал он ее погонщиком ослов. Однажды осел попал в трясину, и это так разозлило Беналькасара, что он убил его одним ударом кулака. Боясь наказания, он убежал в Кадис, где нанялся на корабль, отплывавший в Америку.

Бродя по Южной и Центральной Америке, он, в 1534 году, узнал от индейского пленника о «позо-

лоченном человеке» и немедленно пустился в путь, быстро собрав отряд отчаянных головорезов.

Две армии остановились одна против другой в полной боевой готовности. Стычка вот-вот уже должна была произойти на глазах индейцев, как вдруг, к их неописуемому удивлению, из джунглей показалась третья армия, состоявшая из испанских оборванцев на тощих, измученных лошадях.

Возглавлял это войско рыжебородый немец Николаус Федерман из города Ульма, агент тех, кто получил во владение от германского императора Венесуэлу. Прослышав о золоте племени чибча, Федерман двинулся во главе отряда из 400 солдат на запад, борясь с воинственными индейцами и малярией.

Стычки и болезни до такой степени опустошили отряд, что, когда он появился у озера Гуатавита, в его рядах насчитывалось только 100 совершенно изможденных смертников.

После долгих и напряженных переговоров конкистадоры решили отказаться от вооруженной борьбы, а вопрос о том, кто будет господствовать над племенем чибча, передать на рассмотрение испанского императора. Однако прошли годы, все они умерли в Испании, так и не дождавшись решения монарха.

Союз, заключенный разбойниками, обернулся против индейцев чибча. Ограбленные, закованные в кандалы и обреченные на рабский труд, они вскоре полностью вымерли. Конкистадоры захватили все украшения и, не считаясь с их художе-

ственной ценностью, переплавили в золотые слитки.

Но оставались еще сокровища на дне озера. В 1580 году купец из Лимы Антонио Сепульведа приобрел право поднять их наверх. К делу он приступил весьма оригинально. Купец взял несколько сот индейцев и приказал им вырубить в скалистом берегу канал, чтобы спустить из озера воду. Вскоре на берегах показался черный ил, в котором, как изюминки в тесте, виднелись бесчисленные золотые украшения и изумруды.

Однако дно озера имело форму глубокой воронки, и чтобы добраться до самой середины — ведь именно там находилась основная часть сокровищ, — уровень воды следовало понизить еще больше. Тем временем, когда Сепульведа извлек из озера прекрасный скипетр, усыпанный изумрудами, капиталы его исчерпались. Императорские чиновники конфисковали найденные сокровища, а сам Сепульведа умер в приюте для нищих. Драгоценности, которые он добыл, ныне хранятся в музее Колумбии, вызывая всеобщее восхищение.

Из колумбийских архивных документов мы узнаем, что на протяжении XVII и XVIII веков предпринималось очень много попыток извлечь из озера сокровища чибча. Но с помощью технических средств того времени невозможно было настолько осушить озеро, чтобы добраться до самого глубокого места воронкообразного дна, туда, где лежала большая часть сокровищ.

В XIX веке это дело снова приобрело широкую

известность благодаря немецкому географу и путешественнику Александру Гумбольдту, который еще в молодости мечтал отыскать сокровища Эльдorado. В 1801 году он прибыл в Боготу, где организовал экспедицию на озеро чибча. Знаменитый путешественник составил точную карту озера и подсчитал, что на дне должно находиться не менее 50 миллионов золотых украшений.

В 1912 году в Англии для эксплуатации озера было основано акционерное общество с капиталом в 30 тысяч фунтов стерлингов. Современные искатели золота решили полностью осушить озеро и с этой целью переправили на мулах через Анды мощные паровые насосы.

Через несколько недель напряженного труда озеро превратилось в маленький пруд, лежащий на целых 12 метров ниже своего обычного уровня. Из густого зловонного ила рабочие индейцы выгребли лопатами невероятное количество золотых украшений и изумрудов. Казалось, что озеро будет вынуждено, наконец, отдать столь ревниво оберегаемую сокровищницу. Но на солнце ил мгновенно высыхал, застывая как бетон, и здесь даже новейшая техника оказывалась бессильной. Англичане были вынуждены прекратить работы.

Так сотни тысяч, а может, и миллионы, золотых изделий огромной исторической и художественной ценности продолжают лежать в глубинах озера Гуатавита. Нет сомнений, что в ближайшем будущем их снова попытаются извлечь с помощью новейших технических методов. Но теперь, при современном состоянии науки, они уже не

станут жертвой бессмысленной алчности авантюристов, не будут переплавлены в золотые слитки; под заботливой опекой археологов они окажутся в музеях мира, прославляя гений погибшего племени чибча...

(Зенон Косидовский. Когда солнце было богом. — М.: Наука, 1991)

4. «ЛА ЛУС ДЕЛЬ ОРО! — СВЕТ ЗОЛОТА, СЕНЬОР!»

Жителям перуанских Кордильер хорошо знакомо одно странное физическое явление: в сумерки по горным тропинкам, как змея, проскальзывает зеленоватый или белый огонек. Иногда светящийся столб неподвижно стоит на одном месте, временами образуется корона над вершиной утеса. Ученые не пришли к единому мнению о природе этого свечения, но перуанцы скажут вам, не задумываясь: «Ла лус дель оро! — Свет золота, сеньор!»

«Ла лус дель оро!» — точно указывает место, где спрятаны сокровища, но коварный дьявол мешает успешным поискам. Суеверные люди всячески стараются отогнать дьявола, кто молитвами, кто заклинаниями, кто «святой водой».

«Где золото — там и дьявол, сеньор!» — говорят перуанцы, но это напугает только местного жителя. Менее щепетильного гробокопателя — европейца или американца — это не испугает. «Он копает по ночам, — с ужасом будут говорить о нем индейцы, — он дружит с самим дьяволом...»

«Ла лус дель оро!» — и тысячи авантюристов отправятся хоть на край света за золотом, войдут в девственные леса Гвианы, Венесуэлы и Бразилии. Легенды, которыми богат этот край, рассказывают о десятках покинутых городов с несметными сокровищами под руинами...

«УАКЕРОС»

В пустынных местностях от Кито до Куско можно увидеть десятки тысяч ям, похожих на норы. Это следы охотников за сокровищами — «уакерос». Поколения людей, начиная от первых испанцев и португальцев, искали и ищут здесь золото инков, запрятанное от алчных конкистадоров. Вряд ли среди жителей Перу найдется человек, который бы не слышал о спрятанных и вновь найденных сокровищах. Еще бы, об этом каждый день пишут перуанские газеты, в которых, например, можно прочесть такие объявления: «Полиция города Куско ищет вора, присвоившего ценные археологические находки, обнаруженные в руинах древнего города инков, раскопки которого производятся близ деревни Вилкабамба...»

Кто же эти люди, «уакерос»?

Само слово «уакерос» происходит от «уака», что на языке индейцев-кечуа означает «святыня», «святилище», которыми может быть и древнее захоронение. «Уакеро» — значит человек, занимающийся поисками и раскопками «уак», т. е. кладоискатель, но и «осквернитель святынь».

Ученые с предельно горькой усмешкой сами признают, в каком смешном положении они оказываются из-за «уакерос». Полчища этих предприимчивых осквернителей могил насчитывают в своих рядах в несколько тысяч раз больше «активистов», чем отряды историков прошлого.

Все сведения археологи получают из земли. Ведь их не случайно называют историками, действующими лопатой. И вот для этого главного ра-

бочего инструмента археологов ныне нет работы. Ее нет потому, что земля на месте поселений индейцев еще до прихода археологов перекапывается кладоискателями так, что ученым (по выражению одного из них) остается лишь укусить себя за руку, чтобы не завывать от обиды. «Археологическая саранча» в поисках кладов с золотыми сокровищами работает весьма оперативно, вскрывая десятки тысяч могил, подкапываясь под храмы и пирамиды, разрушая до основания сотни ценнейших памятников старины.

Чтобы иметь сведения о важных и редких находках, присвоенных бесчисленными и бессовестными соперниками археологов, последние вынуждены завязывать дружбу с полицейскими и таможенниками, иметь своих платных осведомителей на черном рынке, заводить картотеки на частные собрания. Только таким образом, а не путем раскопок, они часто получают информацию о новейших открытиях второй половины XX века.

ИНТЕРВЬЮ, ВЗЯТОЕ У ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО «ГРОБОКОПАТЕЛЯ»

Чтобы лучше представить себе, как работают «уакерос», познакомимся с интервью, взятым французской журналисткой Клод Малуа у одного из них.

...Он даже симпатичен, этот человек, избравший своей профессией столь экзотическое и опасное ремесло грабителя могил. Подвижное, загоре-

лое лицо покрыто густой сетью морщин («Солнце. Проклятое солнце!» — улыбается он), голубые с прищуром глаза. Его имя Робер Вернье. Этот человек с дипломом археолога, полученным в университете в Дордоне, совсем недавно вернулся в Париж.

— Что вы делаете в Париже?

— Продаю то, что я там нашел. Мои покупатели — это спекулянты, прежде всего антиквары. Я знаю их, они — меня.

...«Там» — это Бокас дель Торо, район на границе Панамы и Коста-Рики, где под сплошным покровом тропических джунглей одни лишь ядовитые гады, ягуары и оцелоты.

— Как вы могли жить и раскапывать могилы в том зеленом аду, где человек быстро погибает? Особенно белый...

— Привычка.

...Мне рассказывали, что редко кто осмеливается проникнуть в этот затерянный район, который невозможно найти на карте, и те редкие смельчаки, кто туда попадал, быстро исчезали в сельве.

— В Сан-Хозе мне говорил о вас Луис Хартман.

...Старик Хартман. Вероятно, мало через чьи-либо руки проходило столько золота, сколько через его. В свое время он продавал его килограммами, как другие продают мясо. Глядя на этого человека, можно сразу было увидеть в нем настоящего авантюриста: стальной блеск глаз, нездешний загар, которому позавидовали бы модницы на Лазурном берегу, решительное и волевое лицо че-

ловека, не признающего компромиссов и полумер. Человек-волк, как его зовут многие из коллег по ремеслу. Десять его сыновей — точная копия отца. Они тоже профессионалы, от отца к сыну.

— На всем свете существует всего 10—15 человек, которые знают о Бокас дель Торо.

— Вы думаете вернуться туда?

— Разумеется.

...Рано или поздно, так же как и два его приятеля-«могильщика» Федерико и Фаустино, отправившихся на поиски сокровищ (один погиб от укуса страшной жарараки, другого разорвал ягуар), этот человек найдет свою собственную могилу в Бокас дель Торо.

— Вы заявляете властям о найденных вами сокровищах?

Он посмотрел на меня с изумлением.

— Насколько я знаю, такие люди, как я, не состоят в списках налогоплательщиков.

...Проходить каждый день по двенадцать часов, часто сутками находиться без еды, спать на земле под дождем или в давящей тишине тропической ночи, которую на части разрывает рев ягуара... Неужели все это нужно, чтобы стать богатым?

Робер поднялся, подошел к темному, красного дерева бюро, вытащил небольшую картонную коробку.

— Смотрите.

Перед моими глазами — калейдоскоп украшений, золотых крабов, сосудиков, разрисованных орнаментами из птиц, змей, пауков, ящериц (будто вся фауна сельвы собралась на них), фигурки,

кольца, резные драгоценные камни. Находки, которые сделали бы честь любому археологическому музею мира и которые, увы, теперь я точно знаю, уже навсегда потеряны для археологии, истории и искусства. Вряд ли знали индейские жрецы и полководцы, что их украшения будут красоваться на груди какой-нибудь богатой баварской бюргерши или голливудской кинозвезды... От такого количества золота зарябило в глазах. Даже на неискушенный взгляд, стоимость этой коллекции исчислялась в несколько десятков тысяч долларов.

...На секунду мы отвлечемся и вспомним Музей золота в Боготе, пользующийся всемирной славой. Посетителей специально впускают в первый полутемный зал, чтобы затем они вошли в следующий, освещенный яркими лампами. И здесь... Вас внезапно освещает блеск тысяч золотых предметов — фигурок, подвесок, ожерелий, щипчиков, носовых украшений и много такого, чему не знаешь названия. Это великолепное наследие древних индейских культур, процветавших до прихода испанцев.

Вот молодая французская парочка, отпущенная состоятельными родителями в свадебное путешествие. Соотечественники Робера Вернье смотрят влюбленными глазами не друг на друга, а на золотой плотик с десятью маленькими фигурками в одной большой.

Некогда подобные ему курсировали в здешних реках и даже выходили в океан, перевозя золото из Перу в Мексику и обратно. Гид объясняет: «Испанцы искали золото и пряности, но когда они уви-

дели индейцев с золотыми украшениями, то позабыли о пряностях». — «А как же индейцы?» — вопрошает кто-то из толпы туристов. — «У них вырывали золото из ноздрей и ушей, священные могилы их предков были разграблены, и они его прятали. Видя, что работы с желтым металлом вызывают только грабежи и убийства, индейцы перестали изготавливать золотые ювелирные изделия. Они постарались навсегда забыть это проклятое ремесло... И когда испанцы нагребли золота сколько могли, они заставили индейцев работать в рудниках. Когда те вымерли от непосильного труда, из Африки ввезли черных невольников... И до сего дня индейские племена не хотят говорить о золоте, они даже боятся произносить это слово. Рассказывают, что далеко в снежных горах, дважды в год, во время зимнего и летнего солнцестояния, они исполняют свои ритуальные танцы в золотых масках...»

Музей золота принадлежит Банку республики Колумбия и хорошо платит, поэтому он получает ежегодно сотни тысяч от вскрытия гробниц, не разграбленных испанцами. Гид объясняет: «Золото — это проклятие Колумбии. Если же в гробницах находят керамику и прочие изделия, их выбрасывают или за бесценок продают туристам. Однако именно эти самые вещи наполняют нас гордостью за прошлое страны. Это — шедевры, сделанные руками индейцев, и они заставляют «белых» относиться к ним с уважением. Возможно, именно археологические открытия заставят правительства наших стран сохранить немногих из оставшихся индейцев от вымирания...»

...Из задумчивости меня вернул голос хозяина квартиры.

— Ну как? Нравится? Теперь вы понимаете меня? — спросил владелец сокровища, чтобы как-то разрядить тягостное молчание и оправдать себя.

— Вы фотографируете раскопки?

— Конечно, некоторые мои тщеславные или недоверчивые клиенты требуют «вещественных доказательств». Боятся подделки...

В его словах прозвучала насмешка над ними.

— Вот одна из фотографий, правда, для того чтобы ее сделать, я бы мог далеко не ездить...

...Лопата в руке, грязная сырая рубаша, баскский берет на голове (по словам хозяина, он лучше всего защищает от солнца), обросший, постаревший... Да, сомнений быть не могло, снимок сделан в Бокас дель Торо.

— Сколько европейцев занимаются вашим ремеслом?

— По-моему, в наших краях — я один. По крайней мере, — тут он криво усмехнулся, — мне бы так хотелось.

— У вас есть сын, не думаете ли вы, что и он когда-нибудь займется вашим ремеслом?

— Рано. Ему всего двенадцать лет, а «уакеро» — так у нас зовут людей моего дела: «уака» — могила, значит — «могильщик» — вовсе уж не такая легкая профессия. Но она сделает из мальчика мужчину... Впрочем, ему надо учиться. Наша профессия требует немалых знаний в истории, археологии, этнографии.

— Давно вы стали «уакеро»?

— С 1955 года. Тогда мне было двадцать семь

лет. Я путешествовал по Центральной Америке, делал пометки в дорожном блокноте, хотел написать книгу. Именно тогда я понял, в чем мое призвание. Добывать золото! Это слово витало в воздухе, когда я разговаривал с индейцами под Копаном, Паленке, Ушмалем, повсюду... Оно и здесь, в этой комнате, в каждом ее углу, в большой картонной коробке с драгоценностями.

...Людей, занимающихся поисками и раскопками захоронений, я уже встречала ранее. Однажды в Колумбии я даже поехала с ними в район Магдалены, что находится на севере страны. Все вместе мы искали, копали, потели, находили только кости и обломки керамики, которые выбрасывали, сетовали на неудачу, принимались за раскопки вновь. И вдруг... о чудо! Носовая подвеска тайронской культуры, существовавшей сотни лет назад. Неплохо, но немного. А мои компаньоны стремились найти могилу вождя или жреца. Золотая вещь из их могил, вроде подвески на груди, могла бы им всем троим обеспечить безбедное существование в течение десяти лет!

«Мы живем надеждой и гордостью, — часто говорил старший из «могильщиков». — Я не мог, работая на фермера, послать семерых детей в школу. А теперь моя жена счастлива, у нас есть радио и вентилятор...» — «Но разве здесь нет запрещения на раскопки могил?» — «Нет, если они очень старые. Это почетная профессия — «уакерос». Сейчас есть даже профсоюз с разрешения Министерства труда...»

В это время группа, работающая неподалеку от нас, находит в могиле настоящее сокровище весом

в 3 фунта, которое, вероятно, продадут местному музею или приезжему дельцу по антиквариату. На юге, в районе Нариньо, раскопанный золотой предмет весом в 10 фунтов как раз при мне был куплен таким человеком из Нью-Йорка... А мои «охотники за могилами» роют длинный туннель, пытаюсь «зацепить» захоронение, «процеживают» могильную почву, но находят лишь глиняный сосуд. Откладывают в сторону. Сегодня им не везет, но неудачный день не повергает их в уныние. Запуганный день может принести клад в облике золотого клыкастого ягуара, такого, какой недавно объявился в Музее золота в Боготе. И такая находка, вероятно, сможет дать 50 тысяч долларов при все возрастающих ценах на желтый металл... Я вновь перехожу к разговору с Робером Вернье:

— В каждой могиле вы находите золото?

— Нет. Бывает, что иной раз работаешь неделями, как вол, и ничего не находишь. В прошлом году, например, я работал в компании двух сыновей старого Хартмана. Открыли две могилы: в своей они нашли много утвари и украшений, даже золотого орла весом в полкилограмма. Это было великолепное украшение, стоимостью во много тысяч долларов. Я же ничего не нашел...

— Очевидно, в таких случаях удачу и неудачу вы делите поровну, не правда ли?

— Никогда! Наш девиз — каждый за себя! Коперирование — политическое слово, и его не существует в словаре «уакерос»... Правда, через несколько дней повезло и мне.

...Вернье — «дикий уакеро» и не входит в профсоюз «гробкопателей». Как он только что

сказал, ему это ни к чему. Что поражает в подобных людях — это жажда золота, ради которого они готовы на все: переносить любые лишения, рисковать своим здоровьем, своей и чужой жизнью. Золото их опьяняет, дает им силы на новые поиски. Золото — их жизнь, их кумир.

— Есть ли еще районы в Центральной Америке, где существуют древние захоронения?

— Да, район Чирики, но он легкодоступен и большинство могил уже разграблено. Конечно, там можно найти что-либо, но это даже не оправдывает затрат на дорогу. Слишком много развелось в последнее время любителей легкой наживы. К тому же мода на всякую антикварную дребедень требует все больше и больше товаров.

...Робер редко отправляется на поиски археологических сокровищ с компаньонами, чаще всего он работает один — ждет, когда подрастет сын.

— Так проще, не нужно заботиться, если кого-то укусила змея... К тому же каждый компаньон — конкурент, а в джунглях, вы сами понимаете, это к добру не приводит... Слышали, наверное, о Кинтана-Роо?

...В тех местах каждый день гремят выстрелы, ночью перестрелка затихает: противники меняют позиции, отдыхают, при свете «летучих мышей» изучают карту местности, на которой им придется водить друг друга за нос, продолжая старую итальянскую игру в полицейских и воров. Местность эта называется Кинтана-Роо, и ее вряд ли найдешь на карте Мексики. Южный отдаленный пограничный район знаменит не только своими «сухими» джунглями, кишашщими змеями и ковар-

ными американскими «эль тигрес» — ягуарами. Он еще знаменит и своими овальными холмами с каменными квадратными плитами на вершине: под каждой из них — свеженький, неразграбленный клад, целое состояние. «Кинтана-Роо объявлена на осадном положении, и туда введены войска», — сообщала в 60-х годах одна центральная американская газета.

Эта информация была не только экзотической страничкой из жизни южноамериканской сельвы, она явилась и сигналом для грабителей могил: прежде чем разбогатеть — вооружайтесь. Ведь путь сюда для белых «уакерос» начинался в США (Флорида), морем через Мексиканский залив, и заканчивался ночной высадкой где-нибудь на пустынном побережье Юкатана, в стороне от маршрутов кораблей мексиканской береговой охраны. Но это долгий, опасный и утомительный маршрут только для новичков, на последние деньги купивших «билет в ад». Более опытные асы археологической контрабанды не станут подвергать себя подобному риску, они предпочитают другой маршрут, более короткий и безопасный — воздухом и с «чистыми» документами в кармане...

Как заявил директор Национального института археологии и истории доктор Эусебио Дивалос, комментируя «события в Кинтана-Роо», «для защиты наших многочисленных археологических объектов понадобилось бы по крайней мере по охраннику на каждый район. Но некоторые из них расположены в таких глухих джунглях и настолько обширны, что для их охраны необходимо несколько человек. В нашем распоряжении сей-

час только тысяча человек, которых мы можем использовать для охраны самых ценных объектов».

И гремят выстрелы в Кинтана-Роо...

«ПОЮЩИЕ» СОСУДЫ ВИКУСА

...В 1962 году на одном из восточных отрогов Сьерра-Викус (север Перу) крестьяне проводили нивелировочные работы — осваивали склоны горы для террасового земледелия. Бульдозер начал снимать верхний пласт земли и провалился в глубокую яму. При этом открылись старые шахтные каналы, похожие на высокие прямоугольные камины, поставленные вертикально, один к другому. В одном случае их глубина достигала 7—8 метров, в другом — до 15 метров. В каждой из этих шахт были найдены глиняные сосуды удивительных форм, расписанные сочными, живыми красками, масса всевозможных изделий из металлов: медные церемониальные чаши, кубки, навершия жезлов и посохов, височные и носовые кольца, серьги, браслеты, щиты, нагрудные пластины и даже медицинские пинцеты — видимо, одни из древнейших в мире. Многие из находок были покрыты тончайшим слоем золота, некоторые — сделаны из золота целиком.

Естественно, в Латинской Америке в таких случаях археологи ставятся в известность в последнюю очередь. Могилы были тщательно присыпаны землей, а работы на этом участке прекращены. Но только не ночью! Ночью местность ожи-

вала: темные силуэты людей скользили к месту раскопок из ближайших деревень, узкие лучики фонарей выхватывали из темноты лихорадочно блестящие глаза, бледные, напряженные лица, в кровь исцарапанные руки, прижимавшие к груди очередные находки.

Прибывшие в Викас из столицы, куда просочилась весть об открытии, профессиональные грабители могил «уакерос» с помощью нанятых крестьян застолбили участки и повели раскопки, при этом несколько человек погибли под обвалом, смешав свои кости с «тиерра дель муэрто» — «землей мертвых» древнего Викаса.

Рассказывают и о таком забавном случае (он стал известен прессе в 1964 году), когда перуанская полиция по настоятельным требованиям археологов вплотную занялась выяснением адреса многих уникальных предметов культуры Викаса. Этот случай связан с одним, пожалуй, самым удивительным и уникальным объектом раскопок — с фигурными сосудами Викаса. Впрочем, вот как все произошло.

...В одну из безлунных летних ночей, в которую, как говорят местные крестьяне, появится дьявол, да ты его не заметишь, два новичка-гробокопателя искали свое счастье, обрабатывая очередную шахтную могилу. И хотя неподалеку в поте лица трудились их коллеги, новичкам было не по себе: тесная душная яма, могила, ночь, золото — а где золото, там уж непременно бродит дьявол... Одним словом, парням было не до шуток, а тут еще жара, духота. Кто-то из них, подхватив со дна могилы кувшин со страшной физиономией когда-то

жившего горбатого и одноглазого субъекта, полез наверх по лесенке к роднику за свежей, ломающей зубы водой. Напившись сам и наполнив сосуд, «уакеро» вернулся к раскопу и спустил на веревке вниз физиономию одноглазого владельца могилы. Ничего еще не зная о свойствах подобных сосудов, его приятель припал губами к горлышку и начал жадно пить воду. И вдруг могила огласилась жуткими звуками, целые рулады ледящих кровь звуков, усиленные резонансом пустой могилы, обрушились на головы бедных «уакерос». Сосуд пел, даже кричал, низким, вибрирующим голосом! Вряд ли стоит объяснять, что произошло дальше. Когда поднятая на раскопах паника улеглась и убежавшие «уакерос» осторожно вернулись к могилам — они думали, что наконец-то полиция пронюхала об их запретном бизнесе и устроила облаву, — то бедняга, что находился внизу, тронулся умом. Ведь ему никто не спустил лестницу, чтобы он выбрался наверх, а его приятель бежал первым. Говорят, сейчас он доживает свои дни где-то в психиатрическом приюте, при монастыре отцов-доминиканцев, и страшно боится темных безлунных ночей.

Что касается поющих сосудов Викуса, то в 1964 году они демонстрировались на первой небольшой выставке культуры Викуса в Лиме. Все предметы, выставленные на стендах, были взяты на время из частных коллекций. Сотни шахт к тому времени были разграблены; находки распроданы любителям старины как у себя в стране, так и за рубежом. Исчезнувшая цивилизация Викуса чуть было не исчезла совсем, на этот раз окончательно...

А удивительные фигурные, или «поющие», сосуды Викуса, так напугавшие кладоискателей, оказались расписанными красками снаружи и изнутри — отсюда и еще одно название: «двойные сосуды» — и снабжены через целую систему каналец в теле сосуда многоголосыми свистящими приспособлениями, настроенными каждое на определенную ноту. Вода, выливаясь из сосуда, гнала поток воздуха по каналам и заставляла сосуд «петь» на все голоса, от простых однотонных звуков до сложных мелодий древнего исчезнувшего народа. «Двойной» поющий сосуд, таким образом, становился своего рода автоматическим воздушно-водяным органом, древним «магнитофоном» с одной определенной мелодией, заданной раз и навсегда его создателями.

(Г. Босов. Сильбо Гомера и другие. — М.: Детская литература, 1985)

ГЛАВА 3. КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВО В РОССИИ

*Клад бы найти! Только путь не прост
— Хлынет река в разворот межи,
Встанут скелеты вместо берез,
Ветер засвищет: «Лови, держи!»
Филин разбойно ухнет в лого,
Спутает ноги разрыв-трава.
Нет, не осилю, не добегу.
Надо, видать, подрасти сперва.*

Н. Грибачев. Клад

Возможно, кто-то думает, что для того, чтобы найти клад, непременно следует отправиться за многие тысячи миль, к заброшенным островам или на пустынное побережье. Это не так. В каждой стране есть, оказывается, потерянные или забытые сокровища, достоверность сведений о которых иногда даже подтверждается документами.

Немало спрятанных, а часто и потерянных, сокровищ находится и на территории России. Каждое нашествие, восстание или война оставляли под землей память о себе в виде кладов.

Обычай прятать ценности — различные украшения, монеты, сосуды из драгоценных металлов и другие предметы, — зарывая их в землю, замуровывая в стены зданий, укрывая в печах жилищ и т. п., был распространен повсеместно с глубокой

древности. Перед тем, как спрятать свои богатства, владельцы укладывали их в глиняные или металлические «денежные» сосуды — кубышки (если говорилось: «деньги в кубышке», — значит, подразумевалось, что спрятаны надежно), завертывали в ткани или обвертывали берестой. Чаще всего такие клады обнаруживаются случайно при земляных и строительных работах, а также во время археологических раскопок.

Однако до нас дошла лишь незначительная часть сокровищ, зарытых в далекие времена, некоторые из которых были, безусловно, найдены уже в древности, а остальные ждут своего часа.

Интерес к кладам всегда был очень велик. О них слагались поэтические легенды и предания. Любители русской старины и искусства издавна коллекционировали клады драгоценных памятников тончайшего ювелирного искусства, а ученые с интересом следили за появлением на свет каждого нового клада.

Есть специалисты, всю жизнь посвящающие кладам. Не поискам их, конечно, а изучению. Клады сберегают в музеях, тщательно исследуют, имена нашедших клад помещаются в издаваемых каталогах. О кладах пишут книги и монографии — они важные исторические памятники, беспристрастно отражающие состав и закономерности денежного обращения, международные и внутренние экономические, политические и культурные связи. И не раз бывало, когда в тех или иных спорных вопросах исторической науки решающий довод принадлежал кладу. Не случайно в музейных собраниях вещи из кладов не рассредоточи-

ваются, а сохраняются как единый, неделимый комплекс.

Специальные поиски клада — дело безнадежное. И все-таки открытия нередки, хотя им всегда сопутствует случай.

Найденные клады — это безмолвное повествование о том времени, когда они были сделаны. Эти истории чаще драматичны. Укрытые в момент тревог и опасностей, в надежде пережить трудное время, клады уже не попадали к владельцам. И причины всегда одни и те же: укрывшие их люди либо покидали родные места, либо погибали.

1. НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ

Романтическими легендами и преданиями овеяны поиски кладов — сокровищ веков, укрытых в земле. История кладов стара как мир, часто полна трагизма и всегда окружена таинственностью.

Немало старинных поверий о кладах собрали этнографы и фольклористы. Характерен рассказ крестьянина из глухой деревеньки о разбойничьем кладе, записанный в XIX веке ученым-нумизматом И. П. Сахаровым: «...зарыт тот клад в змеиной пещере в трех котлах: в одном золото, в другом серебро, в третьем камня самоцветные блестят весенним днем. Заперт клад 12-ю железными дверями, ключи брошены в океан-море. По стенам пещеры развешаны разбойничьи топоры да бердыши — сами секут, сами рубят. Сторожат клад злые бесы — не пропускают ни конного, ни пешего. Заросла пещера (с кладом) зеленой муравой, полем чистым. Много было охотников на богатство — много было голов положено за этот клад, а до заветной головы все еще не досчитались. Достал один мужик серебряные рубли — и что же вышло? Жил богато, да недолго: рубли обратились в черепки, семья вся извелась, и старик наложил на себя руки...» Конец этой сказочной легенды обычен: «Не дался клад».

А вот одно интересное сообщение о кладе, найденном рассказчиком еще в детстве.

«Произошло это в 1910 году у села Песчанокопского, в сентябре по старому стилю. Во время па-

хоты на равнине близ небольшого кургана зацепило плугом камень и погнуло лемех. Зажмурился хозяин этого загона Василь Тимофеевич Мелехов. Мы с отцом неподалеку пахали, видим, сидит Мелехов, пошли смотреть, что случилось. Показал он нам камень. К этому времени подошли еще Харьков Федор, тоже сосед наш, и брат мой старший Алексей. Они говорят — давайте здесь копать, здесь клад должен быть, потому что в степи у нас таких камней нигде не найдешь. А на следующий день как раз праздник выходил и не пахали. Стали мы копать в том месте напеременку и не ошиблись. За вечер три каменных статуи выкопали — одну мужскую и две женские. Наутро снова туда, выкопали яму метра в три глубины и ширь тоже. Вдруг увидели на дне ямы кувшин, вверх дном опрокинутый. Как кинулись все втроем, взяли кувшин, один другому не даем. Ну, стали тот горшок трясти, а из него сначала земля посыпалась, а потом вывалились камушки, с десятков штук, наверное. Мужики говорят — это клад заколдованный. Запрягли лошадей и повезли домой, и все думали, что с кладом делать. Поехали прямо к кузнецу. Тот горн растопил, один камушек положили и полдня напеременки мех дули, и ничего не получилось, не могли растопить. И кувалдой били, ничто не берет эти камушки. Кузнец испугался:

— Тут, — говорит, — дело неладное, здесь сила нечистая, клад, видно, с зарокотом спрятан...

Но мы не отступились, решили понести к попу, он, может, молебен отслужит, и будут из камушков деньги. Поп те камушки забрал с горшком

вместе, мол, отслужу молебн. Тогда же те камушки взвесили, и вес оказался 12 фунтов без горшка. А с виду однообразные и маленькие. Ну, время идет, пошли снова к попу спросить, что с камушками получилось. Поп говорит, что узнал об этом песчанокопский урядник, забрал их и послал якобы в Ростов. На этом наши похождения с кладом и кончились. А каменных бабок каждый себе вкопали во дворах — одна у Мелехова, вторая у Харькова, третья у нас, у Шеховцовых. Та, что у нас была закопана, и в настоящее время цела, стоит под домом. Когда тот клад копали, мне было 14 лет, но помню все, будто вчера было...»

Даже в пересказе давно пережитого уже ощущается схема прихотливого и изящного узора будущей легенды или сказки. Такова уж специфика этого вида фольклора: в нем тайна — основное зерно, и в народном творчестве прорастает оно прекрасным вымыслом...

2. «ЗАГОВОРЕННЫЕ» КЛАДЫ

В седую древность уходят своими истоками рассказы о заколдованных, «заговоренных» кладках. По давним народным поверьям, родимое пепелище, заветный дуб, угол избы избирались для тайника «родовых», нажитых добром, или «заклятых», нажитых злом, кладов.

Нередко, для того чтобы никто, кроме владельца, не мог открыть клад, его зарывали поверх отрубленной человеческой головы, иногда нескольких. Обычно разбойники именно так и прятали свои сокровища. Считалось, что призрак убитого будет охранять зарытое. Чтобы отвести заговор, кладоискатель должен был убить столько человек, сколько было голов под кладом.

Были, по русским преданиям, и клады, зарытые вообще «на вечные времена», клады проклятые, которые губили всякого, кто пытался открыть их. Словом, поиск кладов на Руси считался делом опасным.

Бывало, рассказывали старики, докопаются искатели до клада — как откуда ни возьмись поднималась буря, с вихрем и свистом, либо появлялась тройка и мчалась прямо на копателей. Иногда будто и вынимали клад, но вскоре в руках вместо денег оказывались уголья или пожухлые листья.

Иногда, правда, клад сам дает о себе знать. В народе издавна считалось, что светят огни над кладами ночью то тут, то там. В одном из древнейших русских сказаний — «Чтении о Борисе и Глебе», составленном в XI веке, находим: «Аще бо или сребро или золото скровено будет под землею, то

мнози видять огонь горящъ на том месте, то и то же дьяволу показующую серебро — любых ради».

В основе этой легендарной приметы лежало, вполне возможно, непонятное тогда явление блуждающих болотных огоньков — метана, этилена, а в некоторых случаях поводом могли быть фосфоресцирующие гнилые пни. Искателю «свещающегося» клада надобно было прежде разрушить заклятие, уничтожить «чарование». Для этого непременно требовалось найти разрыв-траву, затвердить сказанный знахарем заговор, отыскать «крепь записную», сорвать цветок папоротника, распускающийся раз в году — в ночь под Ивана Купалу. (Среди других «верных» средств назывались также плакун-травы, спрын-травы, травы Петров-крест.) «Крепья записная», считалось, расскажет как по писаному, где спрятан клад: на пепелище ли, в дубраве? Цвет папоротника стоит только бросить вверх — и полетит он в небеса, упадет горячей звездочкою над самым кладом. Заговоры уничтожают «чарование». Разрыв-травы сотворит чудеса: приложи к железным дверям — ни замка, ни двери не будет, все разорвет на мелкие кусочки.

Была на Руси и особая «рекомендательная» литература по раскрытию «заговоренных» кладов. Вот несколько рекомендаций из одной такой книги: «Как деньги показываются, иди на огонь. Если погаснет — не тебе суждены, если нет — твой клад. Как найдешь деньги, не бери все, так не годится, оставь сколько-нибудь заплатить за место и не бойся ничего; а если заберешь все, не обойдется без напасти...»

Имелись и специалисты, посвятившие себя этому делу. Их называли бугровщиками. И каким бы рискованным ни являлось это занятие, никогда не было недостатка в желающих отдать ему, тем более что в народе всегда ходили разного рода слухи о спрятанных под землей сокровищах.

Для бугровщиков кладоискательство было повседневностью, своеобразной профессией, в которой нет ни особых, передаваемых из поколения в поколение навыков и секретов, ни своих тайн мастерства.

Да и какие навыки в этом темном промысле, в котором даже на помощь молитвы уповать нельзя, потому что дело это в ведении колдунов, зловещих обрядов, заклинаний...

3. РАЗБОЙНИЧЬИ КЛАДЫ

Много воспоминаний (или легенд) народная память хранит о разбойничьих кладах, которые всегда связывались с «ужасными заклятьями», что, впрочем, никогда не останавливало кладоискателей.

Еще в прошлом веке в городе Лебедяни жива была память о разбойнике Тяпке, что обитал в тех краях пять веков назад. Золото и сокровища, попадавшие в его руки, он прятал в одном ему известном месте. Когда же товарищи его по разбойному ремеслу стали требовать, чтобы атаман им это место открыл, Тяпка предпочел погибнуть от их рук, места же не назвал.

В тридцати верстах от Лебедяни, на берегу Дона, была найдена подземная галерея в пять этажей, неведомо кем и когда сооруженная. Местные жители связывали ее с именем разбойника Тяпки.

— И клад его тоже где-то там, — говорили старики. — А то как же?

Вот ведь как! Забыты имена воевод, губернаторов и прочих начальников, что властвовали здесь, казнили и миловали, а разбойников, получается, помнит народ! Почему бы так? Может, и правда причиной тому сокровища, которые оставили или якобы оставили они в тех местах.

Разве помнил бы кто сегодня разбойника Улана, если бы не было Уланова оврага на пути из села Скатовка в село Полчаниновка в Саратовской области? Называется же так овраг потому, что где-то там будто бы зарыл разбойник Улан несколько бочонков золота.

Да и другого разбойника, Ивана Климова, тоже не помнил бы никто, если бы не оставил он память о себе кладом, спрятанным будто на левой стороне реки Ветлуги, против села Вознесенского, в Сивковом бору. Там, в урочище под землей, соорудил он «подвал, окладен кирпичом». И пока не придет час, никто подвала того и что спрятано в нем найти не сможет.

Одним из самых знаменитых разбойников на Руси был Кудеяр. И почти все рассказы и предания о нем упоминают о кладах, спрятанных им. Еще в прошлом веке крестьяне Воронежской губернии рассказывали, что в Усманском лесу, в городище Чистое озеро, оставил Кудеяр погреба, а в них — бочонки с золотом. Так передавали им старики, а те слышали это от своих дедов.

За селом Лох в Саратовской области над речкой есть гора, на склоне ее — вход в пещеру, где скрывался якобы Кудеяр. Раньше, говорили местные жители, в нее можно было въехать на тройке. Но из года в год дожди намывали песок на дно пещеры. Оно поднималось все выше к сводчатому каменному потолку. Просвет, который остался сейчас, едва достаточен, чтобы забраться в пещеру ползком и увидеть несколько таких же узких ходов, ответвляющихся в разные стороны. Чем дальше ползешь, тем ниже свод, пока каменный потолок не прижмет к песчаному основанию настолько, что начинаешь физически ощущать многотонность нависших над тобой и словно готовых опуститься еще ниже каменных глыб. И тогда просыпается слепой страх. На какие-то секунды начинает казаться, что тебя уже заклинило, за-

жало между спрессованным песком и каменным сводом и уже не развернуться, не выползти наружу.

Несколько лет назад добровольцы из Саратова хотели было расчистить вход в пещеру, чтобы обследовать ее, но местное начальство запретило делать это и даже поставило охрану. Опасения понятны: известны случаи, когда, спустившись под землю, любители и туристы теряли направление, не могли выбраться и не всех потом удавалось спасти.

Немного больше повезло другой пещере, которую предание тоже связывает с кладами, якобы спрятанными в ней. Находится она в Сенькином овраге, у речки Увековки. В 60-х годах XIX века здесь побывал Вс. Крестовский, автор романа «Петербургские трущобы». Он прошел всю пещеру насквозь и рассказывал, что видел там проходы и своды, выложенные «квадратным татарским кирпичом». Позднее находили в ней золотоордынские монеты. Но уже в конце прошлого века вход в пещеру оказался засыпан землей, так что оставалось «только отверстие у дерева в виде норы».

4. ЛЕГЕНДЫ О КЛАДАХ СТЕПАНА РАЗИНА И ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА

Рассказы о «закрытых» кладах нередко связывались не только с разбойниками, но и с историческими личностями — народными героями и руководителями восстаний.

Устные предания и письменные источники упоминают о многочисленных кладах Степана Разина, оставленных им будто бы в разных местах. Архивы сохранили «расспросные речи», показания Фрола Разина, брата знаменитого вождя крестьянской войны. Не выдержав пыток, Фрол рассказал: «...как он-де, Стенька, хотел идти вверх к Царицыну, а в дому у него никого нет. И он-де все свои письма, что были ему присыланы, откуда ни есть, и всякие, что у него были, собрав и поклав в кувшин денежной и засмоля, закопал в землю на острове по реке Дону, на урочище, на прорве под вербою. А та верба крива посередке, а около ее густые вербы». Вот так: и координаты кубышки разинской точные, и сокровища — архив крестьянской войны — всем кладам клад, но вот прошли столетия, а «кувшин денежной» не найден.

Существуют легенды и о кладах Емельяна Пугачева: например, о лодке с серебром, якобы зарытой Пугачевым на берегу реки Мокша (в Пензенской области). Рассказывали также, что много золота и серебра оставил Пугачев некоей девушке Марине, что полюбилась ему. Но все знали, как досталось ему золото: на нем была кровь. И вот,

чтобы не брать греха на душу, Марина будто бы спрятала все это на большом кургане между двумя оврагами. Это «Маришкин клад», как называют его жители тех мест.

5. «СЫСКНЫЕ ДЕЛА» О КЛАДАХ

В глубокой древности началось на Руси кладоискательство, несмотря на опасность поисков, исходившую не столько от «нечистой силы», сколько от реальных властителей. Клады искали уже во времена первых летописей. Правда, само слово «клад» (от «класть») не было еще известно на Руси, оно появилось в XVII веке. Сокрытые ценности назывались тогда «поклажа» или «скровище» (сокровище). Уже в конце XI века автор одного из сочинений предупреждал: «...не скрывайте себе сокровищ на земли, идеже тля тлить и татье подкопывают». Таким удачливым «татем» — подкопщиком стал киевский инок Федор. В «Печерском патерике» — сборнике историй монахов-отшельников — повествуется, что в Варяжской пещере раскопал Федор огромный клад «латинских сосудов, где было золота и серебра бесчисленно множество». Однако проведал об этом сокровище князь Мстислав Святополкович, повелел «мучить его крепко» — пытать дымом, чтобы показал тот, где скрыт клад, и в конце концов замучил монаха до смерти.

В другом рассказе о кладе сообщается, что бес, дабы насолить благочестивому старцу Авраамию Ростовскому, принял облик воина и, придя к Великому князю Владимирскому, наговорил ему, будто старец Авраамий «налезе в земли сосуд медян, в нем же множество сосудов золотых и поясов золотых, и чепем не мощно цены уставити» и будто на это сокровище, достойное лишь князя, Авраамий и монастырь свой создал. Естественно,

князь поверил бесовской выдумке, послал воина в Ростов. Подвижника схватили и привели к князю. Увы, монах оказался настолько беден, что у него была одна лишь власяница, да и та изрядно потрепанная. Отца Авраамия отпустили с миром...

Особенно распространилось кладоискательство в XVII—XVIII веках. Об этом свидетельствуют многочисленные сыскные дела о кладях, сохранившиеся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве.

«Сыски» о кладях входили в круг обязанностей воевод на местах. Воевода, прослышав о кладе, тотчас давал «сыск и розыск», а в особо важных случаях обращался в Москву с просьбой прислать «государевых людей, с кем тое казну вынять на Великого Государя». Тогда правительство назначало для поисков подьячего, стрельцов и других работников. «Сыск» велся весьма энергично: допрашивали кладоискателей и их родственников, скупщиков вещей, различных свидетелей, причем допрашивали по нескольку раз, приводили «сыскных людей» к «пытке и огню». Сыщики «обыскивали дворы», производили досмотр места, вели дальнейшие раскопки и, случалось, добывали клады. Состояли они чаще всего из небольшого количества серебряных монет «нерусского дела, неведомо каких», которые признавались обычно «татарскими деньгами».

Вот одно такое «сыскное дело о денежном кладе, найденном в Можайске в 1702 году. Воевода можайский Петр Савелов доносил царю, что в июне в 9-й день пришел в приказную избу «можаитин» (житель Можайска) посадский человек Гера-

сим Васильев и известил, что близ торгового двора посадского человека Василия Лукьянова «многие люди рыли землю и ищут денег». Воевода Савелов тотчас прибыл на место, и при нем служилые люди подняли денег 16 алтын, а «те деньги старинны», тогда и «отписал» воевода в Москву и поставил караул до государева указа, как дальше быть. Указ последовал вскоре: «...то место разрыть и вынять земли, сколько пристойно, и тех денег и иной поклажи искать и, что будет, вынять и описать именно, а тое поклажу и описную роспись прислать. А буде денег и никакой поклажи не явится, о том потому же писать, и сколько земли вынят будет в глубину и вдоль и поперек и какими людьми». В конце июня — июле того года воевода Савелов «со товарищи» и посадскими людьми произвел дальнейшие поиски и сообщил, что «и на том месте нашли старинных денег и денежек 12 алтын, да в том же месте из земли вынули малый избный жернов. А земли вынули в глубину на 2 аршина, поперек на 4 стороны по 7 аршин и больше — до матерой земли, и кроме тех 12 алтын ничего не сыскали». «Отписано» это было в Москву, в Разрядный приказ, где ведал служилыми людьми боярин Тихон Стрешнев, а там дело положили в сундук, вряд ли предполагая, что через века им заинтересуются историки.

Любопытна история авантюриста-кладоискателя Леонтия Ануфриева, хотя и относящаяся ко времени значительно более позднему — 1843 году, но также связанная с древними сказочными поверьями.

По делу Ануфриева, крепостного Шеремете-

вых, велось по распоряжению министра внутренних дел специальное следствие. Леонтий не был чужд некоторых научных интересов и выдавал действие известного «гремучего серебра» (*argentum oxidatum fulminans*) за чудесное действие над железом разрыв-травы. Чтобы подбить крестьян на поиски кладов, Ануфриев произвел в кузнице опыт. В пузырек с «гремучим серебром» он положил для видимости какую-то траву. Испытание вполне удалось: полоса железа толщиной в четверть аршина (около 17 см), положенная на наковальню, от одного прикосновения с «чудесной травой» разлетелась с треском на четыре части. При этом Ануфриев, производивший опыт своими руками, уверял зрителей, что без особой сноровки и умения все же ничего не получится, даже если и найдешь разрыв-траву. Эффектный эксперимент привлек внимание властей, и до кладоискания дело уже не дошло.

6. КЛАДОИСКАТЕЛИ-САМОДЕРЖЦЫ

В средневековой Руси кладоискательство было столь распространенным явлением, что ему предавались даже многие самодержцы и царские воеводы. Сам царь Иван Грозный отдавал должное этой страсти, и его вера в клады порой давала ощутимые результаты. Летописец XVI века, писал русский историк Н. Аристов, отметил весьма интересное предание, как Иван Грозный заполучил клад в Новгороде, в Софийской церкви. Вот слова летописца: «Как приехал Великий князь Иван Васильевич с Москвы в Новгород, и неведомо как уведа казну древнюю, сокровенну в стене создателем св. Софеи, князем Владимиром Великим (внуком св. Владимира), и неведомо бысть о сем никем, ниже слухом, ниже писанием. И тогда приехав нощию и начат пытати про казну ключаря Софейского и пономаря, и много мучив я, не допытався, понеже не ведаеху. И прииде сам В. князь на восход, где восхождаху на церковные полати, и на самом восходе, на правой стороне, повелел стену ломати, — и просыпаяся велие сокровище, древние слитки и в гривну, и в полтину, и в рубль, и, насыпав возы, посла к Москве». Аристов пишет об этом случае, что в середине XVI века еще было свежо предание о найденном в 1524 году кладе при «поновлении Пятницкой церкви в Новгороде», а потому немудрено, что составилось сказание о поисках Грозным клада и в церкви Софии. Летописец, в частности, говорит, что когда стали поновлять церковь св. Пятницы «и начаша голбцы разрушати и помост возрывати, — и ту

обретоша сокровища сребра древних рублей Новгородских литых 170, а полтин 44 и наместники повелеша вложить их в сосуд и запечаташа».

Видимо, в какой-то степени с новгородскими сокровищами связано и известное «сыскное дело» о новгородском архиепископе Леониде (1575 год), обвиненном грозным царем в том, что он изменил ему и посылал польскому и шведскому королю деньги и другие сокровища. В опричных архивах сообщается, что государь объявил «отца церкви» еретиком — тот будто бы занимался с помощью ведьм, живущих в Новгороде, даже каким-то колдовством («в Новгороде 15 жен, а сказывают ведуньи, волховы»). Эту же деталь сообщает и англичанин Д. Горсей, бывший в то время в Московии. По его словам, во время суда над архиепископом были сожжены все его ведьмы. По словам псковского летописца, записавшего слухи, ходившие в народе, будто царь опалился на Леонида «и взя к Москве и сан на нем оборвал и медведно ошив (т. е. зашив в шкуру медведя, — один из способов казни на Руси того времени), собаками затравил...»

В «Чтениях в историческом Обществе Нестора Летописца» в конце прошлого века историком Н. Оглоблиным были опубликованы несколько «сыскных дел» о кладах в XVII веке на Руси: дела от 1626, 1645, 1673 годов. Судя по характеру следствия, о личном интересе к древним кладам самого царя, в русском обществе того времени, как писал Оглоблин, «мы наблюдаем первые зародыши» сознательного отношения к памятникам старины, уже проглядывает смутное стремление

понять смысл найденных древностей, «зарождается археологическое любопытство», которое особенно усилилось в эпоху Петра I.

Однако еще и при Петре I, «несмотря на весь кажущийся приплыв новых идей и взглядов», по мнению Аристова, вера в клады держалась даже у людей высокопоставленных. Так, например, сестра самого царя, царевна Катерина Алексеевна, пишет историк, и та страстно предавалась исканию кладов. Она будто бы вела переговоры с каким-то костромским попом, который похвалился, что узнает места кладов по «планетным тетрадам», т. е. с помощью астрологии. Более того, она посылала своих приближенных женщин в полночь рыть могилы на кладбище и нанимала подводы съездить за 230 верст от Москвы, чтобы достать клад на дворе у крестьянина. Все ее попытки тем не менее остались безуспешными. Лица, указывающие царевне на места зарытых кладов, как сообщал историк Соловьев в «Истории России с древнейших времен», по розыску Петра I оказывались обманщиками и шарлатанами.

Сам же царь относился с величайшим вниманием к различным сообщениям о кладах и находках старинных вещей. Он даже издал указ о сборе и покупке у населения предметов старины, о препровождении их в Петербург, в столичную Кунсткамеру. Старинные предметы, оружие, этнографические коллекции и прочие «раритеты» как раз и послужили основой фондов при создании знаменитой петровской Кунсткамеры, первого музея России.

7. КЛАД В КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЕ

В 1706 году, когда страна вела войну со Швецией, Петр I, зная о том, сколь богата Киево-Печерская лавра, приехал туда, чтобы заставить монахов раскошелиться на нужды войска. Но не тут то было: по поручению духовного начальства четыре монаха быстро и умело спрятали огромные богатства, да так, что Петру, как ни старались его помощники, пришлось довольствоваться малым. Монахи же, давшие клятву, что не раскроют никому тайну церковногоклада, до конца своих дней держали язык за зубами. Быть может, все они внезапно умерли во время чумы, свирепствовавшей в Киеве в середине XVIII века, и унесли с собой в могилы свою тайну. Этим, вероятно, и объясняется, что почти два столетия спрятанный ими клад оставался «невостребованным».

Обнаружили его лишь в 1898 году, и помог тому случай. Шел ремонт одной из церквей Киево-Печерской лавры. Нужно было снять на хорах ветхий деревянный пол и заменить его новым. Строители оторвали доски и начали разбивать ломом под ними щебень. Удар, еще удар, еще... Прочный монолит не желал сдавать без боя свои позиции. Вдруг после очередного удара по нему возле самой стены лом погрузился словно в масло. В чем дело? Пришлось позвать прораба, и тот, осмотрев место «происшествия», велел осторожно разобрать остатки щебня. Когда рабочие сняли последние его куски, их взорам открылась не-

большая ниша, прикрытая железной плитой. Под ней они увидели четыре металлических сосуда и деревянную кадучку с золотыми и серебряными монетами, в том числе очень редкими и ценными. После того как клад был извлечен и взвешен, оказалось, что в нише ждали своего часа больше полутора пудов золота и семнадцать пудов серебра. Там же лежали почти истлевшие бумаги, которые и объяснили происхождение неожиданной находки.

8. КУРГАНЫ

Местонахождение кладов и сокровищ часто отождествляется с курганами. Память ли это о золотых находках, иногда выкапываемых бугровщиками? Скорее всего это поражающий воображение облик кургана в степи. Мощь, скрытая в нем, и сегодня заставляет предполагать космическую символику: ведь до сих пор подлинный масштаб этих сооружений, устройство, образы мироздания, воплотившиеся в облике их, загадочны и, возможно, не будут доступны во всей полноте и будущим археологам.

Тысячи курганов юга страны, будто покинутые командой корабли в необозримом океане степи, овеянные легендами, будоражили чувства, заставляли авантюристов поверить в возможность скорого обогащения, романтиков — рискнуть поверить в реальность чуда.

«Толковали по хутору, что в Крестовском кургане искали клад, — рассказывал старик из поселка под Таганрогом, — искали пришлые, дорывались до чьих-то костей и кольца серебряного, но те не дались в руки, в землю ушли. Передохнув, снова ту гору начали рыть, да не достали, ушли те кости и кольцо в землю на такую глубину, что и счесть нельзя... Давно это было...»

Не всем бугровщикам не везло, и много находок безвозвратно погублено для истории культуры. В разное время предпринимались попытки, обычно робкие, нерешительные, обуздать стихию кладоискательства. Известен, например, циркуляр войскового атамана Войска Донского, генерал-лейте-

нанта Денисова, от 2 декабря 1818 года: «...в землях Войска Донского открываются случаями разного рода металлы, окаменелые деревья, также чрезвычайной величины кости, доказывающие древность обитания здесь народов... Я вменяю в обязанность в станицах — станичным правителям, а гг. помещиков прошу как о таковых, так и о тому подобных редкостях разведывать, и где ныне имеются или впредь найдутся, сохранять, а меня об оных уведомлять с подробным объяснением, в чем именно редкость их заключается».

В 1831 году вышел даже указ Николая I о собирании «древних примечательных произведений», который, однако, никак не повлиял на методы кладоискательства, которые применялись бугровщиками.

9. ГДЕ КЛАДЫ ЗАРЫТЫ?

Немало кладов было спрятано в разных тайниках в годы революции, когда многие состоятельные люди бежали из России за границу. Надеясь на скорое возвращение, они прятали свои сокровища — зарывали их в фамильных парках, замуровывали в стенах особняков. По-видимому, большинство этих сокровищ так и осталось там в ожидании владельцев, которых давно уже нет в живых.

Иногда можно подумать, что клады, действительно, не даются тем, кто пытается искать их, и сами выходят на тех, кто о них и не помышляет. Копал, например, человек огород, рыл котлован и вдруг — россыпь монет! Как-то строители меняли пол в ленинградском универмаге «Гостиный двор». Лом ударился о твердый предмет... Металлический кирпич, на нем номер и какие-то буквы. Всего выкопали восемь таких «кирпичей». Оказалось — золотые слитки, и потянули они на 128 килограммов.

Согласно закону, рабочим выплатили четвертую часть суммы, в которую был оценен клад.

Время от времени газеты печатают сообщения о такого рода находках. Вот некоторые из них:

«Хинислынский клад».

«Два клада сельджукских монет».

«Динар Мухаммеда Туглака».

«Находки римских денариев в Курской и Воронежской областях».

«Кизикины села Орловки»

«Баратынский клад византийских серебряных монет».

Но очевидно, что немало кладов скрыто в земле до сих пор. Белые пятна еще не открытых сокровищ останутся, видимо, навсегда. Непредсказуемы ни топография будущих находок, ни количество, ни их содержание — такова уж особенность этих замечательных памятников прошлого. В отличие от планомерных археологических исследований, где колонки цифр в сметах отражают более или менее точно прогноз открытий, планируемых специалистами, находка клада — дело Случая...

РАЗДЕЛ II. ТАЙНЫ ИСЧЕЗНУВШИХ СОКРОВИЦ

Особый интерес представляют клады, принадлежавшие какому-либо известному ордену, монастырю или другому подобному кооперативному товариществу, а также клады, связанные с именами известных исторических лиц — таких, к примеру, как легендарный правитель ацтеков Монтесума или африканский вождь Лобенгула, хан Батый или император Наполеон. Разбросанные по всему свету, эти спрятанные до лучших времен сокровища — одни уже немало столетий, другие с недавних пор — словно магнит притягивают к себе кладоискателей всех мастей.

Именно о таких знаменитых кладах, об их истории и попытках отыскать их в прошлом и в наши дни, о многочисленных знаках вопроса, стоящих и возникающих на этом пути, читатель прочитает на следующих страницах.

1. КЛАД ТАМПЛИЕРОВ

Рассказ о поисках легендарного клада тамплиеров мы начнем с любопытного письма, присланного одной француженкой в «Клуб искателей сокровищ» (есть и такое, притом довольно многолюдное, объединение):

«Прадед моего мужа, француз, офицер наполеоновской армии, будучи ранен в 1812 году, остался на жительство в Польше. Его сын за участие в восстании против царя сослан в Сибирь, где в свою очередь обзавелся семьей и приобрел хорошее положение в обществе. Мой муж, внук этого ссыльного, родился в Сибири... Он вспоминает, что еще мальчиком, лет четырнадцати, роюсь как-то в библиотеке деда, нашел старый французский молитвенник. Внутри был вложен листок со следующим текстом: «Под старинным замком Вальде-Круа находятся сокровища ордена тамплиеров. Иди и ищи. Святой и Истина укажут тебе дорогу».

Муж бережно хранил в своей памяти эти слова; молитвенник и листок пропали в последующие бурные годы; во время русской революции семья вернулась в Польшу, а в 1939 году муж тайно отправился продолжать борьбу с фашизмом в рядах французской армии.

После демобилизации, в 1948 году, он испытывал только одно желание: найти где-нибудь в тихом уголке Франции заброшенную ферму, восстановить ее и провести там остаток своих дней.

Случай привел его в Валькроэ, покинутое поместье со старым, изрядно разрушенным замком

в почти безлюдных горах Верхнего Вара. Привлеченные окружающей обстановкой, мы стали хозяевами замка и принялись за дело — ужасно тяжелое дело — восстановление.

Мало-помалу некоторые любопытные особенности архитектуры и истории замка заставили мужа вспомнить слова, читанные им в Сибири, и мы начали подозревать, что замок Валькроэ, где мы находимся, это тот самый Валь-де-Круа, что указан на листке из молитвенника.

Валькроэ действительно старинный замок тамплиеров. В его часовенке висит картина, изображающая св. Целестина, коленапреклоненного перед неким видением. В центре начертано: «verita» (истина).

Так соединились Святой и Истина в старинном замке тамплиеров...

Когда муж понял это, ему захотелось узнать как можно больше, и он вручил план замка на рассмотрение специалистам. Специалисты обследовали весь лабиринт подземелий, залов и тайников, подземную тюрьму, кладбище и... никаких сокровищ!»

Письмо заканчивается сетованиями на злосчастную судьбу, не жалуящую искателей кладов.

...В наши дни путешественники, приехавшие в Валькроэ, чтобы познакомиться со старым замком, могут увидеть темные сводчатые переходы, истертые, обвалившиеся ступени, руины башен, все в каких-то подтеках, зеленых пятнах мха, лестницы, тупики, подземелья, каждую минуту грозящие обвалом. А кругом — леса, и поблизости ни одной проезжей дороги...

И здесь, в этой глуши, ютятся старик и старуха. Они живут как отшельники. У них нет ни детей, ни близких, ни даже соседей. Они давно забыли, что значит вкусно и досыта поесть. Их одежда свидетельствует о крайней бедности. Они истратили все свое скромное состояние на бессмысленные поиски, запустили хозяйство, которое сами же налаживали с нечеловеческим упорством, и остались к старости на грани нищеты.

Однако они еще надеются на сказочное обогащение, они одержимы грезами о сундуках с золотыми монетами, о тайниках, в которых их ждут усыпанные камнями браслеты, колье, драгоценные регалии.

День и ночь думают они о богатстве: они убеждены, что Святой и Истина помогут им его найти. Никакие доводы не могут вернуть этих несчастных к нормальной жизни. А ведь они вели ее много лет.

Не одни они были ослеплены блеском легендарных сокровищ тамплиеров. В списках искателей клада — авантюристы, ученые...

Шести миллионам христиан и четырем миллионам мусульман стоили жизни крестовые походы. Европейское рыцарство устремилось на захват городов и земель в Малой Азии, Сирии и Северной Африке. Короли стремились расширить свои владения. Духовенство — обратить в христианскую веру мусульман, увеличить свою власть и доходы.

Четыре крестовых похода 1096, 1147 и 1202 годов были безуспешными. И все же кое-кому они принесли почести и богатство. В этом воочию убедились парижане в 1306 году.

Тысячные толпы высыпали на улицу города, чтобы посмотреть на въезд в Париж Великого магистра ордена тамплиеров Жака де Молэ. Несмотря на свои шестьдесят с лишним лет, Жак де Молэ, облаченный в белый плащ с красным крестом на плече, твердо сидел в роскошном восточном седле. В таких же плащах были шестьдесят сопровождавших его рыцарей — члены капитула ордена. За ними следовали повозки, окруженные восьмьюдесятью рыцарями, еще не удостоенными высших степеней, но в роскошных доспехах работы прославленных мастеров Дамаска, Толедо, Милана.

Рыцарей сопровождали служители в темных плащах с капюшонами, оруженосцы, лучники, слуги, которым, казалось, нет числа. Затем шли повозки с золотом в окованных железом сундуках. Серебро везли в кожаных тюках, навьюченных на мулов. Процессию завершали священники в черных балахонах и убранные во все черное лошади, запряженные в черный катафалк.

На катафалке везли просмоленный гроб, шлем и щит с гербом графов де Боже.

В этот день Великий магистр Жак де Молэ, направляясь в свою новую резиденцию — замок Тампль, перевозил вместе с казной ордена также прах своего предшественника, Великого магистра Гийома де Боже.

Тампль, построенный в 1222 году, считался неприступной крепостью. Глубокий ров окружал высокую стену с семью зубчатыми башнями из огромных каменных глыб. К одной из башен вел окованный железом подъемный мост. Толстые це-

пи могли во мгновение ока поднять тяжелую платформу моста и поставить ее вертикально перед воротами из потемневшего дуба.

Хитроумная система рычагов и канатов помогала открывать и закрывать ворота. Как дверцы мышеловки, поднимались и опускались многопудовые кованые решетки, устроенные в проездной арке на случай, если нападающий проломит массивные створы ворот. Внутри, вдоль стен замка, тянулись казармы и конюшни, способные вместить целое войско. Посреди крепостного двора расстилался плац для воинских упражнений, колодезь и маленький садик с лекарственными растениями. Над ними высились собор и могучая главная башня высотой с двенадцатиэтажный дом и со стенами толщиной в восемь метров. Главная башня — резиденция Великого магистра — не была связана ни с одним из зданий замка. Подъемный мост вел с крыши одной из казарм прямо к поднятым высоко над землей дверям. За ними в сводчатом зале жил Великий магистр.

Сам Филипп Красивый, французский король, не имел власти внутри стен Тампля. Великий магистр давал отчет о своих действиях лишь капитулу ордена, да и то, если находил это нужным.

Местом заседаний капитула служила церковь с толстыми стенами и похожими на бойницы окнами. Две колокольни, зажавшие вход, почти не отличались от крепостных башен и могли выдержать многодневную осаду.

Внутри полутемная церковь разделялась колоннами на три сводчатых коридора или, как их тогда называли, «корабля», вытянутых с запада

на восток. В восточной части находился алтарь, окруженный статуями святых, а за ним — дубовая скамья в форме подковы. Члены капитула восседали на ней во время своих собраний, окруженных глубочайшей тайной.

Посреди главного корабля была винтовая лестница, она вела в подземную церковь — «крипту», служившую усыпальницей для многих предшественников Жака де Молэ. Их хоронили в полу под массивными каменными плитами. Здесь, рядом с местом, где со временем должен был закончить жизненный путь сам Жак де Молэ, и был захоронен привезенный из Палестины гроб его предшественника и друга — Великого магистра де Боже.

Что касается казны, то она хранилась в нескольких ярусах подземелья, под башней Великого магистра. О размерах этой казны знали только Жак де Молэ и Великий казначей ордена.

«Золото — великолепная вещь. Имея золото, можно сделать все, что ты хочешь. Можно даже обеспечить душе место в раю», — говорили в средние века.

Богатства тамплиеров были сказочными, хотя они и называли себя «бедным рыцарством Христовым из храма Соломонова».

В первом крестовом походе в 1099 году был завоеван Иерусалим. Победе крестоносцев немало способствовали внутренние распри, разобщавшие мелких мусульманских властителей Северной Африки. Но невероятная жестокость, которую проявили рыцари Христовы при штурме города, сплотила весь мусульманский Восток.

Когда завоеватели создали в Палестине Иеру-

салимское королевство, борьба не прекратилась. Дороги королевства, по которым двигались на поклон к легендарным евангельским местам многочисленные толпы паломников, беспрерывно подвергались нападению воинственных степных кочевников. Многие богомольцы несли с собой деньги, и их судьба, разумеется, была не безразлична христианскому духовенству. Для защиты паломников, идущих в Иерусалим, и возник в 1119 году орден «бедных рыцарей», которым за их службу было обещано отпущение грехов и место в раю.

«Главное же их назначение состояло в том, чтобы они, по мере сил, охраняли пути и дороги на пользу паломникам, от коварства разбойников и от нападений», — говорится в старинной хронике.

Орден получил в свое владение полуразрушенный замок вблизи руин древнего храма, построенного некогда иудейским царем Соломоном. Отсюда название ордена «тамплиеры», или храмовники (от французского слова «тампль» — храм). Тамплиеры, подобно монахам, величали друг друга «братьями» и давали монашеский обет безбрачия, бедности, нестяжательства. Принимались в члены ордена только дворяне.

Первые тамплиеры, по словам современника, «носили светское платье, пользуясь теми одеждами, которые им жертвовал во имя спасения души народ». По-видимому, они искренне служили своему делу и вели суровую жизнь, полную опасностей и лишений.

Но через несколько десятков лет орден начал быстро богатеть. Оказывается, «защитники» сами

занялись разбоем. Они начали с нападений на караваны арабских купцов, а вскоре переключились на тех самых паломников, защищать которых были призваны.

Насилия, убийства, шантаж, подделка завещаний — все шло в ход, чтобы пополнить казну «бедных братьев». Награбленное богатство позволило тамплиерам добиться особых прав. Земли орденских замков перестали облагаться налогами. Лица, поступающие в орден, теперь освобождались от ответственности за совершенные ранее проступки и преступления. Церкви ордена не платили церковных поборов. Вскоре под властью ордена оказываются не только земли на Востоке, но обширные владения в Европе. «Говорят, что владения их как по эту, так и по ту сторону моря до того велики, что нет уже в христианском мире области, которая не отдавала бы части своих владений упомянутым братьям. И, говорят, что по богатству они теперь равны королям», — писал один из летописцев еще за сто лет до событий, о которых мы собираемся рассказать.

Хроники того времени полны упоминаний о нападениях, совершенных тамплиерами на своих близких и дальних соседей, о грабежах на проезжих дорогах, о мучениях и пытках, которым тамплиеры подвергали захваченных ими людей, чтобы получить выкуп.

Один из законов тамплиеров гласил: «Никакое преступление, совершенное на пользу ордена, не является грехом». Священники ордена разрешали его членам самые страшные преступления.

В XIII веке орден становится крупнейшим рос-

товщиком Европы. Тамплиерам принадлежит сомнительная честь изобретения векселей — долговых обязательств, заменяющих деньги. Благодаря векселям золото еще быстрее стало накапливаться в подземельях орденовских замков.

К концу XIII века во власть ордена попадают пять замков в Сирии, остров Кипр (который орден купил у английского короля Ричарда Львиное Сердце), двадцать семь замков в Испании и Португалии, двадцать пять феодальных владений в Англии. Поместья тамплиеров в Германии, Италии, Сицилии, Венгрии, Моравии, Богемии и Франции насчитывались сотнями.

Замки тамплиеров были роскошнее королевских дворцов. Не случайно английские короли, приезжавшие в Париж с визитом, останавливались со своей свитой не в королевской резиденции — Лувре, а в Тампле — замке парижских храмовников.

В народе стали расти самые невероятные слухи о роскоши, расточительстве надменных членов ордена, разврате и пьянстве тамплиеров. Выражение «пить, как тамплиер» вошло в поговорку. Слухи передавались вполголоса, потому что у ордена были всюду уши и длинные руки.

О таинственных церемониях, которые совершаются в орденовских замках, говорили шепотом и озираясь. Говорили, что того, кто выдаст или случайно проболтается о тайнах ордена, ждет мучительная смерть в подземных узилищах орденовских башен; говорили, что во время церемоний в орденовской церкви магистр торжественно отрекается не только от власти папы, но и от самого Иисуса Христа. Что «истинным Богом» он считает некое-

го Бафомета, перед идолом которого храмовники пьют вино, смешанное с пеплом сожженных покойников.

Говорили, что в церкви тамплиеры плюют на распятие, поют непристойные песни перед иконами; что у них есть свои секретные заклинания; что они знают особые таинственные знаки, с помощью которых вызывают покойников с того света и отмечают места, где спрятаны сокровища...

Мало было европейских королевств, княжеств и графств, которые не были бы должны ордену тамплиеров. Главным должником ордена стал французский король Филипп Красивый. Его долг ордену составлял астрономическую сумму.

Орден с большой выгодой использовал свое положение кредитора короля и держал себя как особое государство в королевстве французском.

Филипп Красивый вел бесконечные войны, стремясь округлить свои владения, занимавшие не более трети нынешней Франции. А войны требовали денег. Налогов и податей королю не хватало, и он пускался на всякие жульничества.

На монетном дворе в Париже полновесные монеты, которые привозили сборщики налогов, обтачивались. Из опилок чеканились новые монеты. Из ста монет получали сто десять-сто пятнадцать. Но и этого было мало.

Филипп Красивый имел большой опыт «оплаты» долгов. В начале своего царствования он задолжал ломбардским ростовщикам. Когда они потребовали возврата денег, французский король схватил своих кредиторов и сгноил их в тюрьме.

Позже он занял большие деньги у еврейских

банкиров. Когда пришел срок платежа, король издал закон об изгнании евреев из Франции с конфискацией их имущества. По «случайности» жертвами конфискации стали все те, кому был должен король.

Филипп захотел проделать такую же операцию с тамплиерами. Однако с ними справиться оказалось не так-то просто. Они обладали сильным войском и пользовались покровительством римского папы. Бонифаций VIII, злейший враг Филиппа, никогда не допустил бы ареста одного из высших сановников католической церкви — Великого магистра тамплиеров.

Напасть на орден можно было только после победы над папой. Филипп Красивый приказал обложить налогом церковные земли во Франции. Бонифаций VIII отказался платить: церковные налоги должны отправляться только в Рим. Папа объявил, что священников, которые станут платить налог королю, постигнет тяжелая кара. Король не получил денег и в отместку запретил под страхом смерти вывозить из своего королевства золото и серебро. Папа также перестал получать деньги с церковных земель во Франции.

Он разразился посланием. Кто такой король? — Человек. А кто такой папа? — Наместник самого Бога. Подобно тому, как на небе есть два светила: «большое» — солнце и «малое» — луна, так и на земле есть папа и король. Блеск королевской власти всего лишь отражение власти папы, и король обязан ему подчиняться.

В ответ Филипп выпустил фальшивые грамоты, якобы случайно найденные в королевских ар-

живах. Это были поддельные письма пап к королям и такие же поддельные ответы французских королей, высмеивающие претензии пап. Они были написаны так, чтобы все видели, как мудры короли, как гордо и вместе с тем твердо отвечали они не достойным своего сана папам. Грамоты читались на площадях.

Папа стал грозить королю «отлучением». Отлученный человек не смел перешагнуть порога церкви, что, по представлениям средневековых людей, обрекало его на адские муки. Но Филипп не только не испугался, а заявил, что отлучение недействительно, потому что папа — вор, плут, разбойник, предается волшебству, имеет своего собственного, так сказать, индивидуального демона, сечет до смерти священников и монахов и вообще папа — еретик.

Дело кончилось тем, что сторонники короля ворвались в покои папы, разогнали кардиналов и папских слуг, разграбили все ценности, что были в папском дворце, а один из королевских воинов железной рыцарской перчаткой отпустил папе такую пощечину, что старик, не выдержав, умер.

Римского папу избирает конклав: ровно через десять дней после смерти предыдущего папы собираются в алых мантиях и красных широкополых шелковых шляпах высшие сановники церкви — кардиналы. При свете восковых свечей они творят молитвы в Соборе святого Петра и дают клятву выбрать самого мудрого и достойного из своей среды. Избранному вручают многоярусную золотую тиару — символ папского сана.

Конклав заседает в обстановке глубокой тайны.

Кардиналов запирают двойными замками в особом помещении. Замки запечатывают двойными печатями.

На конклаве в 1305 году произошло такое, чего не знала история католической церкви.

Король Франции подкупил всех кардиналов. Это, конечно, было не простым делом — кардиналы постарались набить себе цену, однако агенты короля не хотели переплачивать. Торг затянулся на 11 месяцев. 11 месяцев христианская церковь была лишена духовного главы. Но Филипп добился своего — папой оказался его ставленник Климент V.

Предварительно новый папа дал обещание распустить орден «бедного рыцарства Христова». Обещание было дано письменно, скреплено подписью и печатью. Климент V находился в полной зависимости от французского короля. Тот даже заставил римского папу покинуть Рим и вместе с папским двором переехать во владения Филиппа — французский городок Авиньон.

К тому времени Великим магистром ордена тамплиеров стал бургундский дворянин Жак де Молэ. Свой высокий сан Жак де Молэ получил хитростью. Он воспользовался разногласиями между французскими и английскими тамплиерами на выборах главы ордена, сумев сложными маневрами столкнуть обе партии лбом. Это обеспечило ему избрание.

Но своими интригами новый Великий магистр восстановил против себя французских тамплиеров и, чтобы наладить с ними отношения, отправился в Париж.

Здесь он был обласкан Филиппом, умевшим при желании быть обходительным, щедрым. Возможно, что именно тогда король заронил в уме Великого магистра идею перебраться в замок Тампль у стен Парижа.

Еще в середине XIII века турки вытеснили крестоносцев из Палестины. Резиденцией ордена стал замок Лимасол — на острове Кипр. Но усиление мусульманских государств в Малой Азии сделало пребывание ордена и на Кипре небезопасным. В 1306 году Жак де Молэ вспомнил любезное приглашение Филиппа и решил переселиться в Париж.

Климент V ненавидел в душе короля и, видя в ордене союзника, осторожно намекнул Великому магистру, что не следует перевозить во Францию казну ордена. Письмо папы застало магистра еще на острове Кипр, но своевольный Жак де Молэ верил в силы тамплиеров и не считал совет папы для себя обязательным. О сговоре папы и короля он, конечно, не знал. Торжественный прием в Париже окончательно рассеял его опасения, если, конечно, они еще оставались, — Филипп Красивый, оказав магистру королевские почести, усыпил его бдительность.

Одновременно коварный король стал требовать у Климента выполнения клятвы. Папа колебался. И Филипп решил его подтолкнуть. В одной из тюрем Франции были подобраны «свидетели». Им обещали освобождение, если они покажут, что тамплиеры поклоняются языческому идолу. Запасшись «уликами», король потребовал, чтобы папа признал тамплиеров еретиками.

Папа назначил следствие. Но уполномоченные им монахи были сторонниками ордена и недоброжелателями короля. Следствие ничего не дало, и Филипп решил взять дело в свои руки. В сентябре 1307 года всем отрядам французского войска были вручены приказы о выступлении. Зачем — никто не знал. На заре 13 октября 1307 года войска получили новый приказ — начать грандиозную облаву на тамплиеров. «Дух и разум страдают, — говорилось в королевском приказе, — видя людей, столь отдалившихся от природы».

Великого магистра де Молэ и трех высших савновников ордена арестовал легист Гийом де Ногарэ. Незадолго до этого он стал Великим инквизитором Франции.

Так, ровно через год после торжественной встречи король бросил Великого магистра в темницу. Он писал в своем манифесте: «Мы, которые поставлены Богом на страже справедливости и свободы, зрело обсудив с прелатами и баронами и другими советниками, приказали арестовать всех членов ордена в нашем королевстве; всех, без исключения, предать суду церкви, а их движимое и недвижимое имущество конфисковать и передать в наши руки».

«Домини канем» — псы Господа. Так называли себя в средние века члены монашеского ордена доминиканцев. Они же, подобно собакам, выслеживают ересь и разрывают еретиков на куски. Орден доминиканцев поставлял всей Европе церковных судей — инквизиторов.

До середины XII века инквизиторы подчинялись только папам, но позднее во Франции инкви-

зация попала в зависимость и от власти короля. Короля и инквизиторов объединяла алчность: имущество обвиненных в ереси они делили между собой.

Инквизиторы проводили расследования в тайне. Свидетелями обвинения здесь могли быть мошенники, убийцы и клятвопреступники. Обвиняемому не назывались их имена и не разрешались очные ставки. У него не было защитников, часто он даже не знал, кто и в чем его обвиняет. Процесс длился нередко годами, и все это время обвиняемый гнил в сырой темнице.

Инквизиторы сначала уговаривали свою жертву добровольно признаться в преступлениях, но если обвиняемый отказывался, его подвергали пыткам. В способах мучительства и изуверства доминиканцы были неистощимо изобретательны, и Гийом де Ногарэ был в этом отнюдь не последним.

Изувечить или убить человека — грех. А Гийом грешить не хотел. Церковь запрещает своим служителям «отнимать жизнь и сокрушать члены». Поэтому инквизитор следил, чтобы палач случайно не сломал кости Жака де Молэ, который долго не признавал себя и орден тамплиеров виновными в ереси. Инквизиция была не только жестока, но и лицемерна.

В конце концов Великий магистр и другие тамплиеры не выдержали пыток и «сознались» во всем, что от них требовали. Да, тамплиеры плевали на Христа. Да, не верили в бессмертие души. Да, они поклонялись идолам...

Климент V, выступивший было в защиту орде-

на, понял, что тамплиеров ему не спасти. Не дожидаясь конца процесса, он заявил о роспуске ордена и потребовал, чтобы по всему христианскому миру членов ордена передали в руки инквизиции.

...В последний раз прошел по Парижу магистр ордена тамплиеров босой, в колпаке из желтой льняной ткани, на которой были нарисованы черти и языки пламени. Языки смотрели вверх, что значит сожжение заживо. Когда-то Великого магистра сопровождали слуги и оруженосцы. Теперь перед ним шли сто угольщиков (поставщики материала для костра) и двенадцать священников в белых облачениях. Замыкали шествие доминиканцы в черных сутанах и капюшонах, закрывавших лица.

Жак де Молэ и члены Капитула ордена сожжены на одном из островов Сены в присутствии короля и его семьи.

Казна тамплиеров была конфискована задолго до того, как языки пламени коснулись Жака де Молэ. Филипп лично проследил за тем, чтобы ни одна монета не прилипла к рукам его вельмож и инквизиторов. Короне передавалось все.

Но у тамплиеров оказалось меньше денег, чем можно было предположить. Очевидно, часть своих сокровищ тамплиеры успели поместить в тайники, доступные лишь посвященным. Не исключено, что они и всегда находились в тайных хранилищах, ибо высшие чины ордена не доверяли низшим. Возможно, Жак де Молэ, хотя и не допускал возможности своего ареста, все же принял меры предосторожности.

Прошли века. И вот в 1745 году немецкий архивариус Шитман опубликовал найденный им документ. В нем утверждалось, что Жак де Молэ перед смертью передал юному графу Гишару де Боже следующее:

«В могиле твоего дяди Великого магистра де Боже нет его останков. В ней находятся тайные архивы ордена. Вместе с архивами хранятся реликвии: корона иерусалимских царей и четыре золотые фигуры евангелистов, которые украшали гроб Христа в Иерусалиме и не достались мусульманам.

Остальные драгоценности находятся внутри двух колонн, против входа в крипту. Капители этих колонн вращаются вокруг своей оси и открывают отверстия тайника».

Жак де Молэ заставил графа де Боже поклясться, что он спасет сокровища и архивы и «сохранит до конца света».

После того, как Жак де Молэ был сожжен, а орден навеки запрещен, молодой граф де Боже испросил у Филиппа Красивого разрешение увезти из Тампля прах своего родственника. Он якобы вынул из колонн золото и драгоценные камни и вместе с гробом перенес архивы и ценности в новый тайник.

Сообщение архивариуса Шитмана взволновало в свое время всю Европу. Его версия получила косвенное подтверждение: одна из колонн в церкви тамплиеров оказалась полой. Куда же переправил сокровища Гишар де Боже?

Одни полагали, что золото вернулось на Кипр, единственное место, где суд над тамплиерами

окончился их оправданием. В таком случае сокровища хранятся в орденском замке в Лимасоле (где их безуспешно ищут вот уже полтора столетия).

Другие уверяли, что клад должен быть во владениях графов де Боже. Естественнее всего, по их мнению, было бы перенести гроб с мнимыми останками Великого магистра в фамильный склеп его семьи.

Последнее предположение считалось настолько вероятным, что во времена Великой французской революции замок де Боже был разобран и перекопан. Но ни в склепе, ни в подвалах сокровищ не оказалось.

В 70-х годах XIX века при реконструкции Парижа Наполеоном III была снесена церковь тамплиеров. Оказалось, что одна из могил в подземелье — пуста. Не исключено, что это та самая мнимая могила магистра де Боже, в которой Жак де Молэ хранил архив и сокровища.

Поиски начались сызнова. В конце XIX века были найдены документы, гласящие, что графам де Боже, кроме родового поместья, принадлежало и поместье Аржиньи. Средневековый замок с башнями, сводчатыми входами и глубокими рвами, заполненными водой, до сегодняшнего дня прекрасно сохранился в департаменте Рона. В начале XIV века он лежал за пределами владений Филиппа Красивого и не пострадал во время облавы 1307 года.

Особенно хороша башня, сложенная из отлично обтесанных глыб местного камня. Башня имеет вверху восемь отверстий и называется Башней Восьми Блаженств.

Владеет замком Жак де Розмон.

Уже отец нынешнего Розмона заинтересовался предполагаемым тайником. Сын не придавал значения легендам, пока в 1950 году его не посетил загадочный английский полковник и не предложил продать ему замок за невероятно высокую цену — сто миллионов франков.

Возникло предположение, что в английских архивах найдены какие-то сведения о сокровищах тамплиеров.

Как бы то ни было, Розмон продать замок отказался.

В 1952 году исследовательница тайнописи тамплиеров де Грация заявила:

«Я обнаружила в Аржиньи «знаки-ключи». Эти знаки фигурируют и на гербе у входа, и на стенах, всюду. Я узнала «египетский знак», указывающий на существование здесь сокровища мирского и одновременно духовного».

Действительно, замок Аржиньи весь испещрен странными знаками, на которые тамплиеры были большие мастера. Ключ ли это к сокровищам или магические заклинания против козней волшебников, в которых верили тамплиеры, неизвестно.

С разных концов Франции в Аржиньи стали являться искатели кладов. Но начать раскопки Розмон никому не позволил и решил сам заняться поисками.

«О принадлежности Аржиньи Великому магистру ордена Гийому де Боже знали лишь избранные тамплиеры, — заявил он. — Замок был вне пределов досягаемости Филиппа Красивого, возможно, что сокровища были помещены именно

сюда. Но нельзя, не руководствуясь ни научным методом, ни разумными доводами, посягать на стены моего владения. Эмпирики умеют только разрушать, но никогда ничего не находят. Только научный метод может привести к ценным открытиям».

...Однажды в Аржиньи прибыл некий «магистр оккультных наук» Арман Барбо, имевший забавную привычку писать слово «Аржиньи» рядом со знаком доллара. Этот знак весьма древнего происхождения, по-видимому, имел какое-то значение в тайнописи тамплиеров. Арман Барбо и должен был использовать в поисках «строго научный метод».

Очевидец оставил нам удивительный рассказ о том, как шли поиски клада в Аржиньи под руководством Барбо. «Перешли к ночным «вызовам» в Башне Восьми Блаженств способом постукивания, в результате чего... явились духи одиннадцати тамплиеров — хранителей сокровищ. Все отчетливо слышали одиннадцать ударов: они были настолько ясными, как будто там, за стенами башни, кто-то стучал молотком. Одиннадцать тамплиеров соглашались ответить на вопросы, однако отвечали довольно бессвязно, а сказать, где спрятано сокровище, отказывались наотрез»...

Секрет сокровищ должны были, оказывается, поведать сами тамплиеры, спешно вызванные в Аржиньи «магистром оккультных наук» с того света. Совершив столь утомительный путь, они, однако, ничего вразумительного сказать не смогли.

Тем не менее, несмотря на неудачу, Барбо во-

зобновил свою странную деятельность. На этот раз он решил применить гипноз и обращаться с духами через загипнотизированное лицо (медиума). Был ли его медиум действительно под действием гипноза или Барбо привлек в качестве сообщника другого шарлатана, нам неизвестно. Да это вовсе и не важно.

«В ночь на св. Иоанна мы приступили к Великому заклинанию, — продолжает свидетель. — Барбо через медиума вступил в общение с хранителями сокровищ, и медиум произнес следующее:

— Я вижу сундук, который движется по рельсам в мою сторону. Механическая рука в железной перчатке, как по волшебству, погружается в сундук и вынимает оттуда золото. Сейчас его на столе целая грудка...

Начальник стражей — рыцарь лежит в гробу. Он хотел бы выйти из могилы. Но для этого нужна Великая церемония с семью ритуальными заклинаниями».

Барбо заявил, что осведомлен лишь в вопросах Великого заклинания, а по Великой церемонии с семью заклинаниями — он не специалист. А так как без Великой церемонии духи ничего открыть не хотят, то магистр отложил поиски впредь до раскрытия тайны церемонии...

Неудача Барбо не обескуражила и некоего писателя Брейера, утверждающего, что он более искушен в тайнах загробной жизни. Последовали новые «вызовы» в Башне Восьми Блаженств. Брейер обратился к Гийому де Боже со словами: «Мой славный кузен» и попросил открыть тайну сокровища. Он предложил умершему 800 лет на-

зад тамплиеру любопытную сделку: в обмен на сокровища он... обещал познакомить его с молодой красоткой. Несмотря на соблазнительные предложения Брейера, Великий магистр остался недвижим в своей могиле. Он не оказался более уступчивым, чем прочие духи, и ничего не открыл новоявленному «кузену»... Трудно поверить, что в наши дни кто-то может всерьез принимать подобные «научные» методы, чтобы решить загадку столетий. Видно, уж очень велико желание некоторых наших современников получить наследство из XIV века, но приподнять завесу таинственности, окутавшую клад тамплиеров, пока не удалось никому. Удастся ли когда-нибудь?

(Борис Бродский. Ненайденные сокровища. — М.: Знание, 1965)

2. ЗОЛОТЫЕ КОНИ ХАНА БАТЫЯ

Немалый интерес историков вызывает легенда, связанная с именем основателя Золотой Орды монгольского хана Батыя, точнее — с его золотыми конями. Что же это за кони?

В грабительских походах и набегах Батый захватил огромное количество золота. Стремясь подчеркнуть свое богатство, величие и могущество, честолюбивый хан повелел мастерам отлить двух золотых коней в натуральную величину. Приказ был выполнен, и литые кони солнечной масти украсили ворота Сарай-Бату — столицы Золотой Орды.

Но смертны и ханы. Когда Батый умер, его младший брат и преемник хан Берке решил воздвигнуть в нижнем Поволжье новую столицу, которая была бы еще помпезнее и величественнее прежней. Вскоре Сарай-Берке был построен, и туда переселились скульптурные кони Батыя.

Шли годы и десятилетия. Время неумолимо сменяло властелинов Золотой Орды. От одного хана к другому переходили по наследству и литые красавцы. Когда в 1380 году скончался хан Мамай, его погребли под стенами Сарай-Берке и вместе с ним в могилу опустили одного из золотых коней.

Его близнецу была уготована иная судьба. Отряд отважных русских воинов совершил дерзкий набег на Сарай-Берке и «пленил» золотого коня. Враг устроил погоню за смельчаками, и тем не оставалось ничего иного, как спрятать свой драгоценный трофей на дне встретившейся им на пути

стелной речушки, а самим вступить в неравный бой со значительно превосходившими силами преследователей. В этом сражении пали все до одного русские воины, унеся с собой в небытие тайну золотого коня.

После того как в конце XIV века полчища Тимура разорили Сарай-Берке, бесследно исчез и тот конь, что, по преданию, находился в могиле Мамаю.

Были ли эти кони на самом деле или они существовали только в легенде? До сих пор однозначного ответа на этот вопрос нет.

(С. И. Венецкий. Где клады зарыты? — М.: Знание, 1989)

3. ТАЙНА ХАНСКОЙ КАЗНЫ

Немного моложе, если верить легенде, клад, покоящийся в водах казанского озера Кабан.

Согласно преданиям, когда войска Ивана Грозного подошли к Казани, несметные ханские сокровища были тайно, под покровом ночи, опущены на дно озера, в северной его части. Лишь несколько человек из окружения хана знали об этой ночной операции, в результате которой вода укрыла множество ювелирных изделий из драгоценных металлов и камней, золотых и серебряных слитков, монет различного происхождения — арабских, персидских, турецких, русских, западноевропейских. Общий вес сокровищ, «утонувших» в озере Кабан, измерялся тоннами, зато трофеи Ивана Грозного оказались куда скромнее, чем он предполагал. Тайна ханской казны передавалась из поколения в поколение тех немногих семейств, что вели свои родословные от близких сподвижников казанского хана. В начале нашего века кто-то из посвященных в тайну уехал за границу, и вскоре одна из иностранных компаний обратилась к Казанской думе с выгодным, казалось бы, предложением: очистить озеро Кабан от скопившегося в нем многовекового ила. За свои труды компания запросила совсем скромное вознаграждение: весь найденный на дне мусор и хлам должен был поступить в ее распоряжение. По каким-то причинам эта «экологическая» акция не состоялась, а свершившаяся спустя несколько лет революция привнесла в жизнь горожан множество новых проблем и за-

бот. О мифических сокровищах хана вскоре забыли.

Прошло немало лет. В конце 40-х годов некоторые жители Казани стали свидетелями события, заставившего вспомнить о древней легенде. Что же тогда произошло? В озере Кабан утонул мужчина, и в поисках трупа несколько лодок кружили в этом злополучном месте, прочесывая дно железными «кошками». Внезапно одна из лодок словно стала на якорь: ее «кошка» зацепилась за что-то очень тяжелое. К ней подошли остальные лодки, и сидевшие в них люди попытались общими усилиями вытащить добычу со дна озера. Однако задача оказалась не из легких: туго натянутая веревка звенела, но дело не двигалось с мертвой точки. Постепенно все же удалось раскатать груз и, перехватывая веревку руками, поднять его к поверхности воды. Взорам присутствующих предстал небольшой бочонок, который на вид казался не столь весомым, каким он был на самом деле. Сама собой напрашивалась мысль о том, что он набит чем-то тяжелым, например золотом. Оставалось поднять находку на борт лодки, но... покрытый слоем ила бочонок выскользнул из рук и мгновенно исчез под водой.

Сколько ни пытались подцепить его снова в тот же день и позднее, сделать это не удавалось: хотя глубина здесь небольшая — всего несколько метров, но под слоем воды лежит примерно такая же по высоте мягкая «перина» из густого ила, в который и погрузился таинственный бочонок.

Спустя примерно сорок лет, в 1988 году, была предпринята новая попытка найти бочонок с при-

влечением аквалангистов, но и на этот раз фортуна не пожелала почтить поиски своим присутствием.

Удастся ли когда-нибудь поднять бочонок со дна озера? Действительно ли в нем покоятся несметные богатства казанского хана? Пока эти вопросы не находят ответа — Кабан упорно не желает расставаться со своей тайной.

(С. И. Венецкий. Где клады зарыты? — М.: Знание, 1989)

4. СОКРОВИЩА МОНТЕСУМЫ

Если существование золотых коней хана Батыея или сокровищ ханской казны и вызывает сомнения, то в реальности кладов правителей латиноамериканских народов — ацтеков и инков — сомневаться не приходится: об этом говорят не только легенды, но и исторические документы. У древних жителей стран Латинской Америки золото считалось священным металлом, символом Бога Солнца. Огромные количества драгоценного металла скапливались у вождей и жрецов. Своеобразными хранилищами золота стали в этих странах храмы: потолок одного из них был весь усыпан ажурными золотыми звездами, золотыми стрекозами, бабочками, птицами, которые, словно невесомые, парили над людьми и были так великолепны, что их красота вызывала трепетное восхищение у всех, кто попадал в храм.

Впрочем, ступившие в начале XVI века на берега Американского континента испанцы и португальцы испытывали при виде сверкающих золотых шедевров отнюдь не трепет, а алчное желание тотчас же прибрать их к рукам. Эрнан Кортес, ставший завоевателем империи ацтеков, принялся грабить все подряд, проявляя при этом жестокость и вероломство.

Когда ацтекам стали ясны истинные цели «дружеского визита» заокеанских гостей, они поспешили понадежнее скрыть оставшиеся неразграбленными золото и серебро. Тогда-то и родились многочисленные легенды о припрятанных сокровищах правителя ацтеков Монтесумы.

...Кровавые сполохи пожаров день и ночь висели над израненным Теночтитланом — столицей империи ацтеков. Тушить их было некому и нечем. Акведук с ключевой водой давно разрушили испанцы, и драгоценную влагу добывали с трудом, по каплям, из старых колодцев с затхлой и полусоленой водой.

Почти три месяца голода, жажды и непрерывных сражений с бледнолицыми чужеземцами, стальным кольцом обложившими город. Казалось, еще один удар — и Теночтитлан падет: ведь есть же предел выносливости и терпения даже у самых стойких. Но наступал новый день, и, повинувшись призывному реву императорской трубы, сделанной из гигантской морской раковины, до предела истощенные ацтекские воины с новыми силами бросались на врага.

И все же неизбежное свершилось. По иронии судьбы день 13 августа 1521 года был отмечен в ацтекском календаре знаком «микиштли», что означает «смерть». Это и была смерть — смерть столицы, империи и целого народа. К полудню испанцам удалось пробиться почти к самому центру Теночтитлана. Кое-где, подобно языкам угасающего пламени, вспыхивали короткие, но ожесточенные схватки. Однако большинство уцелевших защитников бросилось к лодкам, чтобы по воде вырваться из агонизирующего города, заваленного грудями трупов и захлебнувшегося в волнах огня. В три часа дня над руинами ацтекской столицы в последний раз прозвучали резкие звуки диковинной трубы императора Куаутемока. По сигналу своего владыки десятки индейских суде-

нышек появились на водной глади бескрайнего озера Тескоко. Там, на противоположном берегу, едва заметном в голубоватой дымке тумана, ждало спасение. Но как только ацтеки выбрались из лабиринта каналов на просторы озера, на них, словно коршуны, набросились испанские бригантины. Ветер был попутный. И одетые в белую кипень парусов, корабли легко настигали утлые челны индейцев и безжалостно топили их, тараня своими корпусами и расстреливая из пушек и мушкетов.

В соленых водах озера Тескоко нашли свою могилу тысячи отборных воинов, составлявших главную силу и гордость ацтекской империи.

Уже под вечер капитан одной из испанских бригантин Гарсиа Ольгин заметил три большие индейские пироги, быстро идущие на веслах к противоположному берегу. Догнать их для парусника не составляло труда. И когда дула мушкетов и орудий угрожающе нацелились на сидевших в лодках людей, в одной из них раздался крик: «Не стреляйте! Здесь наш повелитель!» В то же мгновение молодой индейский воин, безучастно сидевший до этого на корме ладьи, вскочил и, бросив свой меч и щит, воскликнул: «Я Куаутемок. Веди-те меня к Малинцину (так звали индейцы предводителя испанских конкистадоров Кортеса). Я его пленник, но не причиняйте зла моей жене и слугам!»

Кортес находился в это время в пригороде Теночтитлана — Амашаке. Узнав о пленении Куаутемока, он приказал немедленно доставить его к себе...

Куаутемок появился перед конкистадором, окруженный плотным кольцом испанской стражи — целым отрядом отборных пехотинцев с мушкетами и копьями наготове. Твердым и спокойным шагом поднялся он на крышу дома, где ожидал его Кортес. Ацтекский монарх первым нарушил напряженное молчание.

— Я сделал все, что мог, для защиты моего народа. Но судьба была против меня. Поступай со мной, Малинцин, как тебе будет угодно. — А потом, взявшись за рукоять кинжала, который Кортес носил на поясе, с горечью добавил: — Убей меня этим кинжалом и тем избавь от ненавистной жизни.

Гордая осанка молодого императора, его мужественные слова настолько поразили Кортеса, что он постарался своей нарочитой учтивостью несколько утешить Куаутемока.

— Не беспокойся, — сказал он, — ты не подвергнешься ни малейшему оскорблению. Ты защищал свою столицу как храбрый воин: испанцы умеют уважать мужество даже в неприятеле.

Все лицемерие этих слов сказалось буквально через несколько дней. Но льстивые летописцы, шагавшие по пятам за конкистадорами, поспешили увековечить их для потомков.

Кортес торжествовал. Сбылись его самые сокровенные мечты: поверженная страна ацтеков со всеми своими богатствами лежит у его ног, а последний ее император сдался на милость победителя...

В ночь после падения ацтекской столицы Теочтитлана над долиной Мехико разразилась не-

виданной силы гроза. Яркие молнии, сопровождаемые оглушительными раскатами грома, вырывали на миг из густой темноты руины дворцов и храмов, груды неубранных трупов и сломанного оружия. А затем на многострадальную землю обрушился чудовищный тропический ливень, словно спешивший смыть с каменных плит улиц и площадей лужи крови. Казалось, это языческие боги навсегда покидают развалины древнего города, оплакивая его славное прошлое и трагический конец...

Через несколько дней, когда хмель победы выветрился из голов конкистадоров, в испанском лагере воцарилось всеобщее уныние. Теночтитлан, стоивший завоевателям стольких жертв и лишений, дал в конце концов лишь жалкие крохи тех сказочных ацтекских сокровищ, ради которых и отправились за океан все эти авантюристы. По самым оптимистическим подсчетам, общий объем добычи, захваченной в городе, составлял не более 130 тысяч золотых кастельянос. Это была примерно пятая часть того, что испанцы нашли в 1519 году в тайниках дворца Монтесумы и растеряли затем во время своего панического бегства в роковую «Ночь печали». (В 1519 году отряд Кортеса по разрешению Монтесумы вступил в Теночтитлан, но жестокости и вероломство испанцев вскоре вызвали всеобщее восстание ацтеков. Испанцы были разбиты и позорно бежали из города.) По договору, именно эту сумму (королевская доля составляла всегда пятую часть добычи) Кортес должен был отослать в Мадрид Карлу V. Так он и поступил, собрав для своего короля лучшие изделия

ацтекских ювелиров. Но когда испанский корабль, нагруженный золотом из Теночтитлана, приблизился к европейским берегам, на него напали французы. И обладателем диковинных заморских сокровищ неожиданно стал вместо Карла V французский король Франциск I. Золото и драгоценные камни, обгаренные кровью несчастных индейцев, так и не попали тогда в руки самого могущественного монарха Европы, подданные которого во имя святой веры и испанской короны творили на американской земле страшные злодеяния.

Среди солдат Кортеса росло недовольство. Разочарованные и озлобленные конкистадоры ломали голову, куда могли деться те фантастические груды золота, которые видели в кладовых теночтитланских дворцов их товарищи в 1519 году. И вдруг кто-то вспомнил об угрозе молодого ацтекского императора в разгар осады Теночтитлана.

— Передайте Малинцину, — заявил тогда Куаутемок, — первое, что мы сделаем, — это бросим все наши сокровища в воды озера, где вы их никогда не найдете, потому что мы не хотим, чтобы вы после нашей смерти наслаждались нашими же богатствами.

Над головой пленного теперь Куаутемока стали сгущаться тучи. Раздавались возмущенные голоса и по адресу самого Кортеса. Более того, на белых стенах солдатских барачков ежедневно начали появляться едкие шутки и эпиграммы, высмеивающие жадность и скупость завоевателя Мексики. Кортеса прямо обвиняли в том, что он обманом захватил для себя большую часть добычи: «одну

пятую как главнокомандующий и одну пятую как король». Только угроза суровой расправы заставила солдат прекратить такие нападки. Но на этом всеобщее недовольство отнюдь не кончилось. Напротив, с каждым днем напряжение росло.

Наконец наступил момент, когда королевский казначей Альдерете открыто обвинил Кортеса в том, что тот вступил в сговор с Куаутемоком и присвоил себе все спрятанные сокровища ацтеков. Одновременно чья-то опытная рука подбивала раздраженную солдатскую массу схватить Куаутемока и хотя бы с помощью пытки вырвать у него тайну пропавшего клада. Кортес сначала колебался и медлил, не решаясь отдать юного пленника в руки палачей. Еще бы, ведь речь шла о его личном престиже и рыцарской чести! Но затем, видимо испугавшись обвинений в заговоре против короля, уступил. И злодеяние свершилось.

Через семь дней после падения Теночтитлана Куаутемок, правитель Такубы и несколько других ацтекских вельмож были подвергнуты жестокой пытке огнем. Однако молодой император, доказавший свою храбрость на поле брани, не дрогнул и на этот раз. А когда правитель Такубы, не выдержав ужасных мучений, тихо застонал, Куаутемок повернулся к нему и с ледяным презрением сказал:

— Малодушный, а я, ты думаешь, наслаждаюсь или нахожусь в своей купальне?

Палачам так и не удалось сломить волю Куаутемока, и Кортес приказал прекратить пытку, что, впрочем, не может смыть с него пятна позора. Слово, данное им при капитуляции Теночтит-

лана повелителю ацтеков (не причинять пленным вреда и обиды), было нарушено.

Куаутемок, избавленный от мученической смерти на костре, с тех пор навсегда остался хромым, получив тяжелые ожоги обеих ног.

Позднее Куаутемок еще раз подтвердил, что большую часть золота ацтеки, как и намеревались, утопили в водах озера Тескоко. И все усилия лучших испанских ныряльщиков найти этот клад оказались напрасными. Зато поиски другой группы испанцев, несколько дней копавшихся среди обгоревших развалин дворца Куаутемока и в окружающем его саду, частично увенчались успехом. Из земли был извлечен огромный и тяжелый диск с изображением солнца, отлитый из чистого червонного золота.

Основная же часть ацтекских сокровищ бесследно исчезла. Тайна их не раскрыта до сих пор.

(Валерий Гуляев. Гибель падающего орла (отрывок). На суше и на море. — М.: Мысль, 1970)

5. ЗОЛОТО ИНКОВ

Не меньше легенд и сказаний, касающихся кладов, связано с именем другого латиноамериканского правителя времен конкисты — вождя инков Атауальпы.

Вряд ли среди жителей Перу найдется человек, который не слышал бы о сокровищах, спрятанных инками. В Перу каждый знает, что говорил о них один из завоевателей этой страны Педро Сесо де Леона:

«Если бы испанцы, войдя в Куско, не совершили столько злодеяний и не проявили свою жестокость убийством Атауальпы, я не знаю, сколько огромных судов потребовалось бы для перевозки в Испанию сокровищ, которые сейчас для нас потеряны, ибо те, кто зарыл их, — мертвы»...

ТАЙНА АТАУАЛЬПЫ

Был страшный август 1533 года. Как и прежде, щедро светило солнце, но не ласкали его лучи: древнее божество инков Великий Инти отвернул солнечный лик от своих детей, лишил их силы и разума, отдал во власть бородатых белолицых людей Франсиско Писарро. Испанцев было немного. Но, искусно используя междоусобную войну между наследниками Великого Инки братьями Атауальпой и Уаскаром, завоеватели стали хозяевами положения в стране.

Обещав Атауальпе помощь в борьбе с братом, Писарро заманил его в свой лагерь. Здесь гордого

инку заковали в кандалы и потребовали выкуп: Писарро предложил освободить Атауальпу, если тот наполнит золотом комнату, в которой был заключен.

— На какую высоту? — инка поднял руку: — Так? — Красная линия прочертила стены комнаты на высоте поднятой руки.

И Атауальпа обещал выплатить захватчику такой фантастический выкуп — около 30 кубических метров золота!

Немедленно были разосланы по всей империи гонцы Великого Инки. Чтобы быстрее передвигаться, они пользовались носилками. Носильщики несли их бегом, сменяясь через равные промежутки времени. Посланцы должны были передать местным вождям «кипу» — цветные шнурки с узелками: в них содержались приказы Великого Инки.

Груда золота росла, но когда двухмесячный срок, назначенный Писарро, истек, оговоренная высота еще не была достигнута.

Инка улыбался: «Немного терпения!» Разве недостаточно, что все прилегающие к Кахамалке дороги забиты носильщиками, сгибающимися под тяжестью сосудов с золотом...

Комната в конце концов была наполнена золотом и серебром. Писарро оказался владельцем сокровища, какого не имел в своих сундуках ни один из европейских монархов. Стоимость этой груды металла составила бы в наше время около 3 430 000 долларов или 1 225 000 фунтов стерлингов.

Атауальпа уплатил выкуп. Но Писарро не собирался вернуть ему свободу. Он знал, что выка-

чал далеко не весь запас империи. Инка, находясь в тюрьме, плел интриги против своего соперника Уаскара и в конце концов добился его умерщвления. Писарро, приказав зарезать Уаскара, получил великолепный козырь в руки: он тут же обвинил Атауальпу в братоубийстве и устроил ему суд по всей форме испанской юриспруденции.

Трибунал совещался недолго. Индейский монарх должен быть сожжен заживо. «Милосердные» испанцы предложили окрестить его перед смертью. Он согласился, и они заменили сожжение менее мучительной казнью.

Вечером 26 августа 1533 года на площадь в Кахамалке вывели новоявленного христианина Хуана де Атауальпу, сопровождаемого священниками и окруженного огромной толпой. Приставка «де» утверждала его в дворянском звании, а испанских дворян не вешали — смерть на виселице позорна. Дворян удавливали, и это считалось более почетным.

На шею инке надели ошейник... Он умер, не сводя глаз со своего палача.

Вот, пожалуй, и все. Но накануне смерти...

Накануне смерти обреченный Атауальпа тайком переправил верным людям свое последнее прощальное письмо — кипу. Оно было необычным. Узелки были привязаны не к веревке, а к бруску золота. 13 узелков, последнее послание последнего инки. Что было в этом письме? Ответить на это пока не может никто.

Факт тот, что сокровища из храмов почти в тот же день бесследно исчезли.

В районе Куско известие о смерти Атауальпы застало в пути одиннадцать тысяч лам, груженных золотом, но оно также исчезло, в руки испанцев не попало...

НЕНАЙДЕННЫЕ СОКРОВИЩА ИНКОВ

Четыре с лишним века золото инков будоражит умы охотников за сокровищами. В древних рудниках Перу и на высоких плато, в глухих пещерах и на склонах Анд — во всех уголках бывшей империи инков роются кладоискатели. Их воображение воспалено не без основания: золото инков существует, оно не легенда. Слишком много сведений о нем перекачивается из поколения в поколение.

Искать золото инков начали еще сами завоеватели. Они считали, что большую часть золота индейцы спрятали в горах Азангар, что на языке кечуа означает «самое отдаленное место». Это была восточная, наиболее труднодоступная оконечность империи инков, не исследованная, по существу, и донныне.

Однако, по словам хрониста, самим испанцам удалось найти лишь ничтожную часть сокровищ. Когда они начинали пытаться сразу трех или четырех индейцев, добываясь от них признаний, то случалось, один из индейцев говорил: «Остальные знают». Когда же остальные подвергались допросу, то, в свою очередь, отвечали то же самое и погибали медленной и мучительной смертью.

Другой хронист пишет, что индейцы пожимали

плечами и утверждали, что они сами не знают, где тайники.

Но они многое знали. В доме индейца Катуньи, в городе Кито, в 1564 году — после его смерти — монахи нашли подземелье с плавильной печью, здесь же лежали слитки золота и непереплавленные изделия древних ювелиров, очевидно извлеченные из тайника.

Большое количество инкского золота нашел в южном Эквадоре в 1787 году некий капитан Роме-ро. Он переплавил его в слитки, и для науки оно, разумеется, пропало.

Сохранилось донесение испанскому королю бывшего солдата Вальверде, служившего в Эквадоре в конце XVI века. Вальверде женился на дочери индейского вождя, который отвел его в тайник, находившийся в Льянганати. Здесь Вальверде взял лишь столько золота, сколько мог унести, и с ним уехал в Испанию.

Эквадорские историки утверждают, что Вальверде действительно существовал и что упоминаемый документ — подлинный. Клад Вальверде в начале XX века разыскивали американский полковник Брукс, австриец Тур де Косс, американец французского происхождения Ричард д'Орсей. Эти попытки не имели успеха, ибо Льянганати лежит в исключительно труднодоступной местности.

Любопытно, что кладоискатели не нашли расхождений между указаниями документа Вальверде и топографией местности.

В 1933 году организовал экспедицию в Льянганати итальянец Лох. Обе экспедиции двигались

по маршруту, указанному Вальверде, но им не удалось, по разным причинам, дойти по нему до конца...

В 30-х годах нашего века в Лиме истощенный и полубезумный белый авантюрист, умиравший от какой-то тропической болезни, рассказывал, что он пробился в Азангар, о котором испанские хронисты писали как о месте, где спрятаны сокровища инков, и видел храм, облицованный золотом. Всех его спутников убили индейцы...

Уже почти триста лет ведутся поиски и вокруг Куско. Известно, что из священного города исчезла цепь, которая в дни праздников протягивалась через его главную площадь. Она была из золота, и, чтобы поднять ее, требовалось 200 человек. В архивах Куско есть документ, в котором рассказано об индейце дон Карлосе, женатом на испанке. Дон Карлос якобы водил жену в подземелье под крепостью Саксауаман, и она видела там золотую цепь и золотые статуи.

Существует и другая версия того, куда была спрятана золотая цепь. Согласно этой версии, инки сбросили ее в воды глубокого озера вблизи деревни Уркос.

Это озеро представляет собой заполненный водой кратер древнего вулкана. Дно его покрыто многометровым слоем тонкой грязи и ила. Здесь, на большой глубине, укутанная грязевым покрывалом, и покоится многотонная цепь из чистого золота.

Исчезли также золотые пластины, которыми Уаскар собирался облицевать дворец в Куско. Поиски пластин тоже остаются пока безуспешными.

За все время, кажется, лишь один дон Хозе Эузебио де Льяно Сапата нашел в 1766 году клад в районе города, стоимостью в 800 000 песо. Сумма действительно колоссальная!

Обращает на себя внимание то, что на поиски золота инков до сих пор не было послано крупных, оснащенных современной техникой экспедиций. Серьезные, заслуживающие доверия авторы объясняют это боязнью правительств Перу, Боливии и Эквадора вызвать волнения индейских племен. До сих пор индейцы в этих странах говорят на языке древних инков, передают из уст в уста рассказы о существовавшей когда-то великой индейской империи. Доныне они верят в возрождение государства Солнца, разрушенного завоевателями, и ревниво относятся ко всему, что связано с его былым величием...

ПОИСКИ ЗОЛОТА ИНКОВ НА ВУЛКАНЕ САНГАЙ

Доктор Курт фон Риттер из Кито, эквадорец немецкого происхождения, в начале шестидесятых годов принялся последовательно изучать старинные дороги и тропы, бегущие на север от Куско. Одна из таких дорог, причудливо обвивая подножия Анд, устремлялась к вулкану Сангай. Двигаясь путями инков к подножию вулкана, Риттер вдруг обнаружил, что миновал по дороге двенадцать четко выраженных в рельефе снежных пиков. Сангай был тринадцатым (помните, 13 узелков на золотом бруске Атауальпы?)...

На стыке Западной и Восточной Кордильер (так называют главные цепи Анд) в вулканическом горном узле стоит увенчанный снежной шапкой один из самых активных вулканов мира, неприступный и страшный Эль-Сангай. Это священная гора индейского племени хиваро, место захоронения вождей и героев. Но одновременно Сангай — священный Бог Огня древних инков, изрыгающий пламя часовой, охранитель этого народа. Над его вершиной неизменно стоит столб паров и пепла. Бог Огня выбрасывает ядовитые газы и швыряет раскаленные камни размерами с двухэтажный дом на головы тех, кто осмеливается подниматься на его склоны.

Доктор Риттер твердо решил, что инкское золото находится на Сангае. Но прежде чем начать поиски, он стал заботливо искать факты, подтверждающие верность его гипотезы.

Он свел знакомство с индейцами хиваро, жившими у подножия Сангае (это уже само по себе требовало известного мужества, потому что хиваро по сей день наделены репутацией «охотников за головами»), и, улучив минуту, задал им невинный вопрос: не попадались ли им на склоне горы какие-нибудь фигурки? Риттеру принесли крошечную резную статуэтку, только что найденную детьми.

Археолог сразу узнал в женской фигурке инкскую Богиню Созидания Илья-Тику. Боясь поверить своему счастью, доктор бережно принялся счищать с фигурки приставшую к ней лавовую корку. Богиня Созидания была отлита из чистого золота.

Призвав на помощь могучее искусство перевоплощения, изображая полнейшее равнодушие, Риттер попросил хиваро показать ему то место, где был найден идол. Его привели на обрыв, переходивший в исполинское ущелье. Место это находилось на высоте примерно двух тысяч метров, чуть ниже того уровня, где висят облака, почти постоянно окутывающие вулкан.

Риттер начал копать. Очень скоро он наткнулся на череп, подвергшийся в свое время сложной операции. Какой-то безвестный нейрохирург определенно ковырялся в лобной кости своего соотечественника — хорошо известно, что инки знали толк в хирургии и успешно делали трепанацию черепа. Роясь дальше в теплом пепле, археолог обнаружил и сам скальпель — тонкую золотую пластину (хотя обычно для этой цели использовался нож). Сомнений уже не оставалось: инки были здесь!

Едва доктор Риттер возвратился в Кито и рассказал знакомым о находках, как началась подлинная лихорадка кладоискательства. Наспех сколачивались «бригады», вычерчивались маршруты, закупалось снаряжение. Однако решительного шага не делал никто. Видимо, здорово действовали скептические слова одного опытного археолога: «Может быть, золото и лежит на Сангае. Но оно погребено под огромной толщей горячего пепла и вулканических камней. Чтобы добраться до него, понадобилась бы работа тысяч людей в течение многих месяцев. Но и это еще не самое главное. Вы забыли о вулкане. Ведь он продолжает жить. Я сам едва оттуда унес ноги. Готов по-

ручиться, что ни одна душа не может безнаказанно бросить вызов Сангаю».

Но вот прошел месяц, и к подножию Сангая добрались два молодых американца, Фрэнк Рокко из Пенсильвании и Роберт Каупп из Калифорнии. Два альпиниста с резко выраженным авантюрным уклоном. Опытные, здоровые, выносливые. Официально они отправлялись на поиски «ценных минералов», но каждый в Кито знал, что название «минерала» пишется так: з-о-л-о-т-о.

Они собирались вернуться в эквадорскую столицу к Рождеству. И не вернулись. В середине января объединенная американо-эквадорская спасательная экспедиция начала восхождение на вулкан.

...Бог Огня хорошо позаботился о неприступности своих владений. Путь к подножию преграждают несколько линий обороны. Сначала перед человеком встают влажные леса с густым подлеском и жидкой черной грязью по пояс. Затем злые, бурлящие реки, уровень воды в которых с невероятной быстротой повышается при каждом оживлении вулкана: тают тысячетонные толщи снега, реки вздуваются и мгновенно выходят из берегов. Еще выше начинаются каменные осыпи, только и ждущие неосторожного шага человека, чтобы сорваться вниз.

Немного не доходя до кратера вулкана, спасатели наткнулись на последнюю стоянку американцев. По снегу были разбросаны вещи, следы вели к восточному склону и терялись там на плотном голубом льду. Когда экспедиция с превеликими трудностями спустилась в долину Кулеб-

рильяс, она внезапно обнаружила в полуразвалившейся индейской хижине умирающего от истощения Роберта Кауппа. Вот что он рассказал.

Они с Фрэнком Рокко поднялись почти на самую вершину Сангая, когда почувствовали, что не могут дышать из-за ядовитых вулканических газов. С ними начало твориться что-то непонятное, их охватил приступ какого-то злого буйства, они утратили всякое представление о том, где находятся и куда им следует идти. Сознание мутилось. Каким-то образом они оказались на восточной стороне вулкана, хотя поднимались по южной, той самой, где доктор Риттер нашел свое золото. Вскоре они поняли, что безнадежно заблудились. По словам Кауппа, он долго уговаривал Рокко вернуться к последнему лагерю и поискать нужную тропу. Тот отказался наотрез, не переставая бормотать: «Оно здесь, точно говорю, здесь». Тогда Каупп оставил товарища, а сам отправился за помощью, но как он оказался внизу — не помнит, хоть убей!..

Кауппа отправили в больницу в Риобамбу. Однако, выйдя из нее через несколько дней, он бесследно исчез. Его пытались искать, но тщетно.

Кито, хоть и столица, город небольшой, и любой самый невероятный слух всегда найдет здесь благодатную аудиторию. Откуда ни возьмись объявился вдруг какой-то итальянец, поведавший любопытные детали восхождения американцев, причем говорил он складно, словно сам был очевидцем. Он утверждал, будто от вершины вулкана к восточному склону шли две цепочки следов. Потом в одном месте снег был раскидан во все

стороны — несомненно, здесь шла яростная борьба, хотя крови не было видно. После этого вниз по восточному склону шли следы лишь одного человека... Итальянец называл себя одним из участников спасательной партии.

Когда в 1968 году, то есть четыре года спустя после драматического восхождения, в Кито вновь прибыла группа американских альпинистов, чтобы продолжить поиски Рокко, то оказалось, что те, кто прежде снабжал спасателей «исключительной важности» информацией, исчезли из города.

Поиски сокровищ Атауальпы продолжают. Их пытаются найти тысячи и тысячи искателей кладов, но пока безуспешно...

(З. Каневский. Тринадцатый узел. — По материалам журнала «Вокруг света», 1969, № 12)

6. ПОИСКИ СОКРОВИЩ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

...Легенды об исчезнувших и спрятанных сокровищах не исчезают веками. В Северной Африке, и особенно в Египте, они живут вечно.

В старинных «книгах о сокровищах» говорится о богатствах царя Камбиза, завоевавшего Египет. У него были медные рудники и изумрудные копи, а золотые самородки с его сахарских рудников достигали, говорят, размеров дыни. Эти богатства так до сих пор и не найдены.

В знаменитом арабском манускрипте — «Книге о спрятанном жемчуге» неизвестный автор XV века дает подробное описание четырехсот мест в пустыне, где якобы находятся сокровища. И больше полувека археологи проклинали автора этой работы. Почти все места, указанные в манускрипте, были вблизи различных древних памятников. Это «пособие для начинающего кладоискателя», до издания его в Каире в 1907 году массовым тиражом, было известно в многочисленных рукописных вариантах, стоивших немалые деньги. После выхода «бестселлера кладоискателей» он разошелся в тысячах экземпляров по рукам местных и приезжих любителей древностей. И в поисках сокровищ вандалы нанесли древним памятникам непоправимый ущерб.

ЗЛОПОЛУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

В этом уголке Африканского континента сотни и тысячи раз можно слышать о погребенных под дюнами сокровищах. Они разжигают азарт и воображение многочисленных любителей авантур. Очень часто при этом кладоискатели попадают в беду.

В 1922 году три человека — Хамер, Русек и Фоклер — отправились с какой-то тайной целью в Ливийскую пустыню и были захвачены племенем сенусси. Женщины племени подвергли Фоклера и Хамера пытке, а затем умертвили их. Полумертвый Русек, заклеянный каленым железом, бежал в оазис Дендера.

Еще одну злополучную экспедицию организовал немец Эрих Баумгартнер, воевавший в армии Роммеля. После второй мировой войны он вернулся в Египет. Проработав несколько лет в паровой компании, он скопил денег, купил детектор, динамит и автомашины. В 1952 году он отправился по пути, который в 1874 году проделал его соотечественник Рольфс, так как верил, что тот нашел копи царя Камбиза.

По словам его рабочих, Баумгартнер кое-что обнаружил. Но рабочие не стали помогать ему в раскопках. Они считали, что он наткнулся на старинный храм, охранявшийся джинном или злым духом. Тогда Баумгартнер заложил динамит. Но заряд оказался слишком большим. Огромная дюна провалилась и погребла его под собой.

ТАЙНА ОАЗИСА ЗЕРЗУРА

Легенды о «потерянных оазисах» возникают по-разному, хотя сомнительно, чтобы в Сахаре можно еще было найти хоть один из них. Самым известным из всех преданий о Ливийских оазисах является легенда о Зерзуре («оазис птичек»). На поиски этого места отправлялось много экспедиций. Члены привилегированного клуба «Зерзура» в Лондоне (куда принимали только тех, кто участвовал в поисках) за обедом беседовали об этом неуловимом оазисе. Из года в год журнал Королевского географического общества включал оазис Зерзура в список географических названий. И наконец эта тайна была раскрыта.

Романтическое название «Зерзура» впервые появилось в арабской рукописи семьсот лет назад. В «Книге о спрятанном жемчуге», которая причинила столько бед, тоже описывается Зерзура в самых заманчивых выражениях. Вот один отрывок:

«От этого последнего вади начинается дорога, которая приведет вас в городе Зерзура, к его закрытым вратам. Город этот белый, как голубь, а на его вратах вырезана птица. Возьмите ключ от клюва птицы и откройте врата города. Войдите, и там найдете огромные богатства, а также царя и царицу, спящих в своем замке. Не подходите к ним, а возьмите сокровища».

Зерзура, о которой в начале прошлого века писал сэр Гардинер Уилкинсон, менее сказочна. Он узнал о существовании оазиса Черных, названном так потому, что оазис этот, расположенный к

западу от Нила, был захвачен чернокожими людьми, пришедшими неизвестно откуда. Они похитили несколько человек и увели их в пустыню. Уилкинсон (автор, заслуживающий доверия) предположил, что оазис Черных мог быть Зерзурой.

В те времена, когда из Французской Экваториальной Африки шли торговые караваны в Египет через Куфру, упорно ходили слухи об арабах, которые заблудились в пустыне и неожиданно наткнулись на чудесный оазис. Там среди пальм возвышался золотой минарет и в солнечных лучах сверкало озеро. Но, видимо, пустыня обманула их своими миражами. Обрато эти арабы так и не вернулись.

В начале XX века исследователь Гардинг Кинг отправился на запад от оазиса Дахла, где он слышал о Зерзуре. Говорили, что в Дахлу вновь прибыли из песков таинственные черные люди. Кинг встретил двух бедуинов, которые сказали ему, что видели небольшой оазис с пальмами и развалинами в том месте, где на карте было белое пятно.

Много лет люди думали, что сыпучие пески, надвигающиеся на Дахлу, поглотили Зерзуру. Дюны могут вновь переместиться и открыть потерянный оазис, но кто знает, когда это случится? Летом 1932 года молодой исследователь сэр Роберт Клейтон-Ист-Клейтон с автомобилями и небольшим самолетом отправился на поиски Зерзуры. С самолета летчик увидел и сфотографировал широкую долину с акациями. Из-за страшной жары и отсутствия воды приземляться было

слишком рискованно, и дальнейшее исследование было отложено до зимы. Сэр Роберт Клейтон-Ист-Клейтон чем-то заразился в пустыне и умер. На этом дело и кончилось.

И все же через некоторое время два участника авиационной экспедиции добрались до этой долины, не отмеченной на карте. Один из них, П. А. Клейтон, обнаружил к востоку от нее еще одну долину, а другой — граф Алмасы, член египетского географического общества, — нашел с западной стороны третью долину. Во время своего путешествия Алмасы встретил старого араба, многие годы жившего в Куфре и как никто знавшего пустыню. Араб уверял графа, что эти долины, которые видели с воздуха, а потом исследовали, известны населению Куфры как вади Зерзура. «В долине водятся горные бараны, лисы, но особенно много птиц. Поэтому-то долина и была названа вади Зерзура», — сказал старик.

Один из наиболее опытных и смелых исследователей Ливии, президент клуба «Зерзура» Майор Р. А. Бэнголд, решил тогда, что эти вади (сейчас на картах они названы Гилф Кебир) и являются легендарным оазисом Зерзура. Но он отметил, что происхождение названия «Зерзура» все еще неясно, потому что оно появилось в арабских рукописях за много веков до того, как арабы открыли это место. «Я по-прежнему думаю, что Зерзура — одно из многих названий, которое давали многим легендарным городам, созданным на протяжении веков загадочной великой Североафриканской пустыней в воображении тех, для кого

эта пустыня была недоступна», — заключает Бэн-голд.

(Лоуренс Грин. Последние тайны старой Африки. — М.: Мысль, 1966)

7. ПОТЕРЯННЫЕ СОКРОВИЩА ЛОБЕНГУЛЫ

К числу исчезнувших сокровищ относится клад, зарытый где-то в нижнем течении Замбези верховным вождем африканского народа матабеле Лобенгулой. Большинство людей, кто участвовал в создании британской колонии Родезии, верило в миллионы Лобенгулы. Многие искали их...

Это поистине странная история. И только Африка может породить таких действующих лиц и фон, на котором она разворачивалась.

Начать со старого Лобенгулы, которого некоторые белые почитатели описывали как благородного дикаря. В действительности он был столь же жесток, как и его отец Мзиликази. Эти покинувшие свою родину зулусы, которые правили народом матабеле, могли оказывать теплый прием миссионерам, но при этом проявляли кровожадность и отдавали приказы убивать людей тысячами. Неудивительно, что крааль Лобенгулы назывался Булавайо, что означает «место убийств».

За высоким, толстым, с кожей бронзового цвета королем стоит неприметная, но тем не менее зловещая фигура Джона Джэкобса, королевского секретаря и переводчика. Джэкобс, у которого была светлая кожа, описывался разными историками и как готтентот, и как полукровка, и как капский-цветной, и метис финго. На самом же деле он был из племени абелунгу, этих обитателей Бомваналенда в Транскее, которые унаследовали немного «белой» крови от потерпевших там

много лет тому назад кораблекрушение европейцев.

Джэкобс стоит того, чтобы заняться им поподробнее, потому что у него был ключ к тайным сокровищам Лобенгулы и он сам очень старался заполучить их. Джэкобса бросила мать, когда он был еще совсем ребенком, и он учился у миссионеров в Лавдейле и Вустере в Капской колонии. Одно время его учителем был преподобный Л. Ф. Эсселен, дед доктора К. Луиса Лейпольда, поэта, а также дед майора Й. Г. В. Лейпольда. Юный Джон Джэкобс подавал такие надежды, что священник взял его в Эдинбург для продолжения образования. Видимо, его собирались выучить на священника, но неизвестно, был ли он вообще посвящен в духовный сан. Тем не менее, в более поздние годы, Джэкобс часто выдавал себя за священника эфиопской церкви.

Вскоре после возвращения в Южную Африку смысленный молодой Джэкобс был пойман в Кимберли за нелегальную покупку алмазов и приговорен к принудительным работам на моле в Столовой бухте. Когда его освободили, полиция использовала его в качестве «приманки». Джэкобс снова попал в тюрьму за попытку изнасилования. После отбытия еще одного заключения он продолжил свою преступную карьеру; а когда за ним стала охотиться полиция, бежал в Булавайо. Там он втерся в доверие к Лобенгуле. Джэкобс говорил по-английски, по-голландски и на нескольких африканских языках. Он произвел на Лобенгулу большое впечатление. «Ты можешь заставить бумагу разговаривать», — говорил он Джекобсу.

Лобенгула не мог представить, что Джэкобс будет плести интриги с его «главной женой» Лосикей. Это была опасная игра, но коварный Джэкобс вел ее так умело, что оставался в милости у Лобенгулы вплоть до последних дней его жизни. Джэкобс знал все секреты королевского крааля. Когда миссионеры и торговцы покинули Булавайо, Лобенгула пошел к Джэкобсу за советом. Джэкобс часто занимался тем, что усыпал тело Лобенгулы золотыми соверенами — такова была королевская прихоть, из-за которой Джэкобс ощущал близость к сокровищам и которая еще больше разжигала его алчность.

В восьмидесятые и девяностые годы XIX века Лобенгулу стали донимать европейцы, стремившиеся получить у него концессии. На него сыпались богатые дары, и большая часть оплаты шла золотом. Каждый месяц он получал сто золотых соверенов от Привилегированной компании, и только ее выплаты к концу его жизни составили в общей сложности шесть тысяч фунтов. Африканские монархи до того, как белые люди ввели в оборот деньги, исчисляли свои богатства слоновой костью. Лобенгула унаследовал от своего отца огромные запасы слоновой кости и значительно увеличил их между 1870 и 1893 годами, т. е. в годы собственного правления. Сотни подданных Лобенгулы трудились на алмазных шахтах Кимберли. В те дни не было еще электронных приборов, и кражи очень часто оставались незамеченными. Рассказывали, что каждый матабеле, возвращающийся с шахт на родину, должен был принести с собой алмаз для короля. Никто никогда не сомне-

вался в том, что Лобенгула был богат. Он много тратил на своих жен, на шампанское, на бусы и роскошные одеяла, но он не мог растратить все свои богатства, которые буквально стекались в королевский крааль в Булавайо. Фирма Джона Орра из Кимберли продала Лобенгуле сейф. Предполагали, что он наполнил его необработанными алмазами, а в другом держал золото из старых родезийских разработок. Лобенгула также вел добычу золота из собственной шахты и приобрел специальное оборудование для его обработки. «Все отрывочные свидетельства, сложенные вместе, приводят к однозначному выводу: огромные сокровища действительно существовали, и они не были растрчены», — писал полковник Хью Маршалл Хоул, который стал британским специальным уполномоченным в Булавайо после захвата Родезии.

Лобенгула полностью отдавал себе отчет в том, что столкновение с белыми неизбежно. Он был достаточно умен, чтобы попытаться избежать его; но его военачальников возмущало вторжение в их страну белых людей, и с ними нельзя было не считаться. Лобенгула также должен был знать, что рано или поздно его царствованию придет конец, поэтому он и закопал свои сокровища. И вот здесь оканчиваются известные людям факты и начинается легенда.

Некоторые говорили, что Лобенгула отправился в путь в своем собственном фургоне в сопровождении импи (военный отряд у зулусов и матабеле) из 1200 человек, которые охраняли дюжину фургонов, нагруженных сокровищами. Это было в

начале 1893 года, и, как говорят, караван направился на северо-запад от Булавайо в дикую местность. Согласно другой версии, караван доверили одному из братьев Лобенгулы. Но один человек, который точно был там, это Джон Джэкобс. Основная часть импи не приближалась к тому месту, где были зарыты сокровища. Из тех, кто работал в шахтах, выбрали надежных людей, чтобы копать ямы, заниматься взрывными работами и засыпать камнями сокровища. Поэтому шанс отыскать клад могла бы иметь только большая экспедиция. Деревья вокруг сожжены, в качестве примет были установлены тайные ориентиры, а затем все это место засеяли кукурузой.

Когда люди, прятавшие сокровища, вернулись к ожидавшим их импи, Джэкобс, как рассказывают предания, приказал воинам перебить всех, кто участвовал в захоронении клада. Есть свидетельства, что Лобенгула выслал большое войско, чтобы встретить импи Кузунгулы и уничтожить всех, кроме брата Лобенгулы и Джэкобса. Вскоре после этого Джэкобс застрелил брата Лобенгулы. Так остался лишь один человек, который знал секрет сокровищ.

В ноябре 1893 года две колонны белых войск двинулись на Булавайо, разбили матабеле и вошли в горящий крааль. Как только сражение закончилось, начались поиски сокровищ. Среди пожарища был найден серебряный слоник, которого подарили Лобенгуле торговцы, получившие концессию. Люди прочесывали развалины, рыли землю в поисках слоновой кости и под конец решили, что сокровища исчезли. Возможно, погоня за Ло-

бенгулой была организована в надежде на то, что сокровища окажутся вместе с ним. Некоторые, например, утверждали, что майор Ален Уилсон со своим отрядом вряд ли бы погиб в Шангани, будь у него какая-то иная цель. Говорят также, что Сесиль Родс намеревался оплатить всю кампанию по захвату Родезии сокровищами Лобенгулы и предпринял несколько попыток найти их.

Необходимо упомянуть об одном странном и мрачном эпизоде, имевшем место во время погони. Лобенгула вручил Джэкобсу тысячу фунтов золотом и велел отнести их англичанам вместе с посланием: «Белые люди, я побежден. Возьмите это и уходите». Признание поражения могло бы спасти жизни Уилсона и его людей, если бы оно попало в нужное место. К сожалению, соверены попали в руки двух бесчестных солдат, которые поделили деньги, ничего никому не сказав. Их застали позже за игрой в карты на крупные ставки, и тут все и выяснилось. Очевидно, судья, который допрашивал этих людей, пришел к выводу, что отряд Уилсона остался бы цел, если бы было известно о признании Лобенгулой своего поражения. Он приговорил обоих солдат к четырнадцати годам каторжных работ. Они подали апелляцию, и приговор отменили, ибо нашлись неувязки в юридических формальностях.

Тем временем Лобенгула с некоторыми из своих жен, тремя сыновьями, Джэкобсом, большим числом рабов и несколькими верными последователями двигался к Замбези. Был сезон дождей. Им пришлось бросить четыре свои фургона в болотах и продолжить путь верхом. Кони и волы

погибли. Лобенгула был сломлен. Когда в его лагере вспыхнула эпидемия оспы, он умер одним из первых.

Дожди вынудили до срока завершить кампанию. Узнать судьбу Лобенгулы послали торговца по имени Досон, и к концу января 1894 года он вернулся в Булавайо с новостью о смерти Лобенгулы. Подробности были неизвестны, но считалось, что Лобенгулу похоронили там, где он умер, — на берегу ручья Млинди, в сорока милях к югу от Замбези.

Лобенгула умер давно, но сокровища остались в памяти у многих из тех, кто знал о богатствах королевского крааля в Булавайо. Как вы понимаете, самым решительным среди них оказался единственный оставшийся очевидец того, как эти сокровища прятали, — Джон Джэкобс. Джэкобс сдался властям вскоре после смерти Лобенгулы. У него нашли необработанные алмазы, но власти не возбудили против него уголовного дела. Его отправили через границу в Трансвааль, едва ли представляя себе, что выслали единственного человека, который мог быть уверен в том, что найдет сокровища Лобенгулы.

Прошли годы, прогремела англо-бурская война, и Джон Джэкобс вообразил, что власти в Родезии забыли и о нем самом, и о его преступлениях.

В конце 1903 года на отдаленный пост колониальной администрации в Баловале в Северной Родезии прибыло трое белых людей на трех фургонах. Баловале расположен неподалеку от ангольской границы. Прибывшие сообщили представителю колониальных властей в Баловале Дж. Х. Вен-

нингу, что они занимаются поисками сокровищ Лобенгулы. Веннинг все записал в свой официальный дневник, который до сих пор сохранился в архивах. Он взял показания у проводника, который оказался Джэкобсом. Джэкобс утверждал, что сокровища были зарыты не у Южной Родезии, как полагали многие, а за границей, в португальской колонии. Клад состоял из двух сейфов, набитых золотыми сокровищами, двух ящиков с небогащенным золотом, ящика с необработанными алмазами и большого количества слоновой кости. Этот груз везли в тринадцати фургонах.

Веннинг лично подверг Джэкобса тщательному допросу, так как очень хотел узнать, почему человек, который собственными глазами видел, как закапывают сокровища, не смог их обнаружить. Джэкобс ответил: «Я случайно услышал, что белые собирались меня убить, как только я покажу им место. Они собирались забрать сокровища и смыться с ними в португальскую колонию, поэтому я сделал вид, что не смог их найти».

Джэкобса оштрафовали и выслали. Восемь лет спустя он проскользнул незамеченным через родезийскую границу с еще одной хорошо оснащенной экспедицией и добрался до Леалуи в Баротселенде. На этот раз Джэкобс, кажется, заблудился. Конечно, он вернулся с пустыми руками. Но его вновь опознали, арестовали, посадили на месяц в тюрьму и выслали из страны. После первой мировой войны Джэкобс вел еще одну экспедицию, на этот раз замаскированную под охотничье сафари. Бдительная полиция не забыла Джэкобса, и после еще одного короткого срока в тюрь-

ме он был переправлен через границу в последний раз.

Джэкобс помнил о сокровищах до конца своих дней. Он говорил о них майору Лейпольдту, а также охотнику Томасу Ллоису Эллису. Эллис пытался получить разрешение, чтобы Джэкобс сопровождал его в качестве проводника, но родезийцам уже надоел секретарь Лобенгулы, и в разрешении было отказано. Скорее всего, Эллис самостоятельно отправлялся на поиски драгоценностей несколько раз, но не ясно, были это серьезные экспедиции или просто охотничьи путешествия. Но он так и не добрался до того места, где зарыты сокровища.

Джон Джэкобс умер в Джерминстоне 28 июня 1937 года. Он жил там последние четыре года своей жизни. В одной газете его возраст определили в сто пять лет... «Он присутствовал при захоронении сокровищ Лобенгулы и был единственным человеком, который остался в живых после того, как их зарыли. Все остальные были убиты», — утверждала газета «Кейп аргус».

На самом деле майор Лейпольдт заинтересовался сокровищами Лобенгулы задолго до того, как встретил Джэкобса. Это было во время его службы в качестве офицера разведки в Германской Юго-Западной Африке в 1915 году, когда взгляд наблюдательных, цвета стали, глаз майора Лейпольдта упал на папку секретного немецкого досье, помеченную надписью «Лобенгула». Складывается впечатление, что немецкий синдикат по добыче алмазов знал о том, что сокровища находятся в дебрях Анголы. Они были настолько уве-

рены, что найдут их, что даже планировали обратиться к германскому правительству с просьбой выделить военный корабль для перевозки сокровищ в Германию. Война 1914 года спутала все карты.

Лейпольдт изучил всю секретную и другую информацию, и у него сложилось мнение, что горные районы в глубине Анголы вполне могли подходить для осуществления планов Лобенгулы. Лобенгула боялся, что ему придется бежать из Матабелеленда. Он знал, что есть отдаленная, никем пока не занятая скотоводческая страна за ангольской границей; он и отправил туда свои сокровища, намереваясь последовать вслед за ними, если придется оставить Булавайо.

В этом расследовании майор Лейпольдта имел полезного союзника. Среди его сослуживцев в Виндхуке был полковник Дж. Х. Веннинг, тот самый, который снимал показания у Джэкобса около предполагаемого места нахождения сокровищ за девять лет до этого. Несколькими годами позже Лейпольдт и Веннинг писали друг другу на эту тему...

Лейпольдт предпринял первую попытку найти сокровища в 1920 году, используя ключи к разгадке тайны, найденные им в германских документах. Он купил в Кейптауне за сто фунтов подержанный «Форд» и отправил его морем в Уолфиш-Бей. Оттуда он проехал через Юго-Западную Африку в Анголу — незаурядное достижение в те дни, когда основные дороги так же сильно засыпал песок, как и тайные тропы в буше. Он проник в Анголу на некоторое расстояние, двигаясь в сто-

рону восточной границы. Но потом португальские власти что-то заподозрили в намерениях приехавшего туда южноафриканца и вернули его обратно. Неизвестно, слышали ли они что-нибудь о сокровищах Лобенгулы в то время, хотя то, что цель экспедиции стала им понятна несколькими годами позже, это очевидно.

Во время следующей экспедиции, в 1921 году, Лейпольдт двигался через Южную и Северную Родезию, следуя маршруту несчастных импи ма-табеле, которые охраняли сокровища. Многие местные жители помнили еще поход импи, так как свирепые воины опустошили страну как стая саранчи. Лейпольдт, его спутник Джэклин и их туземные носильщики вступили на территорию Анголы без объявления о своем прибытии. Районы, прилегающие к границе, были настолько отдаленными, что местные власти не потревожили их. Лейпольдт и Джэклин обнаружили несколько сожженных фургонов — они расценили это как явное подтверждение того, что они на верном пути. Остатки фургонов стояли у края большой прогалины в джунглях площадью примерно в квадратную милю. В центре прогалины находился большой камень. Лейпольдт без особой надежды найти что-либо вырыл канаву около камня. Камень выглядел явным ориентиром, но сам непосредственно не служил указателем. Деревья вокруг прогалины, похоже, были помечены, но точные указания на само место захоронения клада отсутствовали.

Вновь и вновь Лейпольдт возвращался к этому уединенному месту среди леса. Он ушел в отстав-

ку со своего поста в вооруженных силах Южноафриканского Союза в 1923 году, отказавшись от права на пенсию, чтобы иметь возможность посвятить все свое время поискам. И снова он ломал голову над тем, чтобы найти верный ключ к разгадке, и снова рыл впустую. Он побывал там в 1924, 1925 и 1928 годах с разными партнерами. В конце концов Лейпольдту удалось разыскать Джона Джэкобса в гостинице «Апельсиновая роща» в Йоханнесбурге и выдать себя за внука миссионера Эсселена. Джэкобс вряд ли испытывал какое-то чувство благодарности по отношению к тем, кто дал ему образование, но он на этот раз говорил охотно, и Лейпольдт смог получить более подробную карту расположения рва с драгоценностями, чем все предыдущие искатели сокровищ.

Лейпольдт предпринял последнюю и самую основательную попытку в 1930 году, полагаясь на инструкции, данные Джэкобсом. У него было больше денег для оплаты рабочих, чем когда-либо раньше. Они копали в этот раз глубоко — настолько глубоко, что траншея осыпалась и несколько туземцев было убито. Начался сезон дождей. Лейпольдта свалила малярия. Он едва не умер в этом пустынном лесу, но все-таки лихорадка отпустила его. Он выбрался оттуда обратно в цивилизованный мир, полностью уверенный, что он ходил по сокровищам, хотя после стольких неудач чувствовал себя разочарованным.

Расходы в течение десятилетия поисков миллионов Лобенгулы составили для Лейпольдта и его партнеров около двенадцати тысяч фунтов.

Лейпольдт обосновался в городке Спрингбок в Намакваленде в качестве правительственного землемера. Он поддерживал контакты с другими людьми, кто жаждал найти сокровища Лобенгулы, но сам он уже никогда не возвращался к ангольской границе.

К сокровищам Лобенгулы проявляла интерес и Британская Южно-африканская компания. Директора рассматривали компанию в качестве наследницы Лобенгулы и давали понять, что, если сокровища будут найдены, она претендует на значительную их долю. «Де Бирс», компания по добыче алмазов из Кимберли, также заявляла о своих правах на любые алмазы, украденные с ее шахт...

В заметках самого Лейпольдта, помеченных 1935 годом, есть такие слова: «Джон Джэкобс доверился мне ради моего дела. Он зарыл сокровища, включающие два фургона золота (примерно четыре тонны, что теперь стоит около миллиона), несколько возов слоновой кости и два ведра алмазов. Затем Джэкобс предусмотрительно убил всех, кто помогал ему, так что теперь он единственный, кто знает об этом. Родс прикладывал очень большие усилия, чтобы найти эти богатства. Я нашел место, но точное местонахождение известно только в радиусе пятидесяти ярдов. Отметки на деревьях, при помощи которых Джэкобс смог бы установить точно, были уничтожены разрушительным действием времени и лесными пожарами. Таким образом, ничего не оставалось, как перекопать все это место. За время моих экспедиций, начиная с 1920 года, я проделал три чет-

верти работы. Мне приходилось нанимать от восьмидесяти до ста рабочих, так как грунт очень твердый. Джэкобс утверждает, что они рыли на двадцать футов вглубь до коренной скальной породы, а затем проделали в ней углубление с помощью взрыва. Скальный грунт был затем уложен обратно так, чтобы напоминал коренную породу, поэтому это место легко не заметить. Нами были использованы электрические и магнитные приборы, но они ничего не дали из-за наличия в глине и коренной породе железа. Работы возможно вести только в течение августа, сентября и октября, так как в другое время грунт очень сырой. Джэкобс утверждает, что вместе с зарытым грузом находится и подписанное завещание, согласно которому Лобенгула назначает его (Джэкобса) своим наследником. Вопрос о законном преемнике очень запутан. Родственники Лобенгулы предъявляют свои претензии, и возникнут трудности. Район, где лежат сокровища, является алмазной концессией Оппенгеймера. Они заявляют свои права на алмазы, будь они найдены, как на украденные у «Де Бирс». Они мне разрешают работать там, но следят за мной, и я боюсь, обратятся в суд, как только что-либо будет найдено. Главная сложность в настоящее время — это нехватка денег. Я подорвал свое здоровье и финансовое положение, но я настолько уверен в успехе, что упорно продолжаю дело».

Майор Лейпольдт так никогда больше и не отправился в Анголу, но его вера в существование сокровищ Лобенгулы оставалась непоколебимой до его смерти. Он оставил план той поляны, где

лежат сокровища, на нем были помечены места его собственных раскопок...

Если посмотреть на всю историю сокровищ Лобенгулы и множества экспедиций, которые отправлялись на их поиски, то все эти годы тут и там возникает запятнанная кровью рука Джона Джэкобса. Несомненно, что он дал указания немцам в 1914 году, ибо в оставшемся от них досье Лейпольдт и нашел первый ключ. Но почему указания Джэкобса так и не привели к находке сокровищ? Вполне возможно, что Джэкобс слишком понадеялся на собственную память, а оставленные ориентиры оказались ложными...

Остается еще один аспект в истории Лобенгулы, о котором стоит упомянуть. Многие годы после смерти правителя в Родезии были люди, которые считали, что королевские миллионы похоронены вместе с самим королем. Но место его захоронения оставалось в глубокой тайне. Представители примитивных африканских племен, похоже, хранят секреты лучше любых дикарей в мире. Десятки, может, даже сотни матабеле должны были знать место около Замбези, где в 1894 году тело Лобенгулы было предано земле. Но ни один белый человек за все прошедшие годы так и не узнал этой тайны.

Лосикейи, «великая жена» Лобенгулы и приятельница Джона Джэкобса, вызвала переполох в Булавайо, когда появилась там несколько лет спустя после смерти короля и истратила большое количество золотых соверенов в торговых лавках. Это были старые соверены, на которых изображены головы монархов, правивших еще до королевы

Виктории. Полковник Маршалл Хоул уверен, что эти деньги — часть сокровищ Лобенгулы. У Лобенгулы, по-видимому, было с собой золото незадолго до смерти. Это подтверждает и эпизод с бесчестными солдатами.

Так что могилу Лобенгулы видели всего несколько белых людей. Теперь это национальный памятник, а то, каким образом тайна была раскрыта, представляет собой удивительную историю, более фантастичную, чем романы Райдера Хаггарда. Через пятьдесят лет после захвата Булавайо, в ноябре 1943 года, оставшиеся в живых пионеры колонизации Родезии собрались в городе, построенном около того места, где стоял крааль Лобенгулы. В то время как старые солдаты вновь переживали свое богатое событиями прошлое, комиссар по делам туземцев А. Дж. Хакстейбл получил волнующее послание. Была найдена гробница Лобенгулы.

Хакстейбл на заре отправился из Булавайо в путешествие длиной двести тридцать миль. С ним были члены клана Кумало (потомки Лобенгулы), африканский чиновник и двое туземных полицейских-связных с ружьями. Свернув с главной дороги, они поехали по тропе среди буша через дикую долину Лубимби с ее соляными панами, горячими солевыми источниками и камышовыми зарослями. Оставив автомобиль, Хакстейбл со своей группой двинулся по тропам, на которых то и дело встречались слоновьи фекалии, пересек несколько раз реку Маньянда и пришел наконец к пещере на берегу реки. И здесь он услышал фантастическую, но правдоподобную историю о

событиях, которые завершились у этой пещеры.

Умта-ка-Млимо («Дочь Богов»), толстая и престарелая Богиня Дождя, внушавшая всем страх и уважение, обратилась в Департамент по делам туземцев в Булавайо с просьбой найти для нее чернокожего посыльного (одна из разновидностей полиции в Родезии) для работы в качестве телохранителя. Она заявила, что собирается считать скот. Ее просьбу удовлетворили, и она отправилась в путь. На самом деле ее целью была могила Лобенгулы: как выяснилось, ее подкупил один белый, желавший выведать секрет. Африканец-полицейский ей понадобился для того, чтобы придать мероприятию авторитетный вид. И эта маленькая хитрость ей удалась.

Млимо сразу же отправилась в один крааль, расположенный в двадцати милях от пещеры, где был похоронен Лобенгула. Там она убедила Уекени, сына вождя, который присутствовал при смерти Лобенгулы, показать точное место. Их сопровождал белый человек. Был там также семидесятилетний матабеле по имени Гиньилитше, который догадался о цели экспедиции. Гиньилитше и стал тем человеком, который проинформировал власти. Он встретил Хакстейбла у пещеры и начал разговор.

«Королевская могила найдена, — заявил Гиньилитше. — Теперь я открою вам свое сердце. Зачем хранить молчание? Великой тайны больше не существует. Я участвовал в битве при Шангани. Король уехал перед сражением. Он был на лошади. Мы сражались, чтобы не дать врагу возможности преследовать короля. Его фургоны остались

сзади. Позже их захватил Джохвана (полковник Коленбрандер). Нам не велели следовать за королем, так как по нашим следам могли определить, куда он направился. Все спутники короля, кроме вождя Магвеге, вернулись обратно и сказали нам, что король умер и его похоронили».

Гиньилитше заявил, что король умер от оспы. Другие говорили, что король и вождь Магвеге приняли яд. Был убит черный бык, короля завернули в его шкуру и оставили в пещере. Магвеге предали земле снаружи, так как только король мог быть похоронен в пещере. Гиньилитше сказал Хакстейблу, что Млимо заходила в пещеру дважды. Другие туземцы, которые были с ней, также побывали внутри. Они не хотели нарушать покой «места духов», но Млимо пригрозила им. Богиню Дождя они боялись больше духов, так как они думали, что она способна навести на них порчу. Гиньилитше знал, что это вторжение в пещеру было посягательством на святыню. Он осудил Млимо так сурово, что она даже попыталась повеситься.

Хакстейбл обратил внимание, что камни у главного входа в пещеру сдвинуты. Он также заметил еще три входа — небольших, но достаточно широких, чтобы туда мог проникнуть шакал или гиена. Белый человек, ответственный за все происшедшее у пещеры, исчез. Внутри пещеры Хакстейбл обнаружил череп и голенную кость Лобенгулы. Видимо, животные, питающиеся падалью, проникли в пещеру через небольшие входы и утащили остальную часть скелета.

Было также ясно, что кто-то обшарил пещеру

задолго до Млимо. Теперь, когда секрет могилы Лобенгулы раскрыт, появился какой-то старик и рассказал о тех предметах, которые были оставлены вместе с телом короля. Это два стула и трубка, деньги и куски золота, королевское седло, латунный подсвечник, два ружья, глиняная посуда, серебряные кувшины, ваза из белого металла, кувшины, сковороды и форма для литья пуль. Как вы сами понимаете, золото забрали задолго до появления Хакстейбла. Некоторые предметы — форма для литья пуль, старые ружья, горшки и сковороды, которые вытащила Богиня Дождя, были возвращены на место.

Архивы Британской Южноафриканской компании доказывают, что власти впервые узнали о могиле Лобенгулы еще в 1912 году, но скрыли находку по соображениям безопасности, боясь роста враждебных настроений у матабеле в случае если эта новость будет опубликована

Искатели сокровищ беспокоили правительство в разные годы. Так, один белый утверждал, что он случайно обнаружил захоронение в 1915 году, когда охотился на бабуинов. Но власти очень хорошо знали, что за всеми этими визитами, нарушавшими покой мощей короля, стояли сокровища Лобенгулы. Королева Лосикейи несколько раз тайком посещала пещеру для совершения священных ритуалов. «Сокровища пещеры, если они вообще существовали, забрали оттуда много лет назад, — говорилось в одном официальном отчете. — Но как это было на самом деле мы, может, никогда и не узнаем».

Пещера Лобенгулы была замурована, и череп

великого вождя покоится в безопасности, когда снаружи бродят гиены. А где же алмазы, золото и другие сокровища? Лейпольдт умер в 1945 году, его здоровье было подорвано тяжелыми испытаниями и малярией во время его многочисленных экспедиций. Но вероятнее всего, что тайна миллионов Лобенгулы умерла вместе с негодяем Джоном Джэкобсом, человеком, который когда-то знал точное место клада, но так и не смог добраться до сокровищ.

(Лоуренс Грин. Тайны берега скелетов. — М. / Общество по изучению тайн и загадок земли, 1993)

8. КЛАД ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА

А теперь отправимся в другое место — Уральские горы. Именно здесь, как утверждал известный геолог и популяризатор науки профессор А. А. Малахов, спрятал свои «сбережения» Емельян Пугачев, когда понял, что его попытка овладеть российским престолом обречена на провал.

Поводом для этой версии послужила случайно приобретенная ученым в середине 60-х годов малахитовая пластинка — вероятнее всего, крышка от старинной шкатулки. В калейдоскопе научных и житейских проблем у Малахова до нее долго не доходили руки, но однажды настал и ее час.

Профессор решил как-то внимательно рассмотреть зеленую плитку, вооружился увеличительным стеклом и неожиданно для себя увидел любопытную и загадочную картину: целая портретная галерея людей в высоких меховых шапках — такие головные уборы были в моде у русских людей во второй половине XVIII века. Более того, приглядевшись, ученый обнаружил в одном из портретов немалое сходство с Емельяном Пугачевым, да и другие изображенные на малахитовом «холсте» лица напоминали по описаниям некоторых сподвижников крестьянского царя. Один из них, например, имел явно восточный разрез глаз — уж не Салават ли это Юлаев, талантливый башкирский поэт и отважный воин, сражавшийся на стороне восставших крестьян?

Судя по всему, плитка была создана в XVIII столетии, поскольку кусочки малахита неизвестный мастер наклеивал на мрамор, а в следующем сто-

лети камнерезы уже использовали обычно для этой цели металлические пластинки. Чтобы хоть в какой-то мере пролить свет на происхождение загадочного группового портрета, Малахов подверг плитку ультрафиолетовому облучению, а свердловские криминалисты с помощью специальных методов выполнили ряд фотографий. И что же удалось выяснить?

Оказалось, что верхний слой пластинки отличается по структуре от малахита: поверхностное вещество излучает бледно-зеленый свет, а малахит в ультрафиолетовой «обстановке» ведет себя иначе. Видимо, художник по камню либо воспользовался чем-то вроде эмали, либо втирал при нагреве в камень малахитовую крошку, смешанную с клеем.

Но почему мастер сделал свою картину как бы тайной, не доступной для случайных взоров? Отчасти это могло быть объяснено тем, что в годы екатерининского царствования (а именно тогда создавалась малахитовая плитка) запрещалось все, что имело хоть какое-то отношение к имени посягнувшего на власть бунтовщика. Но была и другая причина: продолжая изучать рисунок на плитке, Малахов обнаружил скалистые пейзажи, а приглядевшись к ним, увидел вязь букв, сложившихся в слово «ТАВАТУ». Ученый понял, что имеется в виду Таватуй — озеро близ Екатеринбургa. Скалы же, изображенные на каменном рисунке, были очень схожи с кручами протекавшей неподалеку реки Чусовой. Однако самое удивительное ждало Малахова впереди: на одной из скал он увидел слово «КЛАДЪ».

Вот в чем была главная причина художественной тайнописи! Малахитовая пластинка — не что иное, как зашифрованное указание того места, где Пугачев спрятал золото и другие ценности. И профессор геологии по прихоти судьбы становится кладоискателем. Разумеется, не корысти ради, а влекомый любопытством познания — тем светлым чувством, которое всегда побуждало человечество на поиски и находки. К тому же Малахову как истинному ученому хотелось доказать правильность своей гипотезы, почерпнутой из рисунка на малахитовой плитке.

Прежде всего он засел за изучение документов пугачевской ставки, благо, многие из них сохранились в екатеринбургских (тогда еще свердловских) архивах. Первые впечатления, казалось бы, не давали никаких поводов, которые можно было бы истолковать в пользу гипотезы о кладе: ни крупные денежные суммы, ни драгоценности в бумагах не упоминались. Но почему бы не предположить, что «царь», вышедший из крестьян, а стало быть, человек с хозяйственной сметкой, запасливый, имел своего рода «нз» — неприкосновенный запас золотишка, серебришка и разных там камушков на черный день? Сведения об этой личной «императорской» казне, конечно же, не попадали на страницы официальной документации ставки.

Зато весьма интересная находка ожидала профессора в разделе неофициальных бумаг Пугачева. В письме, адресованном своей жене «государыне-императрице» Устинье Кузнецовой, воюющий супруг сообщал: «При сем послано от двора

моего с подателем сего казаком Кузьмою Фофановым сундуков за замками и собственными моими печатями, которые по получению вам не отмыкать и поставить к себе в залы до моего императорского величия прибытия».

Это «письмо с фронта» Пугачев отправил в Бердскую слободу под Оренбургом, в дом казака Ситникова, где находился «царский дворец», в феврале — марте 1774 года, когда мифический трон под ним уже основательно покачивался. Быть может, именно эти «сундуки за замками» по каким-то причинам не дошли до места назначения, а осели в скалистых берегах Чусовой?

Малахов пытается заинтересовать «царскими» драгоценностями государственные организации, но безуспешно — тем до них и дела нет. Тогда ученый решает сам отправиться на поиски в верховья реки. С помощью биолокационного метода шаг за шагом прощупываются береговые скалы, которые — Малахов в этом уверен — изображены на малахитовой пластинке. Вот уже кажется, что найдено, наконец, то самое место, где на глубине под гранитной «крышей» находится скопление металлов — во всяком случае, об этом сигнализирует ивовая лоза. Теперь надо приехать сюда снова, чтобы добраться до клада сквозь каменную толщу. Но этой мечте профессора не суждено сбыться: он вскоре внезапно умирает, унося с собой все нити, которые связывали его идею с реальной действительностью. Неизвестно куда исчезла и сама малахитовая плитка, поведавшая о пугачевском кладе. Но может быть, он

никогда и не существовал, а был рожден лишь смелой фантазией ученого, любившего и умевшего мечтать?..

(С. И. Венецкий. Где клады зарыты? — М.: Знание, 1989)

9. КЛАД НАПОЛЕОНА

Говоря о сокровищах, спрятанных, потерянных и забытых, можно ли не упомянуть о «кладе Наполеона»? Известно несколько версий истории возникновения этого клада — речь идет, вероятно, о разных кладах. Мы познакомим читателей с двумя из них.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ: РЕКА БЕРЕЗИНА

В один из сентябрьских дней 1836 года по улицам города Борисова прошла воинская команда. Все было, как обычно: цокот копыт по главной улице, трубач впереди, офицеры в пропыленных мундирах, старающиеся скрыть усталость и казаться хватами, прохожие и горожане, выбежавшие из лавок и домов на деревянный тротуар, чтобы не пропустить событие, о котором сегодня будет говорить, а потом многие месяцы вспоминать весь народ.

Время от времени шествие останавливалось, несколько военных отделялись от него и въезжали в ворота домов, заранее намеченных квартирмейстером, прибывшим накануне. Воинский постой — обязательная повинность, возложенная на жителей, и только на редком доме, как знак особых заслуг и привилегий его хозяина, можно было увидеть дощечку с надписью: «Свободен от постоя».

В доме дворянина Станислава Рачковского было оставлено четверо солдат, окончивших свою

долгую 25-летнюю службу и отправлявшихся теперь по домам. Что дома, как там — никто из них не знал, как и там не ведали ничего об их судьбе, не знали даже, живы ли они. Отсчет один: вернулся — не вернулся. Писем писать было не принято, да и грамоту мало кто знал. Так что на другой день, пораньше с утра, как солнышко встало, солдаты отправились каждый в свою деревню, которые все расположены в окрестностях Борисова.

Но один солдат остался в доме. В отличие от других он, казалось, не спешил на родину. Несколько дней он помогал по двору, как бы в благодарность за хлеб и кров, в потом как-то сразу вдруг ослабел и больше уже не вставал с постели.

— Эк ты, Иоахим, — говорил Рачковский больному, — в стольких сражениях был, и с Бонапартом воевал, и с турками, до Парижа дошел, неужто здесь-то, на родине, хворости поддашься? Вставай, Иоахим, болеть солдату негоже...

Иоахим только улыбался и благодарил за ласку. С каждым днем становилось ему все хуже.

— Может, ксендза позвать? — спрашивал хозяин (Иоахим, уроженец Могилевской губернии, был католик). Но тот только мотал головой.

Вечером, в Покров день, чувствуя, что силы оставляют его, Иоахим попросил хозяина прийти к нему. Сын Рачковского, Юлиан, мальчик лет десяти, увязался с отцом. Он слышал все, что говорил солдат, и долгое время был единственным, кто сохранил в памяти слова, сказанные в тот вечер умирающим.

Оказалось, Иоахим не первый раз в Борисове. Почти четверть века назад, в ноябре 1812 года, он

находился здесь вместе с батальоном своего егерского полка. Это были дни, когда шло сражение между армией адмирала Чичагова и французами на подступах к Березине. Осенняя грязь покрылась коркой льда, достаточно прочной, чтобы выдержать солдатский шаг, но с хрустом ломавшейся под тяжелыми колесами армейских телег, которые тут же застревали, так что приходилось подпрягать свободных лошадей, чтобы выбраться на сухое место.

Их было десятеро в то промозглое утро — Иоахим и еще девять солдат, когда они заприметили такую повозку, крытый фургон, за перелеском, в стороне от движения русских и неприятельских войск. Француз-возница пытался, видимо, незаметно, в объезд, подобраться к переправе, но повозка застряла, и, судя по тому, как накренилась набок, безнадежно. Он тоже заметил приближавшихся русских и успел, обрезав поводья, ускакать на одной из лошадей в сторону, откуда доносились шум переправы и выстрелы.

Иоахим одним из первых подбежал к брошенному фургону и, откинув тяжелый кожаный пол, заглянул внутрь. Сначала показалось, что фургон пустой, но через секунду он разглядел восемь небольших бочонков, стоявших в два ряда на дне повозки. По 6—8 гарнцев (гарнец — мера объема сыпучих тел, равная примерно 3,3 л) каждый, как вспоминал потом Иоахим.

— Ребята, вино!

Но когда стронули один бочонок, почувствовали — не вино, слишком тяжел. Они не сразу поняли, что это, и боялись дать веру глазам, когда,

сбив тесаком крышку, увидели россыпь золотых монет, «арабчиков» — так почему-то называл их Иоахим в своем рассказе.

Раздумывать было некогда. Каждую минуту могли появиться либо французы, либо свои — и неизвестно, что в этой ситуации хуже. Здесь же, в стороне, неподалеку от берега реки, у двух дубов вырыли яму, застлали ее кожей, содранной с фургона, и высыпали содержимое всех восьми бочонков. Один из солдат бросил туда же свой нательный крест — «чтоб вернуться». А чтобы свежая земля не бросалась в глаза, не была заметна, разожгли на том месте костер и, пока он горел, говорили, как заживут, когда, отслужив, уйдут в «чистую».

Но может ли знать человек, что его ждет?

Через два дня пятеро из них — ровно половина — полегли на переправе.

Потом был поход через всю Европу, война с турками... Иоахим оказался последним, кто остался в живых.

— Завтра, добрый барин, я пойду с вами и покажу это место.

Рачковский понял, о каком месте говорит солдат. Он помнил эти два дуба, срубленные уже лет пятнадцать назад. Сейчас на их месте торчали два больших черных пня, которые тоже могли бы служить ориентиром. Но наутро ударил мороз, началась метель, вывести больного в такую погоду никто не решился.

— Ничего, Иоахим, вот через недельку спадут морозы...

Солдат только улыбнулся печально.

— Нет, добрый барин. Не суждено мне, вижу, этим богатством пользоваться. Все мои товарищи погибли, один я остался, но чую, что и мой конец уже близок. Если вас Бог благословит взять деньги, то сделайте так, чтобы на вечные времена служились три раза в год общие панихиды за русских и французов, убитых в этой войне, ибо они христиане и притом хорошие люди, я это испытал на себе, когда был во Франции. Остальными деньгами за то, что вы такие добрые, живите сами и помогайте бедным.

Похоронив солдата, Рачковский так и не решился завладеть кладом, справедливо опасаясь, что власти отберут его.

Прошло несколько лет. Сын Рачковского, Юлиан Станиславович, слышавший все разговоры Иохима с отцом, «по не зависящим от него обстоятельствам должен был переселиться на житие в Вятскую губернию». (В таких выражениях принято было обозначать в те времена политическую ссылку.) Вернуться в родные места Рачковскому-младшему разрешено было, когда ему исполнилось уже 70 лет. Тайну о золоте, зарытом у двух дубов, он хранил все эти годы.

Не беремся судить, как могла бы завершиться эта история со спрятанным сокровищем где-то еще, а в нашем случае она кончилась так. Рачковский отправил в Петербург докладную записку о кладе на имя министра земледелия и государственных имуществ. Ни министр, ни министерство не ответили ему. Ответ пришел наконец от императорской Археологической комиссии, которая извещала, что сообщение его «принято к сведе-

нию». На последующие обращения с предложением своих услуг, с просьбой начать раскопки комиссия просто не отвечала.

Кто-то надоумил старика обратиться к почетному председателю Археологической комиссии графине Прасковье Сергеевне Уваровой. Он так и сделал. В октябре 1895 года получен ответ: «Ни Петербургское археологическое общество, ни Московское — никто из нас не пускается в такие дела, ибо мы по уставу преследуем только ученые цели, предоставляя кладоискательство частным лицам или правительству».

Старик не сдавался. Он продолжал писать во все инстанции и стучаться во все двери, пока министерство внутренних дел не дало ему разрешение на раскопки сроком на год.

С того далекого дня, когда солдаты торопливо забрасывали землей свою нечаянную находку, прошло восемьдесят пять лет. Берега, каждую весну заливаемые Березиной, изменились неузнаваемо. Да и самого места, где когда-то стояли два дуба, найти было уже невозможно.

На свои скудные средства старик нанял нескольких землекопов, те покопали выборочно в двух-трех местах, потыкали землю железным щупом. На том все и кончилось.

Примерно в то же время, когда землекопы ходили со щупом вдоль берега Березины, один из наполеоновских ветеранов, которому было уже за сто, рассказывал журналистам в Париже, как маршал Ней поручил ему переправить через Березину повозки с золотом французского казначейства. Мост, наскоро построенный из разобранных

ных домов близлежащей деревеньки, не выдержал тяжести орудий отступавшей армии и рухнул...

Не на одну ли из этих повозок наткнулись солдаты 14-го егерского полка в то ненастное осеннее утро? Никто не знает. Может быть, история эта будет еще иметь продолжение и более удачный конец.

(Александр Горбовский, Юлиан Семенов. Закрытые страницы истории. — М.: Мысль, 1988)

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ: СЕМЛЕВСКОЕ ОЗЕРО

Обоз остановился в лесу. Смолкли скрип колес и чавканье копыт по грязной снежной каше. Уланы конвоя сразу задремали в седлах. Солдаты-обозники плотнее закутались в пеструю смесь всевозможных одежд. Остановка длилась недолго. Короткий приказ — и снова одна за другой тронулись вперед повозки, фуры, телеги, кареты. Переваливаясь через придорожную канаву, заваленную ветками и тонкими стволами осин, они въезжали в узкую просеку.

Просека выводит к маленькому лесному озеру.

Прямо от кромки леса начинается сплавина — плотно связанный из стеблей и корней плавучий берег. Он колышется под ногами солдат, и на черной поверхности озера возникают едва заметные волны.

Стучат топоры. Солдаты гатят сплавину. Саперы собирают плоты. Два плота уже плавают по поверхности озера. Идет промер глубины. На бе-

регу — группа старших офицеров. Впереди высокий смуглый генерал в черном плаще.

— Мой генерал! — перед генералом стоял молодой офицер, который только что спрыгнул на берег с плота. — Глубина озера на середине пятьдесят футов, у берега — тридцать пять футов. На дне, по-видимому, толстый слой ила, толщина двадцать футов...

Вдруг лес наполнился сдержанным гулом многих голосов. На просеке послышались возгласы возниц и скрип колес. Ближайшие к берегу повозки подались в сторону, и на опушку выехала кучка всадников во главе с Наполеоном.

Смуглый генерал, высоко поднимая длинные ноги в ботфортах, подошел к императору.

— Все сделано, сир.

— Что сделано? — почти выкрикнул император.

— Все готово. Глубина озера пятьдесят футов, и на дне много ила.

— Начинайте.

Наполеон круто повернул коня и в сопровождении свиты ускакал.

Простуженным голосом генерал выкрикнул команду. Солдаты, толпившиеся вокруг плотов, потащили их к воде, проваливаясь и оступаясь. Началась погрузка. Артиллерийские запряжки въезжают с гати прямо на огромный плот. Солдаты сбрасывают в воду тяжелые тюки в грубой холстине.

Через час все было кончено. Поверхность озера успокоилась.

НУЖНЫ ЛИ ПОИСКИ?

...Итак, может ли Семлевское озеро хранить в своих глубинах московские трофеи Наполеона?

19 октября 1812 года армия Наполеона покидала Москву. Значительно выгоревшая и покинутая большинством жителей Москва нанесла этой армии незримый и неожиданный удар. Без продовольствия, без регулярного снабжения, наполеоновская армада пьянствовала и мародерствовала. Выступившие из Москвы интервенты были обременены гигантским обозом, везли с собою много золотых и серебряных изделий, ценной посуды, тканей, мехов... «После полудня, — пишет в своих мемуарах сержант Бургонь, — мы двинулись в поход... Вскоре мы очутились среди множества повозок... Они шли в три-четыре ряда, и вереница тянулась на протяжении целой мили». Сержант пишет, что среди прочих ценностей, найденных в подвалах сгоревших московских зданий, он нес в своем ранце даже обломок обшивки креста с московской колокольни Ивана Великого (Пожар Москвы и отступление французов, 1812 год. Воспоминания сержанта Бургоня. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1989, с. 61). Крест этот был сделан из дерева, окован серебряными золочеными полосами и удерживался несколькими также золочеными цепями. «Рабочая команда, плотники и другие были отряжены снять этот крест, — пишет Бургонь, — для перевезения его в Париж в качестве трофея». Сняты были и золоченые орлы с вершин кремлевских башен. Таким образом, кроме личных трофеев, обоз отступавшей армии имел и

трофеи, которым придавалось особое, символическое значение. Мемуары этого сержанта, как и многих других участников похода в Россию, не оставляют сомнений, что из Москвы в 1812 году были вывезены большие ценности.

После ожесточенного сражения при Малоояр-славце, то есть 25 октября 1812 года, положение отступавших стало настолько тяжелым, что, как свидетельствует вюртембергский военный врач Г. Роос, «отдан был приказ поджечь и отдать в жертву пламени все, что будет оставлено на месте» (Генрих Роос. С Наполеоном в Россию. — М.: Сфинкс, 1912, с. 193). При этом были взорваны даже громоздкие фуры со снарядами. 1 ноября обоз понес новые потери, на этот раз в результате нападения казаков. «Казачи... напали 1 ноября на обоз и имели некоторые успехи», — признавал в своих мемуарах Арман де Коленкур. На следующий день, когда отступавшая армия достигла района Вязьма — Семлево, положение стало для нее настолько угрожающим, что, по свидетельству того же Рооса, в Вюртембергском корпусе приказано было даже снять с древков знамена и раздать наиболее здоровым и выносливым солдатам, которые должны были спрятать их либо в своих ранцах, либо обмотав вокруг тела. Имелись и другие причины, побуждавшие Наполеона сократить обоз своей армии. Из-за утомительных переходов, постоянных схваток с русскими войсками и партизанами, а также по недостатку корма количество лошадей значительно уменьшилось. Кроме того, нужно было везти с собой множество раненых.

Все это указывает на такую поспешность отступления, на такое бедственное положение отступавших и на такое осознание ими грозящей опасности, что возможность уничтожения трофеев представляется вполне реальной.

Снаряды взрывали, повозки жгли, а те из них, при которых еще сохранились лошади, представляли раненым. Следовательно, надежд на доставку трофеев в Париж не оставалось. Но чтобы сделать недоступным противнику большое количество ценностей, их нужно было, конечно, не взорвать, а лишь утопить, причем не в мелкой речке, какие попадались на пути отступления, а в достаточно глубоком водоеме. Им, видимо, и оказалось Семлевское озеро...

Итак, обоз с большими московскими ценностями мог быть столь же реальным, сколь и сами обстоятельства, побудившие Наполеона и его штаб к решительному ускорению бегства из России. И если армия вынуждена была взрывать боеприпасы, заведомо ослабляя свою способность к сопротивлению, то необходимость избавиться от крайне обременительного груза, требовавшего сильной охраны, представляется очевидной.

Мы думаем, что есть все основания считать Семлевское озеро хранилищем московских трофеев Наполеона, и поиски этих трофеев заслуживают самой активной поддержки.

(М. Баринов. Загадка Семлевского озера. Тайны веков. — М.: Молодая гвардия, 1978)

ПОПЫТКИ РАЗГАДАТЬ ЗАГАДКУ КЛАДА НАПОЛЕОНА

Точных сведений о том, что именно в Семлевском озере оставил Наполеон свои трофеи, история до нас не донесла. Да это и понятно: ведь операция проходила в строжайшей тайне. И все же кое-какие слухи об утопленных сокровищах начали расползаться по земле. Самому императору судьба не предоставила возможности вновь посетить смоленские леса, а вот искателям кладов семлевская легенда не дает покоя уже много-много лет. Еще в прошлом веке здешняя помещица Плетнева в надежде укрепить свое финансовое положение попыталась отыскать легендарный клад в озере, но его воды не пожелали делиться золотом с и без того богатой землевладелицей.

Несколько лет назад очередную попытку разгадать загадку клада Наполеона предприняла группа молодых энтузиастов из Москвы и других городов. Различные конструкторские бюро разработали приборы и устройства, которые предназначались для помощи водолазам и аквалангистам. Но с чего начинать работу?

Первыми в дело включились геофизики: они измерили магнитное поле над водной поверхностью. Результаты разведки обнадеживали: приборы показали, что в некоторых местах на дне встречается металл. Но что это — царская карета времен Отечественной войны 1812 года или фюзеляж самолета, рухнувшего в озеро в годы Великой Отечественной войны, приборы сказать не могли.

Поиск осложнялся тем, что озерное дно покрыто многовековым слоем ила, толщина которого кое-где достигала шестнадцати метров. Чтобы уточнить месторасположение металла, участники экспедиции начали «прощупывать» дно и измерять электрическое сопротивление между щупами, находящимися в каком-то десятке сантиметров друг от друга. В некоторых местах оно оказалось очень низким. Это означало, что расположенные на дне, под щупами, объекты обладают хорошей электрической проводимостью. Иными словами, подтверждалось наличие здесь металла. Стало быть, имел смысл пробиваться сквозь ил, чтобы поднять неизвестный металл.

Немало металлических предметов извлекла группа из озера, но никакого отношения к императорскому кладу они не имели. И все же надежды оставались: химический анализ проб озерной воды свидетельствовал о том, что в ней содержится в десятки раз больше золота и серебра, чем в воде других окрестных озер. Поиск продолжался много месяцев. Работы порой приходилось вести при тридцати-, а то и сорокаградусных морозах, когда озеро сковывалось могучим панцирем льда. Сколько было прорублено в нем майн, сколько раз водолазы погружались в свинцовую воду, сколько пришлось исходить им по дну, устланному иловым ковром... Но тайна, рожденная студенными ноябрьскими днями 1812 года, продолжает оставаться тайной. А быть может, сокровища покоятся в каком-либо из соседних озер?

(С. И. Венецкий. Где клады зарыты? — М.: Знание, 1989)

10. ЗОЛОТО КОЛЧАКА

Клад (а вернее, клады) Наполеона до сих пор не найдены, как не найдены и несколько других военных кладов. К ним, например, относится клад полковника русской армии Икатурова.

...В годы первой мировой войны казначей полковник Икатуров отнял у турецких войск бесценное церковное имущество, награбленное ими в христианских монастырях и храмах: золотые оклады икон, монеты, бриллианты (некоторые — от 70 до 80 карат!) и т. д. Но военное счастье переменчиво. Через несколько дней отряд Икатурова сам оказался окруженным турецкими войсками в горах Армении и почти весь погиб. Чтобы сокровища не достались врагу, полковник сложил их в два больших тюка и зарыл на склоне горы.

«Клад Икатурова» пытались искать не раз. В начале 30-х годов там побывала экспедиция английских искателей сокровищ. Повторная экспедиция должна была состояться в 1939 году, но начавшаяся вторая мировая война помешала этому.

Так же безвозвратно потерянной оказалась и золотая казна 10-й русской армии, зарытая в 1915 году, когда армии угрожало окружение, где-то в районе Каунаса. Тайна места захоронения клада была доверена нескольким офицерам. Но все они погибли, не успев никому передать ее.

Не найден до сих пор и знаменитый клад адмирала Колчака. Именно с историей поисков этого клада мы и хотим более подробно познакомить читателей.

...Внешне это дело ничем не отличалось от де-

сятков и сотен других дел из архива бывшего КГБ бывшей Эстонской ССР: стандартные папки из пожелтевшего (и весьма рыхловатого) картона с грифами «Секретно» и «Строго секретно».

Отличалось же — формулой обвинения, уникальной в своем роде.

Представьте: Москва, осень 1941 года. Сражения на подступах к столице и, знаем уже (хотя бы по фильмам о милиции), стремительный ход всякого следствия: при малейшем сомнении единообразные приговоры — ВМН, ВМН, ВМН (высшая мера наказания). А тут...

Распоряжение об аресте гражданина П. отдает замнаркома внутренних дел Абакумов (которому еще предстоит стать начальником СМЕРШа, а затем министром ГБ).

Соответствующее постановление выносят тоже весьма высокопоставленные лица — и. о. начальника 2-го спецотдела НКВД СССР Кузьмин и старший комиссар того же отдела Евланов.

Утверждающую санкцию накладывает и. о. прокурора СССР Бочков.

Заключение о передаче дела особому совещанию подписывает начальник отдела по надзору за милицией Прокуратуры СССР Руденко (через несколько лет он станет главным обвинителем Союза на Нюрнбергском процессе, а затем Генпрокурором СССР).

А в итоге — статья 169 ч. 2 УК РСФСР, то есть просто-напросто мошенничество, увенчанное (по предложению Руденко)... пятью годами ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей). Чудеса...

И хоть бы «своего спасали» — какого-нибудь

видного госдеятеля, артиста, ученого... А то ведь рядового гражданина из Эстонии (которая лишь за год до того стала советской республикой).

Пора назвать имя: Пуррок Карл Мартынович, 1893 г. р.; в 1910 году выехал с родителями из Эстляндской губернии на Алтай (напомним: по инициативе П. А. Столыпина раздавались тогда за Уралом БЕЗВОЗМЕЗДНО степные, лесные, луговые угодья, и тех же, к примеру, эстонских поселений за несколько лет по России выросло десятки).

В начале июня 1919 года «колчаки» мобилизовали Карла Пуррока. Был сперва рядовым, а после, учитывая, что еще на эстонской родине хаживал в так называемое министерское училище, повысили до фельдфебеля, по должности же — до старшего писаря 21-го пехотного запасного полка. К октябрю белым пришлось туго: отступали от Барнаула через Омск в Новосибирск, а красные шли по пятам, то и дело норовя взять этот арьергардный полк в окружение. К тому соблазнял и обоз — более 100 подвод. Что в обозе? Солдатское обмундирование, боеприпасы, провиант, сбруи, седла, уздечки, подковы — причем с расчетом обеспечения всей адмиральской армии.

Но только два человека во всем полку знали, что среди прочего груза имеются и ящики с золотом. Только двое: комполка Жвачин (по некоторым документам из «дела» — Жвакин) и старший писарь Пуррок.

По его объяснениям, события далее развивались так.

В конце октября поздним вечером, примерно

пять верст отойдя от станции N., полковник приказал нескольким обозным попрердержать своих лошадушек, а самим пересесть на другие подводы и двигаться дальше.

На лесной поляне остались четверо: полковник, писарь и двое солдат. Тут уже были кем-то заранее выкопаны четыре большие ямы. «Братцы, — молвил комполка. — Надо схоронить кое-какое барахлишко».

В одну яму уложили оружие, в том числе довольно много новых револьверов системы «наган», в другую — лошадиную амуницию (подковы, седла и пр.), в третью — солдатские шинели и подметки...

В четвертую же, утверждал Пуррок, СЛОЖЕНО БЫЛО 26 ЯЩИКОВ, В ОСНОВНОМ ПО 2 И 4 ПУДА, НЕСКОЛЬКО ПО 1 ПУДУ, ИЗ НИХ 8 С ЗОЛОТОЙ МОНЕТОЙ, ОСТАЛЬНЫЕ СО СЛИТКАМИ. И поскольку до края ямы оставалось еще сантиметров 60—70, то затолкали туда и убитую лошадь, имея в виду, что ежели кто начнет тут копать, то, завидя скелет, бросит.

После окончания операции полковник скомандовал Пурроку и солдатам догонять свою часть. Но буквально через несколько часов на них наткнулись красные, завязался бой: сперва убило одного солдата, потом другого, а на следующий день всех остальных окружили и взяли в плен. Полковника сразу куда-то увезли, и больше Пуррок его не видел. Сам же писарь назвался крестьянином, мобилизованным с лошадьо. Красноармейцы к нему расположились, месяц он с ними пробыл (опять-таки в писарской должности) и был отпу-

щен домой. В марте 1922 года Пуррок выехал на историческую родину (по межправительственному договору меняли тогда массово всех желающих российских эстонцев на эстонских россиян), поселился в городе Тюри, взял в аренду участок земли...

Верить ли нам сегодня этому сюжету, изложенному более полувека назад на лубянских допросах? А почему бы и нет?

В 1930 году Карл Пуррок делится великой своей тайной с родичем Аугустом Лехтом, таллинским инженером. Тот вскидывается: ехать! отыскать! «Путешествие в страну большевиков», совершенное Пурроком и Лехтом в 1931 году, весьма широко освещено в материалах дела: тут двое участников, и оба порознь дают показания. Но результат один и тот же: места захоронения золота установить им НЕ УДАЛОСЬ. Причины этого, в принципе, сводились к изменению облика района. В 1919 году рос там сплошной лес, а в 1931 — лишь мелкий кустарник. Все приметы, пни, какие запомнил Пуррок, исчезли. Правда, уйму полусгнивших пней они обнаружили и даже какие-то гнилые подошвы на глубине около четверти метра, но это были все их находки в первый день.

А дальше пошла какая-то чепуха... В тот день они рано решили прекратить поиски, как объяснял Лехт, из-за страшной жары. Отправились в ближнюю деревню — переночевать, но по дороге Пуррок вдруг обнаружил потерю... бумажника со всеми деньгами и документами, в том числе с загранпаспортом. Вернулись, искали, но все было

бесполезно, и пришлось им той же ночью получать временное удостоверение, мчаться в Москву, там через НКВД оформлять возвращение в Эстонию.

Что тут, на наш взгляд, полностью согласуется с правдой? Перемены на местности. Известно, что в жирном черноземе (а именно таков характер здешней почвы) пни березы сгнивают за 5—6 лет, а хвойных деревьев (пихты, например) за 10—12 лет.

А что не согласуется? Думаем, стало им ясно, что тайком с почти открытой теперь местности клада не достать.

Словом, в тот раз золота они не нашли.

Через несколько лет предпринимается Пурроком новая попытка. Но теперь с помощью хитроумного аппарата конструкции Митова, немецкого инженера болгарского происхождения.

Об этой попытке тоже много ПОКАЗАНО на следствии. О том, как сумели Пуррок и Лехт заинтересовать своей историей богатого берлинского адвоката Кейзера, а тот свел их с Митовым. В 1934 году эта пара приехала в Таллинн, имея с собою 18-пудовый прибор, что, конечно, не укрылось от местной прессы, и в парке Кадриорг были даже проведены сеансы поисков золота, впрочем, безрезультатные. Еще узнать можно из показаний, что Кейзер выезжал в Москву, в Кредит-бюро, подписал там договор, по которому СССР отходили 75 процентов, а поисковикам остальные 25 процентов клада (если найдут), получил разрешение на «операцию», вернулся в Таллинн. После этого немедленно отправили аппарат в

Москву, а вслед за ним выехали туда же Пуррок и Митов.

Поселясь в недешевом отеле, ждали они прибытия аппарата больше месяца и дождались... аккуратно ко времени, когда в Сибири засквозили морозы, упали снега. Так что в конце ноября несолоно хлебавши Пуррок отъехал в Таллинн, а Митов с аппаратом в Берлин.

Далее из показаний явствует, что несколько последующих лет Пуррок неоднократно порывался войти в контакт с генконсульством. Лехт от его имени строчил просьбы о въезде в СССР, предложения о сотрудничестве, но все как-то впустую. Отмахивались наши инстанции. И лишь после вхождения Эстонии в состав СССР на Пуррока и его компаньона было наконец обращено внимание. Попутно в поле зрения органов оказался еще один кладоискатель — Юри Соалисте: у него была целая обойма адресов различных кладов на территории СССР. Наконец, после серии допросов, куда Пуррок, Лехт и Соалисте приглашались сначала лишь в качестве свидетелей, сжатое резюме руководства НКВД СССР в виде служебной записки легло на стол замнаркома внутренних дел СССР, комиссара госбезопасности III ранга Кобулова.

В сущности, именно с этого момента возникает «дело Пуррока». Еще формально не обвиняемого, но уже попавшего в жернова розыска. И пишет замнаркома размашисто зеленым карандашом наискось документа: «Вызовите Пуррока в Москву вместе с оперативным работником. Направьте на место для поиска золота совместно с начальником

УНКГБ тов. (нрзб. — Авторы). Результаты доложите. 4.6.41 г. Кобулов».

6 июня 1941 года на том же листе почерком по-мельче: «Тов. Борщеву. Прошу Вас организовать реализацию указания тов. Кобулова. Федоров».

7 июня 1941 года на том же листе, но еще скромнее: «Тов. Корниенко! Поручите тов. Шестакову заняться этим вопросом. Заготовьте запрос о Пурроке. Проследите за прибытием. Встретьте его и доложите мне. Борщев».

И в тот же день аккуратненько в уголке: «Шестакову. Исполнить. Корниенко».

Пуррока встретили, поселили в гостинице. А 9 июня 1941 года в сопровождении офицеров ГБ Кузьмина и Митрофанова он уже отбыл поездом Москва — Иркутск навстречу своей судьбе.

Начиная с 14 июня Кузьмин вел дневник, где ежедневно подробнейшим образом излагал ход событий. Дневник этот приложен к делу, точнее, к той части дела, которую не только обвиняемым, но даже прокурорам и членам особого совещания видеть не полагалось. В отдельной папочке с грифом. Перепечатанный в те еще времена, дневник занимает ни много ни мало 30 машинописных страниц. Дадим оттуда несколько извлечений.

«14.6.41 г. За 10, 11 и 12 июня. В поезде в разговоре с Пуррок (фамилию автор дневника не склоняет. — Авт.) уточнял, по каким путям отступала армия Колчака.

В разговоре со мной Пуррок очень часто говорил о плохом состоянии своего здоровья, что ему нужно серьезно лечиться. Я такие разговоры всегда сводил к тому, что все зависит от него, если

будет обнаружено то, за чем мы едем, то он не только будет обеспечен лечением, но и вообще вознагражден. Пуррок после таких разговоров оставался очень доволен, так как видно по всему, что его интересует в первую очередь вознаграждение.

Пуррок мне сообщил следующие ориентировочные данные.

1. Отступление шло от района Новосибирска до ст. N.

2. Шли параллельно ж. д. пути с северной стороны полотна.

3. На ст. N пересекли ж. д. полотно и стали двигаться в южном направлении от железной дороги.

4. В 4—5 км от станции был закопан клад.

5. Когда закопали клад и пошли дальше, полковник Жвакин крикнул Пуррок: «Запишите: 5-я дорога от просеки вправо».

6. «Я, — говорит Пуррок, — когда уходил, то заметил, что мы закопали клад между трех пихт, а на них была повалена береза. В 1931 году, по моему мнению, я эту березу нашел, она имела такой же наклон (в северную сторону), но была наполовину сломана, пихт и пней я не обнаружил.

13 июня в 5 часов 30 минут по местному времени мы подъехали к ст. N, сдали вещи в камеру хранения, а сами отправились на место, где Пуррок с Лехтом были в 1931 году».

В тот же день Кузьмин разыскал старые карты, выяснил фамилии старожилов, знающих все проселочные и трактовые дороги и таежные тропы, спорил с Пурроком, поскольку пришел к вы-

воду, что тот путает стороны железной дороги, заручился поддержкой НКВД и т. д. и т. п. В общем, запись событий этого дня заняла шесть страниц.

14 июня. «Всю ночь шел сильный дождь, утром прекратился. Дул сильный северо-западный ветер, на улице грязь, дороги размыло, но мы решили идти на поиски. Взяли с собой компас, рулетку, папку с бумагами и на всякий случай лопату и топорик».

Тут начались сомнения. Местный оперуполномоченный, знаток окрестностей Кротов разошелся с Пурроком в определении маршрута отступления Колчака. Много было споров. Цитата: «Пуррок подавлен, волнуется, плачет. Мы чувствуем, что он совершенно дезориентирован и не знает, что делать». Отшагали они в тот день 20—25 километров.

И вот что интересно: Кузьмин ежедневно через местное отделение НКВД отправлял в Москву подробное сообщение о ходе поисков.

15 июня. Очень подробный отчет о встрече со стариком Литвиновым, указавшим, где была первая просека (а надо было найти 5-ую дорогу от первой просеки). Установили вроде бы девять дорог. По всем рассказам и толкованиям была составлена «Примерная схема тракта с таежными дорогами, где проходила отступающая армия Колчака».

«Пуррок сегодня никакого участия в работе не принимал, лежит в постели в гостинице, заболел, не может ходить. В больнице ему сказали, что у него грыжа, прописали разные лекарства. Вече-

ром с Митрофановым еще раз устроили Пуррок основательный допрос. Он совершенно как будто пришиблен. Я, говорит, даже сейчас себе не верю, что в 1931 году был с Лехтом на том месте, где зарыли клад, т. к. сейчас здесь все резко изменилось. Опять плачет, думает, что ему не верим».

Кузьмин намечает большой (на две машинописные страницы) план назавтра.

16 июня. Запись за этот день открывается фразой: «Сегодня мы окончательно убедились, что не Пуррок нам показывает, где зарыт клад, а я и Митрофанов ищем место при слабой и иногда противоречивой консультации Пуррок».

И дальше — мучительные размышления над вариантами поиска. Изучение карт, беседы со старожилами приводят Кузьмина к выводу о трех возможных путях отступления. Вроде бы отыскивается наконец и 5-я дорога. Отмечает: «Эта пятая дорога имеет все приметы, что здесь раньше росли крупные пихты, кедр, береза и осины, чего нет на других дорогах. Найти какие-либо углубления, которые указывают на осадок почвы, нам не удалось, т. к. очень густая и высокая трава, цветы и папоротник все сглаживают... Очень страдаем от мошкары, комаров и особенно лесных клещей».

Продолжается сбор сведений от местных жителей, вычерчиваются схемы и т. д. В плане на 17 июня, в частности: «Через НКВД подобрать трех землекопов для работы с разведочной группой инженеров (3 чел.)».

Намечено рыть шурфы глубиной 0,75 метра в три линии. Семистраничная запись 16 июня кон-

чается словами: «Ну, пора спать. Время 1 час 15 минут, по небу ходят тучи, дует северный ветер».

17 июня. «Весь день размечали, где копать шурфы.»

18 июня. «Начать шурфовку не удалось, поскольку всех рабочих неожиданно мобилизовали на один день для выполнения «спецзадания».

Пуррок по-прежнему болен — воспаление грыжи, температура. Заболел и Митрофанов — у него 30 гр. С.»

19 июня. «Приступили к шурфовке».

20 июня. «Весь день шел сильный дождь, рабочие отказались копать, т. к. заливает».

21 июня. «Сегодня весь день проводили шурфовку. Ничего не обнаружено».

22 июня. «С 7 утра до 6.30 вечера проводили шурфовку. Никаких признаков того, что мы ищем. Пришли в гостиницу, узнали о нападении на СССР Германии».

23 июня. «Утром в 7 часов пришли 4 чел. рабочих, заявили, что они идти сегодня не могут, т. к. им прислали повестки явиться в военкомат. Рабочих найти невозможно. Дал телеграмму в Москву».

На этом дневник обрывается.

А дальше было то, с чего начинался этот очерк. Пуррока вернули в Москву, отправили в Бутырку, и закрутилось уголовное дело «по обвинению его в обманных действиях, причинивших ущерб государству».

После всех перипетий: «Обвиняется в том, что с целью пробраться в Москву и др. города Союза ССР неоднократно подавал заявления генераль-

ному консулу СССР о том, что будто им в 1919 году при отступлении армии Колчака зарыто около 50 пудов золота, однако местонахождение клада не указал, явно злоупотребив доверием. Действия Пуррок по розыску этого клада, поездка в Берлин (признал-таки на допросе, что ездил туда по предложению Кейзера для знакомства с аппаратом. — Авт.), его связи с Кейзером и Митовым подозрительны на шпионаж.

Дело подлежит направлению в Особое совещание при НКВД Союза ССР.

4 декабря 1941 года».

Срок ему дали, а точнее говоря — спрятали (до лучших времен?) в один из саратовских лагерей, там он и умер в 1942 году.

А что с кладом? Судя по материалам дела (там есть отметки 50-х годов), он все еще не найден.

(Владимир Пооль, Михаил Рогинский — «Совершенно секретно» 1992, № 11)

11. НЕ ИЩИТЕ СОКРОВИЩА В НЕСВИЖСКОМ ЗАМКЕ. ГДЕ ОНИ, ЗНАЕТ РАДЗИВИЛЛ

Не в первый раз предпринимается попытка отыскать легендарные сокровища князей Радзивиллов. Несколько тонн золота в слитках, золотые фигуры 12 апостолов, усыпанные драгоценными камнями, и другое — все это исчезло в 1812 году и до сих пор покоится где-то в белорусской земле. Сокровища искали в прошлом веке; дважды (в 1916 и 1941 годах) территорию Несвижского замка, резиденцию Радзивиллов, перекопали немцы. Безрезультатно. Теперь в подвалах Несвижского замка роют землю земляки.

Это обстоятельство и встревожило известного в Беларуси предпринимателя Вадима Радзивилла, который уполномочил автора этих строк сделать следующее заявление. Никаких сокровищ под замком в Несвиже нет. Они действительно существуют, но находятся совершенно в другом, «неожиданном», по словам Радзивилла, месте.

Как утверждает Радзивилл, он знает точное место, где спрятаны сокровища, и даже видел их. Отыскать фамильные ценности знаменитых магнатов помог ему медиум. Радзивилл, отыскав их, даже отделил фрагмент от одного из золотых слитков, чтобы показать специалистам. Это стоило ему впоследствии больших неприятностей, так как золотом с необычным химическим составом активно заинтересовались представители криминального мира. Радзивилл, по его словам, еле от-

бился от них, заявив, что этот кусок благородного металла ему привезли из-за границы.

По этой причине удачливый кладоискатель и не решился использовать свою находку — это могло стоить ему жизни. Радзивилл даже попросил медиума «закодировать» его так, чтобы он даже под пыткой не смог назвать место, где спрятаны сокровища, посторонним. Освободить его от «блока на памяти» может теперь только тот медиум.

Как заявил Радзивилл, он согласен указать место, где спрятаны сокровища, официальным властям, но при соблюдении ряда условий. Главное из них — решение судьбы сокровищ при участии всех ныне живущих наследников знаменитого рода. Так как ценности Радзивиллов — это не безымянный клад, то потомки знаменитого рода имеют право голоса при определении их будущего.

Выступить же с этим заявлением Радзивилла заставила активность нынешних поисковиков. Он опасается, что они в замке «все перекопают, разворотят» и даже в приступе «золотой лихорадки» могут решиться вскрыть саркофаги, где покоятся останки знаменитых князей. Один раз это уже было сделано: в 1924 году их вскрывали большевики, искавшие тайну сохранения тела Ленина (останки Радзивиллов сохранились на удивление хорошо). Уже тогда большевики убедились, что никаких сокровищ в саркофагах нет. Но вряд ли это может остановить современных исследователей. Одновременно с прессой Радзивилл сообщил о своем намерении представителям властей, среди которых, по его словам, «первые лица государ-

ства». Сделал он это, чтобы избежать «ненужного внимания» со стороны различных структур, как правоохранительных, так и их антиподов. Иначе «хвост за мной ходил бы даже в туалет».

(Анатолий Дроздов. — «Рэспубліка»)

РАЗДЕЛ III. ПИРАТСКИЕ КЛАДЫ

Есть слова, знакомые каждому настолько, что не приходит в голову задумываться об их точном значении. К таким словам относится и «пиратство».

Пиратство связано в нашем сознании с определенным набором стереотипов. Он довольно стоек: черный флаг — «Веселый Роджер», абордаж, бочонки с ромом, одноглазый капитан и, конечно же, сундуки с золотом, зарытые на необитаемых островах. Пираты и их сокровища породили даже целое направление в приключенческой литературе. Впрочем, приключения, выпадавшие на долю лиц, существовавших в действительности, нередко превосходят любой авантюрный сюжет...

Надо сказать, что пиратство, т. е. морской разбой, — древнейший вид морского промысла, но особенно оно стало процветать в XVI—XVIII веках. Это было время, когда колониальные захваты резко изменили географию тогдашнего мира, а черный флаг стал господствовать на огромных морских просторах.

Меньше чем за полвека после открытия Америки испанские конкистадоры разграбили все сокровища ацтеков, инков, чибча-муисков, не говоря уже о более мелких индейских племенах. Полные трюмы золота и серебра, сундуки жемчуга и колумбийских изумрудов — поистине сказочные богатства мощным «золотым Гольфстримом» хлы-

нули от берегов Карибского моря в Европу. Однако 30—40 процентов грузов, отправляемых морем, не доходил до портов назначения. Такова была неизбежная дань, которую приходилось платить морю и пиратам. Только в XVI веке в руках пиратов осталось 100 тонн золота из того, что было отправлено в Испанию из Америки.

История пиратства еще не написана; на $\frac{4}{5}$ она представляет собой книгу с чистыми листами. Никем полностью не были сосчитаны сокровища пиратов. Несомненно, что в многочисленных легендах о них есть какая-то доля истины, однако не случайно, что находка пиратских кладов — явление исключительной редкости. Эти чуждые расчету, постоянно рискующие жизнью люди не привыкли думать о завтрашнем дне, и легко добытые богатства так же легко уплывали из их рук. Сведения о сокровищах Моргана, Кидда и других пиратских вожakov на протяжении столетий обросли такой фантастической оболочкой, что в них уже невозможно отделить правду от вымысла. Еще трудней найти места погребения пиратских сокровищ. Человеку, посвятившему себя их поискам, приходится рассчитывать на помощь ненадежного, хотя и всемогущего, союзника — Случая.

О пиратах и их сокровищах, о многовековой истории поисков пиратских кладов — обо всем этом прочтет читатель на следующих страницах.

1. «КОРОЛЕВСКИЕ ПИРАТЫ», БУКАНЬЕРЫ И ФЛИБУСТЬЕРЫ

На протяжении двух столетий, с 1550 по 1750 год, каждую весну из Нового Света в Испанию с добычей конкистадоров отправлялись, под охраной многопушечных фрегатов, две флотилии — «Серебряный флот» и «Золотой флот», состоявшие из нескольких десятков галеонов.

Первая флотилия, «Серебряный флот», везла в своих трюмах серебро и медь рудников Мексики, табак, индиго, кошениль и сахар.

Галеоны второй флотилии, именовавшейся «Золотым флотом», были, пожалуй, самыми «дорогими» судами, когда-либо бороздившими моря и океаны. Их нагружали золотом и серебром знаменитых перуанских копей, а также изумрудами копей острова Гренада.

Помимо золота и серебра, трюмы галеонов набивали табаком, индиго и сахаром.

Увы, далеко не всем галеонам удавалось благополучно достичь обетованных берегов родной Испании. Более того, не всем суждено было выйти даже из Карибского моря на просторы Атлантики. Очень часто суда становились жертвами знаменитых вест-индских ураганов. К тому же сами мореплаватели нередко допускали при управлении кораблями грубые, а порой и непоправимые ошибки. Не сразу испанцы постигли премудрость господствующих в водах Нового Света течений, не сразу нанесли на свои карты опасные рифы, банки и отмели Карибского моря. Изучение района

плавания досталось им слишком дорогой ценой.

Сейчас достоверно известно, что подлинными кладбищами испанских галеонов в Карибском море являются берега Багамских островов, Восточные рифы Флорида-Ки, Восточные барьерные рифы Бермудских островов, отмели мыса Фир и мыса Гаттерас.

Впрочем, тропические ураганы и коварные рифы Карибского моря были далеко не главными препятствиями на путях галеонов. Существовал и более опасный враг, который не оставлял в покое «Золотой флот» ни на единое мгновение, вселяя ужас в сердца мореплавателей. Пираты — вот кто сотрясал основы могущества испанского королевства.

Слухи о фантастических богатствах, которые потекли в Европу из Нового Света, возбудили зависть многих монархов Европы. Первым не выдержал соблазна французский король Франциск I. С его ведома и при его покровительстве в Карибское море вторглись французские пираты. После нескольких отчаянно смелых налетов на гавани Эспаньолы, Ямайки и Кубы они перехватили при выходе в Атлантику несколько испанских кораблей, которые везли сокровища последних вождей ацтеков и инков — Монтесумы и Куаутемоки. «Это был, — писал один из очевидцев и участников боя, — груз, превосходящий по своей ценности все, что до того времени перевозилось по воде... Изумруд величиной с кулак, ограненный в виде правильной пирамиды, золотые маски, украшенные золотом облачения жрецов, огромная серебряная змея, одежды из разноцветных птичьих

перьев столь искусной работы, что казалось, будто они скроены из тончайшего шелка, тысячи золотых пластинок и множество предметов огромной художественной ценности». И это была добыча лишь с одного корабля...

Не дремала и Англия. Пираты британской короны во главе с Френсисом Дрейком буквально терроризировали испанское побережье Америки. Ежегодный доход «джентльменов удачи» исчислялся миллионами золотых дукатов.

На смену «королевским пиратам» пришли впоследствии буканьеры и флибустьеры Тортуги, Багамских и других островов Карибского моря — беглые каторжники, бывшие контрабандисты, обездоленные индейцы, не выдержавшие гнета испанцев.

Самыми выдающимися вожаками флибустьеров Тортуги были Лэгран, Эдвард Мэнсфилд, Олоннэ, Генри Морган, Джон Коксон, Джон Кук и Эдвард Дэвис. Под их руководством организовывались систематические нападения на испанские галеоны, форты и гавани испанских колоний в Новом Свете.

В 1697 году флибустьеры приняли участие во французской военной экспедиции в Картахену. Во время дележа добычи их доля показалась им недостаточной: подняв мятеж против командования экспедиции, они самовольно вернулись в разоренный город и учинили новый грабеж. После этого Франция объявила флибустьеров вне закона. Вскоре то же самое сделала и Англия. Флибустьеры превратились в обычных пиратов, покинули острова Тортугу, Эспаньола и Ямайку, разби-

лись на группы и стали грабить уже не только испанские корабли, но и нападать без разбора на любые купеческие суда — английские, французские, голландские, датские и немецкие. Вплоть до середины XIX столетия они оставались бичом торгового мореплавания в Карибском море.

Захваченные пиратами золото и драгоценности в значительной своей части оставались в этих же краях. Иногда тем или иным вожакам пиратов удавалось собрать огромные богатства, которые попросту невозможно было истратить. А так как каждый день для любого из них мог стать последним, награбленное добро предавалось земле. Сундуки, кожаные мешки, кувшины с золотом, драгоценными камнями закапывались на островах Карибского моря, побережье Флориды и Мексиканского залива.

И настало время, когда легенды разнесли по всему миру слухи о прибрежных отмелях, где спрятаны сокровища, равных которым нет.

2. ЗОЛОТЫЕ МИРАЖИ ОСТРОВА КОКОС

Остров Кокос уже давно бытует в литературе под такими красочными названиями, как «мекка кладоискателей», «остров сокровищ», «пиратский сейф».

История Кокоса насыщена удивительными приключениями. На этом крошечном осколке суши (четыре с половиной на две мили), расположенном в Тихом океане в трехстах милях от Галапагосов и принадлежащем Коста-Рике, за последние полтора столетия побывало около 500 экспедиций, безуспешно искавших здесь пиратские клады, которых, по расчетам, на острове зарыто на сотни миллионов долларов. Но никто еще не нашел на нем никаких сокровищ...

КЛАД ГЕНРИ МОРГАНА

Как свидетельствует летопись морских грабежей, первый крупный клад зарыл на острове Кокос во второй половине XVII века один из самых знаменитых пиратов англичанин Генри Морган. В 1668 году он овладел панамской гаванью Портобело, куда стекалось золото из южноамериканских колоний перед отправкой в Испанию. В последующие три года пират успешно разграбил венесуэльский город Маракайбо, а затем ему удалось захватить столицу Панамы, носящую то же название. Все эти набеги сопро-

вождались соответствующими «финансовыми операциями», и богатство Моргана росло как на дрожжах, а сам он к тому времени обрел славу короля пиратов.

Раздосадованное потерей огромного количества золота правительство Испании обратилось к английскому королю Карлу II с требованием наказать его дерзкого подданного, однако глава государства, с которым Морган успел поделиться награбленными драгоценностями, счел нужным поступить иначе: он возвел полезного пирата в рыцарский сан и назначил командующим морскими силами Ямайки, а вскоре и вице-губернатором острова. Но спустя некоторое время кто-то донес Карлу II, будто бы Морган утаил немалую часть золота, «добытого» в Панаме, и припрятал его на острове Кокос. Одно дело, когда грабят испанских подданных, и совсем иное дело, когда обижают тебя самого. Возмущенный до глубины души английский король под каким-то благовидным предлогом заманил короля пиратов, работавшего по совместительству вице-губернатором, в Лондон, где попытался выведать тайну клада. Но Морган не признался ни в каких грехах против своего августейшего хозяина, и тому ничего не оставалось делать, как расстаться с мыслями о «кокосовом» золоте. Однако и Моргану не суждено было пополнить этими богатствами свое и без того немалое состояние. Жить ему оставалось уже недолго, и, когда в 1688 году бывший пират и «крупный государственный деятель» умер, вместе с ним ушла в могилу тайна его клада на острове Кокос. Да и кто знает, зарыл ли он действительно там золото,

или просто-напросто завистливый анонимщик свел с ним свои счеты?

КЛАД УИЛЬЯМА ДАМПИРА

Жизненный путь Генри Моргана близился к завершению, когда его соотечественник Уильям Дампир только начинал свою карьеру пирата и мореплавателя, океанографа и литератора. Надо признать, что во всех ипостасях этой незаурядной личности сопутствовала удача, о чем говорят, в частности, книги Дампира о его кругосветных путешествиях, а также открытые им и названные в его честь острова у северо-западных берегов Австралии и полуостров этого континента. Но, хотя общественно-полезные аспекты жизни и деятельности этого разностороннего человека представляют, видимо, несомненный интерес, мы коснемся лишь некоторых фактов его флибустьерской «службы».

В период, о котором пойдет речь, Дампир находился еще далеко от Австралии: ареной его пиратских выступлений служило главным образом Карибское море. После ряда успешных набегов на прибрежные поселения он высадился на острове Кокос, который в дальнейшем стал его резиденцией в Тихом океане. Здесь, свидетельствует молва, пират припрятал значительную часть своих золотых трофеев. Затем снова Карибское море, новые разбойные нападения, новые драгоценные поступления в его казну, которые, как и предыдущие, оседали где-то в дебрях

Кокоса, куда Дампир тайком плавал еще несколько раз.

Солидные потери, а число и размеры их множились с каждым годом, не на шутку рассердили испанского короля, и тот пообещал крупные вознаграждения за головы наиболее известных пиратских предводителей, в числе которых фигурировал и Дампир. Но это только подстегнуло морских головорезов — наглые высадки на побережье участились, а недра острова Кокос пополнились очередными «вкладами».

И все же, видимо, благоразумие взяло верх: Дампир покидает опасную зону и держит путь в Индийский океан, где, как ему кажется, условия для «работы» должны быть более спокойными, чем в горячих точках Тихого океана и Атлантики. По дороге он открывает группу неизвестных прежде островов, занимается научными наблюдениями, ведет интересный дневник. В нем просыпается талант литератора и ученого, а когда в 1691 году, после многих лет морской жизни, Дампир в рыцарском звании оседает в Лондоне, там одна за другой начинают выходить его книги: «Новое путешествие вокруг света», «Трактат о ветрах, отливах и течениях в теплой зоне всего мира», «Дневник Дампира». Но и море влечет: он опять отправляется в океанские дали, правда, на этот раз не ставит перед собой прежних задач. Итогом этого путешествия стала книга «Плавание вокруг света с 1708 по 1711 год».

Но вот что любопытно: ни в одном из его литературных и научных произведений не описан остров Кокос, а единожды упоминая о нем, автор

ссылается на рассказы других моряков. Зато многие другие острова расписаны им так, что в каждом читателе может проснуться соблазн завтра же отправиться туда в путешествие. Не желание ли отвлечь внимание потенциальных кладоискателей и увести их воображение подальше от своих сокровищ, зарытых в землю Кокоса, руководило Дампиром?

Однако легенды о его кокосовых тайнах продолжали ходить среди моряков и пиратов. По одной из них, даже смерть настигла старого мореплавателя на капитанском мостике судна, которое под его началом шло на всех парусах к Кокосу. Не знаем, как насчет кладов, но в отношении кончины Дампира легенда не соответствует действительности: умер он не в штормовых широтах, а в покоях своего лондонского дома в 1715 году.

«СОКРОВИЩА ЛИМЫ»

Широкую известность Кокос получил в 40-х годах XIX века, когда Европу и Америку облетела весть о том, что именно здесь зарыты знаменитые «сокровища Лимы». Их история уникальна даже для того времени, когда людей было трудно удивить самыми фантастическими приключениями.

Летом 1841 года некий американец Томпсон поведал капитану английского брига Киттингу о том, что он со своими друзьями в 1820 году захватил в гавани Кальяо испанские сокровища, награбленные за годы владычества в Лиме, — золотые слитки и распятия, усыпанные бриллианта-

ми; сабли, рукояти которых переливались драгоценными камнями; жемчужные ожерелья, платиновые браслеты с невиданными по величине и чистоте изумрудами, огромные золотые сосуды. Вдогонку за бригам Томпсона «Мери Диир» испанцы выслали быстроходный фрегат. На пути Томпсона встречался только один остров, где можно было спрятаться от погони и укрыть сокровища, — Кокос. Но едва Томпсон и его сообщники успели захоронить в одной из пещер драгоценности Лимы, как были захвачены испанцами. Всю команду «Мери Диир» капитан испанского фрегата приказал без суда и следствия вздернуть на реях, а Томпсона и его ближайшего помощника, заковав в кандалы, повезли в Панаму, чтобы пытками вынудить раскрыть тайну клада. Помощник Томпсона умер от желтой лихорадки по дороге, а самому Томпсону удалось бежать. И все двадцать лет он не смог вернуться на Кокос.

Капитан Киттинг, которому Томпсон рассказал эту историю, решил идти к острову Кокос. По пути Томпсон заболел и умер, но успел передать Киттингу карту с указанием места, где он спрятал сокровища...

Капитан со своим компаньоном Боугом отыскал сокровища. Об этом узнали матросы и потребовали дележа добычи. Сообщники отказались. Матросы высадили их на остров, отобрав все, что те успели тайком перенести в каюту.

...Через месяц случайно зашедшее в воды Кокоса китобойное судно подобрало истощенного, в жалких лохмотьях человека. Это был капитан Киттинг. Боуга с ним не было. Предполагают, что

Киттинг убил Боуга в пещере при дележе клада. Тем не менее, он не вывез с Кокоса ничего, кроме нескольких драгоценных камней, зашитых в лохмотья... Перед смертью Киттинг рассказал всю одиссею своему другу Фицджеральду. Ему же он передал карту Томпсона. Однако Фицджеральд, не имея средств, не сумел организовать экспедицию за сокровищами.

Вскоре об этой истории узнали все, и к Кокосу потянулись охотники за золотом.

Карта Томпсона была размножена в десятках экземплярах. Кладоискатели отдавали все, чтобы купить ее, добраться до Кокоса и там добыть золото, бриллианты, жемчуга... Однако все, кто после Киттинга искал пещеру, уезжал с Кокоса ни с чем: карта Томпсона стала почему-то неверна. Кто знает, может быть, Киттинг перед смертью раскаялся в убийстве Боуга и изменил карту с целью запутать будущих претендентов на клад.

Сокровищ Лимы не нашел никто, а в джунглях острова появились первые могилы кладоискателей.

С тех пор появилось великое множество вариантов этой карты, выполненных на старинной бумаге выцветшими чернилами, размытых морской водой и т. д. И каждая из них претендует на уникальность, на то, что именно она была начертана некогда рукой самого Томпсона. Поскольку это невозможно доказать, единственным аргументом в пользу подлинности карты является ее цена. Чем дороже просят за карту, тем более вероятным представляется, что она настоящая.

По мере того как число «подлинных» карт

Томпсона росло, вероятность находки клада далеко не увеличивалось. Скорее наоборот. Поиски клада продолжаются и сейчас. Можно было бы привести длинный список лиц и даже организаций, искавших и продолжающих искать этот клад. Не устоял в свое время от соблазна найти сокровища, зарытые Томпсоном, и такой человек, как Франклин Делано Рузвельт...

КЛАД КРОВАВОГО МЕЧА

Прошло девять лет — и новая сенсация вспыхнула на страницах американских газет: на Кокосе спрятаны не только сокровища Лимы, но и золото Бенито Бонито — «самого страшного пирата в этих страшных водах».

Все началось с приезда в Сан-Франциско из Австралии некоего Джона Уэлча с женой Мэри. Вскоре по городу разнесся слух, что Мэри, во времена своей юности, была подругой пирата Бенито Бонито, вошедшего в историю под кличкой Кровавый Меч. Сама она не скрывала своего романтического прошлого. В своем интервью репортерам скандальной хроники Мэри Уэлч рассказала о том, что Кровавый Меч спрятал свои сокровища, отнятые им у испанцев во время пиратских рейдов, в подземной пещере на острове Кокос. Вход в эту пещеру пираты завалили огромным камнем.

После того, как корабль Бенито Бонито был захвачен английскими королевскими фрегатами, пират, зная, что его ждет, передал Мэри карту и

план спрятанного на Кокосе клада. Вслед за этим Бонито повесили вместе с его сообщниками. Мэри, по решению королевского суда, была сослана в Австралию, на остров Тасмания. Здесь она вскоре вышла замуж за Джона Уэлча, который, после золотой австралийской лихорадки 1852 года, приехал в Сан-Франциско состоятельным человеком.

Такова была рассказанная Мэри Уэлч история. В нее поверили, и несколько богатых предпринимателей согласились финансировать на остров Кокос экспедицию. В Сан-Франциско была создана корпорация кладоискателей.

В начале 1854 года из бухты Золотые Ворота отплыл за золотом Кокоса пароход «Френсис Эл Стил». На его борту в составе экспедиции находилась со своими картами Мэри Уэлч.

Однако, прибыв на остров, Мэри заявила, что не может найти ориентира, т. к. прошло слишком много времени (34 года) и береговая линия Кокоса за это время сильно изменилась. Тогда начали искать клад по предполагаемым ориентирам. Прорыли более десятка тоннелей, но это ничего не дало — клада так и не нашли. А поскольку кончилась взятая с собой провизия, экспедиция была вынуждена вернуться в Сан-Франциско. Синдикат лопнул, однако Мэри Уэлч сумела дорого продать пиратскую карту и безбедно дожила свой век в Калифорнии.

НЕУДАЧЛИВЫЙ КЛАДОИСКАТЕЛЬ АВГУСТ ГИССЛЕР

Начавшийся вокруг клада Лимы и сокровищ Кровавого Меча ажиотаж всколыхнул не только Америку, но и Европу. В 1894 году немец Август Гисслер подписал с правительством Коста-Рики контракт на колонизацию острова Кокос. Он заявил, что намерен найти третий, дотоле никому еще не известный клад — сокровища инков. По его предположениям, древние жители Перу, когда их страну беспощадно грабил Франсиско Писарро, перевезли сюда часть укрытых ими от алчных конкистадоров храмовых сокровищ. В случае успеха половина найденных сокровищ переходила в казну Коста-Рики.

Гисслер прибыл на Кокос вместе со своей женой. Сначала он построил дом, развел огороды, наладил рыболовство. После этого, подробно изучив остров, Гисслер приступил к поиску клада инков. Он копал по заранее намеченному плану, в ста различных местах. И таким беспрестанным рытьем Гисслер занимался... целых двадцать лет!

На двадцать первом году добровольного каторжного труда он все же нашел золото — один испанский дублон чеканки 1788 года. После этого немец перестал копать, ибо пришел к выводу, что никаких кладов в земле острова нет и что найденная золотая монета могла вывалиться из кармана одного из его предшественников.

Этого удара не вынесла жена Гисслера. Она умерла, а неудачливый кладоискатель в конце

1914 года покинул Кокос. Он возвращался в цивилизованный мир на американском пароходе, который доставил на остров очередную партию охотников за сокровищами. Тщетно немец старался убедить их не тратить понапрасну свои силы и время. Американцы не вняли доброму совету старожилы и остались на острове.

Однако прошло всего полгода, и они покинули остров Кокос разочарованные.

ЭКСПЕДИЦИЯ НА КОКОС АВТОГОНЩИКА МАЛЬКОЛЬМА КЭМПБЕЛЛА

В 1926 году на острове появился знаменитый автомобильный гонщик Малкольм Кэмпбелл с верой в успех и с картой Томпсона в кармане. Надеясь добраться до клада Лимы, Кэмпбелл вложил в экспедицию 40 тысяч фунтов стерлингов. Но, хотя его экспедиция была неплохо организована, на острове она пробыла всего несколько недель. Причина прекращения поисков клада — страх, который вселился в душу отважного гонщика среди непролазных джунглей Кокоса.

Однажды, когда Кэмпбелл расположился в своей палатке на ночлег, его пес, оцетинясь и зарывчав, выскочил в темноту. Малькольм выглянул из палатки. Его собака жалобно скулила неподалеку. Неожиданно для самого себя Кэмпбелл вдруг почувствовал, что из зарослей за ним зорко следят чьи-то невидимые глаза. Ему стало страшно. В это время где-то совсем рядом раздался отврати-

тельный странный вой, постепенно переходящий в свист. Так продолжалось каждую ночь.

Члены экспедиции решили, что это боевой клич индейцев, которые хотят напасть на лагерь кладоискателей и перебить их. Кэмпбелл вспомнил о старом предании, в котором говорилось о том, что еще в начале XVI века несколько инков, спасаясь от испанцев, нашли себе убежище на Кокосе. Более того, побывавшие здесь за несколько лет до Кэмпбелла кладоискатели рассказывали ему об индейцах, которые якобы живут на этом острове. При приближении корабля они тушат свои костры и поднимаются на гору, заросшую непроходимыми джунглями...

Кэмпбелл покинул Кокос, так и не найдя «сокровищ Лимы».

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗА ЭКСПЕДИЦИЕЙ

Между тем паломничество кладоискателей на Кокос продолжалось.

В 1934 году в одном лондонском клубе искателей кладов бельгиец Петер Бергам сделал заявление о том, что, высадившись после кораблекрушения на Кокос, он прожил там около месяца. За это время он будто бы обнаружил следы клада. Доказательства Бергама были весьма убедительны. На Кокос организовали экспедицию. Однако, по пути к острову, он по какой-то неизвестной причине бежал в Панаму, хотя до этого оговорил себе четвертую часть добытых сокровищ. Экспедиция была вынуждена вернуться в Лондон.

Спустя несколько месяцев американские газеты сообщили, что один бельгиец в Нью-Йорке продал старинные сокровища на полмиллиона долларов. Возможно, Петер Бергам все-таки добрался до клада самостоятельно?

Некоторые кладоискатели побывали на Кокосе по нескольку раз. Так, американец Форбес принял пять попыток отыскать клад Лимы. По документам своей родословной он установил, что Томпсон приходится ему прадедом. Карты острова с пометкой о зарытом кладе, хранившиеся в семье Форбесов, не вызывали у него сомнений. И лишь пятая и последняя экспедиция на Кокос, совершенная Форбесом в 1950 году, убедила кладоискателя в бесплодности поисков «сокровищ Лимы».

Англичанин Альберт Эдуардс организовал на Кокос три экспедиции. В 1953 году, после возвращения из последней экспедиции, он заявил журналистам следующее: «Я рад хотя бы тому, что остался жив. Ведь не всем довелось благополучно вернуться домой с этого проклятого острова. Одних настигала смерть в бурунах при попытке высадиться на его берег, другие пали от руки убийц, третьи умирали от укусов ядовитых змей или стали жертвой тропической лихорадки».

Перечень неудачных экспедиций можно было бы продолжить. И если охотники за сокровищами успокаивали себя мыслью о том, что причина их неудач кроется в изменившейся топографии острова в связи с действием океанского прилива, оползнями, обвалами и эрозией почвы, то историки, которые не могли равнодушно отнестись к

трагедиям многочисленных паломников «мекки кладоискательства», задались вопросом: «Не миф ли все это? Не игра ли больного воображения Вильяма Томпсона и Мэри Уэлч?»

Тщательные исследования по истории «сокровищ Лимы» были проведены американским историком Гарри Ризебергом и британским вице-консулом в столице Перу Стенли Фордхэмом. Результаты исследований были однозначны: между Лимой и островом Кокос нет никакой связи.

Что же касается легенды о кладе, зарытом пиратом Бенито Бонито, то это же всего-навсего легенда — красивый вымысел Мэри Уэлч. Можно полагать, что Уэлч дала свое интервью журналистам ради саморекламы. Во всяком случае, английские историки до сих пор не могут найти в британских архивах судебного дела по процессу жены Кровавого Меча. Клад Бенито Бонито — легенда, вымысел.

Казалось бы, что проделанная историками работа утихомирит страсти кладоискателей, мечтающих о мифических сокровищах Кокоса. Но нет. Кокос неотвратимо продолжает манить к себе охотников за кладами. И опять на остров прибывают все новые и новые экспедиции кладоискателей. И опять большинство из них покидают остров ни с чем. Некоторые из таких экспедиций заканчиваются трагично...

ГИБЕЛЬ КЛАДОИСКАТЕЛЕЙ

Летом 1962 года коста-риканский сейнер, вышедший в Тихий океан на лов тунца, заметил над Кокосом дым. Это был сигнал бедствия. Капитан остановил судно. От острова отделилась надувная лодка, на ней был обросший, истощенный человек. Едва рыбаки подняли его на палубу, как он потерял сознание. Когда человека привели в чувство, он открыл глаза и сказал: «Они погибли». Это был француз Робер Верн, известный спелеолог, не раз ходивший в опасные экспедиции с группой знаменитого исследователя вулканов Гаруна Тазиева. Что же произошло?

Три месяца до этого Верн со своими друзьями — журналистом Жаном Портеллем и писателем Клодом Шарлье, широко разрекламировав свои планы поиска пиратского золота, прибыл на Кокос. Вот некоторые выдержки из дневника Робера Верна.

«...в ту пятницу мы плыли в бухту Чатам осмотреть выходящий в море грот. Море было серое и унылое, волны с силой разбивались о рифы. Клод сказал: «Может, лучше подождем, пока успокоится...»

Лодка была нагружена доверху. Все же мы благополучно вышли из бухты и стали огибать мыс, держась подальше от берега, чтобы нас не кинуло на рифы. Не знаю почему, но я посмотрел на мыс и сказал: «Если что-нибудь случится, надо плыть туда».

Нас здорово болтало. Вдруг мотор чихнул и заглох. Я закричал: «Быстрее за весла!» Весла ока-

зались придавленными палаткой. Набежавшая сбоку волна опрокинула лодку. Я закричал, услышал чей-то крик. Следующая волна подхватила меня и с размаху шлепнула о риф. Я цепляюсь за скользкую поверхность и ползу, ползу... Вылезаю и оглядываюсь: «Жан! Клод!» Ничего не слышно, только грохот волн. Мне страшно. Особенно я беспокоюсь за Жана: он ведь едва-едва держится на воде. Снова кричу им — никакого ответа. Большая волна не смывает меня обратно. Нашу лодочку выбросило чуть подальше, метрах в пятидесяти. Может, они с другой стороны мыса? Лезу наверх. Ноги у меня избиты до крови, рубашки нет, утонули все вещи. На берегу никого. Туча крылатых муравьев облепила меня со всех сторон. Помню, я долго кричал, плакал. Несколько раз срывался с камней. В лагерь добрался глубокой ночью. Лагерь пуст. Я вытащил бутылку со спиртом, пил, потом лил на искусанное тело. Все было кончено. Они погибли».

Верн оказался один. Два месяца он каждый день вглядывался в горизонт до рези в глазах. Один раз Верн видел какое-то судно, но оно скрылось прежде, чем он успел зажечь облитую бензином резиновую крышку. Последние дни пребывания Верна на острове прошли на грани безумия...

Экспедиция трех французов обернулась трагедией. Эта трагедия — одна из многих, связанных с золотыми миражами Кокоса.

3. ТАЙНА ОСТРОВА ОУК

Знаменитому Кокосу ничуть не уступает своей известностью другой «остров сокровищ» — Оук. Хранящийся на нем клад окутан и вовсе не проницаемым мраком таинственности.

Оук расположен близ восточного побережья полуострова Новая Шотландия (Канада) в бухте Махон. Остров как остров, такой же, как и все остальные 350 островов, расположенных в этой бухте. Впрочем, разница есть. Вернее, была. В отличие от остальных островов бухты Махон, на Оуке в прежние времена (чего не скажешь теперь) в изобилии росли красные дубы. Они-то и дали название острову («оук» по-английски «дуб»).

Но не только своими дубами знаменит Оук. Вот уже два столетия будоражит он умы кладоискателей (а в последнее время и историков) спрятанными в его недрах огромными сокровищами. И не столько сокровищами, сколько изощренной изобретательностью, с какой они были там спрятаны.

С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ

А началось все с того, что в октябре далекого 1795 года трое подростков из соседнего Честера, Даниэль Мак-Гиннис, Джон Смит и Энтони Воон, изображая отчаянных пиратов-головорезов, высадились на необитаемом Оуке с намерением превратить его в свою «пиратскую базу». Исследуя остров, ребята наткнулись на росший посреди поляны огромный старый дуб. Ствол его в одном ме-

сте был исковеркан ударами топора, самая толстая ветвь отрублена, а с сука свисали истлевшие корабельные снасти, служившие, по-видимому, кому-то вместо талей. Прямо под ними виднелась в земле круглая впадина, явно указывающая на то, что в этом месте находится давно засыпанная яма.

«Раз были тали, а под ними яма, значит, в яму опускали какой-то груз, — смекнули ребята. — А если этот груз засыпали, значит, его прятали. А что можно прятать, кроме пиратского клада?»

Придя к такому несложному умозаключению, юные «пираты», тотчас превратившись в кладоискателей, съездили в поселок, взяли лопаты и снова вернулись на остров. Взрослым о своей находке они, естественно, и словом не обмолвились.

Едва юные кладоискатели начали копать, как сразу наткнулись на перекрытие из плоских, грубо отесанных камней.

«А вот и сам клад!» — обрадовались мальчишки. Сдирая на пальцах ногти, они с трудом вытащили из ямы плиты. Здесь их ожидало первое (но не последнее) разочарование. Вместо ожидаемых сундуков с драгоценностями они увидели уходящий вертикально вниз колодец шириной больше двух метров. Дно колодца было заполнено грязью, в которой лежали несколько оставленных кем-то впопыхах лопат и кирок.

«Вот тут-то уж наверняка лежит клад!» — решили ребята и с еще большим рвением продолжили работу. Грязи становилось все меньше и меньше, пока, наконец, на глубине трех с половиной метров лопаты кладоискателей не застучали

глухо по дереву, заставив еще громче заколотиться юные сердца.

«Наконец-то клад!» — обрадовались мальчишки. — Наверняка лопаты стучат по бочкам или ящикам с золотом!»

Однако, когда была вычищена вся грязь, оказалось, что они наткнулись на очередное перекрытие, на сей раз из массивных дубовых бревен. Дальше снова шел колодец...

Приподнятое настроение мальчишек сразу улетучилось. Они поняли, что самостоятельно, без помощи взрослых, и к тому же с одними лопатами, до клада им не добраться.

Как ни странно, но взрослые, выслушав юнцов, отнеслись к их рассказу и просьбе о помощи с откровенным неодобрением. Оказалось, что остров давно пользуется у местных жителей дурной славой. Некоторые из старожилов рассказывали, что по ночам не раз видели на Оуке подозрительные огни, а кое-кто даже уверял, что там водится нечистая сила. Было и такое: как-то на остров направились в лодке несколько местных рыбаков узнать, что там происходит, и... не вернулись. Понятно, что после таких рассказов желающих отправиться на остров, пусть даже и за золотом, не нашлось. С мечтой о скором обогащении мальчишкам пришлось расстаться до лучших времен.

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ОТЫСКАТЬ КЛАД

Такие времена наступили только через десять лет. К этому времени Мак-Гиннис, Смит и Воон стали взрослыми людьми и успели жениться. Собрать необходимые средства, они переселились на Оук с семьями и продолжили прерванную когда-то работу.

Несмотря на то что землю они вытаскивали теперь бадьей с помощью ручной лебедки, работа продвигалась крайне медленно. А все потому, что через каждые метр-два они натыкались на какое-нибудь искусственное препятствие. На глубине 9 метров им попался толстый слой древесного угля. За ним — деревянное перекрытие. Далее вязкая глина и вновь дубовые бревна. 15 метров — слой из волокон кокоса. 18 метров — то же самое. Затем опять перекрытие из бревен. 21 метр — вязкая глина. На глубине 24 метров путь копателям преграждает необыкновенно твердая корабельная шпаклевка. Разбить ее удастся с большим трудом. Под шпаклевкой оказывается большой плоский камень. На одной из его сторон высечены какие-то непонятные знаки. Не иначе как шифровка.

В дальнейшем камень неизвестно куда исчезает. А жаль. Возможно, с помощью высеченных на нем знаков клад давно уже был бы найден.

Шифровку друзья, конечно, не прочитали. Да и не до того им было. И без нее ясно, что сокровища находятся в этом колодце и вот-вот покажутся. Надо лишь напрячь силы и копать дальше.

Но дальше новое препятствие, причем не похо-

жее на прежние: на глубине 30 метров на дне колодца появляется вода. И чем глубже, тем ее больше. Копать становится все труднее — приходится не столько копать, сколько вычерпывать воду.

На всякий случай кладоискатели решают прощупать дно. И, как оказалось, не напрасно: на глубине полутора метров их острый прут упирется во что-то твердое. Это твердое на очередное перекрытие из бревен не похоже. Размер твердого предмета намного меньше диаметра колодца. Скорее всего, это и есть тот самый заветный сундук или бочка. Итак, остается прорыть каких-нибудь полтора метра и... Однако из-за наступившей темноты работу пришлось прервать до утра.

А утром... Утром незадачливых кладоискателей ждало потрясение, от которого, думается, они до конца своих дней не оправились: чуть ли не доверху колодец был заполнен водой. Они пробовали было вычерпывать воду ведрами и даже откачивать насосом, но, сколько ни старались, вода не убывала ни на сантиметр.

Многомесячная работа пошла насмарку, компаньоны были разорены. Воон уехал, а Мак-Гиннис и Смит остались за неимением средств на острове и занялись сельским хозяйством. К злополучному колодцу оба не подходили даже близко и старались как можно скорее забыть о нем навсегда.

ЭКСПЕДИЦИЯ СИНДИКАТА «ТРУРО»

Зато не забывал о кладе третий из компаньонов, Энтони Воон. В 1845 году его стараниями был организован так называемый синдикат «Труро», в который вошли зажиточные граждане новошотландского города Труро.

Четыре года потратил синдикат на подготовку к поднятию сокровищ Оука. Готовились основательно. Крупная, хорошо организованная экспедиция трурцев была оснащена новейшей по тем временам техникой. В успехе экспедиции никто не сомневался.

В 1849 году экспедиция приступила к работам. Начали с разведки бурением. Над выкопанным когда-то вручную и успевшим к этому времени обвалиться колодцем смонтировали буровую установку. Легко пройдя 30 метров воды и ила, бур миновал еще полтора метра твердого грунта и, как когда-то стальной щуп, уперся во что-то твердое.

Стали осторожно бурить дальше. Бур несколько раз наткнулся то на толстые еловые доски, то на нечто, похожее на куски металла различной величины. После нескольких повторных бурений буровой мастер Джеймс Питблад доложил руководству синдиката, что бур прошел два сундука, наполненных, по всей видимости, золотом.

В конце этих работ произошел один весьма странный случай. Однажды, когда бур в очередной раз был поднят на поверхность, Питблад, осмотрев по обыкновению забитое глиной сверло, отлепил от него какой-то маленький предмет и

быстро спрятал его в карман. Один из членов синдиката заметил это и потребовал, чтобы мастер показал находку. Но Питблад наотрез отказался выполнить его требование. Он сказал, что покажет найденную вещь только совету директоров синдиката.

Однако на совет директоров буровой мастер не явился. Больше того, он не стал даже дожидаться его, а тайком бежал с острова и никогда больше на нем не появлялся. По острову поползли слухи, что предметом, который поднял из-под земли бур и который присвоил шустрый бурильщик, был крупный бриллиант.

Казалось, до сундуков рукой подать: протяни эту руку — и они твои. Оставались сущие пустяки: откачать воду и ил, углубить на полтора метра колодец и достать сундуки. Но... скоро лишь сказка сказывается.

Хотя экспедиция располагала довольно мощным насосом, воду из колодца откачать никак не удавалось. Вода, как и прежде, все время стояла на одном уровне.

Тогда кладоискатели решили рядом со старым колодцем вырыть новый. Они рассчитывали, что после того, как оба колодца будут соединены внизу туннелем, вода из старого колодца хотя бы частично перейдет в новый, и тогда уровень воды в старом понизится. И хотя из дыры, пробитой со дна нового колодца к старому, ударил мощный поток воды и заполнил новый колодец в считанные минуты, уровень воды в старом колодце остался прежним.

Таким образом, надежды кладоискателей на

второй колодец не оправдались. Зато они сделали немаловажное открытие. Они установили — чисто случайно, правда, — что вода в оба колодца поступает прямо из моря, а ее уровень, похоже, зависит от высоты прилива и отлива.

Тогда кладоискатели занялись обследованием берегов острова. В бухте Контрабандиста они нашли хитроумно устроенный водосток, через который вода, по всей видимости, попадала в колодцы. Длина туннеля, соединявшего колодец и море, равнялось 150 метрам. Чтобы не допустить поступление морской воды в туннель, рабочие соорудили внушительную дамбу. Но и тут их ожидала неудача. Сильный прилив в одну ночь разрушил до основания дамбу.

После этого, говоря языком военных, синдикат решил сменить тактику. Рабочие начали спешно бурить вокруг колодца с сокровищами вертикальные и наклонные скважины и шурфы. Бурили где попало и как попало — важно, чтобы их было как можно больше. А вась, думали руководители работ, по одной из таких скважин вода сама собой отсосется из колодца, и тогда откроется доступ к кладу.

Работа была проделана огромная. А кончилось все тем, что клад (если это был действительно он) рухнул вниз, в образовавшуюся под ним в результате необдуманного бурения грязевую яму. Некоторые специалисты по кладам считают, что сокровища и поныне там — на глубине около 50 метров. Однако категорически утверждать, что это именно так, никто не берется. И вот почему.

Есть предположение, что в 1865 году уровень

воды в колодце с сокровищами, который к тому времени стал называться Денежная шахта, резко понизился до отметки 33 метра. А через несколько дней после этого на острове произошло более чем странное событие.

Откачав к вечеру из Денежной шахты воду, рабочие уплыли на материк ночевать. На Оуке остались одни директора синдиката — пять человек. Когда же утром следующего дня рабочие вернулись на остров, директоров там не было. Исчезли также оборудование и принадлежавшее синдикату судно. Не иначе как директора собственноручно погрузили ночью оборудование на корабль и переправили его на материк.

Возникает вопрос: к чему такая спешка и секретность? Один из ответов может быть таким: не желая привлекать к кладу нездоровое внимание, директора сами открыли сундук с драгоценностями, подняли его на поверхность, перетащили на судно и, погрузив заодно оборудование, оставили ненужный им больше остров. В пользу этого предположения говорит и такой факт. Накануне этого дня руководство синдиката выдало всем без исключения рабочим зарплату наперед. Поэтому у рабочих не было и не могло быть каких-либо претензий к синдикату.

Таким образом, если верить этому слуху, сокровища острова Оук уплыли с него еще в 1865 году. Однако документированных свидетельств этого нет. Следовательно, слухам о находке сокровищ Оука можно верить, а можно и не верить. Судя по тому, сколько еще побывало на острове кладоискателей, этим слухам верили мало.

ПОИСКИ КЛАДА СИНДИКАТОМ «ГАЛИФАКС»

Организаторы нового синдиката по добыче сокровищ острова Оук, названного ими компанией «Галифакс» (в честь главного города Новой Шотландии), были уверены, что клад на месте. В противном случае вряд ли они стали бы откупать у синдиката «Труро» права на поиск клада.

Новая экспедиция проработала на острове всего лишь одно лето 1867 года. За это время удалось обнаружить отверстие туннеля, через который океанская вода поступала в Денежную шахту. Отверстие находилось на глубине 34 метров.

Как тут не вспомнить, что в 1865 году вода в колодце упала до отметки 33 метра. Возможно, синдикат «Труро» и вправду добрался до сокровищ.

Туннель уходил в сторону бухты Контрабандиста, поднимаясь вверх под углом 22,5 градуса.

Кроме того, компания «Галифакс» пришла к мнению, что под островом, судя по всему, имеется целая система подземных сообщений, благодаря которой клад надежно охраняется... океаном. А посему, поняв, что тягаться с океаном ей не по силам, компания «Галифакс» прекратила работы.

КЛАДОИСКАТЕЛЬ ДАНФИЛД

В XX веке экспедиции посыпались на остров как из мешка. 1909 год — фиаско, 1922 — фиаско. 1931, 1934, 1938, 1955, 1960 — результат тот

же. Какая только техника не использовалась на острове: мощные буры и сверхсильные насосы, чувствительные миноискатели и целые дивизии бульдозеров, — и все напрасно.

В 1965 году на острове появился напористый инженер-нефтяник Роберт Данфилд, который, в отличие от своих предшественников, решил добраться до сокровищ самым коротким путем. Он соединил Оук с материком дамбой, переправил на него несколько бульдозеров и экскаватор и принялся методично срывать остров. Вскоре на месте Денежной шахты появляется огромная воронка диаметром 25 и глубиной 40 метров. Похожие кратеры и даже целые карьеры появляются и в других местах острова.

Но и в этот раз Оук отстоял свои сокровища (точнее будет сказать, свою тайну). Данфилду и его помощникам пришлось признать свое поражение и с позором покинуть остров.

СПУСК В ДЕНЕЖНУЮ ШАХТУ КЛАДОИСКАТЕЛЯ ДЭНИЕЛЯ БЛЭНКЕНШИПА

У Дэниеля Блэнкеншипа был совсем иной подход к работам по поиску сокровищ на Оуке. Блэнкеншип начал с того, что несколько месяцев изучал в архивах и библиотеках книги, дневники и всевозможные документы, имеющие хоть какое, пусть самое отдаленное, отношение к Оуку и его кладу. Кроме того, кладоискатель прочитал массу всевозможных материалов, в которых шла речь о

пиратских кладах вообще. Затем он долго изучал остров, исследуя буквально каждый его квадратный метр, и нашел многое такое, что ускользнуло от внимания прежних кладоискателей.

И только после всего этого Блэнкеншип приступил к поиску клада. Однако, к немалому удивлению бывших кладоискателей — знатоков Оука, начал он этот поиск не с традиционного бурения Денежной шахты, а с расширения кем-то ранее пробуренной скважины, которая находилась в 60 метрах от Денежной шахты и известной под названием «Шпур 10 X». Трудно сказать, чем руководствовался в своей работе Блэнкеншип. Вероятно, благодаря большой подготовительной работе (изучение архивов и прочее) он смог глубже проникнуть в тайну острова Оук.

Расширяя и углубляя полуразрушенную скважину (прежний диаметр ее был всего 15 сантиметров), Блэнкеншип опускал в нее одну за одной металлические трубы диаметром 70 сантиметров. На глубине 60 метров бур уперся в скальную породу. Столь серьезное препятствие не остановило охотника за кладом. Блэнкеншип дает указание бурить дальше. Бур с трудом проходит добрый десяток метров скального основания острова и проникает в заполненную водой камеру. Это произошло в начале августа 1971 года.

Блэнкеншип дает распоряжение опустить в пещеру портативную телекамеру и осветитель. Сам же устраивается в затемненной палатке в напряженном ожидании перед телеэкраном. После продолжительного спуска камера наконец попадает в наполненную водой полость, напоминающую пе-

щеру карстового происхождения, и начинает медленно поворачиваться.

Первое, что видит Блэнкеншип, — это большой ящик, который стоит посреди пещеры. «Вот он, сундук с сокровищами!» — мелькает в голове кладоискателя. Затем... затем он видит нечто такое, что заставляет его забыть о сундуке и невольно вскрикнуть. Услышав крик начальника, в палатку вбегают его помощники. Взглянув на телеэкран, к которому прикипел взглядом Блэнкеншип, они замирают в оцепенении: на экране отчетливо видна медленно проплывающая человеческая рука. Отрубленная, разумеется.

Сомнений быть не может — в пещере что-то находится! Но что?

И Блэнкеншип решается на отчаянный шаг. Он намерен сам опуститься в загадочную пещеру. Но, поскольку спуск на такую глубину — дело рискованное, а следовательно, требующее основательной подготовки, а на дворе конец лета, спуск приходится отложить до следующего сезона.

Лето 1972 года. Желанный миг, ожидаемый с таким нетерпением, наступил. После нескольких пробных спусков на небольшую глубину, облаченный в легкий водолазный костюм Блэнкеншип опускается в пещеру.

Напомним, что пещера находится на глубине 72 метров. Можно лишь догадываться, что испытывал Блэнкеншип, опускаясь на такую глубину, да еще по колодцу, диаметр которого всего-навсего 70 сантиметров, и позавидовать его мужеству.

К сожалению, первое чувство, которое испытывает, попав в пещеру, Блэнкеншип, — разочаро-

вание. Вода настолько мутная, что не помогает и электрический фонарь. И уж вовсе не проникаемой становится вода, когда Блэнкеншип касается ногами дна и тревожит ил. Ил тут же поднимается кверху густой черной тучей.

Через несколько дней новая попытка. Блэнкеншип опускает в пещеру специальный плотик, на котором установлены две автомобильные фары, затем опускается сам. Результат прежний: и этот мощный источник света не в состоянии пробить непроницаемую темноту пещеры.

Проходит два дня, и Блэнкеншип вновь опускается в пещеру. На сей раз он берет с собой фотоаппарат с электронной вспышкой. Уж она-то, вспышка, наверняка осветит пещеру и поможет увидеть, что в ней находится. Увы! Когда пленка проявлена, все как один кадрики оказываются серыми. На них нет даже намека на какое-то изображение.

После этого, оставив на острове более полумиллиона долларов и так и не добравшись до заветного сундука, Блэнкеншип счел за лучшее оставить Оук в покое.

Тем не менее, несмотря на явную неудачу, он делает довольно неожиданное и многообещающее заявление: «То, что находится под островом, оставляет далеко позади самые смелые предположения. Все догадки и легенды, возникающие вокруг острова и его тайны, меркнут в сравнении с тем, о чем догадываюсь я. Не буду особо распространяться — необходимо выяснить все до конца, но могу сказать одно: пираты здесь ни при чем. Все пираты всех времен, вместе взятые, — ничто

по сравнению с людьми, которые рыли здесь туннели».

Что имел в виду Блэнкеншип — пришельцев из других миров, сокровища легендарной Атлантиды или что-то еще, более грандиозное, — сказать трудно. Не исключено, что это было сказано единственно для того, чтобы как-то сгладить возникшую из-за неудачи неловкость.

(И. А. Головня. Золотые миражи. — М.: Знание, 1993)

Сейчас известно немало версий о происхождении предполагаемого клада на острове Оук. Самая распространенная из них — пиратская. В этой связи называются имена таких известных пиратов, как Черная Борода, Генри Морган и капитан Кидд. Однако прямых документальных свидетельств, подтверждающих эту версию, нет.

Оук и его клад — длинная цепь вопросов, на которые до сих пор нет ответов. И главный среди этих вопросов, который вот уже два столетия не дает покоя ученым и кладоискателям: кто же все-таки так хитроумно и надежно упрятал сокровища в недрах острова? Если бы удалось получить ответ на этот вопрос, на все остальные ответить было бы совсем просто...

А пока что тайна Оука по-прежнему ждет своей разгадки.

4. СОКРОВИЩА ОСТРОВА ПИНОС

Когда в 1883 году английский писатель Роберт Льюис Стивенсон издал свой всемирно известный «Остров сокровищ», книга моментально стала, как теперь говорят, бестселлером. Сидя в уютном кресле у камина, читатель мог стать участником захватывающих приключений: побывать на тропических островах в Карибском море, служивших прибежищем флибустьерам; не на жизнь, а на смерть сразиться с этими «джентльменами удачи»; затаив дыхание, приподнимать крышку сундука, полного золота и драгоценностей. Причем успеху романа в немалой степени способствовало то, что вымысел в нем строился на реальных фактах. Хотя Стивенсон и не знал, где находится остров с пиратскими кладками, у писателя была его подлинная карта и рукопись, повествовавшая о том, как знаменитый предводитель морских разбойников грабил торговые суда и прятал отнятые сокровища.

Долгое время кладоискатели не хотели верить в достоверность «вымышленного» острова и даже не пытались сравнить его описание с географической информацией о реальных островах в Карибах. Между тем, если бы они сделали это, то без труда убедились в поразительном сходстве «острова сокровищ» с островом Пинос у южного побережья Кубы: та же округлая форма, напоминающая «жирного дракона, стоящего на своем хвосте»; глубокая, кривая бухта, узкий мыс, закрывающий ее, и даже три характерных холма — Фок-мачта, Бизань-мачта и Грот-мачта.

На протяжении более чем трех столетий — с 1520 по 1830 год — Пинос был главной базой пиратов в Карибском море. На его песчаных берегах высаживались шайки Джона Хоукинса и Фрэнсиса Дрейка, Ван Хорна и Граафа, Черной бороды, Лафитта, Олинуа и многих других. Всех их привлекало то, что остров располагался близ оживленных морских путей; на нем в изобилии имелась пресная вода, бродили стада дикого скота, позволявшие пополнить запасы провизии. Ну и, конечно, возможность припрятать свою добычу, которая снижала маневренность пиратских кораблей.

Место зарытого клада обычно отмечали пушечными ядрами, якорными цепями или медными гвоздями, вбитыми в ствол пальмы. В дополнение к ним чертились карты и писались пояснительные грамоты, хотя они мало что могли сказать непосвященным. Ведь в качестве ориентиров указывалась приметная скала или устье ручья, от которых нужно было отмерить столько-то шагов на восход или заход солнца. А потом, как написано в одной из таких грамот, «...копать с пол-ярда. Там найдешь кувшин с шестью тысячами золотых монет, сундук с золотыми брусьями, шкатулку с драгоценностями, на которых выгравированы инициалы принцессы из Кастель-Бела и которые ценнее всего золота. Там же восемь рукояток от мечей, усыпанных брильянтами, одно распятие, три пары тяжелых золотых подсвечников, 23 кремневых мушкета и пистоля».

Впрочем, куда хуже было другое — фальшивые карты и грамоты, заставлявшие с подозрени-

ем относиться к подлинным старинным документам.

ЭКСПЕДИЦИИ КЛАДОИСКАТЕЛЯ ГОРДОНА

Американец Гордон был одним из немногих, кто всерьез интересовался пиратскими грамотами. Причем не последнюю роль тут сыграла книга Стивенсона, точнее, бросавшееся в глаза совпадение деталей с подробностями из дошедших до наших дней рукописей. Он, пожалуй, первый задался вопросом: а что, если описанное в ней правда и «остров сокровищ» действительно существует? Тогда имевшиеся у него пиратские грамоты, в которых, судя по всему, речь шла об одних и тех же местах, можно дополнить тем, что сообщено писателем, и в итоге получить более или менее достоверные указания, где вести поиски.

После консультаций с географами Гордон пришел к выводу, что загадочный остров скорее всего и есть Пинос. Но подтвердить или опровергнуть догадку можно было только отправившись туда, где спрятаны клады, и попробовав отыскать их. В начале 40-х годов Гордон снарядил небольшую экспедицию на собственной прогулочной яхте и поплыл к Пиносу тем же маршрутом, каким шла у Стивенсона «Испаньола». В романе герой, юный Джим Гокинс, сидя в бочке из-под яблок на палубе «Испаньолы», подслушал разговор одноногого Джона Сильвера, из которого явствовало, что состоящая из бывших пиратов команда намерева-

ется убить капитана и его друзей, чтобы завладеть кладом. И вот полтора века спустя на палубе своей яхты Гордон случайно услышал, как двое матросов сговаривались проделать то же самое с ним самим. Спасая свою жизнь, он привел яхту не к Пиносу, а к одному из островов Сан-Фелипе. Несколько дней американец делал вид, будто ищет клад, но, естественно, безрезультатно. Затем поспешил вернуться обратно, заявив, что его документы оказались подделкой.

Можно лишь гадать, насколько правдива рассказанная Гордоном история, поскольку слишком уж много в ней от Стивенсона. Не исключено, что кладоискатель просто-напросто выдумал ее, чтобы оправдать свое фиаско. Однако на следующий год он организовал новую экспедицию к мысу Сан-Антонио на побережье Кубы, недалеко от Пиноса. По его данным, там налетел на рифы испанский галеон с грузом золота и серебра, который после кораблекрушения был укрыт в одной из прибрежных пещер.

Гордона сопровождали четыре надежных компаньона. Но счастье опять отвернулось от него. Правда, на сей раз виноваты были местные жители. Они весьма неприветливо встретили приезжих американцев, следили за каждым их шагом и даже пытались забросать камнями. Чтобы не рисковать, Гордон покинул негостеприимный берег, пробив на мысе Сан-Антонио всего несколько часов. Когда его катер отчалил, американцы ясно увидели у подножия одного утеса наваленные огромной грудой камни, скорее всего скрывающие вход в пещеру с сокровищами.

Впрочем, Гордон особенно не переживал, поскольку был уверен, что они не уйдут от него. Тем более из пиратских грамот он знал еще одно заветное место в тридцати милях западнее.

Это оказалась небольшая бухточка, окруженная густым лесом, стеной спускавшимся к воде. Ориентиром должно было служить дерево-исполин, под корнями которого якобы захоронен клад. Но сколько американцы ни вглядывались в берега, обнаружить ориентир никак не удавалось. За прошедшие двести лет здесь появилось столько гигантских деревьев, что определить, какое из них имели в виду авторы грамоты, было невозможно. Вероятнее всего, решил Гордон, оно давно засохло и упало. Единственная надежда — разыскать его пень, если он вообще сохранился.

Несколько дней кладоискатели, чертыхаясь, лазили по колючему кустарнику, которым заросли берега бухты, пока не нашли у самой кромки уходившие в воду толстые корни когда-то росшего тут дерева. Поскольку других вариантов не оставалось, Гордон предложил проверить дно бухты в этом месте. Через полчаса один из спутников наткнулся в иле на бронзовую цепь. Восторгу кладоискателей не было предела: значит, пиратская грамота не обманула!

Зайдя по пояс в воду и ухватившись за цепь, пятерка американцев попыталась вытащить ее. Но из этого ничего не получилось: чем сильнее они тянули, тем глубже увязали сами. Тогда кладоискатели соорудили на берегу импровизированный ворот, привязали к концу цепи трос и стали накручивать его на обрубок бревна. Медленно,

буквально по сантиметру, что-то тяжелое неохотно высвобождалось из трясины. И вот, когда во взбаламученной воде уже можно было нащупать какой-то большой прямоугольный предмет — не иначе сундук с золотом! — цепь лопнула. Прежде чем охотники за сокровищами пришли в себя и сообразили, что делать, таинственный предмет опять погрузился глубоко в ил. Нечего было и думать пытаться обнаружить его без специальных приспособлений. Вторая экспедиция тоже закончилась ничем.

Впоследствии Гордон еще не раз возвращался в неприметную бухту, но так и не смог вторично разыскать лежащий на дне клад. А преждевременная смерть помешала ему снарядить новую экспедицию за сокровищами в пещере на мысе Сан-Антонио.

НЕУДАЧНЫЕ ПОИСКИ ПИРАТСКИХ КЛАДОВ АМЕРИКАНЦЕМ СТЕФЕНСОМ

Почти одновременно с Гордоном другой богатый американец Стефенс, также поверивший в пиратские грамоты, направился к острову Пинос. За исходную точку он выбрал узенький пролив между Пиносом и островком, прозванным флибустьерами «островом скелета», где, если судить по роману Стивенсона, когда-то бросала якорь «Испаньола». Время, казалось, обошло стороной это место. Исследовав южное побережье острова, Стефенс обнаружил в зарослях остатки старинной бревенчатой пиратской крепости, а возле нее

чугунные ядра. Не исключено, что как раз в этой крепости сражались герои Стивенсона капитан Смолетт, доктор Ливси и Джим Гокинс против одного Джона Сильвера и его шайки, а найденные пушечные ядра были выпущены с «Испаньолы». Но вот приметных ориентиров, о которых говорилось в пиратских грамотах, нигде не было.

Плывя дальше на запад, Стефенс обследовал три бухты, прозванные флибустьерами Раем, Чистилищем и Преисподней, и, не обнаружив в них ничего интересного, направился к главной цели своего путешествия — мысу Пуэнто дель Эсте на южном побережье Пиноса. Здесь он рассчитывал найти драгоценный груз испанского фрегата «Дон Карлос III». В 1828 году этот корабль вез жалованье испанскому войску в Мексике на сумму в пять миллионов долларов. Фрегат благополучно достиг Кубы, затем повернул к Юкатанскому проливу. После этого он пропал без вести. Через несколько месяцев на поиски был послан военный корабль, который натолкнулся на следы «Дон Карлоса III» на мысе Пуэнто дель Эсте.

Испанцы встретили на берегу жалкую кучку ходячих скелетов — остатки команды с потерпевшего кораблекрушение фрегата. Поскольку ни одного офицера среди них не было, это показалось подозрительным. По тогдашнему обыкновению всем уцелевшим учинили допрос с пристрастием. Выяснилось, что лоцман, вступивший в разговор с командой, направил судно на подводный риф. Матросы перебили офицеров, а золото перевезли на берег. Первое время они питались корабельными припасами; потом тем, что удалось най-

ти на берегу или поймать в море. Многие умерли от голода. Однако даже самые страшные пытки не смогли заставить оставшихся в живых признаться, где спрятаны деньги. Большую часть преступников испанцы расстреляли там же на мысе Пуэнто дель Эсте, несколько главарей отвезли в тюрьму в Гавану.

Оттуда им удалось переправить на волю карту участка побережья с небольшим пояснением: «...На берегу три дерева, в середине самое большое. В его корне медный гвоздь; от него под землей протянута цепь — 20 шагов на север. Четверть на запад. Маленькое озерцо. Десять шагов назад от восходящего солнца. Небольшой холм, с него видно два берега в одну линию на запад и на восток. Рядом родник. В тени холма, противоположной роднику, зарыто три бочонка с золотыми монетами».

Возможно, преступники надеялись, что кто-то из сообщников разыщет клад и выкупит их у властей или что богатства, по крайней мере, достанутся их родственникам. Во всяком случае карта каким-то непостижимым образом попала в Испанию к жене одного из заключенных. Карта бережно хранилась в семье, пока правнуки, не верившие в пиратские клады, не продали ее какому-то искателю приключений. Тот, в свою очередь, уступил старинный документ антиквару, в лавке которого на него случайно наткнулся Стефенс.

Его судно подошло к мысу Пуэнто дель Эсте через 120 лет после кораблекрушения. Однако следы трагедии все еще были заметны на корал-

ловом рифе в виде глубокого пролома. Ближе к берегу во время отлива нашлись и другие свидетельства — выступавшие из песка корабельные обломки.

После долгих поисков Стефенс установил место, где на мысе когда-то росли три дерева, и даже разыскал высохшее русло родника у подножия небольшого холма. Но вот дальше возникло неожиданное препятствие. Склоны холма были покрыты таким густым кустарником, что применить металлоискатель оказалось невозможно. Чтобы расчистить заросли, требовались не дни, а недели. И потом не исключено, что металлоискатель вообще не покажет наличие клада, поскольку неизвестно, на какой глубине он находится. Значит, придется рыть шурфы. А на это тоже уйдет немало времени. В довершение всего в округе не оказалось пресной воды. Взятый же с собой небольшой запас быстро таял в стоявшей тропической жары. Скрепя сердце Стефенс решил покинуть Пинос.

Можно представить, как терзался при этом американец: знать, что где-то рядом под землей лежат сокровища, и быть вынужденным отказаться от их поисков. Его немного утешил лоцман Фернандес, с которым он успел подружиться. Кубинец рассказал Стефенсу занятую историю о другом островке в Карибском море неподалеку от Ямайки — Кайо-Авалосе, также служившем пристанищем пиратам.

На протяжении долгих лет на нем жил американец по фамилии Броун, выстроивший себе легкое бунгало и добывавший пропитание охотой да

рыбной ловлей. На Кайо-Авалос его привела «подлинная пиратская карта». Как это часто случалось, на месте выяснилось, что большинство указанных в ней ориентиров исчезло. Сохранились лишь две пушки, лежавшие близ берега на отмели, которые были хорошо видны при отливе. Эти пушки соприкасались дулами, образуя подобие стрелы, направленной острием внутрь острова на плоский утес. Там, наверху, были высечены цифры и лицо, обращенное в сторону лагуны. Броун долго ломал себе голову над этой загадкой и в конце концов пришел к твердому выводу: криптограмма означает, что пиратские сокровища захоронены на дне; цифры же означают расстояние от берега. Он решил отгородить лагуну от моря дамбой, а затем осушить ее. Несколько лет отшельник занимался возведением дамбы, но, так и не закончив, умер в 1925 году.

По словам Фернадеса, отец лоцмана сам видел две загадочные пушки. Но ни он, ни Броун не придали значения тому, что дула у них залиты цементом. Через десять лет после смерти американца Кайо-Авалос посетили какие-то кладоискатели. Дождавшись отлива, они проломили цементные пробки в стволах пушек. Оказалось, что обе набиты золотыми монетами и драгоценностями. Судя по историческим хроникам, так поступал со своей добычей пират Лафит. Если бы Броун изучил старинные первоисточники, прежде чем отправляться на поиски клада, он наверняка бы нашел его.

Впрочем, и это еще не все. Если верить лоцману, в детстве он не раз бывал с отцом на Кайо-

Авалосе. Однажды, играя в песке на берегу лагуны, Фернандес откопал чугунное ядро, от которого вниз уходила цепь. Мальчик позвал своего отца и дядю, рыбачивших неподалеку с лодки. Те взялись за лопаты и вскоре увидели в вырытой яме несколько досок с выжженными на них словами «Двенадцать апостолов» — очевидно, названием пиратского судна. Под досками показалась залитая смолой крышка большого котла, к ручке которого был приклепан конец цепи с ядром. Воодушевленные находкой, они принялись лихорадочно рыть дальше. Но тут начался прилив, и яма стала быстро заполняться водой.

Выбравшись наверх, отец и дядя попробовали тянуть за цепь. В этот момент стены ямы обвалились, и оба по горло погрузились в жидкую песчаную кашу. Туда же сползла и цепь с ядром. Времени, чтобы попытаться достать ее, уже не было. Оставалось только одно: спасаться самим. С трудом они кое-как выкарабкались из ямы-ловушки, отказавшись от мысли выволить клад. Впоследствии отец с дядей, бывало, поговаривали о том, чтобы отправиться на остров, но все откладывали экспедицию, потому что на раскопки ушло бы много времени, а обоим нужно было каждый день добывать хлеб насущный для своих многочисленных семейств.

Рассказ лоцмана, согласившегося за приличное вознаграждение показать скрывавший пиратские сокровища песчаный пляж, заставил Стефенса изменить планы. Он поспешил в Кингстон, где, не торгуясь, купил все необходимое для предстоящих работ: бензиновый движок, два насоса для

откачивания воды и песка, доски и сборную арматуру для крепления стенок шахты.

К Кайо-Авалосу его судно подошло уже на исходе дня. Из-за мелководья пришлось встать на якорь метрах в трехстах от берега. Однако нетерпение Стефенса было так велико, что он уговорил лоцмана, не дожидаясь утра, спустить шлюпку и отправиться на разведку. Когда с последними лучами солнца они высадились в заветном месте на берег, в глаза им сразу бросилась окруженная высокими отвалами огромная яма, наполненная водой.

И все же у Стефенса еще теплилась надежда. Утром он перевез на остров свою технику и принялся откачивать воду. Когда ее уровень понизился на четыре фута, кладоискатель пустил в ход длинный шест, которым нащупал в глубине что-то твердое. Оба насоса опять заработали на полную мощность. Не прошло и полчаса, как из воды показался деревянный щит из свежих досок с большим квадратным окном посередине. Стефенсу было достаточно одного взгляда, чтобы понять: его опередили. Подозревать лоцмана в обмане нелепо. Фернандес просто не знал, что его отец или дядя раскрыли кому-то семейную тайну. Ну а дальше сыграл свою роль слепой случай. Стефенс прекрасно понимал все это, но разочарование было так велико, что он навсегда потерял интерес к пиратским кладам и больше не вернулся на мыс Пуэнто дель Эсте.

ПИРАТСКИЕ СОКРОВИЩА, НАЙДЕННЫЕ УИККЕРОМ

И все-таки, по крайней мере однажды, Пинос оправдал свое имя «острова сокровищ». Уже в 50-е годы американец Уиккер, дотошно изучивший не один десяток пиратских грамот и карт, решил попытаться счастья у подводного рифа в пяти милях от Пиноса. Это место заслужило у флибустьеров мрачную славу «корабельного кладбища»: слишком много судов, не имея на борту хорошего лоцмана, затонуло там во время шторма. Если каждое десятое, пусть даже сотое, везло ценный груз, шансы найти его не так уж малы, считал знаток старинных рукописей. Команда Уиккера, вышедшая в море из Майами на быстроходном катере, состояла из четырех человек: его самого, сына Билла, механика Лавстоуна, в прошлом офицера береговой охраны, и лоцмана кубинца Себастьяна, который много раз участвовал в подобных экспедициях и был опытным водолазом.

Переход из Флориды к Пиносу прошел без приключений. Но, когда они были уже у цели, погода испортилась. Сильный ветер развел крутую волну. Тем не менее 19-летний Билл, прекрасный пловец, и Себастьян уговорили Уиккера отпустить их для предварительного осмотра района предстоящих поисков, пока катер дрейфует мористее. Захватив маски и дыхательные трубки, они на надувной лодке направились к подводному рифу, над которым кипели буруны и взлетали фонтаны брызг. С замиранием сердца отец следил в бинокль за тем, как сын и лоцман приближаются

к линии прибойя. Огромные пенные валы то вздымали крохотное суденышко высоко на гребень, то швыряли в глубокую пропасть между ними. Он уже жалел, что поддался их уговорам. Несмотря на искусство гребцов, лодка каждую секунду грозила перевернуться. И тогда... О том, что может случиться, страшно было даже подумать.

Впрочем, Билл и Себастьян и не думали возвращаться. Напротив, они подошли к самому рифу и, чего-то выжидая, отчаянно старались удержаться на одном месте. Рискованный план стал понятен Уиккеру только тогда, когда лодка была подхвачена высоченным «девятым валом»: смельчаки решили проскользнуть на нем над рифом!

Им повезло лишь наполовину. Волна действительно перенесла их через подводный барьер. Но, поскольку коралловая гряда срезала подошву водяной горы, та, рухнув, перевернула лодку. Прошло несколько минут, прежде чем Уиккер разглядел в кипящей белой пене оранжевый поплавок с вцепившимися в него Биллом и Себастьяном. Внезапно сын отделился от лодки и скрылся под водой. Вынырнув, он торжествующе поднял руку и помахал чем-то, зажатым в кулаке. Было ясно: это «что-то», конечно, не простой коралл. Пока же нужно было думать, как помочь потерпевшим кораблекрушение.

Уиккер не сомневался, что Билл и Себастьян сумеют перевернуть лодку и добраться до берега. Но вот, чтобы принять их на борт, придется проплыть не меньше десяти миль на восток вдоль побережья и только там под прикрытием небольшого мыса попытаться пристать.

...Когда Билл поднялся на катер и протянул отцу кусок коралла с вросшим в него золотым браслетом, Уиккер убедился, что не зря копался в архивах: в акватории за рифом на дне уцелели старинные сокровища!

Четыре дня американцы пережидали непогоду под защитой мыса. И лишь на пятый, когда шторм начал стихать, Уиккеру удалось провести катер узким извилистым проходом между подводными камнями за линию рифов и встать там на якорь. Поиски было решено вести по двое, чтобы страховать друг друга от нападения акул. Первыми под воду спустились с аквалангами Билл и Себастьян. Оставшиеся на катере Уиккер и Лавстоун с нетерпением ожидали их возвращения. Если первой паре повезет найти то место, где Билл поднял коралл с браслетом, это облегчит дальнейшие поиски. Тогда не придется наугад прочесывать всю акваторию, на что может уйти бог знает сколько времени.

Впоследствии Уиккер утверждал, будто бы с самого начала был уверен в успехе. Однако, когда через два часа Билл и Себастьян подплыли к катеру с пустыми руками, лицо руководителя экспедиции, по свидетельству Лавстоуна, вытянулось.

— Па, надевайте быстрее акваланги. Нужно вам кое-что показать, — с каким-то озабоченно-огорченным видом позвал Билл.

— Что там? — не на шутку встревожился отец.

— Сами увидите, — сердито буркнул Себастьян.

Подождав, пока Уиккер и Лавстоун спрыгнут в

воду, кубинец поплыл впереди, показывая путь, а Билл с гарпунным ружьем замыкал цепочку аквалангистов.

Себастьян остановился над небольшой прогибиной в коралловых зарослях и ткнул ружьем вниз. Ошеломленные Уиккер и Лавстоун не могли поверить своим глазам: на дне среди разросшихся кораллов стоял железный сундук с откинутой крышкой, в котором лежали желтые бруски. «Неужели золото?» — мелькнула у обоих одна и та же мысль.

Да, это было золото, вожаденная мечта кладоискателей. К тому же в сундуке обнаружили еще старинные золотые украшения. К вечеру все сокровища доставили на катер. На следующий день аквалангисты приступили к тщательному осмотру участка вокруг сундука. Работали сразу втроем. Пока двое осторожно пробирались по дну между ветвистыми кораллами, третий с гарпунным ружьем на всякий случай плавал над ними, охраняя от акул и возможных незваных гостей. К счастью, пока продолжались поиски, ни те, ни другие не беспокоили кладоискателей. Тем более, что прочесывание подводных зарослей оказалось ненапрасным: удалось найти немало драгоценных браслетов, ожерелий, брошей, по большей части вросших в кораллы. Кстати, одну из таких находок Уиккер позднее передал в музей.

Вообще Уиккер и его спутники предпочли держать язык за зубами относительно подробностей своей экспедиции. В частности, осталась в тайне стоимость поднятых сокровищ. Это послужило пищей для самых фантастических слухов. Напри-

мер, кое-кто из газетчиков писал, будто бы американцы обнаружили у побережья Пиноса чуть ли не штабеля цинковых ящиков с золотом и драгоценностями, причем поднята только часть, а еще больше осталось на дне. Подтекст был ясен: не упускайте шанс разбогатеть. Ведь не зря Стивенсон назвал Пинос «островом сокровищ».

(Людмила Розанова. Дукаты, талеры, дублоны. — М. / Общество по изучению тайн и загадок земли, 1991)

5. ЗОЛОТЫЕ ОСТРОВА КАРИБСКОГО МОРЯ

История пиратских походов свидетельствует о том, что пираты не обходили стороной и многие другие острова Карибского моря.

Настоящей «меккой» охотников за пиратскими кладами стала Амелия — крошечный островок у северо-восточного побережья Флориды. Здесь знаменитый Эдвард Тич, известный в истории пиратства по кличке «Черная борода», ремонтировал свои корабли, устраивал дикие оргии и зарывал свои сокровища. Американцы считают, что на острове Амелия Тич зарыл не менее тридцати кладов.

Как повествуют хроники, делал он это весьма оригинальным образом. Вернувшись с моря на остров, Тич уходил с одним из не полюбившихся ему матросов в глубь острова. Вожак пиратов нес две переметных сумы с драгоценными камнями (камни были его слабостью), а матрос тащил более тяжелый мешок с золотом и лопату. Черная борода выбирал подходящее место и приказывал матросу копать яму. Матрос начинал рыть, а вожак, устроившись где-нибудь поудобнее, раскуривал трубку. Когда матрос, закончив работу, вылезал из ямы, Тич стрелял ему в затылок из пистолета. Бросив в яму драгоценную ношу, Черная борода сталкивал туда же и труп матроса. Закопав яму, пират тщательно замечал место клада по особым ориентирам и возвращался на свой корабль. Когда его осторожно спрашивали,

куда делся его спутник, вожак неизменно отвечал, что тот либо «завяз в болоте», либо «сорвался в море с утесов».

Смерть настигла Эдварда Тича в ноябре 1718 года близ мыса Гаттерас. Бриг Черной бороды оказался запертым в заливе Памлико английским королевским фрегатом. Во время жестокой абордажной схватки Черная борода вышел на поединок с командиром карательной экспедиции Джорджем Мейнардом. Тичу не повезло: пистолет пирата дал осечку, а сабля его сломалась. Лейтенант Мейнард одолел Тича и повесил его голову под бушпритом своего фрегата.

После Эдварда Тича на острове основали свою базу французские пираты братья Жан и Пьер Лафитты. Они грабили в Карибском море американских работорговцев. Захватив груз «черной кости», братья выгодно сбывали его плантаторам на побережье Мексиканского залива. Вырученное за негров золото Лафитты, по свидетельству современников, прятали в глубине острова.

В английских архивах сохранились записи о судьбе корабля Жана Лафитта. В них говорится, что в 1809 году английский фрегат настиг пиратское судно у северного берега Мексиканского залива. Оказавшись в ловушке, Лафитт-старший затопил свой корабль в маршах озера Миллер близ селения Уаллисвилл. Это произошло в тот момент, когда пираты хотели начать выгрузку награбленных ценностей на берег, но не успели.

В 1949 году для поиска этого корабля в Америке была создана фирма «Кирджер энд Бин экс-

плорейши компани». Работы велись двумя мощными землесосами. Однако поиски ни к чему не привели. По всей вероятности, корпус корабля со временем очень глубоко засосало в ил озера.

Помимо французов Лафиттов, на острове частенько пировали и менее известные «рыцари черепа и костей»: Бартоломео Робертс, Якос де Сорес, Монбарс и другие. К началу XIX века остров стал «второй Тортугой». Грабеж в водах Флориды принял такие масштабы, что Британское адмиралтейство направило на разгром пиратской вотчины эскадру фрегатов. Выход в море подобной армады не мог пройти незамеченным. Одна пиратская бригантина оказалась быстрее английских кораблей: она примчалась к берегам Амелии ровно на сутки раньше королевских фрегатов. Когда эскадра ворвалась в бухту Фернандина, там уже никого не было — пираты на своих кораблях скрылись в открытом море.

Вот почему кладоискатели, промышляющие на острове, успокаивают себя мыслью, что грабители не могли унести свои сокровища далеко в глубь острова, что у них для этого не оставалось времени. Они ищут клады даже под корнями прибрежных пальм. Хотя американская печать официально не сообщала о находках на Амелии, жители острова иногда проговариваются, что «кое-что найдено».

Вошел в «антологию золотых островов» Карибского моря и остров Мона, расположенный между Гаити и Пуэрто-Рико. В 1939 году американская экспедиция нашла на острове клад, спрятанный английским пиратом Вильямом Дженнингсом.

Около миллиона долларов было выручено на аукционе в Чикаго от продажи золотых монет и драгоценных камней.

(Лев Скрягин. Сокровища погибших кораблей. — М.: Молодая гвардия, 1968)

6. ТАЙНА УТЕСА ПЕРСЕ

Вряд ли где на земном шаре можно найти более недоступное (даже для самых опытных и отчаянных скалолазов) место, чем утес Персе у восточного побережья полуострова Гаспе в Канаде. Согласно давно бытующей легенде, на самой вершине Персе спрятан сундук с сокровищами пирата Дюваля...

С трудом сохраняя равновесие на скользком выступе скалы, Джордж из предосторожности еще раз дернул только что вогнанный крюк. «Вроде не шатается», — с усталым безразличием подумал он, закрепляя на крюке веревку. Обессиленный, он приник к шершавому холодному камню, чтобы дать передышку измученному телу. Джордж был опытным альпинистом, но то, что ему пришлось испытать вчера и сегодня, не шло ни в какое сравнение с предыдущими восхождениями. Триста футов по отвесной скале в густом, как сметана, предутреннем тумане, когда порой не видно даже кончиков собственных пальцев! Он вбил десятки крючьев, цеплялся чуть ли не зубами, чтобы преодолеть за два утра отрезок, на который в обычных условиях ушло бы три-четыре часа. Впрочем, в ясную погоду его сняли бы с утеса на первой же сотне футов.

Джордж пересчитал висевшие у пояса скальные крючья. Двенадцать штук. Значит, еще ярдов на шесть ближе к цели. «Ничего, до вершины осталось каких-нибудь сто пятьдесят-двести футов. Завтра во что бы то ни стало буду там», — постарался приободрить он себя.

Внезапно снизу, где в небольшой лодке у подножия скалы остался Генри, донеслись неясные голоса. Джордж вздрогнул, чуть было не сорвавшись с узенького карниза. «Неужели все-таки накрыли? — от отчаяния руки и ноги стали ватными: вся его многочасовая эквилибристика на мокрой стене оказалась напрасной. — Нет, это просто местные рыбаки», — успокоил он себя, хотя прекрасно понимал, что ни один нормальный человек не отправится ловить рыбу в такую погоду. Это могли быть только полицейские. И словно для того, чтобы рассеять его сомнения, снизу прозвучал рев мегافона:

— Мистер Крафт, мистер Крафт! Немедленно спускайтесь, немедленно спускайтесь! Мистер Крафт...

Джордж оцепенело смотрел в клубящуюся белесую мглу у себя под ногами. И так, тщательно разработанное предприятие все же провалилось. Клад капитана Дюваля ускользнул от них, когда до него, казалось, оставались считанные метры.

...Во всей Канаде для скалолазов едва ли сыщется другой такой «орешек», как похожий на торчащий из воды кривой орлиный коготь утес Персе. И все же вот уже двести лет, подобно магниту, он притягивает к себе охотников за кладками. Десятки смельчаков старались взобраться на него, но все были вынуждены отступить. Персе действительно неприступен. С трех сторон его окружают подводные камни и скалы, закрывающие подход к утесу. С четвертой — вертикальная стенка, ближе к вершине перехо-

дящая в нависающий над водой огромный выступ.

Немало попыток покорить Персе заканчивалось трагически. Причем больше всего погибших приходится именно на этот единственно возможный путь к вершине: скалолазы срывались, пытаясь преодолеть стенку с отрицательным наклоном, когда до цели было, что называется, рукой подать. Чтобы положить конец бессмысленной гибели людей, парламент провинции Квебек принял специальный закон, запрещающий восхождения на утес Персе и налагающий немалый штраф на нарушителей.

И все же паломничество к утесу Персе не прекращается. Каждый год с приходом весны, когда на юг тянутся караваны гусей, в окрестностях утеса появляются небольшие группы с палатками и надувными лодками. И хотя все они выдают себя за охотников или любителей рыбной ловли, местные жители лишь скептически посмеиваются: слишком уж красноречивы их битком набитые рюкзаки с веревками, крючьями и другим альпинистским снаряжением. Да и свои лагеря они стараются разбить обязательно поближе к вождьленному утесу.

Скалолазы идут на приступ Персе вовсе не из спортивного азарта. Их манят на вершину сокровища пирата Дюваля. В отличие от Кидда, Моргана, Черной бороды и других знаменитых флибустьеров, он не был звездой первой величины среди членов «свободного братства», промышлявших морским разбоем у берегов Америки. И если его имя вошло в историю пиратства, то этим Дю-

валь обязан исключительно незаурядной выдумке, которую он проявил, припрятывая награбленные богатства.

Если верить преданиям, когда английские военные фрегаты блокировали шлюп Дюваля у полуострова Гаспе, пират решил укрыть сундук с золотом и драгоценными камнями в одной из расщелин на вершине утеса Персе. Проводник-индеец показал пиратам, как вскарабкаться на небольшую площадку на скале, высившейся рядом. Оттуда один из канониров Дюваля принялся обстреливать из мушкета вершину утеса пулями, к которым был прикреплен прочный линь. Наконец после множества неудачных попыток одна из них все же перелетела через Персе и повисла в нескольких десятках футов над водой. Каким-то образом пираты ухитрились зацепить болтающийся конец линя. Дальше дело пошло проще. К линю привязали толстый канат и тоже протащили через зазубренный выступ у вершины. Кто-то из матросов взобрался по канату наверх, с помощью поднятых туда талей втащил сундук с драгоценностями и спрятал его в расщелине. Но Дюваль на этом не успокоился. Чтобы обезопасить свои сокровища, он приказал подтянуть на скальную площадку, откуда был заброшен линь, бочку пороха и взорвал ее. Вместе со скалой взрыв обрушил и изрядный кусок самого утеса, образовав тот самый непреодолимый выступ, что позднее стоил жизни многим скалолазам, пытавшимся добраться до клада капитана Дюваля.

Конечно, любая легенда, пусть даже самая правдоподобная, не смогла бы столько лет подо-

гревать интерес кладоискателей к неприступному утесу. Секрет в другом. Еще в прошлом веке богатый канадец по имени Кингсли загорелся идеей подтвердить или опровергнуть саму возможность существования пиратского клада на вершине Персе. Поскольку никаких достоверных документов на сей счет не сохранилось, Кингсли обратился за помощью к геологам. За большое вознаграждение он пригласил двух видных специалистов и попросил их дать заключение: является ли злополучный выступ у вершины результатом естественных геологических процессов или же он образовался в результате взрыва?

Геологи провели на Гаспе около месяца, обследовали все окрестные скалы и утесы, собрали массу образцов горных пород. Затем они засели за расчеты. Именно их выводы до сих пор не дают покоя кладоискателям. Утес действительно имеет необычную для здешних мест конфигурацию, поскольку его верхняя часть под острым углом выступает над остальным массивом. Если бы когда-то часть монолита откололась под влиянием погодных условий или по иным природным причинам, то трещина скорее всего прошла бы от основания до вершины без крутого излома. Следовательно, весьма вероятно, что разлом был вызван взрывом.

Ничего более определенного геологи сказать не могли. Но и этого оказалось достаточно, чтобы существование клада на утесе Персе стало считаться «научно подтвержденным» фактом. В наши дни охотники за ним неоднократно пытались использовать вертолеты. Однако оказалось, что и

этот путь исключен. Иголоподобная вершина не дает вертолету возможности зависнуть над утесом, чтобы спустить на тросе поисковиков. Если же попытаться произвести десантирование с большой высоты, то постоянно дующие там сильные ветры наверняка разобьют смельчака об острые скальные выступы. Так что до сих пор никто не может ответить, соответствует ли истине заманчивая легенда о кладе капитана Дюваля.

(Людмила Розанова. Дукаты, талеры, дублоны. — М. / Общество по изучению тайн и загадок земли, 1991)

7. ПИРАТСКИЕ КЛАДЫ НА ПОБЕРЕЖЬЕ НЬЮ-ДЖЕРСИ

В 1952 году в штате Нью-Джерси, на берегу Атлантического океана, в живописном загородном парке Эсбари рабочие рыли котлован под плавательный бассейн. Неожиданно ковш грейфера зацепил и поднял какой-то плотный тяжелый предмет и повредил его оболочку. И тогда изумленный механик грейфера увидел, как из странного предмета золотым дождем посыпались монеты. Оказалось, что это огромный кожаный мешок, туго набитый старинными золотыми монетами Франции, Англии и Испании. Так случайно был найден один из пиратских кладов.

Несколькими годами раньше в том же штате Нью-Джерси рыбак Вильям Коттрелл летним утром прогуливался по пустынному пляжу в местечке Хайлендз, под Нью-Йорком. Неожиданно в песке блеснула золотая монета. Это был испанский дублон чеканки 1713 года. В тот же день приятель Коттрелла нашел еще один дублон, но уже другого года чеканки. В последующие пять дней жители Хайлендза, побродив по пляжу, отыскивали еще пять золотых дублонов. О находке узнали газетчики. Этого оказалось достаточно, чтобы тихий дачный поселок на берегу залива Санди-Хук утратил свою прелесть. В Хайлендз бросились алчные кладоискатели Нью-Йорка. Сначала они приезжали сотнями, потом повалили тысячами. Пляж оказался перекопанным, как у рачительного хозяина огород. Кто-то пустил слух,

что уже найдены несколько слитков золота. И тогда началось...

Электропоезда, автомашины и автобусы доставляли на пляж Санди-Хука все новые и новые толпы кладоискателей. Те, кто успел «застолбить» участки пляжа, не подпускали пришельцев к своей территории. Повсеместно вспыхивали жестокие драки. Полиция штата Нью-Джерси вынуждена была установить по берегу залива патруль. Любопытно, что многие охотники за кладами приехали с собаками. Животные, должно быть искренне изумленные поведением своих хозяев, принимались за работу. Все — и люди, и собаки — рыли в иступлении песок, вгрызались в землю десять дней и десять ночей. Целых полторы недели «хайлендзская золотая микролихорадка» трясла ньюйоркцев. Всего они нашли 23 золотых дублона, зато заплатили владельцам скобяных лавок несколько сот тысяч долларов. Бойкие торговцы шанцевым инструментом перевезли на пляжи целые склады лопат, кирок, граблей. Эти огородные орудия на «месте производства» стоили в десять раз дороже. Спрос на них был огромен.

Ну а как же попали испанские дублоны на пляж тихого залива? Сотрудники Национального исторического музея Нью-Йорка предположили, что, поскольку этот залив издавна посещался «джентльменами удачи», 23 монеты не что иное, как зарытый в песке и размытый прибором пиратский клад.

(Лев Скрягин. Сокровища погибших кораблей. — М.: Молодая гвардия, 1968)

8. КЛАД ПИРАТА ОЛИВЬЕ ВАССЕРА

А теперь перенесемся из Атлантики в Индийский океан, где также процветал морской разбой.

Немало интересного, связанного с зарытыми сокровищами, можно порассказать о Сейшельских островах. Если верить необыкновенно живучим легендам, эти острова прямо-таки напичканы пиратскими кладами. В 1975 году почтовое ведомство Сейшел даже выпустило марку, на которой изображены пираты, зарывающие в землю кованый сундук с драгоценностями. Вот лишь одна из таких историй.

В 1730 году был схвачен знаменитый французский авантюрист и пират Оливье Вассер. Суд, понятно, был скорый, а приговор заведомо известный. Когда 7 июля того же года Вассера потащили к виселице (казнь происходила на острове Реюньон) и палач привычным движением накинул ему на шею петлю, пират с возгласом: «Мои сокровища достанутся тому, кто прочитает это!» — швырнул в толпу, окружившую виселицу, клочок бумаги с нарисованной на нем от руки картой, испещренной по краям замысловатыми знаками.

Полностью расшифровать карту Вассера пока никому не удалось. Но кладоискатели не теряют надежды и вот уже два с половиной столетия неустанно ищут сокровища французского пирата.

В 1949 году «подлинную» карту Вассера каким-то образом заполучил английский чиновник из Кении Реджинальд Круиз-Уилкинс. Бросив работу, он подался на Сейшелы. За несколько десятилетий неутомимый кладоискатель буквально пе-

перыл все побережье бухты Бель-Омбр на Маэ — самом большом из Сейшельских островов, но ничего так и не нашел, зато стал настоящей достопримечательностью Сейшел. Часто в бухте Бель-Омбр бросали якоря совершающие круиз теплоходы, и находящихся на них туристов вели на берег единственно для того, чтобы показать им настоящего живого кладоискателя. При желании (за небольшую плату, разумеется) с ним можно было сфотографироваться. Тут же на месте у Круиз-Уилкинса можно было «выгодно и по дешевке» приобрести акции его предприятия и стать таким образом владельцем части сокровищ, если таковые будут, конечно, найдены. Цена акции — 10 фунтов стерлингов. Покупатели, хоть и не часто, но находились. Приятно все-таки сознавать, что часть сокровищ острова Маэ принадлежит вам.

Впрочем, как знать, возможно, на Сейшелах и впрямь ожидает кого-то клад Оливье Вассера. Известно, что в 1721 году Вассеру вкупе с другим разбойником англичанином Джоном Тейлором удалось захватить богатую добычу. Они пленили португальское судно «Верж дю кап», на котором португальский вице-король Индии и архиепископ Гоа переправляли в Португалию огромные сокровища, награбленные в Индии. Достаточно сказать, что при дележе добычи каждому рядовому матросу досталось по 5 тысяч золотых гиней и по 42 алмаза. Львиную долю добычи получили, естественно, предводители пиратов — Вассер и Тейлор. И Вассер будто бы доставшиеся ему сокровища спрятал на Маэ...

(И. А. Головня. Золотые миражи. — М.: Знание, 1993)

9. ПИРАТСКИЙ КЛАД НА ОСТРОВЕ ГРИГАН

Следующая наша остановка — остров Григан (Марианские острова) в Тихом океане.

Этот остров интересен не столько своим кладом (хотя клад этот довольно солидный — около двух миллионов пиастров!), сколько полной драматических событий историей, которая предшествовала появлению на острове клада. Эта история от начала до конца выдержана в духе лучших пиратских романов. Героем — точнее, главным действующим лицом — этой истории является некий Робертсон.

По происхождению Робертсон был шотландцем и, как каждый истый британец, ярим противником Испании и всего испанского. Поэтому шотландец нанялся помощником капитана «Конгрессо», военного судна, предназначенного для борьбы с морскими разбойниками у западных берегов Южной Америки. В короткое время Робертсон становится грозой пиратов. Особенно достается от него испанским «джентльменам удачи». С ними ставший вскоре капитаном «Конгрессо» Робертсон беспощаден.

И вдруг судьба Робертсона, перед которым открываются большие возможности, круто меняется: он влюбляется. Предметом его страстного обожания становится бывшая жена бывшего испанского губернатора Лимы Тереза Мендес, немолодая, но все еще очень красивая особа, прихотливая и равнодушная к деньгам и дорогим подаркам. Капитан Робертсон, не отличавшийся особой

внешностью, как никто другой понимал, что, только располагая средствами, он может рассчитывать на взаимность со стороны капризной красавицы Терезы. А денег-то как раз у Робертсона и не было. Он жил исключительно на скромное жалованье морского офицера, и это обстоятельство с некоторых пор приводило его в отчаяние. Он настолько страстно был влюблен в экс-губернаторшу, что готов был на самый сумасбродный поступок, лишь бы каким-то образом удержать ее при себе.

И вот как-то на одной из вечеринок к стоявшему в сторонке в тяжелом раздумье Робертсону подошел хорошо знавший его офицер и, указав на стоявший на рейде английский фрегат «Перувиэн», не то шутя, не то всерьез промолвил:

— Вот вам отличная возможность поправить свои финансовые дела. Достаточно завладеть этим судном — и вы богач.

— Это каким же образом? — поинтересовался Робертсон.

— Самым простым. На «Перувиэне» два миллиона золотых пиастров, а капитан уехал сегодня утром в Лиму. Захватите корабль — и два миллиона ваши! — усмехнулся собеседник Робертсона.

Робертсон в ответ тоже усмехнулся, сделав вид, что этот разговор он воспринял не более как шутку. На самом же деле шутливое замечание офицера упало на благодатную почву и резко переменяло всю дальнейшую жизнь шотландца.

Дождавшись конца вечеринки и поспешно проводив домой свою возлюбленную, Робертсон, не мешкая ни минуты, направился на одну из отда-

ленных окраин города, где обитали преимущественно люди, не ладящие с властями и законом: бандиты, воры, контрабандисты. Там он быстро нашел общий язык с четырнадцатью любителями поживиться за чужой счет, и еще до наступления рассвета возглавляемая им шайка подплыла незаметно в потемках на украденной шлюпке к «Перувизну». Беспечно спавшая команда, застигнутая врасплох, не оказала нападавшим ни малейшего сопротивления. Не прошло и двадцати минут, как «Перувизн» тайком покинул рейд.

Став хозяином судна, Робертсон первым делом поспешил убедиться в правдивости слов молодого офицера. Офицер не соврал: в одном из трюмов стояло несколько заколоченных ящичков, доверху наполненных золотыми монетами. При виде такого количества золота аппетит Робертсона разгорелся во сто крат. Он тут же решил (про себя, конечно), что всем этим богатством должен владеть он один. Теперь, чтобы улучшить подходящую минуту и прибрать к своим рукам все золото, Робертсону все время приходилось хитрить и под разными предлогами оттягивать дележ добычи.

Однажды, видя, что запас пресной воды на исходе, Робертсон велел двум ирландцам, Уильяму и Джорджу, отправиться на берег за водой. Но те решительно отказались выполнить приказ своего предводителя. Они опасались, как бы судно не ушло без них и они не остались без своей добычи. Другие члены шайки также не отважились покинуть судно. После долгих препираний было решено, что на «Перувизне» останется один человек, не умеющий управлять судном, а все остальные

четырнадцать, в том числе и капитан, то есть Робертсон, займутся доставкой воды. После этого случая Робертсон понял, что провести своих компаньонов будет делом непростым. И все же он ни на минуту не терял надежды завладеть всем золотом.

Посоветовавшись, разбойники взяли курс на Таити. Там они погрузили на корабль несколько бочек с ромом и вином, запаслись продовольствием, обманом завлекли на борт пятнадцать женщин и направились к Марианским островам. Было решено поселиться на каком-нибудь из необитаемых островов этого архипелага и предаться там разгульной жизни.

Видя, что время идет, а притупить бдительность своих сообщников никак не удается, Робертсон вступает в стговор с уже знакомыми нам Уильямом и Джорджем. Предложенный им план был таков: поскольку для управления судном надо самое малое шесть человек, необходимо привлечь на свою сторону еще четверых бандитов, а остальных восьмерых выбросить за борт. План этот был вскоре осуществлен. Но только наполовину: топить своих товарищей разбойники отказались. Вместо этого они посадили их в шлюпку и оставили в открытом море на произвол судьбы.

Спустя несколько дней неуправляемая шлюпка была замечена с судна, каким-то чудом появившегося в этих местах. В шлюпке было семь трупов и один едва живой человек. По приходе судна на Гавайи он рассказал властям о своих злоключениях, а также сообщил немало подробностей о преступных деяниях Робертсона.

А «Перувизэн» между тем продолжал бороздить Тихий океан в поисках райского уголка.

Захваченные на Таити женщины, на глазах которых оставили на верную гибель в открытом море восьмерых членов экипажа, были до смерти напуганы. Не понимая языка своих похитителей, не зная толком, куда и зачем их везут, они старались держаться кучкой и, понятно, все время шептались между собой, строя всевозможные предположения относительно своего будущего.

Робертсон, который после стольких совершенных им убийств начал страдать болезненной подозрительностью, решил, что женщины замышляют против него заговор. Ему удалось убедить в этом своих друзей, и в одну из ночей все полусонные таитянки были выброшены за борт.

Очередное жестокое убийство не сплотило, как ожидалось, банду, а еще больше увеличило недоверие между ее членами.

Наконец «Перувизэн» пристал к острову Григан. Здесь было решено золото пока не делить, а понадежнее его спрятать на острове. Робертсону такое решение было на руку: он по-прежнему надеялся если не отправить своих сообщников на тот свет, то уж, во всяком случае, обмануть их. Надо думать, каждый из сообщников Робертсона помышлял о том же.

С собой разбойники взяли только 20 тысяч пиастров на «карманные» расходы. На первое время этой суммы должно было хватить до того времени, когда добыча будет поделена окончательно.

После того как «Перувизэн» покинул Григан, Робертсон сумел убедить Уильямса и Джорджа,

что, чем меньше претендентов на золото, тем лучше, а поэтому необходимо избавиться от остальной четверки компаньонов. Уговоры подействовали. Когда судно находилось неподалеку от острова Вау, Робертсон, Уильям и Джордж вероломно обезоружили своих товарищей. Они заперли их в трюме, а судно пустили ко дну, прорубив в нем днище. Сами же, прихватив деньги, ушли на шлюпке. Вскоре они были подобраны проходившим мимо парусником. На расспросы своих спасателей разбойники рассказали загодя сочиненную байку, согласно которой их судно потерпело кораблекрушение и лишь им троим удалось чудом спастись. Парусник доставил проходимцев в Рио-де-Жанейро.

Итак, из 15 претендентов на золото в живых оставалось только трое. Однако не прошло и недели пребывания компаньонов в Рио, как и это число уменьшилось.

Однажды, сильно подвыпив, Джордж проиграл в карты большую часть денег, остававшихся у бандитов. На эти деньги они собирались купить какое-нибудь судно, чтобы добраться на нем до острова Григан. Джорджу ничего не оставалось делать, как рассказать обо всем Робертсону. Пришедший в бешенство (а возможно, всего лишь изображая бешенство) Робертсон застрелил Джорджа.

После этого Робертсон и Уильям сели на корабль и отправились в Австралию, в Сидней, поближе к Марианским островам. Теперь Уильяму, оставшемуся один на один с вероломным Робертсоном, приходилось постоянно быть начеку. Его

положение усугублялось еще и тем, что, в отличие от Робертсона, он был никудышным моряком и не знал не то что координат острова Григан — он даже названия его не знал. Поэтому Уильям, как он ни боялся Робертсона, вынужден был повсюду следовать за ним по пятам и даже оберегать его от каких-либо случайностей.

Из Сиднея компаньоны переправились на остров Тасмания. Там в порту Хобарт они познакомились с давно ушедшим на покой старым английским мореплавателем Томпсоном, у которого был собственный небольшой бот. Робертсон упрямил Томпсона доставить его и Уильяма на один из Марианских островов. При этом ни названия острова, ни его координат Робертсон не сообщил. Тем не менее Томпсон согласился выполнить эту просьбу — за работу ему было обещано 5 тысяч золотых пиастров.

Однажды вечером, когда судно уже было на пути к Марианам, а на море слегка штормило, Робертсон и Уильям стояли одни на корме и мирно беседовали. А дальше произошло, если верить словам Робертсона, следующее: Уильям вдруг ни с того ни с сего произнес прощальную речь, затем сиганул в море и, естественно, утонул.

Таким образом, теперь все золото «Перувизна» принадлежало одному Робертсону. Но это золото предстояло еще как-то заполучить.

После гибели Уильяма капитан Томпсон стал относиться к Робертсону с подозрением. Тем более, что Робертсон упорно не желал назвать остров, к которому они держали путь. Как-то не в меру разболтавшись, Томпсон намекнул своему

пассажиру, что однажды Уильям признался ему спьяну о цели их экспедиции. Знай Томпсон по-лучше Робертсона, он, конечно, поостерегся бы говорить такое. Да еще наедине. А так разговор этот кончился тем, что шотландец сграбастал старого шкипера в охапку и без лишних слов вышвырнул за борт.

Если бы не счастливая случайность, земные дни Томпсона наверняка на этом были бы сочтены. Томпсон не утонул сразу, как того ожидал Робертсон. Удерживаясь на плаву, он стал звать на помощь. Услышав крики, на палубу выскочили матросы. Понимая, что, если капитан будет спасен, ему, Робертсону, несдобровать, шотландец в двух словах рассказал им о спрятанном сокровище и пообещал поделиться в ними золотом. При упоминании о золоте матросы враз позабыли о своем капитане и дружно принялись выполнять распоряжения Робертсона.

К счастью для Томпсона, он превосходно плавал. К тому же ему крупно повезло: в том месте, где он был брошен в море, проходило сильное морское течение. Благодаря этому Томпсону удалось через несколько часов добраться до острова Тиниан. На острове он встретился с испанским губернатором Марианских островов Мендинильей и рассказал ему все, что знал о Робертсоне и спрятанном им сокровище.

Больше других из губернаторской свиты рассказом старого капитана заинтересовался один из военных, который начал дотошно выспрашивать Томпсона о его обидчике. Этим военным оказался Пачеко, испанский офицер связи, которого когда-

то в Арауко велел высечь Робертсон. Убедившись, что речь идет о его старом недруге, Пачеко уговорил Мендинилью послать его во главе вооруженного отряда на поиски пирата и его клада.

Через несколько дней, заметив у одного из островов — это и был Григан — бот Томпсона, Пачеко со своими людьми завладел судном, а затем высадился на сушу. Спрятавшегося в кустах Робертсона быстро обнаружили и заковали в кандалы. Надо сказать, что и в этом случае он пытался выкрутиться, соблазняя Пачеко золотом и обещая показать, где оно спрятано. Однако испанец оказался неподкупным. Поняв, что на сей раз ему не уйти от справедливого возмездия, во время прогулки по палубе Робертсон выбросился за борт и утонул.

Стремясь найти клад, Мендинилья отрядил на Григан 500 рабочих-aborигенов, которые под личным его наблюдением обшарили и перерыли весь остров. Золота, однако, найти им не удалось. И по сей день ничего не известно о сокровищах острова Григан. Как знать, возможно, мы еще услышим о золоте с «Перувиэна», по вине которого нормальный человек превратился в кровожадного пирата, сгубившего больше трех десятков жизней.

(И. А. Головня. Золотые миражи. — М.: Знание, 1993)

10. СОКРОВИЩА КОРСАРА

Время от времени в архивах, среди забытых бумаг, вдруг находят документы, которые вызывают новую волну кладоискательства, заставляют десятки людей срывать с места, отправляться в далекие и часто опасные путешествия. Такими документами оказались письма известного в свое время корсара Бернардена Нажена Эстена. «Дорогой Жюстен, — писал он своему племяннику, — если мы не свидимся, вот моя последняя воля. Следуй моим советам, и Господь вознаградит тебя. Заручись поддержкой наших влиятельных друзей и отправляйся на остров Иль-де-Франс (такое название дали острову Маврикий завоевавшие его в начале XVIII века французы). Там в указанном месте поднимись на восточный утес, отмерь 30 шагов на восток. На скалах увидишь знаки, я привожу их ниже. Очерти по ним окружность, чтобы ручей находился чуть левее от центра. Там и ищи сокровища, на них мои инициалы «Б. Н.» — Бернарден Нажен. Несколько кладов уже откопано мною, осталось четыре...»

А вот еще несколько листков. На плотной бумаге с водяными знаками, какой пользовались в то время, написанное той же рукой письмо-завещание: «Мой дорогой брат, я тяжело болен, и дни мои сочтены. Долгое время я был корсаром, мы грабили английские суда и уничтожали врагов Франции. У берегов Индостана мы захватили английское судно «Индус» и возвратились с богатой добычей. Но в бою был ранен наш командор. Перед смертью он завещал мне свои сокровища. Те-

перь слушай внимательно! На острове Иль-де-Франс отыщи ручей Ла Шо, в его верховье есть пещера, в ней спрятаны сокровища «Индуса». Они помечены моими инициалами «Б. Н.» Там найдешь три больших бочонка и кувшин, полные золотых дублонов, шкатулку с брильянтами и слитки золота...» К письму было приложено несколько криптограмм.

Прошли годы, прежде чем одному из многих искавших сокровища корсаров улыбнулась удача. На острове Пемба, близ Занзибара, был наконец найден первый из его кладов. На сундуках стояли инициалы «Б. Н.»

(Александр Горбовский, Юлиан Семенов. Закрытые страницы истории. — М.: Мысль, 1988)

11. КЛАДЫ КАПИТАНА КИДДА

Приходилось ли вам слышать о некоем капитане Кидде? Так вы, без сомнения, слышали рассказы, тысячи смутных преданий о сокровище... Хорошо известно, что Кидд собрал несметные богатства.

(Эдгар По. Золотой жук)

В мае 1701 года после многодневного и шумного процесса палач Британского королевского суда вздернул на ноке рея флагманского корабля в портсмутском «доке казни» капитана Уильяма Кидда, обвиненного в морском разбое и убийствах.

Рассказы о похождениях Кидда, как говорится,

«леденили кровь»: за несколько лет плавания в Индийском и Тихом океанах Кидд взял на абордаж, поджег и пустил на дно десятки торговых кораблей, экипажи которых были заколоты, повешены, расстреляны. И почти вся добыча с этих судов осела в сундуках Кидда, а те из его матросов, кто осмеливался требовать свою долю полностью, незаметно, но бесследно исчезали... Рассказывали также, что все свои богатства Кидд спрятал на одном из островов, который получил название «Остров скелетов», ибо, зарыв сундуки, Кидд вместе со своим помощником убил всех матросов, что помогали ему, трупы распял на деревьях, так что они указывали направление к кладу, а затем убил и своего помощника и тоже распял его на дереве у самого берега... В портовых тавернах, на рынках, на всех перекрестках — везде говорили о самом жестоком пирате своего времени и о его сокровищах, которые исчислялись сотнями и сотнями тысяч фунтов...

При аресте у Кидда денег почти не было, но незадолго до казни он обратился в палату общин с просьбой о помиловании. Взамен Кидд готов был указать место, где спрятал награбленные сокровища.

Кидд просил снарядить судно и клятвенно обещал привести его на «остров сокровищ»... «Если я хоть в чем-либо солгал, — писал Кидд в конце, — мне не нужно никакой милости, можете казнить меня в соответствии с приговором». Но просьбу Кидда не удовлетворили. Место, где были зарыты сокровища, оставалось тайной.

...Коллекционеры братья Гью и Губерт Палме-

ры из городка Истберн были известны как обладатели самого крупного собрания вещей, записей и рисунков, оставшихся после знаменитых моряков Англии, таких, как Фрэнсис Дрейк, лорд Нельсон и многие другие. В 1929 году братья приобрели у одного из лондонских торговцев древностями тяжелое дубовое бюро XVII века с выгравированной на медной табличке надписью: «Капитан Уильям Кидд. Адвенчур Гэли. 1699». Однажды Губерт Палмер писал что-то, стоя за бюро, и случайно нажал локтем на край пюпитра. Тотчас же поддерживающий его брусок с легким щелчком отошел в сторону... В тайнике, опечатанном темной восковой печатью с инициалами Кидда и изображением якоря, братья Палмеры обнаружили тоненькую медную трубочку, туго обмотанную старым серым пергаментом. На пергаменте стояла надпись: «Китайское море», внизу инициалы «У. К.» и дата — 1699 год.

Эксперты подтвердили, что чернила, воск и пергамент относятся в XVII веку. Палмеры бросились на поиски других вещей и документов капитана Кидда, надеясь найти ключ к таинственной карте.

В конце 1931 года Губерт Палмер купил у миссис Памелы Харди старый дубовый матросский сундучок. На его крышке был вырезан «Веселый Роджер» — пиратский флаг с черепом и костями и дата — 1699, а под флагом — женский бюст и слова «Кэптн Кидд»... Миссис Харди утверждала, что сундучок купил в 1805 году в дни битвы под Трафальгаром ее дед, вице-адмирал Томас Харди, известный коллекционер морских сувениров,

у некоего мистера Уорда, который божился, что доводится внуком Неду Уорду, боцману капитана Кидда.

Палмер тщательно осмотрел покупку. Оказалось, что сундучок имел двойное дно. И под старой тонкой книжкой, лежащей на этом потайном дне, Палмер увидел кусочек пергамента, на котором была нарисована такая же в точности карта, как и та, что лежала в тайнике дубового бюро...

Ободренные первыми успехами, Палмеры продолжали поиски. В 1932 году Губерта Палмера пригласил в Бристоль капитан Дан Морган, предки которого когда-то состояли в довольно близком родстве с самим пиратом Морганом. Старый капитан провел Губерта в свою комнату, показал матросский сундучок и рассказал, что этот сундучок Кидд передал его прапрадеду, служившему в тюрьме, где Кидд ожидал приговора. Палмер не очень-то поверил этой истории, но сундучок все-таки купил. На этот раз в нем ~~не~~ было двойного дна. Но при тщательном осмотре оказалось, что зеркальце, вправленное в рамку на внутренней стороне крышки, может выдвигаться по мастерски укрытым пазам. За зеркальцем находился прямоугольный кусочек зеленого сукна, закрывавший небольшую выемку, в которой лежал пергамент с изображением все того же острова... Правда, в отличие от предыдущих, на этой карте были обозначены возвышенности, долины, леса, коралловые рифы, удобные якорные стоянки и т. д. Поперек карты красными чернилами проведена зигзагообразная линия. Казалось, Палмеры уже близки к цели...

Но ни на одной из карт не сообщалось ни названия острова, ни его координат. Единственное, что стало известно, — это море, в котором он находился: Китайское. Так гласила надпись на одном из эскизов. Но какое море имел в виду капитан Кидд: Южно-Китайское или Восточно-Китайское и какой из сотен похожих островов, разбросанных в этих морях, и есть тот самый, разыскиваемый?

Палмер пришел к выводу, что если Кидд специально разделил документы, хранящие его тайну, и спрятал их в разных местах, то и окончательный ключ к загадке должен быть скрыт опять-таки в какой-то из принадлежавших ему вещей. Сохраняя все в глубокой тайне, Губерт продолжал поиски предметов, бывших собственностью Кидда. Наконец в 1934 году ему в руки попала деревянная шкатулка для рукоделия, которая когда-то принадлежала жене Кидда. Он скрупулезно исследовал ларчик. И когда из оковки основания были вынуты четыре гвоздя, она легко сдвинулась и открыла узкую щель, в которой находился свернутый чертеж — снова это была карта все того же острова.

Но здесь, кроме уже известных данных, указывались широта и долгота острова. А на полях карты были сделаны какие-то пометки.

Казалось, теперь можно организовывать экспедицию... Но Палмеры понимали, что координаты, поставленные в XVII веке, наверняка не совпадали с современными: в те времена пользовались куда менее точными способами определения широты и долготы...

Палмеры обратились за помощью к своему другу, морскому офицеру и картографу...

Но война прервала дальнейшие поиски... А в 1942 году умер старший Палмер, спустя восемь лет — младший, Губерт.

Позже за поиски клада взялся некий адвокат Энтони Хьюлетт. Убедившись после графологической экспертизы в подлинности документов, Хьюлетт принялся за расшифровку карты. Через пять лет исследований, в 1958 году, он объявил, что остров определен и сокровища Кидда почти у него в кармане... Подготовка к экспедиции шла несколько лет, о ней много писали газеты и журналы в начале 60-х годов.

И вдруг в английских журналах и газетах появляется сообщение: никаких несметных сокровищ Кидда не было и нет, ибо вообще не было такого пирата Кидда... А была только ложь о капитане Кидде.

Шел 1696 год... Капитан одного судна Ост-Индской компании привез в Лондон письмо индийских купцов, извещавшее, что они решили прекратить торговлю с Англией, так как несколько их кораблей, шедших в Лондон с грузом шелка, слоновой кости и пряностей, были захвачены английскими пиратами.

Это письмо вызвало переполох в Лондоне — многие высокопоставленные королевские чиновники и даже члены королевской фамилии вложили большие капиталы в торговлю с Индией и получали от этой торговли изрядные барыши. На имя короля Англии Вильгельма III было подано тайное прошение, подписанное крупнейшими по-

литическими деятелями и торговыми людьми Англии, о посылке военной эскадры против «джентльменов удачи». Вильгельм, в свою очередь, предложил создать синдикат, на средства его построить мощный военный корабль и отправить в крейсерское плавание в Индийский океан с целью обезопасить торговый путь. Вскоре синдикат был создан. Во главе его стал лорд Ричард Белломонт, назначенный незадолго до этого Вильгельмом III губернатором Нью-Йорка. А еще через некоторое время был построен фрегат, которому дали имя «Адвенчур» («Приключение»). Лорду Белломонту было поручено подобрать достойного капитана на этот фрегат.

В это время по торговому делу в Лондон приехал нью-йоркский купец, владелец двух торговых кораблей капитан Уильям Кидд. Кидду предложили стать капитаном «Адвенчура». Лорд Белломонт заключил с Киддом от имени синдиката тайное соглашение, по которому четвертая часть отнятой у пиратов добычи оставлялась команде «Адвенчура», 15 процентов Кидду, 60 — синдикату. Кидд, кроме того, получил два свидетельства, одно из которых разрешало ему захватывать все французские военные и торговые суда (Франция в то время находилась в состоянии войны с британской короной), а второе обязывало захватывать все корабли всех пиратов, флибустьеров, буканьеров, корсаров и прочих морских разбойников. Оба свидетельства были скреплены печатью.

...Так началось то, что привело Кидда к петле королевского палача.

Первый же корабль, который повстречался в

море Кидду, был английский фрегат, у которого по каким-то причинам не хватало на борту матросов. Пользуясь правом насильственной вербовки в свой экипаж в открытом море любого количества матросов с любого корабля, плавающего под британским флагом, капитан военного судна забрал у Кидда почти всех людей. Кидду ничего не оставалось, как повернуть «Адвенчур» обратно в Лондон...

На этот раз Кидду — и то с огромным трудом — удалось буквально заманить на свой корабль лишь самую отчаянную портовую голытьбу, которую ни один мало-мальски уважающий себя капитан не подпустил бы и к трапу.

В конце 1696 года «Адвенчур» уже бороздил воды Индийского океана.

Проходили месяцы, но «Адвенчур» не встречал ни пиратов, ни французов. Таяли запасы продовольствия и пресной воды. К берегу Кидд подходит опасался, не зная, как встретят там английское судно. Матросы требовали выполнения договора, но долгожданного «приза» все не было. И в декабре 1697 года, спустя год после начала этого плавания, на корабле Кидда вспыхнул бунт: экипаж требовал начать самый обычный грабеж первых попавшихся кораблей — английских, французских или голландских — все равно.

С трудом Кидду удалось подавить мятеж без кровопролития. Но, когда вскоре на горизонте показалось судно под союзным Англии голландским флагом, экипаж снова потребовал начать бой. На этот раз Кидд вынужден был применить силу. В схватке он убил главаря мятежников бомбардира

Мура и с помощью верных людей подавил бунт.

Прошло еще несколько месяцев, атмосфера на корабле снова накалилась. Но в критический момент на горизонте появился вражеский французский корабль «Рупарель». Кидд пошел на абордаж, захватил судно, отвел его на Мадагаскар, продал там захваченный груз и отдал матросам их долю. Часть матросов, наиболее отъявленные смутьяны, перешли на «Рупарель» и в течение следующего месяца захватили еще два английских корабля. Вскоре и команда «Адвенчура» потребовала от Кидда решительных действий. И окончательно потерявший власть над экипажем Кидд напал на индийский корабль «Кведаг Мерчент», который, как оказалось, вез французские товары, что вообще давало Кидду право — официальное, скрепленное печатью, — на захват этого корабля.

Вскоре прямо по курсу «Адвенчура» показалось первое пиратское судно. Увидев своих «братьев по профессии», матросы Кидда перешли на сторону пиратов. Каким-то чудом Кидду и несколькими его друзьям удалось спастись на том самом индийском судне, что он захватил незадолго до этого. Смог сохранить Кидд и судовые документы «Адвенчура».

...В апреле 1699 года «Кведаг Мерчент» вошел в один из английских портов. И тут Кидд узнал, что Вильгельм III объявил его пиратом...

Через своего друга неудачливый капитан переправляет в Америку своему покровителю лорду Белломонту письмо с просьбой разобраться в этом деле. Он соглашается отдать себя в руки властей,

если состоится справедливый суд. В исходе его Кидд не сомневался: он не совершил ни одного нападения, которое английские судьи смогли бы считать пиратским, а то, что его бывшие матросы, перешедшие на «Рупарель», действовали вопреки его воле, он мог засвидетельствовать судовыми документами.

Белломонт заверил Кидда в своей полной поддержке. 28 июня 1700 года «Кведаг Мерчент» бросил якорь в Бостонской гавани, и капитан Кидд сошел на берег...

...Кидд не знал, что ответ Белломонта был ловушкой.

Тори, политические противники правящей в то время в Англии партии вигов, узнали о существовании синдиката. Разразился политический скандал, который виги решили замять во что бы то ни стало, ибо их противникам стало известно даже то, что сам королевский двор по негласному соглашению с синдикатом имел право на десятую часть добычи «Адвенчура». Козлом отпущения был выбран Кидд. А чтобы никто не мог на суде свидетельствовать в пользу Кидда, Вильгельм III объявил полную амнистию всем пиратам. Всем, кроме Кидда...

8 мая 1701 года Кидд предстал перед королевским судом. Его лишили права выбирать защиту. В деле почему-то не фигурировали документы, которые Кидд передал Белломонту в Бостоне. Кидда обвинили в убийстве Мура, хотя по законам того времени любой капитан мог любыми средствами подавлять мятежи на борту своего корабля.

23 мая Кидд был повешен.

После казни Кидда «объективный» суд рассмотрел дело по обвинению королевских министров в «преступлениях, совершенных в связи с экспедицией капитана Кидда».

«Высокий» суд после короткого разбирательства пришел к выводу, что никакого синдиката не было и в помине и Кидд действовал на свой страх и риск... Так была рождена легенда о пирате Кидде и его несметных сокровищах.

О чем же тогда говорила карта Палмеров? Вполне вероятно, что во время своего плавания на «Адвенчуре», а впоследствии на индийском корабле, не зная, как сложатся дальнейшие события, Кидд и его друзья спрятали часть своей доли, полученной после продажи на Мадагаскаре груза с «Рупареля», на одном из островов Южно-Китайского моря (естественно, эта доля не стоила и тысячной части тех богатств, что молва приписала «королю пиратов» Уильяму Кидду)... И карта Палмеров, по-видимому, указывала именно на этот остров...

Ходили также слухи о том, что какой-то клад Кидда закопан на одном из островов Карибского моря. Тут можно предположить, что Кидд действительно спрятал оставшиеся у него деньги перед тем, как отдать себя в руки властей.

И, по-видимому, в своем письме о помиловании он хотел в обмен на свою жизнь открыть тайну именно этого сундука.

...Но говорят, что люди Белломонта еще до казни Кидда откопали этот сундук, ибо Кидд рассказал о нем губернатору Нью-Йорка, так как

до конца верил своему высокому покровителю...

(Е. Рыбников, Л. Добрягин. Ложь и правда о капитане Кидде — «Вокруг света», 1968, № 7)

...На этом мы завершим путешествие по местам, хранившим сокровища пиратов. Как вы убедились, золото, серебро и другие драгоценности, зарытые ими, не часто обретают новых хозяев...

РАЗДЕЛ IV. ПОДВОДНОЕ КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВО

Испокон веков люди старались вернуть ценности, отнятые у них морем. Испокон веков еще в далекой древности в рыбацьи сети попадались изумительные произведения искусства — обломки статуй, глиняной посуды, а иногда даже целые амфоры и старинные вазы. Рэмон Вэсьер в книге «Человек и подводный мир» сообщает, что, пожалуй, одна из первых подводных находок подобного рода описана известным древнегреческим историком Павсанием в его «Путеводителе по Греции». Павсаний сообщал, что рыбаки острова Лесбос во II веке новой эры выловили сетями голову, изготовленную из оливкового дерева и, якобы потрясенные этим даром Посейдона, превратили ее в предмет поклонения и культа.

С тех далеких столетий прошло более полутора тысяч лет, но счет случайным находкам рыбаков Средиземноморья не прекращался и не прекращается до сих пор.

Новый Свет, который никак не может похвастаться своими «античными богатствами», особенно Северная Америка (не считая индейских древностей), славился другими сокровищами — испанским и пиратским золотом, которое так и не дошло до места назначения. Особенно этим отли-

чается бассейн Карибского моря и полуостров Флорида в США.

Огромный риск, опасности и приключения, с которыми сталкивались охотники за затонувшими сокровищами, окружали их деятельность романтикой и таинственностью. Но не так-то легко было покорить океанские глубины. Лишь в середине прошлого века человеку удалось проникнуть под воду на каких-нибудь пятьдесят метров. Поэтому все сокровища, которые оказывались на большей глубине, становились для него практически недоступными. Судьба затонувших богатств всецело зависела от профессиональных водолазов, от дорогостоящих подводных экспедиций. На протяжении нескольких столетий кладоискательство на море было уделом одиночек.

Когда во время второй мировой войны человечество изобрело акваланг, оно вряд ли подозревало, что этот простой и удобный прибор станет главной причиной очередной «золотой лихорадки», на этот раз в глубинах моря. Такая «золотая лихорадка» разразилась в бассейне Карибского моря. Сюда на поиски подводных сокровищ устремились толпы авантюристов в аквалангах. И это не случайно. Ведь, на первый взгляд, кажется, что нетрудно определить ценность тех богатств, которые ушли на дно вместе с затонувшими судами, а во многих случаях — их координаты, и дело упирается только в технические возможности. Однако действительность гораздо сложнее, чем может показаться нетерпеливому кладоискателю.

Во все времена транспортировка драгоценных

металлов происходила под покровом строжайшей тайны. Трудно вообразить себе все те уловки, на которые шли владельцы сокровищ, маскируя их переправу. Тайна, как всегда, вызывает пересуды и толки, и эта стоустая молва, искажаясь в передаче, больше мешает, чем помогает искателю подводных кладов. Не легче разыскать следы погибших сокровищ в архивах. Далеко не все сведения исторических документов достойны доверия, и требуются специальные изыскания, которые довольно редко кончаются успехом. Работа осложняется тем, что в большинстве стран подобного рода архивные материалы засекречены и недоступны.

Результаты поисков подводных сокровищ, как правило, не оправдывают тех сил и средств, которые на них затрачиваются. Лишь редкие, поставленные на широкую ногу экспедиции могут рассчитывать на более-менее серьезный успех. Но это никогда не останавливало подводных кладоискателей. Влекомые романтикой или наживой, сотни и тысячи водолазов и аквалангистов, дельцов или просто случайных людей рискуют своим состоянием, а иногда и жизнью, пытаясь вытащить счастливый билет, но чаще испытывая разочарование. И все же, несмотря на столь безрадостные итоги, подводное кладоискательство имеет большое будущее.

В трюмах затонувших кораблей хранятся многие тонны ценнейших грузов. Сами эти суда представляют собой богатый источник металла и других видов сырья, наконец, часть кораблей может быть снова использована по назначению. Есть и

другая область кладоискательства, имеющая огромные перспективы, — подводная археология. Простой предмет, возвращенный морем через столетия, нередко обладает не меньшей ценностью, чем слиток драгоценного металла. Ладьи викингов и греческие амфоры, произведения искусства различных эпох и народов — это и многое другое, порой недоступное даже фантазии, ждет на морском дне своего часа.

Надо сказать, что поиски подводных сокровищ давно уже поставлены на твердую деловую основу. Все, что лежит под водой, экспертами просчитано и по возможности оценено. А начали эксперты с составления карты маршрутов плаваний XVI — XVII веков. И это понятно — на путях следований «золотые», «серебряные» и другие флоты тех времен нередко сторожили «джентльмены удачи», не говоря уж о коварных скалах, туманах и штормах. Далее эксперты засели за архивные материалы. После подсчета они постановили: сокровища северной Атлантики оценить в 140 миллионов долларов, сокровища морей, омывающих воды Филиппин, — примерно в 3 миллиона, в 5 миллионов — сокровища Индийского океана... В общей сложности в Мировом океане, не считая внутриевропейских морей и морей, омывающих побережье Китая, скрываются богатства примерно на сумму в 250 миллионов долларов.

Перевод легенд и мифов на вполне понятный язык долларов, несомненно, придал дополнительные силы людям, склонным к морским приключениям. В настоящее время на карту занесены координаты 830 затонувших старинных кораблей.

Для того чтобы определить их местонахождение, искатели сокровищ буквально перерыли так называемые «архивы Индий» в Севилье, обследовали многочисленные записки очевидцев, хранящиеся в библиотеках разных стран, внимательно просмотрели документы судовладельцев, сохранившиеся судовые журналы и портовую документацию отправленных грузов. Собранные данные позволили даже основать «Информационную службу затонувших сокровищ» с центром в Нью-Йорке и Лондоне.

В конце концов романтики моря объединились в несколько фирм-клубов: «Охотники за сокровищами инкорпорейтед», «Британский подводный клуб», «Атлантическая подводная компания», «Группа подводных исследований» и, наконец, «Клуб подводных сокровищ». Все эти общества ставят своей целью помешать бурной и незаконной деятельности подводных контрабандистов.

О морских трагедиях и многовековой истории поисков подводных богатств; о том, как редко и неохотно отдает море свою добычу, или, наоборот, вдруг щедро вознаграждает случайного счастливого, мы хотим рассказать читателям на следующих страницах.

1. ВИЛЬЯМ ФИПС — СИМВОЛ УДАЧИ

Осуществить вековую мечту людей о розысках сокровищ, погребенных под водой, выпало на долю тупого себялюбивого корабельного плотника Вильяма Фипса, уроженца Новой Англии, одного из двадцати шести детей родителей-пуритан. В 1687 году он поднял с испанского галеона, затонувшего у Багамских островов, золота и серебра на сумму более полумиллиона фунтов стерлингов. С тех пор подводные сокровища стали излюбленной приманкой мошенников и авантюристов, неистощимой темой для писателей, источником мытарств для людей, вкладывающих свои капиталы в экспедиции, и возможностью подработать для водолазов.

Свидетельств о том, когда затонул этот испанский корабль, не осталось, но в 1680 году слухи о нем ходили повсюду. Фипс, выучившийся читать и писать в возрасте сорока двух лет, использовал новоприобретенные знания для знакомства с трактатом о поисках затонувших сокровищ и в 1684 году отправился в Англию, чтобы достать там средства на экспедицию. Он на опыте убедился в справедливости старинного изречения викингов: «Тот, кто отправляется за золотом, должен иметь много серебра». Фипс нашел благосклонного слушателя — второго герцога Альбемарлского, сына генерала Монка, который вернул корону Стюартам (хотя прежде был соратником Кромвеля). Монк получил титул герцога, но не стал от этого богаче, и сын его грезил золотом. Его светлость представил плотника королю. Фипс сумел

внушить доверие Карлу II, и тот дал ему для поиска сокровищ фрегат под названием «Алжирская роза».

Добравшись до Багамских островов, Фипс не сумел отыскать разбитый испанский корабль. Он, правда, видел какие-то обломки у острова Большой Багам, в которых копошились люди, но, на его взгляд, это не были обломки испанского галеона. На затонувшем корабле был небольшой груз серебра. Американский капер Томас Пейн уже объявил его своей собственностью и готов был отстаивать эти претензии всеми восемью пушками своего фрегата «Перл». Капитан Фипс, тугодум, вернулся в Лондон. Короля Карла уже не было на свете, но герцог Альбемарлский был все еще полон энтузиазма. И тут к ним явился некий Джон Смит, загорелый моряк, только что прибывший из Вест-Индии. Позванивая серьгами, он рассказал им о галеоне, севшем на риф между Кубой и островом Теркс — одним из островов Багамского архипелага. Он клялся, что сам видел сквозь прозрачную воду блеск золота и серебра.

У герцога не было ни гроша, однако ему удалось занять у друзей 800 фунтов стерлингов, и на эти деньги он снарядил экспедицию на двух маленьких кораблях — «Джеймс энд Мэри» и «Генри». Фипс был назначен командиром экспедиции, а Джон Смит — лоцманом. Герцог нагрузил корабли товарами для продажи испанцам.

Прибыв на Багамские острова, Фипс начал поиски с индейского каноэ среди коралловых рифов. Голые ныряльщики-индейцы время от времени спускались под воду, ища следы затонувшего суд-

на. Но эти попытки по-прежнему ничего не давали. Шли недели, месяцы, и Фипс, наконец, решил признать себя побежденным. Он созвал совещание старших офицеров и сообщил им о намерении прекратить поиски. Говоря об этом, он случайно коснулся ногой какого-то твердого предмета, лежавшего под столом. От удара ноги предмет выкатился из-под стола. Внешне он напоминал большой кусок кораллового нароста. Фипс взял топор и ударил им по этому предмету. Коралл раскололся, внутри оказалась коробка из дерева твердой породы. Еще удар топором — и на пол посыпались серебряные и золотые монеты.

Этот кусок коралла был принесен и брошен под стол одним из водолазов-индейцев. Фипс быстро послал его и других ныряльщиков снова под воду, и те доставили ему еще несколько таких же предметов, обросших кораллом. Они сообщили ему, что видели на дне корабельные пушки.

Фипс решил спуститься под воду сам. Для этого он воспользовался примитивным водолазным колоколом, покрытым слоем свинца. В верхней части колокола было застекленное окошко, а внутри — сиденья для водолазов. Пользуясь этим устройством, Фипс и его помощники могли находиться под водой три четверти часа. Однако практически работы по поднятию грузов были проведены голыми ныряльщиками, прыгавшими с индейского каноэ. В течение нескольких месяцев они подняли тонны золотых и серебряных слитков и монет. Вся добыча оценивалась в 300 000 фунтов стерлингов, что в современных масштабах цен составляет более миллиона.

В сентябре 1687 года корабли Фипса вошли в устье Темзы, и Англию охватила золотая лихорадка. Возникли компании на паях, снаряжавшие корабли на поиски воображаемого затонувшего золота. Немалой приманкой служил водолаз в полном снаряжении, который погружался в Темзу, пока в павильоне на берегу провозглашались тосты за удачные находки. Люди, вкладывавшие деньги в эти предприятия, потеряли во много раз больше, чем удалось добыть Фипсу.

Герцог стал богачом. Доля Фипса составила всего лишь около 25 000 фунтов стерлингов, но он получил дворянство и уехал домой в Америку в качестве верховного шерифа Новой Англии. Джон Смит, который отыскиал сокровища, не получил ничего. Он обратился с жалобой к королю, и герцог Альбемарлский был вынужден выплатить ему некоторую сумму. Сэр Уильям Фипс впоследствии стал губернатором Новой Англии, которой правил весьма энергично, но плохо. Он был отозван в Лондон, чтобы дать объяснения, и в 1695 году умер там «от злокачественной лихорадки».

Успех Фипса положил начало двум новым способам накопления богатств (оба они применяются до сего дня): фактической добыче золота со дна моря и выкачиванию денег из тех, кто соглашается финансировать фиктивное предприятие по добыче драгоценностей. Второй способ, по-видимому, является более легким и прибыльным. Можно с уверенностью сказать, что на поиски золота потрачено больше денег, чем его добыто.

2. ЛЕГЕНДА О «ГАЛЕОНЕ ТОБЕРМОРИ»

Одна из неумирающих легенд о затонувших сокровищах — легенда о «галеоне Тобермори», корабле, затонувшем в маленькой гавани острова Малл, из-за которого на протяжении пятнадцати поколений шотландцев возникала кровавая вражда и совершались всяческие безумства. Это якобы был португальский корабль «Флоренция», входивший в 1588 году в состав испанской Армады. Разыгравшаяся буря ухитрилась занести его мимо Джон О'Гротса к Западным островам. Капитан корабля дон Перейра нашел убежище в гавани Тобермори и надменно потребовал, чтобы местные жители снабдили его продовольствием. В то время шотландцы нападали на другие корабли Армады и поголовно вырезали их экипажи, но капитану Перейре повезло: в Тобермори шла своя собственная междоусобная война между Маклинами из Дурта и Макдональдами из Арднамерхана, и португальцев оставили «на потом». Макдональды велели дону Перейре убраться и не возвращаться без золота. Глава клана Маклинов Лахлан Мор был хитрее. Он дал португальцам муки, баранины и воды и попросил у Перейры «взаймы» четырехста его солдат. Получив этих солдат, Лахлан нанес поражение Макдональдам.

Шотландский вождь не хотел отпускать португальцев, обеспечивших ему перевес сил. К этому времени наступила зима, и дрожавшие от холода южане решили выйти в море, предпочитая встре-

чу с кораблями Дрейка холодной шотландской зиме. Перейра просил Лахлана Мора отпустить его. Шотландец оставил и в качестве заложников трех португальских офицеров и намекнул, что нуждается в золоте. Разъяренный Перейра вернулся на корабль, приказал поднять якорь и покинул гавань, захватив, в свою очередь, одного из Маклинов, по имени Дэвис Глас. Согласно легенде, Глас взорвал пороховой погреб корабля. «Флоренция» разломилась пополам и затонула. Из всего экипажа спаслись два человека. А вместе с кораблем на дно моря ушло и золото на сумму более трех с половиной тысяч фунтов стерлингов.

Это, безусловно, очень интересная история, и многие свято верят в ее истинность. Беда лишь в том, что некоторые ученые ознакомились с испанскими военно-морскими архивами и установили, что на «Флоренции» не было никакого золота и она благополучно вернулась в Испанию после разгрома Армады. Однако на дне гавани Тобермори действительно лежит какой-то старый корабль, или даже несколько кораблей. Во всяком случае экспедиции, искавшие там затонувшие сокровища, нашли пять бронзовых пушек, чугунные ядра и несколько старинных монет. Возможно, это был другой корабль Армады, «Сан Хуан Баптиста», на котором, согласно архивным материалам, также не было золота.

Что же касается «сокровища» Тобермори, то оно стало наследственной задачей поколений герцогов Аргайлей: каждый новый герцог пытался овладеть фамильным кладом, на который им дает право принадлежащий дому Аргайлей титул «Ад-

мирал Шотландии». В XVII веке один водолаз нашел на этом затонувшем корабле три пушки, а в 1730 году второй из герцогов Аргайлей лично спустился к кораблю в водолазном колоколе и обнаружил еще одну пушку и несколько монет. Тогда герцог Йоркский, «Адмирал Англии и Шотландии», предъявил свой патент, дававший ему право от имени короны «заботиться» обо всех кораблях, затонувших в британских водах, и вокруг гниющих останков корабля разгорелся ожесточенный юридический спор. Вальтер Скотт встал на сторону Аргайля и посетил Тобермори, чтобы ознакомиться с местным колоритом. «На корабле работали водолазы, — писал он Роберту Сэртису. — Рыбаки показали мне место, где лежит галеон, и сказали, что с него подняли много драгоценностей и несколько медных пушек».

Герцог Аргайль выиграл спор, доказав, что корабли, затонувшие у берегов Шотландии до 1707 года, когда Англия и Шотландия подписали «Акт об объединении парламентов», принадлежат Аргайлям, а корабли, затонувшие после этого, являются собственностью Йорков.

В 1902 году «Флоренция» вновь привлекла к себе внимание кладоискателей: с корабля было поднято несколько шпаг, пятьдесят золотых дукатов и еще одна пушка.

В 1903 году в городе Глазго был создан специальный синдикат по подъему сокровищ «Флоренции». Собрав большую сумму денег и получив у Аргайлей на довольно льготных условиях согласие на проведение водолазных работ, синдикат приступил к осуществлению своего грандиозного

плана. Работами руководил один из опытных специалистов водолазного дела — капитан Вильямс Бернс.

После того как паровой землесос «Силайт» прорыл траншею, водолазы извлекли на поверхность (помимо ржавых железных обломков, каменных балластин и чугунных ядер) два циркуля, золотые кольца и несколько монет. Все это распродали с аукциона в Глазго.

Спустя три года тот же синдикат, получив более мощный земснаряд «Бреймар», поднял с «Флоренции» пушки, большой серебряный подсвечник, несколько старинных ружей и около сотни золотых дукатов.

В 1912 году испанскими сокровищами заинтересовался английский полковник Фосс, которому посчастливилось поднять пару золотых пиастров и несколько металлических продолговатых пластин. Оказалось, что это чистое олово.

Вскоре первая мировая война прервала работы...

К 1922 году в Тобермори побывало уже около пятидесяти экспедиций, и общая стоимость всех ценностей, поднятых с корабля за три столетия, составила триста пятьдесят фунтов стерлингов.

Прошло тридцать лет. Залив Тобермори, выдавший на своем веку тысячи кладоискателей с их хитроумной техникой, увидел еще одного золотодобытчика. Пятидесятитрехлетний Иоан Дуглас Кэмпбелл, отпрыск одиннадцатого колена рода Маклинов, решил, дабы не нарушать традиции рода, внести свое имя в список кладоискателей «Флоренции».

Руководителем подводных работ был назначен английский капитан Леонэль Крэбб, один из самых известных водолазов Англии.

Газеты с нетерпением ждали результатов...

Вскоре в Тобермори прибыла группа водолазов лондонской компании «Андеруотер сервейс» с плавучей базой, переделанной из старого танко-десантного судна. После того как эхолотом было «прощупано» дно бухты, глубина которой в среднем составляет 50 футов, было решено обследовать возвышение на дне, находившееся всего в ста пятидесяти ярдах от городской набережной. Экспедиция применила метод, принятый в археологии: поперек возвышения рыли траншеи при помощи большого ковша, который приводился в движение тридцатитрехтонным краном, установленным на судне. На палубе содержимое каждого ковша промывали мощным брандспойтом. После того как обследовали очередную порцию, бульдозер сталкивал ее в море.

За несколько недель такой кропотливой работы обнаружили... чугунное ядро да несколько листов олова. После этого Иоан Дуглас Кэмпбелл свернул свое предприятие.

Трудно сказать, во сколько обошлась организация всех подводных экспедиций на «Флоренцию», но, во всяком случае, издержки наверняка перекрывают стоимость этого мифического древнего клада.

3. СОКРОВИЩА БУХТЫ ВИГО

Другой манящий отблеск золота, погребенного в темных морских глубинах, мерцает на северо-западе Испании над знаменитыми «галеонами бухты Виго».

Легенда о затонувших сокровищах восходит к 1702 году, когда шла война за испанское наследство — полная перипетий и взаимных предательств борьба за испанский трон, освободившийся после смерти короля Испании австрийца Карла Второго. В течение трех лет испанские корабли не решались везти на родину ежегодную дань золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней и не менее драгоценные грузы, кошениль, индиго, серную амбру, красное дерево, табак, бальзовое дерево, сарсапариль, американский лавр, тамаринд, какао, имбирь, сахар и ваниль. Ставленник Франции Филипп V замучил испанский народ непосильными налогами, солдатам не выплачивалось жалованье, и богатства, награбленные в Южной Америке, были необходимы стране, как воздух.

В 1702 году дон Мануэль де Веласко все же решил отвести корабли в Испанию. Его флот из двадцати больших галеонов пересек Атлантический океан и встретился в море с двадцатью тремя французскими военными кораблями под командованием графа де Шато-Рено, который должен был охранять сокровища от англо-голландского флота, блокировавшего Кадис. Французы предложили Веласко зайти в Брест, но он побоялся, как бы груз не остался во Франции. Французские и ис-

панские корабли укрылись в бухте Виго на северо-западном побережье Испании, которая служила местом убежища еще римлянам. Испанские корабли бросили якорь в глубине внутреннего залива Сан-Симеон, и моряки выстроили деревянное заграждение поперек узкого прохода в заливе. Французские корабли охраняли проход, а нерешительный дон Веласко тем временем думал, что делать дальше. Он не рискнул разгрузить корабли тут же и отправить сокровища сухим путем, т. к. не получал из Мадрида никаких распоряжений.

Слухи о богатствах, укрытых в заливе Виго, распространились по всему побережью, и англичане с голландцами решили захватить их. Чиновник из Мадрида прибыл только через месяц. Он сидел в каюте на флагманском корабле Веласко, потирая руки при мысли о несметных сокровищах, скрытых под палубой, когда адмирал Джордж Рук под покровом ночи протаранил бревенчатое заграждение, и ночную тишину разорвали дикие вопли объятых жаждой золота англичан и голландцев. Французы схватились с врагом, и в течение тридцати часов длился рукопашный бой. Пустили в ход абордажные сабли, пистолеты и ружья, стреляли из пушек бомбами с горящим асфальтом и раскаленными ядрами.

Испанцы решили, что настало время переправить сокровища на берег. Почти все галеоны уже пылали, и вот тут только началась выгрузка на маленькие шлюпки. В то время когда небольшой бот «Сан-Педро» перевозил часть драгоценного груза на берег, в него попало ядро. Бот затонул на

мелководье, и местные рыбаки забросали его огромными камнями, чтобы враги не могли поднять сокровища. Они не пожалели даже пьедестала от статуи Святой девы.

В суматохе боя английские моряки бросались в море и взбирались на горящие галеоны, ища золото. Многие из них погибли в пламени. Английский флагман был потоплен. Англичане захватили четыре уцелевших галеона, а голландцы — пять. Шесть французских кораблей сдались, и граф де Шато-Рено вывел свои остальные корабли из боя.

В этой огненной схватке за золото затонуло двадцать четыре корабля. Двадцать пятым оказался самый большой галеон, который сэр Клаудесли Шовелл должен был отвести в Англию в качестве приза. Этот адмирал отличался удивительным невезением: он вывел свой галеон прямо на остров, находившийся у входа в бухту, и тот затонул на глубине 110 футов (пять лет спустя из-за навигационной ошибки сэра Клаудесли у островов Силли погибли четыре больших корабля и две тысячи человек, включая его самого).

Битва в Виго еще бушевала, а английские матросы уже начали подводные поиски золота под огнем пушек, обстреливавших их с борта. Когда победители покинули бухту, они увезли с собой добычу стоимостью в пять миллионов фунтов стерлингов. Четверть века спустя французская экспедиция, получив концессию на розыски затонувшего золота, подняла какое-то жалкое суденышко, на котором не было ничего ценного. Вто-

рая попытка, предпринятая в 1748 году, тоже окончилась неудачей.

В 1825 году некий англичанин, капитан Диксон, прибыл в бухту виго на бриге «Энтерпрайз» и с помощью водолазного колокола добрался до затонувших кораблей. Он поднял немного серебра, но затем внезапно снялся с якоря и ночью покинул бухту; что именно ему удалось увезти оттуда, так и осталось неизвестным. Десять лет спустя достать сокровища попытались испанцы, но неудачно. В 1858 году испанское правительство дало десятилетнюю концессию Дэвиду Лэнглендсу. Сокровищ он не обнаружил, зато нашел верный способ извлекать из них выгоду: Лэнглендс перепродал свою концессию, причем дважды.

Первым покупателем был парижанин Сен-Симон Сикар, которому удалось собрать во Франции значительную сумму по подписке. В Мадриде он познакомился с другим французом, молодым банкиром Ипполитом Маганом, который оставил классическое описание последовавших затем фантастических событий в весьма интересной маленькой книжице «Галеоны Виго». Эта увлекательная повесть о всяческих ужасах, написанная сухим языком банкира, доставит немало удовольствия тем, кто интересуется историей поисков затонувших сокровищ.

Маган начал с тщательной проверки сведений, которые ему сообщил Сикар, и в испанских архивах обнаружил множество подтверждений тому, что в заливе Сан-Симеон действительно погребены сокровища. Он согласился руководить работами. Во время неизбежных проволочек, связанных

с организацией экспедиции, испанское правительство, переживавшее очередной кризис, издало секретный декрет, аннулировавший концессию Лэнглендса, а тем самым и Магана. Маган обнаружил, что все документы, касавшиеся сокровищ Виго, были изъяты из архивов. Вскоре испанская монархия была свергнута, и республиканское правительство возобновило концессию, продлив ее еще на десять лет. Лэнглендс немедленно перепродал ее некоему полковнику Гоуену, специалисту по работе на затонувших судах, который участвовал в подъеме кораблей русского флота, потопленных в Севастополе. Французское акционерное общество оказалось за флагом. Однако этому обществу удалось собрать значительный капитал, и полковник Гоуен согласился взять его в долю. Но тут Гоуен стал успешно продавать акции компании в Лондоне, и вскоре его капитал превысил долю французов. Сикар и Маган были «оглушены». Однако пока полковник в водолазном колоколе проводил разведку на дне бухты Виго, французы добились права на розыски галеонов, и Маган развил лихорадочную деятельность, разыскивая водолазов и закупая водолазное снаряжение.

Он решил использовать аэрофор Денеруза и Рукейроля, который был уже испробован при добыче губок в Греции, и пригласил Денеруза участвовать в экспедиции в качестве руководителя подводных работ. Но Денеруз был занят на работах в Эгейском море. Он рекомендовал Магану шестерых молодых, но опытных французских водолазов и изобретательного инженера из Анжера Эрнеста Базена.

Маган устроил свою штаб-квартиру в подвале соляного склада, выходявшего окнами на залив Сан-Симеон, и в январе 1870 года при ужасной погоде работы под водой начались. Старый рыбак, который принимал участие еще в работах экспедиции Диксона в 1825 году, указал им пять мест, где лежали затонувшие корабли. Базен послал туда по очереди двух водолазов, и Маган поспешил надеть шлем на второго, прежде чем его товарищ успел снять свой: таким образом, они могли быть уверены в полной независимости полученных сведений. За двенадцать дней было установлено местонахождение десяти кораблей.

Тем временем прибыло оборудование, заказанное Базеном, в том числе подводная наблюдательная кабина, в которой могли помещаться два человека. Таможенные чиновники Виго задерживали каждый аппарат по нескольку дней, работы часто приходилось прерывать из-за плохой погоды, и в довершение всего испанское правительство прислало своего наблюдателя. Местные жители знали названия всех затонувших кораблей, что в немалой степени ободряло Магана, пока он не обнаружил, что они просто-напросто давали им первые попавшиеся названия.

В самом начале работ люди Базена подняли чугунную пушку с галеона, который, видимо, был застигнут врасплох: из дула даже не была вынута пробка. Они вытащили эту пробку и заглянули внутрь. Оказалось, что ствол внутри так гладок, «будто его только что вычистили». Они нашли около двухсот ядер, превратившихся в одну бес-

форменную массу, графин, серебряный кубок, рукоятку от кинжала, абордажный топорик, мешок бразильских орехов, человеческие кости и резной футляр для трубок с фигурой индианки, стоящей на спине обнаженного коленопреклоненного мужчины.

Испанцы с жадным интересом рассматривали эти реликвии полуторастолетней давности. «Фантазия не знала удержу, — пишет Маган. — Ящики с индиго превращались в серебряные вазы, а куски чугуна — в серебряные слитки». Таможенники все время спрашивали Магана, куда он спрятал «сундук с золотом». Они заставляли его отправлять на берег каждый найденный предмет. Маган писал в Париж: «Я отвечаю за сохранность каждого предмета перед испанским правительством и нашей компанией, а они не подпускают меня к помещению таможни». «Все будет растащено!» — в отчаянии восклицал он.

Художник экспедиции Дюран-Браже спустился на дно на мелководье в наблюдательной кабине и написал красками огромный разбитый корпус корабля. Местные жители называли его «Мадейра». «Лучи электрического фонаря, играющие на этих искаженных гудах коричневых и красноватых тонов, просто изумительны», — писал Маган. Однако продолжать работу на корабле нельзя было из-за бурь. Как утверждали местные жители, таких суровых зим еще никогда не бывало.

Водолазы начали работы на корабле «Ла-Лигура», затонувшем в более спокойном месте. Проникнув внутрь корабля, они попали в лазарет, где

обнаружили тазы, пилюли и полусгнившие бинты. Они подорвали корабль, и их усилия были вознаграждены компасом, медным кубком и высоким каблуком, какие носили щеголи во времена Людовика XIV. Сокровищ там не нашлось.

Компании угрожало банкротство. Тогда они занялись галеоном «Тамбор», затонувшим на глубине 38 футов. Магану пришлось убедиться, что больше всего денег тратится на простои при ожидании хорошей погоды, поэтому в хорошую погоду работы на корабле велись и ночью при свете огромного фонаря. С него подняли раму клюза, несколько блоков, ложки и кухонную посуду.

Затем перешли на «Санта-Крус» и нашли там огромный чугунный якорь, взятый на кат в средней части корабля. Небольшой пароходик экспедиции не смог его вытащить. С галеона «Альмиранте», лежавшего на глубине 52 футов, было поднято 15 ящичков индиго (в воображении местных жителей это индиго немедленно превратилось в золото).

Однажды, когда Маган обедал в своем зловонном соляном складе, где его сапоги уже успели позеленеть от плесени, он увидел, что к берегу в шлюпке приближается Базен; инженер размахивал носовым платком и высоко поднимал руку, в которой было что-то зажато. Маган бросился на берег. Базен выскочил из шлюпки, расцеловал его и крикнул: «Вот оно!» Он держал в руке кусок сероватого металла. Один из водолазов разломил его надвое: внутри сверкало чистое серебро. За короткое время с галеона подняли 130 фунтов се-

ребра. Взволнованные находкой испанцы немедленно отправили серебро на склад. Базен поспешил в Париж, чтобы доложить правлению компании.

Из Мадрида прибыли еще три инспектора, которые принялись задавать миллионы вопросов. В Мадриде вели интриги четыре компании, стремившиеся получить концессию на розыски сокровищ Виго. Тем временем водолазы в тяжелейших условиях трудились у обломков кораблей. У троих в результате кессонной болезни отнялись руки. Вскоре в экспедиции остался всего один работоспособный водолаз. Деньги были почти израсходованы, и Маган отправился в Париж в надежде достать их.

Находка серебра возымела магическое действие, и Магану удалось продать еще некоторое количество акций. Базен уже строил планы приобретения чудодейственных аппаратов, но Маган настаивал, чтобы расходовать деньги только на оплату текущих работ и не закупать нового оборудования. Базен подал в отставку. Маган нанял еще четырех водолазов и отправил их в Испанию. Он телеграфировал распоряжение прекратить работы на «Альмиранте» и заняться более доступным ботом «Сан-Педро», который некогда, во время битвы, рыбаки забросали камнями. «Сан-Педро» был скрыт под целой пирамидой камней, за 150 лет прочно сцементированных морскими отложениями.

Маган прислал из Парижа химика. Тот прежде всего исследовал один из тех серых кусков металла, которые выбрасывали в море. Анализ показал,

что это ртутное серебро, покрытое окисью; в одном фунте его содержалось 450 граммов серебра. Испанское правительство прикомандировало к бухте сторожевое судно. На нем находились чиновники, которые должны были следить за разделом ценностей. Дележ был проведен до скрупулезности точно, но полученную экспедицией небольшую прибыль вскоре пришлось тоже пустить в дело.

В это время в Париж вернулся Денеруз. Он согласился взять на себя руководство работами. В тот момент, когда он уже собрался выехать в Испанию, началась франко-прусская война. Денеруз сразу вступил в армию, сказав Магану: «Не беспокойтесь, через неделю-другую разобьем немцев и тогда займемся делом». Маган решил дождаться его в Париже. Но Денеруз заболел воспалением легких и был отправлен на родину, не разбив немцев и не подняв галеоны. За два дня до того как немцы окружили Париж, Маган получил последнее письмо из Испании. Водолазы объявили забастовку, т. к. уже в течение месяца не получали жалованья. Работа остановилась. Маган хотел уехать, пока кольцо немецких войск еще не сомкнулось, но доктор запретил ему: он был еще слаб после лихорадки, которой и заболел в результате многомесячного пребывания в сыром соляном складе. Немцы осадили Париж. Лишившись возможности действовать, Маган отказался от поста директора.

Компания пригласила на его место парижского инженера Этьена, который заявил, что берется пробраться к Виго и возобновить работы. «Я пе-

релечу через германские позиции на воздушном шаре», — невозмутимо сказал он. Он нанял воздушный шар, который назвал «Галилея», и помощника. 4 ноября 1870 года он отправился с Орлеанского вокзала под видом коммивояжера, едущего в провинцию по делам фирмы. На воздушном шаре было 500 фунтов балласта, 900 фунтов писем от осажденных парижан и официальные депеши о результатах выборов 31 октября. Помощник взял подзорную трубу и карты, чтобы нанести на них позиции немцев. «Галилея» медленно поднялась на высоту 1300 футов, и легкий бриз повлек ее в северо-восточном направлении. Когда шар пролетал над немецкими редутами, по нему несколько раз выстрелили. Этьен и его спутник выбросили балласт и поднялись почти на милю. К вечеру они опустились на равнине Боса. Им показалось, что пруссаков тут нет, но какая-то крестьянка предупредила их, что враг поблизости. Они выбросили еще часть балласта и полетели дальше.

На этот раз они опустились в пяти милях от Шартра. Местные крестьяне помогли им выпустить газ из шара, но тут к ним подъехали два немецких кавалериста. Крестьяне заслонили аэронавтов. Немецкий офицер рявкнул: «Если вы не разойдетесь, мы сожжем вашу деревню». Крестьяне с ропотом ушли, и аэронавты были арестованы. Затем из вечернего мрака донесся крик: «К оружию!» — и появилась толпа крестьян с палками и камнями. Немецкий офицер сказал Этьену: «Если они бросят хотя бы один камень, я застрелю вас на месте». «Я поговорю с ними», — отве-

тил Этьен. Он подошел к крестьянам, сунул одному из них в руки пакет с правительственной почтой и шепнул: «Доставьте это правительству в Тур».

Немецкий офицер четыре раза выстрелил в воздух, к ним подъехал отряд кавалеристов, и пленники были отправлены в Версаль. Там немецкий комендант стал допрашивать Этьена о положении в Париже. Этьен сказал, что защитники Парижа хорошо вооружены и в городе достаточно продовольствия. На самом деле уже приближалось время, когда парижане начали есть крыс. Комендант показал на найденные у помощника Этьена карты и заявил: «Вы шпион». Немцы отобрали у него деньги, предназначенные для возобновления работ в Виго. Когда пленников вывели во двор комендатуры, немецкие солдаты кричали «капут» и выразительно проводили рукой по горлу. Затем их поставили в колонну пленных и повели по направлению к Кельну. Военнопленных по дороге кормили, но Этьену не давали никакой пищи.

Около Шато-Тьерри к Этьену подошел смотритель речного шлюза, некий Мартен. Он спросил: «Может быть, вы хотите что-нибудь передать в Париж, мсье?» «А как это вы сумеете что-нибудь передать в Париж, черт возьми?» — ответил Этьен. «Кладу письмо в бутылку, бросаю ее в Марну, и она плывет в Париж», — сказал Мартен. Инженер просил сообщить в Париж о его положении. Мартен заметил: «Послушайте, мсье, раз немцы заподозрили вас в шпионаже, они непременно вас расстреляют. Почему бы вам не по-

пробовать бежать?» Этьен пожал плечами и показал Мартену на охрану. Мартен отошел от него и побежал вперед, обогнав колонну. Когда колонна добралась до Шато-Тьерри, Этьена и его спутника, к их удивлению, поместили отдельно от других в одной из комнат в здании мэрии. Это устроил Мартен, договорившись с мэром. Ночью он пробрался к ним в комнату. «Следуйте за мной», — сказал он и провел их вниз, где они увидели спящего часового. «Этому молодчику со шпилем на каске пришлось по вкусу наши вина, — сказал Мартен. — А я подобрал напитки покрепче».

Инженер по-прежнему намеревался добраться до Виго. Его снабдили крестьянской одеждой, и он по «подземному пути» от фермы к ферме миновал территорию, оккупированную немцами. Когда, наконец, он очутился в Испании, оказалось, что все работы прекратились и водолазы разъехались. Он зря проделал весь этот героический путь.

Два года спустя Эрнест Базен, достав денег, возобновил работы в Виго. Он нашел еще пять галеонов и сосредоточил все поиски на «Альмиранте». Никаких сокровищ там обнаружить не удалось, а деньги Базена таяли. 22 ноября 1872 года работы прекратились. У Базена не осталось ни гроша. У него не хватило денег даже на то, чтобы отправить оборудование во Францию, где его можно было бы продать. Базен оставил все оборудование в Виго и уехал.

После неудачных попыток французов в конце XIX века было предпринято еще несколько попы-

ток овладеть кладом. Наиболее серьезной из них была попытка американской «Компании по сокровищам бухты Виго», которая существовала почти 50 лет. Американцам также пришлось работать под вооруженной охраной испанцев. Однажды американцам удалось вытащить из воды один хорошо сохранившийся галеон, но при переносе его краном на берег судно переломилось, и обе половины корпуса затонули.

В 1904 году по следам американцев пошли испанцы Иберти и Пино, которые на одном из двух затонувших кораблей нашли несколько золотых статуэток и серебряных слитков весом по 80 фунтов каждый.

В 1934 году испанцы опять заинтересовались своими сокровищами. По инициативе морского министерства Испании на восемь лет была создана концессия. Однако и в этот раз хозяев бухты постигла неудача.

Казалось бы, эта попытка навсегда отобьет охоту у искателей подводных кладов заниматься, возможно, даже и не существующими сокровищами на дне бухты Виго. Ведь перед этим работало двенадцать больших водолазных экспедиций! Среди затонувших в 1702 году судов, пожалуй, невозможно найти такое, которое люди не пытались бы поднять или осмотреть. За два с половиной века бухта Виго стала синонимом несбывшейся мечты.

Однако, как это ни странно, в ноябре 1955 года английская компания «Венчур» получила от испанского правительства концессию на розыски затонувших сокровищ. Внимание англичан было на-

правлено на галеон «Сан Педро», на который еще никто не смог проникнуть. Но их поиски ни к чему не привели.

Это была тринадцатая по счету в истории бухты Виго попытка найти один из самых сомнительных подводных кладов.

4. ЗОЛОТОЕ ДНО У ОСТРОВОВ СИЛЛИ

«КОРОВЬИ МАЯКИ»

Лет двести назад маяки в Ла-Манше можно было пересчитать по пальцам, а берега островов Силли и Ушант, мыс Лизард и мыс Лендс-Энд, рифы Семь Камней и скалистое побережье полуострова Корнуэлл уже снискали себе мрачную славу среди моряков всех стран. Та слава гуляла в рассказах об угрюмых скалистых берегах и в легендах о коварных аборигенах тех мест...

На протяжении многих веков жители прибрежной полосы пролива между делом промышляли тем, что заманивали на скалы проходившие мимо суда. Когда дело выгорало, они брали в плен моряков и забирали корабельный груз.

Само заманивание в ловушку не было особо сложным делом: жители гасили маяки и зажигали фальшивые огни. Как видите, это чем-то напоминает технику недавнего Великого ограбления. Впрочем, грабители средневековья, не в пример гангстерам сегодняшнего дня, были куда более хитры на выдумку. Если гангстеры остановили «золотой» поезд, попросту заменив в семафоре зеленый сигнал на красный, то их коллеги из средневековья прибегали к куда более оригинальному способу: ночью они выгоняли на берег корову, к рогам которой привязывали фонарь. Такие постоянно меняющие свои «координаты» «коровьи

маяки» осветили дорогу к гибели не одной сотне судов.

Не зря в Англии и по сей день шутят: жители островов Силли так и не научились есть овсяную кашу, если она не сдобрена подливой из бренди или клерета, приобретенными по «милости Божьей» лет сто назад. А в особо торжественных случаях хозяева на Силли подают на стол китайский чай, захваченный их предками с чайного клипера «Фрайер Так», капитан которого принял фонарь на коровьих рогах за маяк.

У обитателей островов Силли был даже свой покровитель, якобы способствовавший им в их отчаянном промысле. Имя его было Святой Уорна, и молились ему только в штормовые ночи. Когда в 1610 году сэр Джон Киллигрью на свои средства соорудил первый на мысе Лизард маяк, местные жители пришли в ярость: маяк лишил их «Божьей милости», а заодно и хлеба насущного... Вплоть до конца XVIII века в церкви на острове Сент-Мэрис (один из островов группы Силли) священники в своих проповедях говорили: «Молим тебя, о Господи, не о том, чтобы были кораблекрушения, но о том, что если они произойдут, ты указал бы им место на скалах Силли ради их бедных обитателей». А во времена царствования Людовика XIV священник острова Ушант, рассердясь на прихожан за весьма скудные пожертвования в пользу церкви, сообщил им, что Бог не посылает на скалы острова ни одного судна в наказание за скардность жителей.

Говорят, что на том месте, где сейчас возвышается маяк «Вулф-Рок», т. е. между островами

Силли и мысом Лендс-Энд, до XV века стояла скала с гигантским гротом. Звук разбивавшихся в этом гроте штормовых волн был слышен на мили вокруг — как будто сама природа одарила мореплавателей этим спасительным колоколом, предупреждающим об опасности. Но однажды грот исчез... Нет, его не смыло волной, не разбило прибоем. Обитатели мыса Лендс-Энд не поленились разрушить его и разровнять берег так, словно никакого грота здесь не было и в помине...

Много было катастроф у скал островов Силли, но, пожалуй, самая драматичная из них произошла в 1707 году.

ЭТО — СИЛЛИ!

Туман, липнувший к волнам, обволакивал корабли серой пеленой и заглатывал их, как свою законную жертву. Подгоняемая свежим зюйд-вестом, средиземноморская «эскадра Ее Королевского Величества» приближалась к берегам Англии. До Портсмута оставалось несколько часов хода... Командующий эскадрой адмирал сэр Клоудезли Шовел дописывал последние строки отчета. На рассвете следующего дня, 23 октября 1707 года, его ждали триумф, почести и награды за блестяще проведенную осаду и захват Барселоны, обстрел и налет на Тулон...

В дверь каюты тихо постучали. Это был командир корабля.

— Простите, сэр! По моему вычислению, мы на траверсе Ушанта. Ветер отошел к зюйду и уси-

лился. Считаю, что пора ложиться на ист... — Не успел офицер закончить, как дверь адмиральской каюты широко распахнулась, и на пороге появился запыхавшийся матрос.

— Сэр! Мы не на курсе! Нужно сейчас же за- бирать влево. Справа не Ушант, а камни Силли! Поверьте, сэр, это правда: я родился и вырос на этих жутких островах!..

— Заткните этому ироду глотку! Он, должно быть, хлебнул лишнюю порцию рома. Бросьте его в канатный ящик!

Но матрос не унимался.

— Вы погубите эскадру, сэр! Это ошибка! Мы проскочили Ушант в тумане!

Для сэра Клоудезли Шовела это уже было слишком. Таких слов он еще не слыхивал за всю долгую службу в королевском флоте.

— Какой-то матросишка собирается меня учить, меня — королевского адмирала! — Шовел повернулся к офицеру. — Вздернуть этого бунтаря на правом ноке марса-рея!

Через несколько минут, лишь только корабель- ный священник прогнусавил последние слова 109- го псалма, заскрипел одношкивный блок, и свя- занное тело матроса, судорожно дергаясь и раска- чиваясь из стороны в сторону, начало поднимать- ся вверх.

Тишину, нависшую над смущенной командой, неожиданно разрезал крик впередсмотрящего: «Справа по носу буруны!» Спустя несколько се- кунд корабль выскочил на рифы. Накат океанской волны опрокинул его на борт, и через мгновение все было кончено: судно скрылось в бурунах...

Так погиб флагман Средиземноморской эскадры — 96-пушечный корабль «Ассоиэйшн». Вслед на нем на рифах оказались шедшие в кильватере 70-пушечный «Игл», 54-пушечный «Ромней» и фрегат «Феникс». Следовавший за ними брандер «Файербрандт», проскочив гряде рифов, ударился о прибрежные скалы. Остальные корабли эскадры успели повернуть на запад и ушли в открытый океан дожидаться рассвета...

Итак, матрос оказался прав: хотя вычисление на карте указывало местонахождение кораблей западнее острова Ушант, эскадра на самом деле находилась вблизи островов Силли. Поворот на восток привел флагманский корабль на риф Гилстон, расположенный между островами Самсон и Сент-Мэрис. Эта ошибка стоила Англии двух с половиной тысяч моряков и пяти кораблей. Адмиралу его спесь стоила жизни.

Шовел был выносливым пловцом и, одолев волны, смог добраться до острова Сент-Мэрис. Между тем жители островов Силли, увидя в кораблекрушении очередную «Божью милость», вооружились топорами и высыпали на прибрежные скалы. Адмирал ухватился рукой за выступ скалы и попытался подтянуться. Стоявшая с топором наготове рыбачка, увидев переливающиеся огнем бриллианты, не устояла перед искушением, и лишенный кисти правой руки адмирал исчез в пучине...

Говорят, что шовел был одним из немногих, кто доплыл до берега. Доплыл, но не остался в живых...

ЛЕГЕНДА ОКАЗЫВАЕТСЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬЮ

На первый взгляд, может показаться, что повествование о «коровьих маяках», «Божьей милости» и «роковой ошибке адмирала Шовела» — всего-навсего пересказ легенд угрюмых островов Ушант и Силли. В течение двух с половиной веков к ним относились как к занятым побасенкам. Но однажды загадкой адмирала занялись люди, в которых вера во все невероятное сидит тем глубже, чем явственнее обнаруживается ее зыбкость. Имя этих людей — кладоискатели. В «архивных морях» они обнаружили упоминание о том, что на борту флагманского корабля «Ассошиэйшн» в момент его гибели находилось несколько бочонков золотых монет, награбленных в Барселоне.

О «золотом захоронении» стало известно министерству военно-морского флота Англии. В 1963 году оно снарядило водолазов, которым удалось установить точное место гибели «Ассошиэйшна» и спустя три года поднять со дна дюжину полуогнивших шпангоутов, изъеденные ржавчиной пушки с ядрами и два десятка золотых монет. Однако в сентябре 1967 года министерство обошли аквалангисты-любители. Ими оказались Рональд Моррис, шестидесятилетний хозяин траулера, и аквалангисты Гоффри Аптон и Дуглас Рой.

На россыпи золотых монет Гоффри Аптон наткнулся всего в ста метрах от места, где работали водолазы военно-морского флота. На каменистом грунте аквалангисту удалось собрать около двух

тысяч золотых и серебряных реалов, пиастров, крон, полукрон и флоринов. Большая часть монет хорошо сохранилась. Самая древняя датировалась 1664 годом.

Не успела затихнуть газетная шумиха вокруг этой находки, как в Англии объявились наследники адмирала Шовела.

Первой начала претендовать на сокровище погибшего корабля некая Энн Стэндши. Она заявила нотариусу, что сэр Клоудезли Шовел придется ей родственником в седьмом колене.

Вторая претендентка на клад предпочла сохранить свое имя в тайне до начала судебного процесса.

На это Рональд Моррис заявил в печати, что для завершения поисков клада с затонувшего «Ассошиэйшна» потребуется, по его мнению, еще три года, а что касается наследников, то им вряд ли удастся доказать, что найденные его аквалангистами монеты являлись личной собственностью адмирала.

Пока еще суд не решил, кому принадлежат сокровища. Он займется этим делом лишь через год. Однако это вовсе не означает, что все разговоры о «золотом дне» у островов Силли тоже отложены. В прибрежных водах туманного Альбиона покоится немало затонувших судов. Их сокровища не дают спокойно спать аквалангистам-любителям. Действуя на свой страх и риск, подводные шерлоки холмсы, роясь в кладовках Нептуна, нередко используют динамит, уничтожая то, что интересует ученых. Вот почему на страницах британской печати все чаще появляются тревож-

ные высказывания ученых о варварской охоте за кладами, покоящимися до поры до времени на морском дне.

(Лев Скрягин. Золотое дно у островов — Силли. «Вокруг света», 1968, № 5)

5. ТАЙНА БРИГА «ТЕЛЕМАК»

К вечеру небо отяжелело от туч, ветер усилился, заметая снежной крупой набережные Сены и улицы городка Кайбеф. Река оцетинилась волнами, каскады студеной брызг обрушились на палубу брига «Телемак». Корабль входил в устье Сены почти с убранными парусами. Стоя на мостике, капитан Андре Каминю всматривался в огни ночного порта, желая лишь одного — отдыха. Через полчаса заскрежетали якорные цепи, и судно закачалось на волне. С нетерпением глядя на приближающееся мутное пятно фонаря таможенной шлюпки, капитан приказал сбросить трап. Вскоре она пришвартовалась, и черные фигуры таможенников в плащах появились на палубе. Каминю шагнул навстречу.

— Бриг зафрахтован руанскими купцами для доставки товаров в Лондон. Я бы попросил вас, господа, побыстрее провести досмотр. Команда чертовски устала...

— Я думаю, капитан, — ответил глухим голосом высокий таможенник, лицо которого скрывал капюшон, — что досмотр мы отложим до утра. Время позднее, да и зюйд-вест набирает силу.

— Благодарю вас...

Но утром им не суждено было встретиться на бриге. Через несколько часов штормовой ветер погнал тяжелые морские волны в Сену. Схлестнувшись с быстрым течением реки, они образовали мощные водовороты. «Телемак» сорвало с якоря, и спустя четверть часа он исчез в пучине. Команде удалось спастись — до берега было недалеко.

Сена поглотила «Телемак» 4 января 1790 года. В те дни гибель брига привлекла внимание разве что мелких чиновников министерства, запечатлевших это трагическое событие в реестре.

Взоры французов приковал к себе Париж, где набирала силу революция. Спустя два года восставший народ сверг монархию, а в январе 1793-года по решению Конвента был казнен Людовик XVI, несколько позже — Мария-Антуанетта. После смерти королевы в Париже стали упорно распространяться слухи о сказочных сокровищах, которые королевская семья якобы пыталась тайно вывезти в Англию. Французские газеты писали, что в конце 1789 года Мария-Антуанетта доверила переправить в Лондон все фамильные драгоценности капитану «Телемака» Андре Каминю, в прошлом не раз выполнявшему деликатные поручения королевы. Будто бы по ее указанию золотая посуда, кубки, наполненные алмазами и рубинами кожаные мешки, а также два с половиной миллиона золотых луидоров под охраной преданных офицеров королевской гвардии были тайно доставлены в Руан, где в порту под погрузкой стоял «Телемак». Сюда же были привезены и сокровища нескольких аристократических семейств и аббатств Франции. В газетах утверждалось, что в Руане в подвалах замка одного из приближенных короля золото и серебро укладывали в специально изготовленные бочки. Их заливали дегтем и грузили на «Телемак».

Версию французской прессы подхватили и англичане. В лондонских газетах появились сообщения бывших матросов и офицеров «Телемака»,

подтверждавших факт нахождения на судне сокровищ Людовика XVI. О них заговорили в Конвенте, и по настоянию его депутатов революционный трибунал начал расследование.

Допросили бывшего исповедника короля, который признался, что однажды стал свидетелем разговора Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Речь шла о каком-то судне, на котором следует отправить сокровища в Англию. Следователям удалось разыскать и бондаря. По его словам, осенью 1789 года от незнакомого господина он получил заказ на изготовление нескольких десятков бочонков. Заказчик пояснил, что они предназначаются для отправки в Англию партии дегтя. В конце декабря этот господин выкупил заказ, а спустя несколько дней бондарь наблюдал, как в порту его бочонки грузились на бриг «Телемак». Наконец, таможенные чиновники в Кийбефе тоже вспомнили, что в предштормовой январский вечер почти одновременно с «Телемаком» в порт вошла еще одна шхуна. А утром, уже после гибели брига, во время досмотра они обнаружили на ней спрятанное среди товаров столовое серебро с гербом королевской семьи. Его конфисковали, но расследования проводить не стали.

Полученные трибуналом данные не могли оставить Конвент равнодушным к слухам о погребенных на дне Сены сокровищах. Из Шербура срочно отправилась группа инженеров и более трехсот рабочих и матросов, чтобы поднять затонувший бриг. Вскоре судно было обнаружено, но никто не мог сказать точно, «Телемак» это или нет, поскольку участок реки в разное время стал клад-

бищем для многих кораблей. Подъем затонувшего брига осуществить не удалось. Через три месяца бесплодных работ экспедиция вернулась в Шербур.

Когда в 1815 году во Франции произошла вторая реставрация монархии, Людовик XVIII сразу же приказал поднять «Телемак». Этот факт стал еще одним доказательством того, что на бриге действительно находились сокровища королевской семьи. Вновь из Шербура в Кийбеф выехала многочисленная экспедиция. Но через несколько месяцев и она прекратила работы, не добившись результатов.

Однако теперь во Франции уже никто не сомневался, что затонувший «Телемак» — хранилище несметных богатств. Компании и частные лица наперебой предлагают правительству свои услуги по поднятию судна. В августе 1837 года морское министерство Франции выдало инженерной компании из Гавра «Магри и Дэвид» лицензию на осуществление работ по подъему «Телемака». Ей разрешалось на собственные средства в течение трех лет производить необходимые работы. В случае успеха пятую часть найденных сокровищ получали предприниматели, при этом десять процентов они обязаны были пожертвовать в фонд моряков-инвалидов. Но три года усилий не принесли желаемого результата. К 65 тысячам франков затраченного капитала прибавились многочисленные долги, и после некоторых колебаний глава фирмы Магри отказался от участия в предприятии. Его компаньон Дэвид проявил большую настойчивость. Взяв в нескольких банках кредит,

он продлил срок действия лицензии еще на три года и привлек к работе молодого английского инженера Тейлора. Тот и возглавил осуществление всех технических проектов по подъему судна. Тейлор намеревался поднять «Телемак», используя силу прилива. С помощью различных приспособлений корпус затонувшего судна обвивался множеством цепей. При отливе их концы закреплялись на целой флотилии плоскодонных лодок. Предполагалось, что прилив поднимет лодки и вместе с ними вырвет из илистого дна «Телемак». Но первые опыты окончились неудачей. Цепи лопались словно нити, а бриг оставался на месте. В августе 1841 года Дэвид официально заявил о прекращении работ.

Однако бурную деятельность неожиданно развил Тейлор. Он обивал пороги редакций газет, выступал на собраниях акционеров крупных и мелких компаний — и везде убеждал в необходимости продолжить дело. В ход шли вырезки из старых газет, выписки из следственного дела трибунала, нотариально заверенные свидетельства очевидцев и описания эффективных технических проектов подъема судна. Наконец, спустя год после краха фирмы «Магри и Дэвид» Тейлору удалось собрать капитал в 200 тысяч франков и приступить к осуществлению замысла. Он увеличил количество плоскодонных лодок, заказал более мощные цепи и сконструировал новые крепежные устройства. Но все попытки поднять «Телемак» заканчивались одним — вниз по течению Сены плыли останки лодок с оборванными цепями, а вместе с ними уплывали деньги компании. Среди

акционеров раздавалось все больше голосов с требованием прекратить финансирование безнадежного предприятия.

...Однажды душным летним вечером, когда Тейлор работал у себя дома, ломая голову над очередным проектом, в дверь громко постучали. Открыв, инженер увидел молодого опрятного человека, который шагнул в комнату и молча протянул ему конверт.

— Дать ответ просят немедленно, — сухо обронил он, видя недоумение хозяина.

Акционеры требовали отчета о проделанной работе, а главное — точно указать срок, когда «Телемак» будет поднят со дна Сены. Лукавая усмешка оживила бледное лицо инженера. Что ж, он готов...

Спустя некоторое время Тейлор сидел за большим столом, за которым разместились озабоченные акционеры различных компаний, финансирующих предприятие инженера. Без лишних слов Тейлор развернул лондонскую газету и с волнением зачитал напечатанную в ней небольшую заметку. В ней сообщалось, что подданные Ее Величества английской королевы Виктор Хьюго и его сын требуют своей доли наследства от сокровищ, находившихся на борту «Телемака», поскольку они являются единственными родственниками одного из аббатов, чьи драгоценности были погружены на бриг.

На несколько минут в комнате повисла тишина. Все молча воззрились на возбужденного инженера. А тот, не давая им опомниться, выложил на стол несколько золотых монет.

— Их нашли рабочие на мелководье. Золотые луидоры.

Такой довод для акционеров оказался самым убедительным. Работы решено было продолжить. Но негласно к проверке достоверности заявлений Тейлора акционеры привлекли частных детективов. Выяснилось, что достопочтенные граждане Великобритании Виктор Хьюго и его сын никаких родственных связей во Франции не имели и не имеют. Но зато они хорошо знакомы с родственниками Тейлора, которые и побеспокоились о помещении заметки в газете. Детективы также установили, что и золотые монеты времен Людовика XVI скупались инженером у антикваров на деньги компании. Назревал крупный скандал. Чувствуя его приближение, в декабре 1843 года Тейлор скрылся, оставив 28 тысяч неуплаченных долгов.

Нашумевшая авантюра английского инженера надолго охладила пыл любителей легкой наживы. В течение 90 лет никаких попыток поднять «Телемак» не предпринималось. Лишь в 1933 году парижские газеты вновь стали печатать сообщения, что к сокровищам на бриге проявляют интерес многие французские и иностранные фирмы. Спустя два года морское министерство Франции объявило, что фирмы могут представлять официальные прошения на производство работ по подъему «Телемака». Изучив материальные и технические возможности предпринимателей, министерство выдаст лицензию самому достойному претенденту. Срок представления ходатайств ограничивался тремя годами. И вот в мае 1938 года в уютном

особняке на окраине Парижа состоялось торжественное вручение лицензии французскому обществу морских предприятий. Через месяц водолазы уже бороздили дно Сены и вскоре обнаружили глубоко засевшее в ил судно, корпус которого обвивали цепи. Найденные около него корабельный колокол с буквой Т и пять медных канделябров XVIII века подтвердили — именно это судно и пытался поднять Тейлор. В сентябре из Парижа в Кийбеф отправился эшелон с оборудованием и снаряжением. Мощные помпы на плавучих кранах уже к концу марта следующего года очистили судно от засосавшего его грунта. В начале апреля к нему подвели понтоны, и бриг был поднят.

В тот день сотни фотокорреспондентов, журналистов, ученых и просто зевак толпились на набережной Кийбефа, чтобы своими глазами увидеть столь знаменательное событие. На французской бирже упала цена на золото, ювелиры предвкушали аукционы драгоценностей из сокровищ королевской семьи.

4 апреля эксперты приступили к работе. Вскрывались бочонки, исследовались металлические предметы, взламывались сундуки, но... ни одной золотой монеты, ни одного ювелирного изделия обнаружено не было.

Когда первое чувство растерянности улеглось, наступила пора кривотолков и самых различных предположений. Вспомнили вдруг, что в этом районе Сены несколько лет назад неизвестная фирма вела водолазные работы, и, возможно, тогда и «обчистили» судно. Многие засомневались в том, что поднятый корабль и есть бриг «Телемак»,

а другие высказывали соображение, что сокровища на самом деле погрузили на другое судно, а слухи о «Телемаке» распространяли умышленно, дабы скрыть истинное положение вещей. Казалось бы, поискам наступил конец. Но... И сегодня перелистываются старинные документы, изучаются карты, осматриваются подвалы древних замков, аквалангисты исследуют останки затонувших кораблей... Тернистый путь кладоискательства не остается пустынным. Однако приведет ли он к разгадке тайны сокровищ Людовика XVI? И существуют ли они на самом деле?

(Ю. Лобов. Тайна брига «Телемак». — «Вокруг света», 1985, № 9)

6. «ИСПАНСКИЙ БАНК» НА ДНЕ МОРЯ

Паруса, плотно слежавшиеся за долгую стоянку, медленно поползли вниз. Ловко перебирая руками, матросы карабкались по вантам. Человек, державший руку на обезьян-трапе, казался с палубы не больше майского жука. А ему люди, стоящие у бортов, виделись с высоты сорока метров крошечными серебряными монетками... Тяжело переваливаясь на волнах, двадцать восемь галеонов испанской эскадры выходили в открытое море. Они шли домой, в Испанию.

В трюмах галеонов, до отказа набитых тюками и ящиками, копошились огромные отъевшиеся крысы. Но даже они не знали, что этот рейс окажется последним для трех самых больших кораблей эскадры.

На второй день после выхода эскадры из Гаваны начался шторм. Буря пронеслась по Флоридскому заливу, разбрасывая галеоны. Когда она утихла, три главных корабля эскадры — «Ла Санта Маргарита», «Нуэстра Сеньора де Аточа» и «Нуэстра Сеньора дель Росарио» — оказались в районе островов Флорида-Кис, далеко в стороне от намеченного маршрута...

Пузатые борта «Росарио» нелепо высились на пустынном берегу Драй-Тортугас. Два другие корабля лежали на дне океана. В их трюмах покоились сорок семь тонн золотых сокровищ инков, награбленных испанцами в Америке...

«Нас будет 85 человек, когда, выстроившись в

одну линию, с долларовым блеском в глазах, мы будем ждать своей доли», — мечтает Блез Макхэйли, директор компании «Трежери Сэлворс». Ждут ее и еще 50 человек — вкладчики, ссудившие немалые деньги Мелу Фишеру — 62-летнему охотнику за сокровищами, когда-то начинавшему с разведения цыплят на маленькой ферме.

Много лет назад Фишеру случайно удалось обнаружить источенный червями отчет о подъемно-спасательной экспедиции, проведенной в XVI веке. Испанцы уже пытались извлечь золото «Аточи» и «Ла Санта Маргариты». Однако экспедиция смогла поднять всего две бронзовые пушки. Новый ураган не только разметал корабли спасателей, но, казалось, навсегда похоронил сокровища на дне океана: галеоны были уже основательно разрушены, и буря разметала сокровища по огромной площади.

С тех пор ныряльщики не раз пытались достать ценности с глубины 15 метров. Попадались золотые монеты, слитки серебра. Однако это была лишь ничтожная часть добычи с «Ла Санта Маргариты»...

Неясно, каким образом в руки Фишера попали документы спасательной экспедиции трехвековой давности, пылившиеся в архивах Испании, — бумаги, которые по логике вещей должны лежать под надежным спудом. Однако именно генеральный архив Севильи — самое богатое хранилище испано-американских документов — дал ответ на основной вопрос: ГДЕ?

Создание компании «Трежери Сэлворс» далось Фишеру нелегко. Основатель фирмы был никому

не известен и не нужен. В то, что из чрева «Аточичи» можно выудить хоть один дублон, никто не верил. Однако подобное пренебрежительное отношение было только на руку Фишеру. Он сумел без лишнего шума оформить необходимые документы на то, что все без исключения предметы, найденные на галеонах, станут собственностью фирмы.

Специалисты теперь оценивают груз «Ла Санта Маргариты» и «Аточичи» в шестьсот миллионов долларов. (Забегая вперед, уточним, что до сегодняшнего дня Фишеру удалось поднять на поверхность ценности общей суммой в 60 миллионов долларов.)

Мел Фишер не уподобился стандартному «охотнику за сокровищами». Он прекрасно понимал, что, действуя в одиночку, обречен на полное поражение. Фишер привлек специалистов: в его команду вошли талантливые инженеры, известные археологи, историки. Разгадывая тайну галеонов, Фишер и историк Юджин Дайон, отыскивавший документы, касающиеся обоих кораблей, изучили около 50 тысяч свидетельств о местонахождении «Аточичи» и «Ла Санта Маргариты».

Поисковые работы начались в 1970 году — в тридцати милях к западу от города Ки-Уэст, лежащего на южной оконечности архипелага Флорида-Кис. В течение года команда Фишера самым тщательным образом исследовала 120 тысяч квадратных миль песчаного дна. Размах поиска был беспрецедентный: Фишер приобрел ценное научное оборудование, аппаратуру для подводных съемок, обещал огромные деньги за фотографии

места гибели галеонов, сделанные из космоса, но... на поверхность с завидной регулярностью поднимали лишь обросшие водорослями неразорвавшиеся торпеды с немецких подводных лодок.

Параллельно началось сооружение специальных навигационных вышек, которые позволили вести тщательное изучение дна. Расположенные на расстоянии трех миль друг от друга, они посылали аквалангистам сигналы, по которым те могли точно определить свое местонахождение. Но приверженцев у Фишера становилось все меньше. Впрочем, так же, как и денег.

Метр за метром, неудача за неудачей. Жажда золота, несметных сокровищ поглотила Фишера целиком. Он укладывает в дело последние доллары. В ход идут особо чуткие магнитометры, регистрирующие малейшие аномалии магнитного поля, проводится спектрографические исследования проб морской воды. «Адмирал» Фишер в ужасном состоянии. Он близок к тому, чтобы всерьез принять идею о дрессировке дельфинов, выдвинутую на одном из совещаний штаба. И вот разразилась трагедия. Во время погони за долларовым счастьем на 15-метровой глубине погиб сын Мела Фишера. Но даже смерть самого близкого человека ничего не изменила: поиск продолжался.

«Жизнь охотника за сокровищами не имеет ничего общего с ореолом таинственности, романтики и прочей чепухи, — говорил репортерам Мел Фишер. — Часы тянутся бесконечно, работа однообразна и скучна, двадцать пять ныряльщиков вечно недовольны нищенским жалованьем и моими бесконечными обещаниями. Золото вовсе не све-

тится соблазнительным колдовским огнем на дне моря. Сокровище раскатилось и разлетелось на мили. А спустя столетия все вообще скрылось под десятифутовой толщей ила, песка и торпед».

Наконец Фишер сумел точно определить координаты затонувших галеонов. В этом «адмиралу» в немалой степени помогло его собственное изобретение, получившее название «почтовый ящик». Суть его заключается в том, что у винтов катера крепятся полые трубы, изогнутые коленом и достигающие дна: в считанные минуты они смывают тонны песка. То, на что раньше уходили месяцы, теперь можно было делать за несколько часов.

Компания «Трежери Сэлворс» начала принимать первые находки. В основном это были золотые монеты и слитки серебра с «Ла Санта Маргариты». Назвать их сокровищем — значило допустить сильное преувеличение. Но через несколько дней стрелка магнитометра на одном из катеров в очередной раз отклонилась за красное деление.

Когда аквалангист опустился на дно, перед ним из песка торчал огромный якорь. находку следовало увековечить, и фотограф Дон Кинкейд немедленно опустился вниз. «Я увидел какой-то мерцающий предмет, — вспоминал он впоследствии. — Приблизившись, я вытащил из песка огромную золотую цепь...»

Это была первая серьезная заявка. Серебряные слитки, золото, монеты, мушкеты широким потоком хлынули на телевизионные экраны Америки. Не было сомнения в том, что обнаружен остов одного из галеонов. Но какого?

Серебряные монеты в таком изобилии сыпа-

лись на палубу флагмана эскадры Мела Фишера, что ныряльщики окрестили место находок «Испанским банком». Дальнейшие поиски показали, что найденные драгоценности были с «Ла Санта Маргариты». Об этом неопровержимо свидетельствовали цифры, выбитые на слитках серебра. Они соответствовали обозначениям, занесенным в декларацию судового груза галеона, которую обнаружил в севильском архиве «обеих Индий» въедливый Юджин Лайон. Подъем сокровищ «Ла Санта Маргариты» занял около полугода. Полоса океанского дна длиной в тысячу двести метров была буквально усеяна монетами и слитками.

Об исторической ценности сокровищ пока судить трудно. В 1983 году команда Фишера обшарила 230 тысяч квадратных миль океанского дна, выудив в общей сложности 3 тысячи различных предметов.

Сегодня Мел Фишер, на загорелой шее которого постоянно болтается медальон, сделанный из старинного дублона, снова сгорблен над морскими картами. Золото «Аточи» не дает ему покоя. Золото, уже погубившее его сына. Принесет ли оно счастье Мелу Фишеру?

(А. Федорченко. «Испанский банк на дне моря». — «Вокруг света», 1986, № 8)

7. ТРАГЕДИЯ «ГРОСВЕНОРА»

13 июня 1782 года в порту Тринкомали можно было встретить все сливки местного общества. В далекую Англию уходило грузо-пассажирское судно Ост-Индской компании «Гросвенор», увозя на родину 150 пассажиров. В основном это были высокопоставленные чиновники и офицеры, закончившие здесь свой срок службы в колонии. Многие уезжали с семьями.

Но отнюдь не только доставкой именитых пассажиров намеревались эмиссары Ост-Индской компании порадовать хозяев в Лондоне. Помимо традиционных золотых и серебряных слитков, монет и драгоценных камней на сумму в четыре миллиона фунтов стерлингов в специально оборудованной каюте на судне находилось и нечто более ценное. Об этом намекнул в письме жене, посланном еще за месяц до выхода «Гросвенора» в море, его капитан Коксон: «Я скоро прибуду с сокровищем, которое потрясет всю Англию». Если сопоставить туманное признание Коксона со слухами, которые ходили тогда среди чиновников, готовивших «Гросвенор» к плаванию, то можно предположить, что на судне находился легендарный трон, некогда украшавший резиденцию Великих Моголов в Дели.

Искусные индийские мастера сделали трон из золота, его боковые стороны изображали собой павлинов, раскрытые хвосты которых были сплошь покрыты драгоценными камнями. 12 золотых стоек поддерживали инкрустированный камнями золотой балдахин. Павлиний трон призна-

вался священной реликвией Великих Моголов, и его запрещалось показывать иноверцам. Одним из немногих европейцев, которому по милости правителя Северной Индии удалось увидеть трон в 1665 году, был французский ювелир и путешественник Тавернье. «Я объездил много стран, восхищался многими сокровищами, — писал он позднее, — но смею уверить, что никогда не видел и вряд ли увижу что-либо подобное этому восточному чуду». Восхищение, однако, не помешало Тавернье оценить трон в 6 миллионов фунтов стерлингов.

В 1737 году полчища персидского завоевателя Надир-шаха вторглись в Северную Индию. Надир-шах наряду с другими шедеврами индийского искусства увез с собой и павлиний трон. После убийства персидского властелина его приближенными трон некоторое время находился у одного из его потомков, а затем был тайно продан представителю Ост-Индской компании...

Итак, 13 июня 1782 года из порта Тринкомали вышло в море английское судно «Гросвенор» с бесценным грузом на борту. Однако к месту назначения оно так и не прибыло...

Из укрепленного форта на южном африканском побережье выехал конный голландский патруль. Отъехали мили полторы от порта Элизабет, и вдруг сонно гарцевавший впереди офицер выпрямился в седле и поднял руку, призывая остальных к вниманию. По дороге, навстречу им, опустив в изнеможении голову и еле передвигая ноги, брел человек. В руках у него было ружье, на которое он с трудом опирался. Вид его был ужа-

сен, чувствовалось, что незнакомец находился в пути не один день — он оброс, одежда превратилась в лохмотья. Но именно по ней патрульные догадались, что перед ними европеец. А тот остановился, поднял голову и рухнул на землю.

Привести его в сознание патрульным не удалось, и он был срочно доставлен в форт. Лишь к вечеру незнакомец пришел в себя. Обведя мутным взглядом склонившегося над ним врача и стоявшего рядом офицера, он прошептал:

— Где я?

— Не волнуйтесь, дикари вам уже не страшны. Это порт Элизабет. Но кто вы? Как оказались здесь?

— Значит, дошел... — Больной тяжело задыхался, но нашел в себе силы добавить: — Я — Вильям Хабберне — с «Гросвенора»...

К 4 августа 1782 года «Гросвенор» пересек Индийский океан и, по расчетам капитана, находился примерно в 100 милях от восточного побережья Южной Африки. Этот день выдался солнечным и тихим. Правда, к вечеру погода испортилась, небо покрылось тяжелыми тучами, и пошел дождь. А ночью разразился сильный шторм. Будучи уверенным, что судно находится достаточно далеко от берега, капитан ограничился приказом убрать паруса и увеличить количество вахтенных офицеров и матросов. Но не успели помощники капитана покинуть его каюту для выполнения отданного приказа, как раздался страшный грохот. «Гросвенор» наскочил на риф почти у самого берега. Третий помощник капитана и один из матросов сумели бросить якорь и закрепить канат за выступ

рифа. Цепляясь за канат руками и ногами, пассажиры и матросы, почти касаясь бушующих волн, перебирались на риф, многие срывались и тонули, либо разбивались о скалы. Из трех наскоро сколоченных плотов, на которых команда пыталась перевезти женщин и детей, один опрокинулся, и все находившиеся на нем погибли. Между тем «Гросвенор», получивший огромную пробоину, стал крениться на левый борт и вскоре затонул.

К утру погода не улучшилась, хотя шторм несколько ослаб. Предпринятые поиски показали, что из 220 членов экипажа и 150 пассажиров осталось 123 человека, а среди них 20 женщин и детей.

Спасенные высадились на берег где-то между Дурбаном и портом Элизабет. После короткого совещания было решено идти вдоль побережья к порту тремя партиями. Второй помощник капитана возглавил первую партию, состоящую главным образом из матросов и офицеров «Гросвенора», вооруженных двумя винтовками и пистолетом с несколькими отсыревшими зарядами пороха. Эта партия должна была вести разведку, прокладывать путь и обеспечивать безопасность всей колонны. Вторую партию — из женщин, детей и людей преклонного возраста — возглавил третий помощник капитана. Третью партию прикрытия возглавил капитан Коксон. В нее входили пассажиры-мужчины и несколько матросов. У капитана был пистолет и на два заряда пороха.

Уже первые мили пути показали, что переход предстоит предельно трудный. Впереди простирались непроходимые тропические леса. Из-за

нехватки боеприпасов люди вынуждены были питаться только морскими водорослями, устрицами и иногда рыбой. Начались болезни. От кишечных заболеваний начали умирать дети. Колонну подстерегали и другие опасности. Португальские и голландские завоеватели в Южной Африке огнем и мечом покоряли местные племена. Особые военные подразделения колонизаторов жгли селения, убивали стариков, а молодых мужчин и женщин грузили на суда и отправляли на рынки живого товара в Европу и Азию. Белый человек стал для африканцев олицетворением насилия, жестокости и лжи. Вот почему уже с первых дней пути отряд Коксона стал подвергаться нападению со стороны аборигенов. В стычках несколько человек было убито и ранено.

Стало ясно, что большинство людей не выдержит перехода. Решили отобрать сорок наиболее крепких физически мужчин и отправить их в порт Элизабет за помощью. Остальные разобьют лагерь и будут ждать спасения. Командование лагерем приняли на себя капитан Коксон и его второй помощник. Третий помощник возглавил отряд, который пошел на юг...

Лишь через два с половиной месяца эту трагическую историю расскажет матрос Вильям Хабберне, единственный из сорока человек, кому удалось добраться до порта Элизабет.

Уже через два дня по маршруту, указанному Хабберне, к месту расположения лагеря была снаряжена экспедиция из трехсот человек. Она прошла более 300 миль и обнаружила место, на котором, вероятно, и располагался лагерь. Но,

кроме кострищ, нескольких взрослых и детских скелетов, полуистлевших кусков европейской одежды, никаких следов пребывания живых людей найти не удалось. Поиски периодически возобновлялись в течение двух с половиной лет, но результатов не дали.

В 1790 году голландский губернатор в Кейптауне получил сообщение, что на земле Пондо среди жен вождей некоторых племен есть белые женщины. Вновь созданная экспедиция подтвердила эти сведения. Женщин оказалось пять, и они действительно были с «Гросвенора». Но самым удивительным для голландцев было то, что женщины категорически отказались вернуться в Англию и даже не захотели встретиться с губернатором. Видимо, они отлично понимали, с каким презрением встретит их родина, и предпочли остаться со своими новыми семьями...

Между тем слух о сказочных богатствах «Гросвенора» достиг Европы и Америки. К месту гибели судна потянулись авантюристы. В начале 1800 года англичане Александр Линдсей и Сидней Тернер снарядили экспедицию и в июле того же года, наняв три десятка ныряльщиков-малайцев, начали обшаривать дно вокруг «Гросвенора». Найденные ими более тысячи золотых и серебряных монет, несколько десятков золотых колец с трудом окупили затраты экспедиции, но не принесли желанных прибылей, и в сентябре англичане прекратили работы.

В 1842 году адмиралтейство Великобритании решило разработать технический проект подъема «Гросвенора», используя силы прилива. Для

предварительной разведки к месту гибели «Гросвенора» был направлен военный корабль под командой капитана Болдена и группа военных инженеров — специалистов по глубинным подводным работам. С помощью все тех же ныряльщицков-малайцев экспедиция разыскала останки судна. «Гросвенор» затонул между двумя рифами и лежал на боку в глубоком котловане, окруженном подводными скалами. Корпус судна занесло песком и тяжелыми горными породами. С учетом этих обстоятельств инженеры пришли к выводу, что о подъеме «Гросвенора» не может быть и речи и в данных условиях нет никаких перспектив высвободить «Гросвенор» из каменного плена.

В течение следующих 50 лет серьезных попыток поднять «Гросвенор» не предпринималось. Правда, поисками его сокровищ занимались рыбаки из прибрежных селений, но их добыча ограничивалась, как правило, несколькими монетами либо ювелирными изделиями.

Бурное развитие в конце XIX — начале XX века водолазного дела, казалось, открыло путь к сокровищам затонувшего судна. В 1905 году газеты Йоханнесбурга оповестили своих читателей об учреждении международного синдиката по подъему «Гросвенора». Идея была предельно проста. От берега к останкам судна следует проложить канал, по которому судно подтаскивается к берегу. Опубликованный в газетах проект дополнялся комментариями крупных специалистов и экспертов, гарантировавших успех предприятия.

И вот летом 1905 года в район гибели «Гросвенора» прибыли три судна, оборудованные по по-

следнему слову инженерной техники того времени. Но среди возвышающихся на дне океана многочисленных песчаных холмов водолазы только через месяц разыскали холм, под которым покоился «Гросвенор». Уже первые попытки проложить канал столкнулся с непреодолимыми трудностями. Из-за частых штормов работы приходилось постоянно прерывать, а новые наносы песка сводили к нулю все проделанное накануне. Безрезультатными оказались и попытки взорвать горные породы на пути к судну. К середине 1906 года капитал синдиката поистощился, а сокровища «Гросвенора» оставались по-прежнему недостижимыми. После гибели во время подводных работ двух водолазов и выплаты их семьям значительной компенсации совет директоров почел за благо оставить «Гросвенор» в покое и объявил синдикат обанкротившимся.

После первой мировой войны страсти вокруг «Гросвенора» разгорелись с новой силой. Сколачивались крупные и мелкие компании, инженеры наперебой предлагали головокружительные проекты подъема «Гросвенора». В 1921 году интерес к его сокровищам проявил американский миллионер Пит Крайн. Восторгаясь предприимчивостью Шлимана, раскопавшего Трою, Пит Крайн решил увековечить свое имя, овладев павлиньим тронem. Проект подъема судна, взятый Крайном на вооружение, по существу, представлял собой модернизированный вариант идей международного синдиката в Йоханнесбурге, т. е. от берега через рифы проложить к «Гросвенору» туннель. К месту работ прибыла целая флотилия судов, на берегу

строились административные здания, бараки для рабочих, складские помещения. Работы велись в течение двух лет. Специалисты трижды с разных точек приступали к прокладке туннеля, и трижды он рушился. Бесплезно потратив весьма ощутимую сумму, Пит Крайн убыл восвояси. Его флотилия отплывала под своеобразный салют — на берегу взрывали запасы неиспользованного динамита.

Судя по сообщениям печати, одним из последних искателей легкой наживы был бельгийский миллионер Гвидо Бакер. Желая лично участвовать в подъемных работах, он на своей вилле под Брюсселем построил глубокий бассейн и в течение нескольких лет обучался там премудростям водолазного дела. Гвидо намеревался проложить к корпусу «Гросвенора» стальную трубу большого диаметра, через которую водолазы могли бы проникнуть на судно. В интервью корреспондентам Бакер оценил успех своего предприятия как 99 шансов против одного.

...Индийский океан по-прежнему хранит тайны сокровищ «Гросвенора».

(Ю. Лобов. Трагедия «Гросвенора». — «Вокруг света», 1986, №10)

8. КЛАД ФРЕГАТА «ЛЮТИН»

В одном из залов английского страхового общества «Ллойд» стоит красивое деревянное резное кресло. На спинке прибита медная дощечка с надписью:

«Это кресло сделано из деревянного руля фрегата Его Королевского Величества «Ля Лютин», который утром 9 октября 1799 года отплыл с ярмутского рейда, имея на борту большое количество золота, и погиб той же ночью у острова Влиланд. Все находившиеся на судне люди, кроме одного человека, погибли. Руль был поднят с затонувшего судна в 1859 году, после того как пролежал под водой шестьдесят лет».

За этой бесстрастной надписью скрывается один из самых драматических эпизодов в истории английского мореплавания. В Англии трудно найти моряка, который бы не знал историю «Лютина».

Когда-то этот тридцатидвухпушечный фрегат считался одним из самых красивых и быстроходных судов французского военного флота. В одном из сражений он был захвачен эскадрой английского адмирала Дункана и приведен в Лондон. С этих пор на фрегате стал развеваться британский флаг, и английские моряки стали называть его не «Ля Лютин», а просто «Лютин», опуская французский артикль.

Ранним пасмурным утром 9 октября 1799 года «Лютин» под командованием капитана Ланселота Скиннера снялся с якоря и вышел из Ярмута к берегам континента. Спустя восемнадцать часов,

когда корабль находился у входа в залив Зейдер-Зе, начался сильный шторм. Стараясь избежать грозившей судну опасности быть выброшенным на прибрежные отмели голландского берега, капитан Скиннер решил штормовать в открытом море. Но все попытки отойти от берега были напрасны — поворот не удался, и фрегат сел на мель между островами Тершеллинг и Влиланд. Северо-восточный шторм ураганной силы быстро опрокинул судно, и оно затонуло на небольшой глубине. Из двухсот человек экипажа до берега добрался один раненый матрос, который умер на пути в Англию.

Сообщение об этом кораблекрушении произвело в Англии сенсацию. Ведь «Лютин» вез в Гамбург золото — собственность группы лондонских купцов. Золотые гинеи, пиастры, луидоры и слитки из благородного металла оценивались в 1 175 000 фунтов стерлингов!

Гибель такого фрегата — тяжелый удар для страховщиков Ллойда. Вскоре им пришлось выплатить страховое возмещение 900 000 фунтов стерлингов.

Пока в Англии обсуждались планы подъема сокровищ с погибшего фрегата, слухи о затонувшем кладе распространились вдоль всего побережья Голландии. Воспользовавшись тем, что Англия и Голландия находятся в состоянии войны, ее король объявил «Лютин» своей собственностью.

Во время сильных отливов борт судна был виден над водой и проникнуть в его трюм не представляло особенного труда. Полтора года местные жители и рыбаки Зейдер-Зе собирали золотой

урожай. Поощряя золотодобытчиков, правительство Голландии разрешило им оставлять у себя одну треть найденных сокровищ.

За восемнадцать месяцев с «Лютина» было поднято золота на сумму свыше 70 000 фунтов стерлингов.

Но с каждым месяцем проникать в этот золотой кладезь становилось все труднее: «Лютин» оседал в мягкий грунт, а сильное течение непрерывно заносило его корпус песком. Вскоре жители островов Тершеллинг и Влиланд перестали искать здесь золото.

О фрегате вспомнили лишь через пятнадцать лет, когда в Европе утих пожар наполеоновских войн. В 1821 году король Нидерландов Вильгельм I утвердил концессию, по которой жители острова Тершеллинг могли заниматься поисками и подъемом золота «Лютина», оставляя себе половину найденного. Остальное они должны были сдавать государству. Спустя два года Вильгельм подарил концессию английскому королю Георгу, который в дальнейшем передал ее Ллойдю. С этого момента поисками клада в основном занимались англичане. Они предприняли ряд серьезных попыток овладеть золотом и за пять лет, с 1855 по 1861 год, подняли его на сумму около сорока тысяч фунтов стерлингов.

В 1859 году, помимо золотых монет и слитков, были найдены судовой колокол «Лютина» и руль. Страховщики Ллойда решили увековечить память фрегата: из досок дубового руля сделали стол и кресло для председателя общества. Позже, в 1896 году, колокол, который долгое время стоял

под столом, подвесили в центральном зале. С этого момента в главном зале Ллойда появилась весьма оригинальная традиция: бой колокола «Лютина».

В 1886 году с «Лютина» подняли большую железную пушку, которую Ллойд подарил муниципалитету Лондона.

До начала нашего века было предпринято еще несколько попыток найти золото «Лютина».

Организовывались все новые и новые экспедиции, строились грандиозные планы, создавались акционерные общества, тратились огромные состояния. Вряд ли какой-нибудь из видов водолазного оборудования, появлявшегося в конце прошлого века, не применялся для поисков этого клада. Использовались всевозможные кессоны, водолазный колокол, землечерпалки, землесосы и прочее снаряжение. Часто бывало так, что после месяцев упорного труда, наконец, удавалось откопать уже совсем развалившийся корпус фрегата, но тут течение буквально за несколько часов снова заваливало его песком.

В 1895 году англичане, чтобы предотвратить заносы «Лютина», пытались возвести вокруг него стену. Для этой цели на дно уложили более семи тысяч десятипудовых мешков с песком! И все же усилия оказались напрасными. За 40 лет (вплоть до начала XX века) морские «старатели» смогли вырвать у моря, поглотившего фрегат, всего... тысячу фунтов стерлингов.

Следующая попытка поднять затонувший клад предпринималась в конце 1900 года. Однако и она не увенчалась успехом — водолазы не смогли

найти даже самого фрегата. Предполагали, что сильное течение, господствующее у берегов Голландии, оттащило «Лютин» в море.

В мае 1911 года близ острова Влиланд появилось судно «Лайонс» под командованием английского капитана Гарднера, хорошо изучившего местные подводные течения. Через некоторое время с помощью мощных насосов был обнаружен под 12-метровым слоем песка остов «Лютина».

После долгой и упорной борьбы с песчаными заносами водолазы смогли приступить к поискам. Работать было очень трудно из-за сильного подводного течения. Каждое погружение приносило что-нибудь новое: то ржавую пушку, то ядро, то обломок шпангоута. К концу лета корпус «Лютина» полностью очистили от песка, водолазы обнаружили, что время сохранило пороховой погреб, где хранилось золото. Сотни железных ядер, спаянные ржавчиной, образовали толстую корку. Это был огромный сейф, созданный самой природой. Капитану Гарднеру удалось взорвать образовавшуюся броню. Но к этому времени наступившие осенние штормы заставили экспедицию прекратить работу, «Лайонс» пошел на зимовку в Амстердам.

За зиму «Лютин» опять занесло песком. Возобновить работы капитану Гарднеру не пришлось: деньги, отпущенные экспедиции, кончились. Всего было поднято несколько золотых и около трехсот серебряных монет.

Однако на этом история «Лютина» не заканчивается. И после капитана Гарднера многие пытались овладеть кладом. До начала второй мировой

войны поисками золота занимались голландцы. С помощью мощного землесоса «Каримата» им «почастливилось» найти всего лишь десяток золотых монет.

Подсчитано, что за последние сто шестьдесят лет было предпринято около десяти серьезных попыток овладеть сокровищами «Лютина». Руководитель экспедиции 1957 года голландский инженер Ван Вейнен перед началом работ заявил, что это будет последняя попытка поднять знаменитый клад. Однако и эта попытка закончилась неудачей.

До сих пор в зале Ллойда слышатся гулкие удары колокола «Лютина», оповещающие англичан о новых жертвах, а у берегов Голландии, вблизи острова Влиланд, высится высокая железная конструкция, так называемая «Башня Бекера», сооруженная одним из пытавшихся овладеть кладом. Это тоже своего рода памятник знаменитому фрегату и неудачам кладоискателей.

(Лев Скрягин. Сокровища погибших кораблей. — М.: Молодая гвардия, 1968)

9. ЗОЛОТО «ЧЕРНОГО ПРИНЦА»

Это было в декабре 1923 года. Инженер В. С. Языков, худой, в длинном, не по сезону тонкого сукна пальто, из-под которого чуть выглядывали над поношенными штиблетами брюки, в широкополой шляпе, натянутой на уши, с ветхим портфелем под рукой, топтался у подъезда ОГПУ, не решаясь открыть дверь.

Было холодно. Он крепко прижимал портфельчик, где лежала обыкновенная канцелярская папка с исписанными листами — доказательством окладе, что покоится на дне Черного моря со времен Крымской войны.

...Волею судьбы ноябрь 1854 года стал роковым для многих экипажей вражеских судов, находившихся на рейде перед осажденным Севастополем. Их было около тридцати — французских, английских, американских — транспортов с боеприпасами, зимним обмундированием для армии, фуражом для кавалерии. Они отстаивались на рейде потому, что вход в Балаклавскую бухту был перегороден специально затопленными русскими кораблями. 13 ноября, как писала английская газета «Таймс», над лагерем осаждавших «...разразилась буря. Она началась около семи часов утра. Ей предшествовал дождь и шквал. Около десяти часов положение было безнадежное». Суда, стоявшие на рейде, срывало с якорей. Погиб «Прогресс», потом «Резолют» с грузом пороха... Всего 27 единиц флота.

Один из первых в мире железных винтовых пароходов, «Принц», лишился якорей. Капитан

Христи приказал рубить рангоут, чтобы меньше кренило. Такелаж, упавший за борт, намотало на винт, и судно понесло на скалы. Через несколько минут «Принц» оказался на дне со штабом госпиталя, складом медикаментов, снаряжением на сотни тысяч долларов, первым полевым электрическим телеграфом и подводным аппаратом, предназначенным для расчистки входа в Балаклавскую бухту.

И чем дальше отдалялась дата гибели «Принца», тем ярче разгоралась легенда о золоте, хранившемся в его трюмах. Та же «Таймс» сообщила, что пароход затонул с 500 тысячами франков, затем сумма увеличилась до пяти миллионов фунтов стерлингов, которые якобы предназначались для уплаты жалованья осаждающим и флоту.

С годами вместо «Принца» в людской молве появился «Черный принц». Водолазы, пытавшиеся проникнуть на него, утверждали, что он лежит на 30-саженной глубине под толстым слоем ила с кормой над пропастью. К 70-м годам прошлого столетия море вернуло все суда, кроме... «Принца». Авантюристы и кладоискатели всего мира следили за историей легендарного парохода. Его искали французы, англичане, итальянская фирма «Рестуччи». Мысль о богатствах, скрытых под водой, не давала покоя и В. С. Языкову, который собрал массу сведений и объединил свои усилия с талантом другого корабельного инженера — Е. Г. Даниленко. Никто не верил «бывшим», считая их авантюристами, прожектерами. И тогда они решились пойти в ОГПУ к са-

мому Дзержинскому. Точнее, решил это сделать он, Языков.

Феликс Эдмундович принял инженера.

— ...Подводный аппарат конструкции Даниленко, — от теплоты кабинета, заинтересованности слушателей, из которых он знал по портретному сходству только Дзержинского, голос у Языкова становился увереннее, а речь убедительнее, — рассчитан на глубины до восьмидесяти саженей. Три наблюдателя будут связаны с поверхностью грузовым тросом, телефоном, шлангом подачи воздуха и вторым — для выхода отработанного. Иллюминаторы обеспечат почти круговой обзор. Все это облегчит поиск и подъем золота.

Языков умолк. Он смотрел на Феликса Эдмундовича, внимательно разглядывавшего чертеж-схему водолазного колокола Даниленко. Дзержинский поднял глаза от бумаг и ободряюще взглянул на инженера.

— Продолжайте.

— Принцип аппарата не нов, но имеет свои достоинства перед иностранными: свободная циркуляция воздуха, механическая рука для захвата груза...

Дзержинский потер правой ладонью подбородок. Окружающим был знаком этот жест: признак активной работы мысли.

— Значит, вы предполагаете, что при помощи этого аппарата можно будет в кратчайшие сроки осмотреть рейд Балаклавской бухты? Верно я вас понял?

Языков молчал, лихорадочно обдумывая ответ. Все-таки это десятки квадратных километров.

— Относительно. Нам нет необходимости исследовать весь рейд. Вот здесь, — он развернул вдвое сложенный рисунок выполненный тушью, — очерчен предполагаемый район поиска.

— А почему вы решили, что именно здесь?

— Предположительное место гибели «Принца» составлено по данным отчетов экспедиции, рассказов очевидцев, прессы.

Языков зачитал несколько страниц, посмотрел на Дзержинского. Председатель ОГПУ помолчал некоторое время, изучая схему, потом спросил:

— Вы понимаете, в какое время пришли к нам с проектом?

— Да. Понимаю. Это стоит денег, которых, возможно, не так много у республики. Но нам некуда больше идти, и мы надеемся, что вы поймете суть предложения. Она кроется не только в золоте «Принца»: дно морей — это настоящие кладовые. Непочатые кладовые.

Рассчитано верно, отметил про себя Дзержинский: золото — это хорошо, но и поднятые суда избавят нас от многих расходов. Перед собравшимися сидел уже не глава ОГПУ, а будущий председатель ВСНХ СССР, один из первых советских организаторов производства.

— Что вам нужно для этой экспедиции — назовем ее Экспедицией подводных работ особого назначения — ЭПРОНа?

В первый раз на бледном лице Языкова выступил лихорадочный румянец.

— Самое малое: баржу с лебедкой, двух водолазов, несколько такелажников, катер, который

будет буксировать баржу со спущенными под воду наблюдателями...

Первый советский водолазный доктор Константин Алексеевич Павловский вспоминал впоследствии: «Нас было около тридцати, первых эпроновцев, а в распоряжении экспедиции — испытанный снаряд Даниленко, баржа «Болиндер» с лебедкой и буксирный катер. Нам казалось, что найти «Принца» будет не так уж и трудно: он был единственным железным судном, погибшим в том урагане. Подходы к Балаклавской бухте были разбиты на квадраты, и начались поиски. Дно моря было сплошным кладбищем деревянных кораблей. Поначалу мы проходили мимо остатков из мореного дуба, цепей, якорей, мачтовых поковок, но кто-то предложил заняться попутно подъемом всего ценного, что встречалось на пути. В конце концов операции эти настолько развились, что понадобилось увеличить число водолазов и образовать специальную подъемную группу».

В середине 1924 года группа перешла в Севастопольскую бухту, набитую после Крымской, мировой и гражданской войн остовами различных судов, кабелями, тросами, противоминными сетями и десятками затонувших и притопленных барж, катеров и военных кораблей. На северном рейде лежало несколько подводных лодок и выброшенный на берег эсминец «Гневный», а у входа в бухту проглядывался затопленный дредноут «Императрица Мария». Не было в ту пору цены тому, что поднималось со дна и снова служило людям. Эпроновцы возвращали к жизни малый флот...

А что же с золотом «Черного принца»?

Последней его искала японская фирма «Синкай когиоесио лимитед». Ее представители обратились с ходатайством к Советскому правительству о разрешении работ у Севастополя. Взорвав массу подводных скал, промыв и просеяв через специальное сито тысячи тонн песка, истратив около трехсот тысяч долларов, фирма подняла со дна Балаклавской бухты... семь золотых монет времен Крымской войны с изображением профиля английской королевы.

Но настоящим золотом для народного хозяйства страны обернулись поднятые эпроновцами со дна морей и рек корабли и суда. Только в Черном море к концу гражданской войны их насчитывалось более трехсот пятидесяти единиц.

(Н. Виссарионов. Все золото «Черного принца». — «Вокруг света», 1984, № 7)

10. «ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА» В КАРИБСКОМ МОРЕ

За последние двадцать — двадцать пять лет в бассейне Карибского моря и полуострова Флорида в США разразилась настоящая золотая лихорадка, связанная с подводными сокровищами. И это не удивительно. Ведь хорошо известно, что этот район славится испанским и пиратским золотом. Архивные материалы свидетельствуют, в частности, что лишь на 32 испанских кораблях, погибших в Атлантике и Карибском море с 1595 по 1775 годы, находилось золота на сумму 7 миллиардов франков по современному курсу...

«Справочник искателя подводных сокровищ» Дж. Поттера (изд-во «Даблдей», 1960), данные из которого цитирует известный английский писатель и... подводный кладоискатель Артур Кларк в книге «Сокровище Большого Рифа», приводит следующие цифры о золоте Америки, дошедшем и не дошедшем в испанские порты. Испанские армады из Карибского моря в Испанию (1500—1820 годы): отправлено золота на сумму 8 000 000 000 долларов, из них утрачено — отнято морем или пиратами — 400 000 000 долларов. Перуанские транспорты из Перу в Испанию мимо мыса Горн (1534—1810 гг.): отправлено — 2 000 000 000 долларов, утрачено — 50 000 000 долларов. Хотя, как пишет Кларк, эти цифры очень приблизительные, общая картина ясна.

«Ла лус дель оро, сеньоры!»

И на поиски подводных сокровищ устремились толпы кладоискателей...

В миле от острова Большая Багама, вблизи полуострова Флорида, аквалангисты поисковой группы обнаружили под водой старинный испанский галеон. Это было одно из тех судов, на которых испанские конкистадоры вывозили награбленные ценности с Американского материка. На затонувшем корабле находилось золота и серебра на сумму в 20 миллионов долларов. Весть о знаменитой и столь богатой находке сразу же попала на страницы американской печати...

Во время одного из очередных спусков под воду аквалангисты поисковой группы нос к носу столкнулись с... гангстерами. Последние тоже были в аквалангах и не хуже водолазов владели кортиками — оружием ближнего боя пиратов. Но на этот раз оно предназначалось отнюдь не для того, чтобы сражаться с барракудами. Потомки «джентльменов удачи» сразу же пошли на abordаж затонувшего испанского галеона и попытались сорвать с аквалангистов-первооткрывателей маски и отогнать их от судна, начиненного деньгами. Однако «первооткрыватели» оказались не робкого десятка и стоили своих кровожадных соперников. Под водой началась самая настоящая битва на кортиках, этом традиционном оружии прежних «джентльменов удачи». Исход ее решился, когда один из аквалангистов, защищая сокровища, призвал на помощь... акул. Вынырнув на поверхность, он набросал в море, где лежало судно, протухшей рыбы, оставшейся с вечернего улова. Победителями оказались акулы, приплыв-

шие на запах. Ловцы испанского золота еле унесли ноги — их подбирал полицейский катер, вызванный с берега на подмогу...

После этого случая администрация штата Флорида приняла закон о проведении раскопок на подводных территориях своего штата. Это было сделано прежде всего для того, чтобы как-то отрегулировать отношения между теми, кто хочет неожиданно разбогатеть, наткнувшись на испанский галеон, напичканный дублонами и пиастрами. По этому закону кладоискателям, естественно денежным людям, на три года сдается в аренду любой кусок берега или прибрежный участок моря. В случае находки сокровища участок может быть превращен в концессию, после чего штату выплачивается арендная плата в размере 25 % от вырученной за продажу сокровища суммы. Одним словом, хотите разбогатеть или разориться — берите в аренду океан, омывающий берега Флориды...

11. ГРАБИТЕЛИ ПОДВОДНЫХ СОКРОВИЩ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ

С незапамятных времен на берегах Средиземного моря селились египтяне, этруски, пеласги, финикийцы, карийцы, греки, римляне, арабы и другие народы, а их корабли на протяжении многих тысячелетий бороздили его воды и находили в нем свою последнюю гавань, свой посмертный приют. Считается, что на дне этого моря поэтому таятся, пожалуй, самые богатые сокровища.

И здесь, как и в Карибском море, не обходится без детективных историй.

Вот, например, одно из сообщений газеты «Фигаро».

...Солнце медленно садится в воды Коринфского залива. На волне покачиваются две яхты. К той, что ближе к берегу, подходит полицейский катер. Это «Герл пэт», бросившая якорь под сенью британского флага. «Кто вы?» — следует традиционный вопрос пограничной стражи. Молчание. Полицейские немедленно поднимаются на борт. На «Девчушке» — 15 человек «пассажиров»: французы, испанцы, англичане. Кроме того, три амфоры, множество обломков, имеющих археологическую ценность, и... снаряжение для подводного плавания.

Пока идет разбирательство на первой яхте, а вторая — «Джабула» — вроде бы сносится течением, чтобы незаметно удрать (что она и сделала потом в наступающих сумерках), скажем несколько слов об амфорах. Сегодня амфоры, что ни на

есть доподлинные, далеко не редкость. Они уже превратились в излюбленные туристами сувениры, наподобие египетских скарабеев и прочей массовой продукции исчезнувших столетий. Действительно, в древности их «напроизводили» огромное количество, всех форм и размеров. Однако греков и римлян было намного меньше, чем желающих сегодня заполучить подлинную амфору, чтобы поставить ее в угол комнаты как цветочную вазу. Отсюда охотники до амфор пока еще не перевелись, как не перевелись и добытчики этих амфор. Кроме того, в средиземноморских странах все ценное, что найдено в территориальных водах шириной в 3—6—9 миль, является собственностью прибрежных государств и о находках необходимо незамедлительно сообщать властям. В тех же случаях, когда найденный предмет не уникален, — а им как раз и является вульгарная амфора, эта «бутылка» античного времени, — правительственный археолог любезно разрешает вам оставить ее себе. Ведь он стремится не отнять одну—две ваши амфоры, но установить место, где она была поднята, чтобы определить, не выбросил ли ее просто за борт, предварительно осушив, какой-либо развеселый «одиссей», или же она означает место гибели античного корабля. А это уже находка, даже сенсация, ведь на погибшем корабле могли находиться и исчезнувшие скульптуры Фидии или Праксителя, если... если они не находятся в трюме вашего судна... Вот о чем может говорить случайная находка амфоры!

Но вернемся к нашим задержанным кладоискателям, полицейским и ворам, тем более что поли-

цейские, пока объясняли эти прописные истины перепуганным пассажирам яхты, обнаружили отсутствие «Джабулы», нырнувшей в ночные сумерки Коринфского залива. Конечно, ее начинают преследовать. По радию с берега срочно вызывают вертолет, но наступает ночь. Наутро следующего дня «Джабулу» обнаруживают в бухте близ Эгиона: яхта принадлежит англичанину-миллионеру Дэвису, на ней его жена, сын и дочь. Полиции приходится брать «Джабулу» буквально на бордаж: семья отчаянно сопротивляется и бьет полицейских, когда те пытаются взойти на борт судна. В конце концов экипаж приводят в порт и судят в Амфиссе, приговаривая владельца судна к тюремному заключению и денежному штрафу за кражу археологических ценностей, за нападение на пограничников. «Страстный поклонник» древностей, как называли Дэвиса сочувствующие ему журналисты, приговаривается местным судом к 14 месяцам тюремного заключения и штрафу в 72 фунта стерлингов. Официальное обвинение, предъявленное миллионеру-контрабандисту, — «нелегальный вывоз из Греции археологических древностей».

А через несколько дней после этого греческий пограничный пост обращает внимание на странные маневры яхты «Вигамо», пытавшейся ночью подойти к мысу Сунион. При приближении полицейского катера она исчезает во мраке, однако пассажиры грузовичка, которые, казалось, ждали встречи с яхтой, были задержаны. Утром заставили «сдаться» и яхтсменов. Ими оказались два француза-аквалангиста, а на борту «Вигамо» на-

шли припрятанные амфоры. Одним словом, подводные грабители не редкость у берегов Греции, как, впрочем, и у берегов Франции.

Например, в районе Марселя промышленляют небольшие группы одиночек-любителей, у которых всегда модно приобрести амфору (возможно, даже уникальную!) стоимостью от 500 до 1000 франков, в зависимости от размера и сохранности.

В нескольких кабельтовых от мыса Таят, между Тулоном и известным курортом Сен-Тропец, было обнаружено скопление археологических ценностей. Чтобы защитить их от грабителей, участок пришлось огородить противолодочными сетями, предоставленными для этой цели военно-морским флотом. Это скопление очень массивных стальных колец, сквозь которые легко проходят волны. Но это не помогло. Грабители «подводных могил» преодолели препятствие при помощи специальных щипцов, снабженных на конце небольшим зарядом взрывчатки. Он достаточен, чтобы прорвать сеть, и слишком мал, чтобы причинить вред ныряльщику.

Как установило следствие, подобные «взрывные» щипцы приняты на вооружение на флоте для подводных диверсантов, или «людей-лягушек», проникающих во вражеские порты, огороженные противолодочными сетями. Таким образом, военно-морской флот Средиземноморья на стороне полиции и... грабителей. Как писал лондонский еженедельник «Обсервер» в репортаже «Кому служит акваланг?», археологи морских глубин всерьез обеспокоены появлением в послевоенные годы в широкой продаже более совер-

шенного оснащения для подводных ныряльщиков. Ведь это грозит разграблением сокровищ, покоящихся на дне моря вот уже не одну сотню лет и ждущих своего звездного часа. Комитет морской археологии Великобритании даже разработал недавно для аквалангистов-любителей специальную программу для обучения археологии морского дна. Руководство комитета рассчитывало при этом, что в большинстве своем «любители» будут сотрудничать с археологами, помогая им в поисках интересных вещей, а не станут действовать «дикарями», на свой страх и риск добывая подводные сувениры. По крайней мере, для некоторых это единственная работа, единственный источник заработка...

(Г. Босов. Сильбо Гомера и др. — М.: Детская литература, 1986)

12. ПОДВОДНЫЙ ШЕРЛОК ХОЛМС — РОБЕР СТЕНЮИ

В мире великое множество искателей сокровищ. Подавляющее большинство из них обуреваемы жаждой обогащения. Многие ищут клады, руководствуясь научными соображениями, — это историки и археологи. И совсем уж немногочисленная группа — бескорыстные искатели подводных сокровищ, хотя такое сочетание довольно парадоксально.

Известный бельгийский подводник и кладоискатель Робер Стенюи из числа последних. Более всего на свете ему хотелось бы видеть поднятые со дна ценности в экспозициях специально созданных морских музеев. Но, увы, музейное дело не во власти кладоискателя-энтузиаста, и все, что остается на его долю, — это собирать экспонаты впрок. Порой Стенюи и сам не может разобраться, что нравится ему больше: отыскивать затерянные суда, рыться в пахнущих морем и пылью архивах или просто участвовать в подводных приключениях.

СОКРОВИЩА ИСПАНСКОГО ГАЛЕАСА «ХИРОНА»

Мировую известность Роберу Стенюи принесла «Непобедимая Армада».

В картотеке Стенюи, которую он начал вести в 18 лет, числились два корабля «Непобедимой Ар-

мады», представлявшие интерес для охотников за сокровищами. Первым была «Флоренция» — предположительно казначейское судно испанцев, укрывшееся от шторма в заливе Тобермори в Шотландии и навсегда оставшееся там. Вторым — галеас «Хирона», потерпевший крушение у скал Банбейса в Ирландии.

Какой из этих двух кораблей выбрать? Изучив не одну сотню страниц старинных рукописей, множество отчетов и банковских счетов, Стенюк пришел к выводу, что на «Флоренции» никаких сокровищ не было. Он предпочел искать испанское золото на «Хироне», и не ошибся. Экспедиция, организованная им на поиски «Хироны» в 1967 году, увенчалась успехом: сокровища, которые команда Стенюки достала с морского дна, были поистине сказочными.

А теперь — немного истории.

28 февраля 1587 года в лондонском Тауэре покатила с плахи окровавленная голова шотландской королевы Марии Стюарт. Католический заговор против королевы Елизаветы был раскрыт. Тогда римский папа Сикст V призвал католиков к открытой войне с Англией. Испания, поставив своей целью сохранить монопольное положение на море, стала готовиться к вторжению на Британские острова. Испанский король Филипп II начал снаряжать громадный по тому времени флот — «Непобедимую Армаду», в состав которой входило сто тридцать кораблей, имевших на борту, помимо экипажей, девятнадцать тысяч отборных солдат и около трех тысяч орудий.

Предполагалось, что «Армада» пройдет из Ка-

дуса в Дюнкерк, где на корабли должны были погрузиться испанские войска, находившиеся в Нидерландах. Следующий этап — высадка десанта в устье Темзы, недалеко от Лондона. Испанцы рассчитывали, что вторжение будет поддержано восстанием английских католиков.

Для защиты Лондона англичане создали мощный флот — около двухсот боевых и торговых судов. Этот морской заслон состоял, в основном, из купеческих и пиратских кораблей, принесенных из разных портов Англии, уже тогда могущественной морской державы.

Тяжелым судам «Армады» английские стратеги противопоставили легкие быстроходные корабли. Их экипажи формировались из моряков, прошедших хорошую школу в торговом флоте и нередко участвовавших в пиратских налетах на испанские корабли. Дрейк, Хаукинс, Рэли и другие крупные пираты и мореходы готовились к сражениям с «Непобедимой Армадой».

Однако выход морского детища Филиппа II отложили на целый год после внезапного нападения английских кораблей под командованием Дрейка на Кадис и другие испанские порты. Причиненный урон был довольно чувствительным — англичане уничтожили несколько десятков испанских судов.

В мае 1588 года «Непобедимая Армада» — семьдесят каравелл и шестьдесят галеонов — вышла из Лиссабона к берегам Нидерландов, но, застигнутая жестоким штормом, вынуждена была зайти в Ла-Корунью на ремонт. В море она смогла выйти только 22 июля. В числе ее кораблей был и галесн «Хирона».

Во главе флотилии на галеоне «Сан Мартин» плыл дон Алонсо Перес де Гусман эль Буэно, герцог Медина Сидония, обладатель самой голубой крови во всей Испании и, по собственному признанию, наименее подходящий человек для столь ответственной миссии. В случае гибели Медины Сидонии, командование согласно секретному приказу короля переходило к дону Алонсо Мартинесу де Лейва, самому храброму и уважаемому капитану того времени.

Близ Дюнкерка Армада должна была соединиться с силами Александра Фарнезе, правителя Нидерландов, герцога Пармского, и обеспечить сопровождение барж, на которых к берегам Англии поплывет 26-тысячная армия. Но едва флотилия достигла Ла-Манша, как пришла тревожная весть из Фландрии — союзные войска не были готовы.

Сидония бросил якорь вблизи Кале, где и решил поджидать герцога Пармского. Англичане выслали против него восемь брандеров, которым удалось рассеять испанцев. Преследуемый англичанами, сносимый ветром к берегам Голландии, а затем в Северное море, Медина Сидония собирал совет за советом, пока, наконец, 9 августа не приказал возвращаться в Испанию, «обогнув Англию, Шотландию и Ирландию». Но из 130 кораблей Армады вернулись только 68. Многие затонули в открытом море, а сентябрьские и октябрьские штормы выбросили двадцать с лишним кораблей на берега и скалы Ирландии...

С пробитыми бортами, сломанной мачтой и наполовину поредевшим экипажем «Ла Рата» с тру-

дом тянулась за остальными кораблями. Сразу после Шотландских островов сильный шторм разметал эскадру. «Ла Рата» осталась в одиночестве. В сентябре, когда де Лейва снова увидел землю — западный берег Ирландии, — течь в трюмах стала настолько сильной, что команда, голодная и больная цингой, не успевала откачивать воду.

Де Лейва высадился на берег в бухте Блексод, в графстве Мейо. Предстояло нести на себе не только раненых, но и драгоценности, знамена и оружие. Покинутый корабль подожгли. В конце концов после долгих скитаний, во время которых к де Лейву присоединились экипажи еще трех кораблей, испанцы вышли по побережью к Киллибегс. Там они обнаружили галеас «Хирона», зашедший, чтобы произвести ремонт и пополнить запасы продовольствия.

«Хирона» покинула бухту, имея на борту 1300 человек — экипажи уже пяти кораблей — и все их ценности. Они миновали Аранмор, остров Тори и Мэлин Хэд, когда вдруг в ночь с 26 на 27 октября внезапно налетевший шторм сорвал с таким трудом установленный руль. В полночь неуправляемая «Хирона» разлетелась от удара о скалы.

«С драгоценным грузом пяти кораблей «Хирона» еще в 1956 году была помечена мною двумя восклицательными знаками. Позднее, чем больше я рылся в архивах, тем больше мне хотелось добавить и третий. Мешало только одно обстоятельство — я не знал, где лежит корабль, — рассказывает Стенюи. — В национальных архивах имелось множество упоминаний о «Хироне», но, как это часто случается, самых противоречивых. Де-

ло в том, что только к вечеру 5 ноября 1588 года вице-королем Ирландии были получены первые сообщения о случившемся. Один из осведомителей докладывал, что «галеас, вышедший из Киллибегса, битком набитый испанцами, следовал вдоль берега по направлению к островам, расположенным вблизи Шотландии, пока не потерпел крушение у скал Банбойеса. И корабль, и вся команда погибли, за исключением пяти человек, кое-как достигших берега. Скала Банбойес находится недалеко от замка Сорли Боя...»

Сорли Бой Макдонелл был местным сквайром. Его ненависть к англичанам была общеизвестна: тридцатью годами раньше граф Эссекс со своей челядью убил жену Сорли Боя и его младших детей вместе с 600 беженцами, укрывшимися на острове Ратлин.

1 августа 1589 года вице-король Ирландии приказал капитану Торнтону «поднять испанские орудия, обнаруженные на месте крушения». Но было слишком поздно. Еще 27 июля в Дублин пришло следующее послание: «Два испанца и один шотландский капитан прибыли на место крушения, чтобы установить вес спасенных орудий. Сообщают также, что там находится много золота и серебра».

В 1597 году губернатор сэр Джон Чичестар писал: «У семейства Макдонеллов есть пять орудий с испанских кораблей, следовавших вдоль побережья после морского сражения с нами в 1588 году. Я потребовал отдать вышеупомянутые орудия... но они наотрез отказались доставить их».

Я обнаружил также упоминание о сокровищах:

кроме «нескольких бочек вина», Джеймс Макдонелл заполучил «три сундука драгоценностей, которые были доставлены в Данласский замок».

Пожалуй, нам все же стоило отправиться туда и посмотреть, не оставил ли чего-нибудь и на нашу долю Сорли Бой. Мой старый друг Марк Жасински, бельгийский фотограф, которому предстояло стать моим спутником, возражал:

— Но ведь наверняка «Хирону» и раньше искали.

— Да! Однако все искали ее у скал Банбойеса. Действительно, в устье реки, которая сейчас называется Буш, есть скальный мыс. Но, во-первых, я убежден, что ирландцы водили всех за нос. Подумай только: ведь они, и только они, преспокойно выуживали серебро и пушки со дна. Стали бы они открывать правду тем же англичанам или любым другим чужестранцам!

Во-вторых, я отыскал несколько карт Ирландии XVI века.

Единственными пунктами, обозначенными в районе между Потрашем и островом Ратлин, были замок Данлас и река Бойз (известная теперь как Буш). А это значит, что они были единственными ориентирами, на которые могли ссылаться.

Вот почему вторая ошибка всех историков XIX века (а те, кто пытался до нас разыскать сокровища, основываясь на их указаниях) заключается в том, что они слишком буквально подходили к этим ориентирам. Не задумываясь, ныряли они у Данласа или в устье Буша. — Я развернул крупномасштабную карту и показал ее Марку: — Взгляни — «Испанская скала», а вот там дальше

«Испанская пещера», «Испанский порт». Или вот между последними двумя «Мыс Лакада» — не слишком ирландское название, не правда ли? Ты понимаешь?! Когда топограф, готовивший первое издание этой карты, а это было где-то около 1904 года, опрашивал местных рыбаков-старожилов, им уже не было никакого смысла скрывать что-либо, и в названии мест они следовали традиции, сложившейся в течение пятнадцати поколений. Именно здесь и нужно искать «Хирону».

В июне 1967 года Робер Стенюи и его друг Марк Жасински прибыли на побережье Атлантики. «Испанский порт» оказался огромным амфитеатром из трехсотфутовых отвесных скал, куда вела узенькая овечья тропа. Скалы были совершенно черные, лишь кое-где проглядывали пятна красноватой земли да редкие клочки зеленого дерна. Рухнувшие глыбы земли образовали здесь некое подобие пляжа. Волны обрушивались на мыс Лакада, вздымая в небо мириады брызг. Все вместе это производило впечатление мрачной таинственности. К тому же штормило и о выходе в море не могло быть и речи.

Наконец, 27 июня погода несколько улучшилась. Марк бросил якорь своей надувной шлюпки неподалеку от внешних рифов «Испанского порта». Робер немного покружил под водой — ничего. Определив по компасу азимут, он взял курс на юго-восток к мысу Лакада. Напряженно вглядываясь в морское дно, он старался не замечать качающихся водорослей. Каждый раз, когда появлялась расщелина в скале, замедлял ход, отодвигал парочку-другую камней, разгребал песок. Но

все было впустую. Ветер и волнение свели видимость до двух-трех метров. Стрелка глубинометра колебалась где-то между 20 и 30 футами. Внезапно дорогу ему преградил крутой выступ мыса Лакада. Стенюи стал пробираться вдоль него в северном направлении до того места, где платформа заканчивалась огромной скалой. Его внимание привлекло что-то светлое: свинцовая чушка!

Сама по себе такая находка не представляла никакой ценности. Но вот откуда она здесь взялась?

Внезапно он вспомнил, что читал документ о некоем «человеке по имени Бойл», который в конце XVIII века обнаружил у побережья Донегала останки затонувшего корабля Армады. Кроме нескольких золотых брусков и бронзовых пушек, он нашел «кусок свинца, который, как он полагал, служил балластом, длиною в один ярд, треугольной формы, заостренный к концам и с утолщением посередине».

Это было точное описание находки Стенюи. С трудом ему удалось перевернуть свинцовую чушку: на верхней стороне стали заметны контуры пяти крестов — типичное испанское клеймо.

«Я нашел-таки «Хирону!» Волна радости захлестнула меня, волна успокоения, почти облегчения. Первый раунд был за нами, — рассказывает Стенюи. — Я направился еще дальше, вниз по длинному коридору, который вывел меня прямо к бронзовой пушке. Она лежала поперек прохода, наполовину засыпанная галькой. В этом месте подводная платформа резко уходила вниз в направлении к мысу Лакада. Если корабль раз-

бился здесь, то все должно было скатиться на дно. Я двинулся дальше по склону и в конце его, в расщелине, обнаружил вторую пушку. Я глядел на нее словно зачарованный: ни один музей в мире не может похвастаться даже самой маленькой пушкой Армады, даже самым маленьким ядром. Да что говорить, даже гвоздем! Бесформенные глыбы вросли в скалы, заполнили расщелины. Вокруг повсюду валялись покрытые ржавчиной ядра. Между камнями лежала медная монета...

Для одного дня этого было вполне достаточно. Да, это была первая со времен Бойла, местного сквайра, находка остатков Армады. Но ведь Бойл расплавил свои «отлично сделанные, превосходной формы бронзовые пушки» и «продал три воза меди по четыре с половиной пенса за фунт». Нашим же пушкам предстояло стать не просто находкой следов Армады, а первым объектом ее научного исследования и изучения».

1 июля Стенюи и Жасински снова вышли в море. Пока Марк фотографировал пушки, Робер поднял круглый, серого цвета голыш. Повернул его. Монета! И тоже крест, почти стертый временем. А рядом была еще одна, только и ждавшая, чтобы мы ее подняли.

В течение следующих дней Марк обнаружил якорь, а Робер — еще несколько монет с ясно различимым испанским гербом. И вдруг королевская находка: что-то золотое, желтеющее между двух камней. Это было изящное кольцо. «Мне пришлось снять перчатку, чтобы достать его, но я даже не почувствовал холода, — вспоминает Сте-

нию. — Двенадцать лет бесплодных усилий и горьких неудач все же привели его к успеху — я нашел золото на дне морском».

...Когда на следующий год Стенюи просматривал список необходимого снаряжения, то понял, что доставить его на место будет нелегко. К счастью, один из его друзей, Анри Делос из Марселя, пионер подводных исследований, согласился одолжить грузовик со всем необходимым оборудованием.

В апреле 1968 года команда Стенюи пополнилась тремя новыми членами: Морисом Видалем, аквалангистом-нефтяником, Луи Горсом, специалистом по работам в затопленных шахтах, и Франсуа Дюмоном, студентом архитектурного факультета из Бельгии, который должен был заняться составлением планов и эскизов. Марк Жасински, окончивший химический факультет, отвечал за сохранность находок, помимо обязанностей фотографа.

Прибыв на мыс Лакада, подводные старатели начали с того, что между двумя пушками натянули веревку, на которой через каждый метр были навязаны узлы, а перпендикулярно к ней — белые веревки на север и на юг. Затем Луи и Робер нанесли на план каждый предмет и каждую значительную складку дна. И снова начались поиски. 2 мая Луи и Морис обнаружили и с триумфом доставили на берег две первые золотые монеты, в четыре эскудо каждая, отчеканенные в Севилье. К этой находке добавились вскоре золотые пуговицы, серебряные вилки и множество серебряных и медных монет. Меньше чем за час Робер напол-

нил золотом и серебром банки из-под джема и горчицы да еще насовал монеты в левую перчатку.

Несмотря на приближающееся лето, работать было трудно. Холод пронизывал насквозь. Колени не сгибались, шея не поворачивалась, а мышцы отказывались повиноваться. Холод причинял физическую боль. Тем не менее каждое утро пятерка аквалангистов отправлялась на дно.

Весь первый месяц ныряльщики расчищали участки морского дна от плотно слежавшейся массы, состоящей из камней, ядер и Бог знает чего еще. Они дробили ее на куски, подводили под них стропы и тащили проклятые глыбы на борт. По вечерам же на берегу тщательно разделяли их на составные части. И из невзрачной массы появлялись пиастры и реалы, эскудо и дукаты, медные пряжки, золотые цепи, куски фаянса, кожаные ремни, ножи, вилки, ложки...

Были дни, когда приходилось работать под водой в буквальном смысле вслепую — она была настолько черной, что невозможно было разглядеть собственные руки, даже поднеся их к лицу. В такие моменты нам случалось заблудиться даже в самых знакомых местах. Волны играючи швыряли аквалангистов то на скалы, то толкали в пещеру. Но нет худа без добра. Вскоре выяснилось, что именно в ней находилась основная часть груза «Хироны». Каждый раз за завтраком Стенюю говорил своим товарищам: «Мы не можем больше рисковать. Лучше оставить в пещере несколько монет, чем одного из нас».

Дело в том, что пещеру образовывали две ог-

ромные плиты. В центре они покоились на нескольких «колоннах», а спереди их подпирали две глыбы. Глыбы вытащили, чтобы добраться до внушительных размеров куска магмы, как окрестили ныряльщики спрессованные донные осадки. Теперь они нацелились на «колонны» — Морис с одной стороны, Робер с другой. Они состояли из камней, накрепко сцементированных природой. Это камни поддерживали «крышу» весом тонн в двести. Непосредственно под ней и велись работы. Если бы эта «дамоклова скала» рухнула, от Стенюи и его команды не осталось бы мокрого места. Но, как на грех, у основания одной из колонн, виднелся превосходно сохранившийся серебряный подсвечник. Его можно было даже потрогать. Он был зажат всего лишь маленьким камнем, подпиравшим другой, который служил опорой для третьего, и т. д. Никто не решался достать соблазнительную приманку. И все-таки первым не выдержал сам Стенюи. Днем раньше он уже обрушил две похожие колонны, содержавшие множество серебряных сосудов и настоящую жилу мелких монет. Поскольку тогда все обошлось, это подтолкнуло его на новую авантюру.

«Одним глазом посматривая на выход, другим — на потолок, я просунул шахтерский ломик под камень. Нажать или нет? Я нажал. Скала заколебалась, а я моментально выскочил наружу. Что произошло? Черт возьми! До меня донесся шум катящихся камней. Что-то рухнуло в глубине пещеры.

Морис тоже был снаружи. Должно быть, это он, безмозглый чурбан, вызвал каменную лавину!

«Послушай, Морис! Прекрати!» Я делал ему угрожающие знаки и раздраженно ругался в дыхательную трубку: «Ты сошел с ума!» Я показал на массивную крышу пещеры и объяснил знаками, что с нами будет, если она рухнет. И все это после того, что я втолковывал совсем недавно — не далее как сегодня утром!

Мой гнев не произвел на него никакого впечатления. «А что же ты сам тогда? Я-то видел, чем ты занимался!» — он показал на свой глаз, на меня и на мой лом. Немой язык Мориса был достаточно красноречив. Насколько я понял, если кто-то из нас двоих и был ослом, то уж никак не он, Морис.

История с коварными колоннами не образумила меня. В тот же день я держал подсвечник в руках. Но сдвинутые нами камни образовали дыру в основании колонны. А в ней темновато отсвечивало серебро еще одного подсвечника. Должно быть, он был парой к первому. Заполучить пару было делом чести. Под вторым подсвечником я обнаружил кольцо с драгоценным камнем, самым большим из всех найденных.

Может быть, есть возможность как-то разобрать пещеру? Конечно, это потребует громадных затрат сил и времени. И все же попробовать стоит. Тем более, что там, в глубине, что-то призывно блестело! Час спустя я держал в руках «огромную драгоценность» — медную ручку от кухонного горшка. Зато за ней виднелось начало золотой цепочки, уходящей под основание последней колонны...

Пещера все еще стоит там, выскобленная до

последней трещинки. Она пуста и преспокойно держится, бросая вызов силе земного притяжения. Дань нашему отчаянному бесстрашию.

К середине мая, как только стало ясно, что в верхнем сыпучем слое ничего нет, было решено передвинуть его на другое место. Для этого охотники за сокровищами использовали насос, установленный на плоту. Эффект был потрясающим. Невидимая струя воды под давлением поднимала огромными клубами песок, гравий отлетал в сторону, а камни прыгали и катились по дну. Как только показывалось скальное дно, Стенюи и его товарищи начинали очищать каждое углубление, каждую складку. Вилки здесь были уже без зубцов, блюда превратились в черепки. Только золото оставалось не тронутым временем и стихией. Благодаря своему весу, оно сразу же ушло вниз, в самые укрытые места. Эскудо лежали во всем своем великолепии, только и ожидая подводных кладоискателей.

Затем Стенюи и его команда решили поднять на поверхность две пушки, мешавшие добраться до того, что могло скрываться под ними. И тут настал конец их секретным работам. Когда они вчетвером несли пушку к грузовику, к берегу устремились все способные передвигаться жители поселка. Одни бежали, другие мчались на велосипедах и машинах. Каждый хотел увидеть пушку собственными глазами, потрогать, узнать о ней все подробности. А куда подевалось золото? А где приезжие спрятали скелеты закованных галерных рабов? Слухи передавались из одного паба в другой, оседая в редакциях газет и радио. В сле-

дующее воскресенье команде Стенюи пришлось выдержать пиратский набег.

«26 мая на берегу появилась группа людей, одетых в легкие водолазные костюмы, вооруженных ломом и молотками, мешками квартирных взломщиков и надувными шарами для подъема тяжестей, — рассказывает Стенюи. — «Прошу вас, — предупредил я их в порту, — не трогайте ничего. Мы пока еще только составляем план места кораблекрушения, и, кроме того, у меня разрешение на спасение сокровищ». Но они отплыли, даже не удостоив меня ответом. Мы последовали за ними. Было решено: что бы ни случилось, не дать им прикарманить даже мелочь. Группа за группой незваные гости часами обследовали морское дно, но даже не приблизились к месту крушения. Но вот в конце концов кто-то из них наткнулся на один из канатов, служивших нам ориентирами. По нему они и отыскивали нашу пещеру. Они вышли прямо к тому месту, где мы заняли оборону. Луи стоял совершенно спокойный, со скрещенными руками на груди. Его бородатая физиономия и ледяной взгляд выражали полную готовность к борьбе. Словом, он выглядел так же гостеприимно, как тюремные ворота. Вся компания безропотно ретировалась, едва взглянув на Луи.

Тем временем катера вернулись из порта с новой группой. Эти пришельцы наткнулись на вторую нашу веревку и решили проследить, куда же она ведет. Я не выпускал их из виду, плавая на поверхности, и следил за ними, стараясь оставаться незамеченным. Я увидел, как один из них,

дойдя до конца веревки, поднял что-то свинцовое и сунул в свою сумку. Пришлось срочно нырнуть к нахалу. Стоило хлопнуть его по плечу, как он дернулся, словно его цапнула акула. Покачав головой, я показал на мешок и перевернул его — свинец выпал. Внезапно остальные окружили меня, толкаясь и жестикулируя. Кто-то попытался стащить с меня ласты. Я ударил его. Он обхватил меня, но я выскользнул в всплыл. Рядом со мной показались еще четыре головы. Я заявил, что у них нет никаких прав. В ответ полился поток угроз и брани. Подошел наш «Зодиак», и Луи поспешил мне на помощь. Франсис стоял наготове. С вражеской лодки в воду попрыгала целая армия водолазов. В конце концов нападающие после долгих споров решили все же отступить и удалились не солоно хлебавши. Три дня спустя верховный суд Белфаста в самой торжественной обстановке еще раз недвусмысленно подтвердил наше монопольное право на розыски сокровища».

К сожалению, этим дело не кончилось. Каждый вечер толпы туристов заполняли маленький порт. Они жаждали помочь кладоискателям считать золотые слитки и сервизы из столового серебра. О бесценных находках распространялись самые фантастические слухи. Если верить им, то найденное золото уже давно перекрыло все запасы Форта Нокс (хранилище золотого запаса США). Это было явным преувеличением. И все же надо признать, что, имея лишь нехитрый инструмент для ремонта дорог да несколько надувных лодок, сокровища, которые команда Стенуи доставала с морского дна, были действительно сказочными.

Так, Луи Горс нашел осколки Мальтийского креста с сохранившимися остатками белой эмали на червленом золоте. К тому времени в списке трофеев насчитывалось двенадцать золотых монет. Роберу грезилось, как он лично найдет еще дюжину. Когда же он нашел сразу пятнадцать, то счел это весьма скромной удачей. И удача действительно оказалась скромной: уже на следующий день Морис нашел двадцать монет.

С наступлением лета зона поисков значительно расширилась. Море разбросало остатки «Хироны» на огромное расстояние. Но где бы подводные кладоискатели ни копнули, везде им улыбалось счастье...

Удача не оставляла Робера Стенюи и его команду, увеличившуюся до восьми человек, и весной 1969 года. И хотя число находок поубавилось, многое из того, что попадалось им, отличалось необычайным изяществом. В июне, например, они нашли две золотые цепи. Одна из них была восьми футов в длину, с массивными звеньями, поражающими своим великолепием. Должно быть, из-за этой цепи ее богатый и несчастный владелец первым достиг дна. В последний месяц Луи Горс нашел маленькую «книгу», красиво отделанную золотом. Когда ее открыли, то обнаружили внутри пять отделений. В трех из них сохранились таинственные, сделанные из воска таблетки. Пока еще химический анализ не разгадал их назначения. Яд? Парфюмерия? Кто знает!

Подводя итог трехлетних поисков, Робер Стенюи записал в своем дневнике:

«...Мы горды тем, что на нашем счету восемь

тысяч часов напряженной работы: весь район просмотрен, простукан, прощупан. Мы познакомились со всеми каверзами и причудами моря и выудили у него секреты 400-летней давности. Но вот подошла осень. Пора выпускать воздух из наших лодок. Зато можно спокойно заняться пересчитыванием свинцовых пуль, полировкой 300 золотых и 600 серебряных монет. Снова пора библиотек. И так до ближайшей весны, когда мы, подобно морским ласточкам, устремимся к берегам Ирландии, к остаткам Армады, похороненным вблизи ее берегов. И я снова с нетерпением жду, когда придут восхитительные дни любимой работы».

КЛАДЫ БУХТЫ ПОРТУ-ДУ-ГИЛЬЕРМИ

Следующий раз удача пришла к Роберу Стенюи через девять лет, когда он вместе со своей командой поднял со дна Атлантического океана сокровища голландского судна «Слот тер Хоог», потерпевшего кораблекрушение в 1724 году близ острова Порту-Санту в архипелаге Мадейра, в «месте, именующемся Порту-ду-Гильерми, в коем много рифов и скал», как писал голландский консул в Лиссабоне.

«Слот тер Хоог», тридцативосьмипушечный корабль, совершал свой первый рейс из Нидерландов в столицу голландской Ост-Индии Батавию. У атлантического побережья Африки он попал в страшный шестидневный шторм и, потеряв

ориентировку, наскочил на подводные камни. Больше часа построенное на совесть судно выдерживало удары волн, после чего все же разломилось и 220 человек его команды утонули. Среди спасшихся был первый помощник капитана по имени Баартель Таерлинк, который перечислил голландскому консулу содержимое корабельных трюмов. «Слот тер Хоогге» вез в голландскую колонию масло, вино и девятнадцать сундуков, в пятнадцати из которых было по сто серебряных слитков, в трех — восемнадцать мешков с мексиканскими пиастрами и в последнем — тридцать мешочков по триста гульденов. В общей сложности — три тонны серебра в слитках и триста килограммов золотых монет.

Однажды, будучи в Лондоне, Стенюи зашел в гости к своим друзьям и коллегам — супругам Зелиде и Рексу Коуен. В тот вечер разговор зашел о подводных кладоискателях XVIII века, «среброловах», как они себя называли. Самым известным из них был англичанин Джон Летбридж. Рекс с гордостью показал Стенюи обнаруженный его женой раритет — наставление по подъему затонувших предметов, выпущенное в 1780 году. Там был воспроизведен рисунок с серебряного кубка, принадлежавшего Летбриджу. На одной стороне кубка была карта Порту-Санту с изображением терпящего бедствие судна и приведены координаты: 33 гр. с. ш., 5 гр. з. д. На другой стороне была выгравирована «ныряльная машина» известного «сребролова». Она состояла из деревянной бочки с оконцем, в нее помещался человек. Две руки ныряльщика выходили наружу сквозь отверстия,

обтянутые кожей. Таким образом, человек в бочке мог подолгу (до нескольких часов) оставаться в воде, пока холод не сводил ему пальцы. Тогда ныряльную машину поднимали на канатах на поверхность. Из бочки выливали просочившуюся воду и проветривали ее кузнечным мехом. «Сребролов» вновь забирался в бочку и погружался на дно. Легкие предметы он складывал в висевший снаружи мешок. Если находка оказывалась слишком тяжелой, ныряльщик обвязывал ее канатом и подавал сигнал наверх.

«Ныряльная машина», изобретенная Джоном Летбриджем, сразу поразила воображение Стенюи. Однако еще больше его внимание привлекла карта: не координаты ли «Слот тер Хоогге» указаны на ней? Если это так, то чем закончилась экспедиция Летбриджа? Робер решил отправиться в архивы.

После долгих поисков в документах бывшей Ост-Индской компании ему удалось получить ответ на это вопрос. Он нашел контракт, подписанный Летбриджем, и представленные им отчеты.

Во время первой экспедиции на остров Порту-Санту в 1725 году (почти сразу после кораблекрушения) он поднял 349 из полуторатысяч слитков, большую часть пиастров и 9067 серебряных гульденов, а также две пушки. «Остальное я с Божьей помощью достану, если в будущем году выпадет 20—30 дней штиля», — сообщал Летбридж. Свое слово он сдержал, ибо в 1726 году представил слитков и монет «на сумму 190 000 гульденов». По тем временам это было огромное богатство — около половины стоимости всего груза потерпев-

шего кораблекрушение корабля. После пятилетнего перерыва Летбридж вернулся в бухту Порту-ду-Гильерми, но добыл лишь «один сундук». Позднее он предпринял еще две попытки, однако они «не оправдали затрат», как аккуратно занес в гроссбух клерк Ост-Индской компании.

Итак, картина была ясна. Джон Летбридж оставил в «серебряной бухте» от 100 до 250 слитков, не считая монет и «премногих ценностей и багажа». Робер Стенюи решил собственными глазами поглядеть на Порту-ду-Гильерми.

Он пригласил своих товарищей — Луи Горса, Алена Финка, Мишеля Ганглофа и Роже Перкена — принять участие в этой экспедиции, после чего вылетел на разведку места предстоящих поисков.

Островок Порту-Санту произвел на него впечатление какого-то библейского уголка: океанский бриз шевелил кисейные занавески на окнах старинных, сложенных из бурого камня домов. Жители смотрели на незнакомца с благожелательной улыбкой. Однако сама бухта напоминала вход в преисподнюю: черные скалы, застывшие потоки базальта и разноцветной лавы, нагромождения гигантских обкатанных глыб. К тому же огромный мрачный цирк почти правильной формы окружали отвесные стометровые стены. Было понятно, почему двести двадцать человек нашли смерть в этом жутком месте: крутая волна, разбивавшаяся о подножье, не оставляла никаких надежд на спасение, а грохот шторма поглотил вопли отчаяния.

Впрочем, для команды Стенюи внешний вид

бухты Порту-ду-Гильерми не имел большого значения, ведь работать им предстояло все равно под водой. Надо было только не выходить в море даже при небольшом волнении. К счастью, пока оно было спокойно. Так что, когда 19 июня на остров прибыла вся группа, Стенюи обрадовал своих товарищей приятным известием: условия — идеальные, вода — прозрачная, как джин, и теплая, как чай. Поэтому уже на следующий день они приступили к поискам.

«Я нашел судно в первые тридцать секунд пребывания на дне. И это при том, что пришлось немного задержаться на спуске: в левом ухе возникла боль и никак не хотела проходить. Обычно в первом погружении я проверяю, хорошо ли лег якорь лодки. Вот и на сей раз я спускался, пропуская между ладоней нейлоновый шнур. Так, все в порядке, он достаточно натянут, лапы якоря зарылись в гальку... А это что такое? Ржавчина? Якорь зацепился за какой-то длинный проржавевший предмет. Соскребаю налипшие водоросли. Бог ты мой, да это же якорь! Никаких сомнений — якорь «Слот тер Хооге»! Поистине само провидение рукой Летбриджа направило нас в нужное место, — вспоминает Стенюи. — Короткое совещание в лодке. Решаем тщательно просмотреть дно бухты, разбив ее на пять секторов. Мой участок у самого берега, и я не ожидаю никаких сенсаций — такой опытный сребролов, как Летбридж, должен был тщательно прочесать мелководье. Все верно, я вернулся с пустыми руками.

— Множество обломков в моем райсоне, — доложил Луи. — Ими усыпаны подножия рифов.

— Две полузасыпанные пушки, — объявил Алэн.

— В секторе целая куча добра — ружья, ядра и большие металлические обручи, — сообщил Мишель.

Во втором погружении я отправился взглянуть на Аленовы пушки. Они хорошо сохранились, как и лежащие рядом шпонки руля. Проплываю дальше над песчаной долиной и утыкаюсь в северо-западную оконечность бухты. Там обнаруживаю еще одну железную пушку, а по соседству — маленькое бронзовое орудие, груды ядер крупного калибра и несколько винных бутылок характерной старинной формы. У подножия берегового откоса вижу мотки каната и деревянные балки. Чуть в стороне — глиняная голландская пивная кружка. Металлические обручи, о которых упомянул Мишель, густо обросли ракушками, но можно поручиться, что они были надеты на бочонки с водой или вином.

Итак, перед глазами у меня почти полный комплект образцов груза «Слот тер Хоог», описанного первым помощником капитана Таерлинком. Единственное, чего не хватает, это сокровищ».

На обратном пути Стенюи подобрал тоненькую серебряную пластинку, выглядывавшую из-под пустой винной бутылки. На одной стороне было выбито слово «ЗЕЕЛАНДИЯ», на другой — плывущий лев и дата — 1724 год.

К сожалению, ночью задул сильный норд-вест. В бухте разгулялись волны, грозившие тем, кто рискнет выйти в море, повторением участи экипа-

жа погибшего корабля. На пятый день Робер собрал «военный совет»:

— Коллеги! Летбридж писал, что для погружения ныряльной машины ему необходима хорошая погода...

— И ждал ее у моря пять лет, — смеется Алэн. — Думаю, нет смысла испытывать наше терпение. Наверняка, нам до Летбриджа далеко.

Впрочем, у современных аквалангистов-профессионалов есть другое большое преимущество перед среброловами: поверхностное волнение для них не препятствие, т. к., если нет шторма, на дне все спокойно. Необходимо лишь благополучно добраться туда.

После непродолжительных дебатов большинство членов экспедиции высказалось за то, чтобы продолжить поиски. И они были вознаграждены за эту смелость настоящей серебряной «жилой»: Луи Горс обнаружил большой ком, сцементированный известью и металлическими солями, покрытый сверху водорослями. Наверху ком разбили и извлекли из него тридцать монет. Когда монеты промыли, они оказались в идеальном состоянии. Это были гульдены и дукаты, в том числе так называемые «серебряные всадники». Кроме того, аквалангисты собрали в тот день солидную коллекцию старинных предметов голландского быта: медные булавки с изящно выполненными головками, пуговицы от камзолов, серебряные пряжки от тубель, фарфоровые трубки и две бронзовые табакерки с гравюрами на крышках.

Тогда же выявился главный враг подводных кладоискателей — песок. Чтобы добраться до

ценностей, предстояло отгрести массу песка в океане. Члены экспедиции попытались бороться с ним с помощью пожарного брандспойта, но силы были неравны: песок обрушивался в вырытые ямы быстрее, чем его успевали выгребать. К концу месяца стало ясно, что нужно не перемещать песок, а удалять его с места поисков. Но для этого требовался грунтосос, или, на худой конец, пневматический разгрузчик сыпучих материалов с всасывающим соплом. Только где его взять на заброшенном острове?

Чтобы подбодрить свою приунывшую команду, Стенюи отправился в столицу архипелага Фуншале, хотя и не очень надеялся найти там необходимую технику. Оказалось, что в Фуншале с интересом следили за работой подводных старателей и взялись помочь их беде. Через несколько дней на берегу бухты Порту-ду-Гильерми стоял компрессор, 250-метровый трубопровод исправно отсасывал со дна жидкую песчаную массу, которая затем просеивалась через мелкочаеистый грохот.

За три месяца трубопровод выкачал из рабочей зоны несколько тонн песка, и коллекция трофеев экспедиции значительно пополнилась. Теперь в ней были аптекарские весы, рулевой крюк, необычный стеклянный пестик, набор гирек и даже золотое колечко (скорее всего звено оброненной цепочки). Однако серебряных слитков не было.

Наконец, в один из дней, когда Стенюи остался на берегу, занимаясь разбором накопившихся отчетов и писем, в комнату тихонько вошли Горс и Финк и положили на стол какой-то тяжелый

предмет, завернутый в бумагу и перевязанный ленточкой. Оторвавшись от работы, Робер недовольно посмотрел на друзей:

— А это что такое? — кивнул он на сверток.

— Подарок от Нептуна, — стараясь сохранять невозмутимый вид, ответил Ален.

Еще не веря в удачу, Стенюи разорвал бумагу и замер. На столе, тускло поблескивая, лежал серебряный брусок. На слитке были видны печати Зееландской палаты и стилизованная роза, гарантирующая чистоту металла и его вес: 1980 граммов, т. е. ровно четыре амстердамских фунта. След был горячим, надо было двигаться по нему дальше. Однако сделать это оказалось не так просто: слой песка становился все толще, и соответственно удлинялись рабочие дни. Вот как описывает это Стенюи:

«Подъем в 7.15, погрузка снаряжения от 8 до 8.45, час ходу по морю — два в непогоду, час на то, чтобы размотать шланги, одеть гидрокостюмы и запустить компрессор. Первое погружение длится два часа, потом десять минут на декомпрессию, полтора часа перерыва и вновь два часа работы под водой, после чего новая, более продолжительная декомпрессия. Затем надо все собрать, сложить, отвезти, выгрузить, добраться до дома на южной стороне острова, обсушиться. В шесть вечера приходится сломя голову мчаться за бензином и соляжкой, прежде чем закроется бензоколонка. Отдыхом мне служили те минуты, когда я садился за машинку: ежедневный отчет, опись найденных предметов, сводная ведомость для таможи. Ален готовит вечерний суп. Луи чинит

снаряжение, латает гидрокостюмы или обрабатывает находку, страдающую бронзовой болезнью. Роже отправляется «загорать» на пляж — там мы оставляем компрессор высокого давления. Ему поручено наполнять воздухом баллоны аквалангов, проверять трубки, маски и прочее. В десять вечера, когда мы садимся ужинать, он делает перерыв, а потом возвращается добирать «загар» до полуночи.

...Слиток № 2 появился, когда его совсем не ждали. Точный близнец первого, он лежал на другом выступе, словно приманивая Горса. Луи положил его в свой мешок и два дня обшаривал округу в поисках собратьев. Наконец, сопло гибкого шланга трубопровода издало характерный всхлипывающий звук, натолкнувшись на слиток № 3: до этого пришлось отсосать почти три метра песка в глубину. «Третий номер» торчал из большого куска известковой конкреции, в которой обнаружили также слитки от № 4 до № 18.

Полная победа! Я наслаждался ею со спокойствием генерала, чей стратегический план оказался верен от начала до конца. Противный призрак неудачи, столько дней витавший надо мной, улетучился, — продолжает свой рассказ Робер Стенюи. — На следующее утро, когда я усердно разбивал под водой каменное нагромождение, скрывавшее Бог весть какое чудо, кто-то легонько коснулся моей ноги. Я оглянулся в надежде, что это не акула. Так и есть: Луи церемонным жестом приглашал взглянуть на его находку.

Сказочный сундук Али-Бабы стоял впритык к скале и был сверху придавлен пушкой — самое

прекрасное зрелище, когда-либо виденное в жизни. Трогаю пальцами доски, изъеденные древо-точцами, щупаю слитки. Ничего особенного, обычное серебро. Металл, пролежав два с половиной века под трехметровым слоем песка и восемнадцатиметровой толщиной воды на дне Атлантического океана, даже не потускнел. За это время серебро лишь пригасило свой вульгарный блеск. Оно очень красиво. Сундук сохранился почти целиком, за исключением передней стенки, и сейчас сквозь нее видны шесть рядов серебряных слитков, аккуратно уложенных друг на друга, как кирпичи — один ряд вдоль, другой поперек.

Мы переглядываемся с Луи Горсом, в очередной раз подтвердившим свою славу исключительно везучего человека. Его лицо, обрамленное черной шкиперской бородкой, улыбается сквозь стекло маски. Уверен, никому из наших современников еще не открывалось подобное зрелище — серебряные слитки Ост-Индской компании. Я не стал пересчитывать драгоценные «кирпичи», потому что знал: их должно быть ровно сто. Ведь так написал в своем отчете первый помощник капитана «Слот тер Хоогс», не верить которому у меня нет оснований.

На несколько дней все работы были свернуты: мы разглядывали, зарисовывали, фотографировали сундук с серебром. Пригласили друзей — аквалангистов с Мадейры полюбоваться сокровищем. Радость должна быть разделенной, ею нельзя наслаждаться в одиночку. Мы не смели коснуться ни единого слитка: английское телевидение сообщило, что отрядило к нам специального

кинооператора для съемок передачи «Археология на дне моря».

Все это время сундук оставался под водой. Оператор Марк Жасински, старый друг и товарищ Робера по множеству экспедиций, прибыл в плохую погоду. Море подняло со дна тучи песка, видимость не годилась для съемок. Только 15 сентября оно утихло. Команда Стенюи в полном составе вместе с оператором отправилась в бухту, чтобы присутствовать при историческом моменте — съемках клада XVIII века.

Увы, сундук оказался сломан и почти пуст! Вокруг валялись оторванные доски и несколько забытых слитков. Все, если не считать того, что в пяти метрах от сундука лежала явно чужая красная резиновая трубка.

Стенюи не находил себе места, считая, что во всем случившемся виноват только он один, поскольку решил, что первый настоящий сундук, полный настоящих сокровищ, должен быть показан телезрителям. И дело было не только в материальных потерях, хотя килограмм серебра стоит немалых денег, а в сундуке его было почти два центнера. Ведь он заранее прожужжал всем уши, расписывая, как будут выглядеть слитки за стеклом музейных витрин — просто сказка!

Но кто мог это сделать? Во всяком случае никто из жителей Порту-Санту — в этом Стенюи был уверен. За последние месяцы аквалангисты успели подружиться со всеми на острове, чье население стало как бы коллективным участником экспедиции. Конечно, о похищении было заявлено в полицию. Одновременно с этим Стенюи повел

собственное расследование. Друзья на Мадейре довольно скоро сообщили ему о своих подозрениях. На всем архипелаге была лишь одна группа молодых аквалангистов, способных совершить такой варварский поступок. У них имелся небольшой тендер красного цвета с белой надстройкой, принадлежавший 24-летнему главарю шайки, некоему И. Этот тендер прибыл на Порту-Санту за два дня до пропажи слитков и исчез сразу же после этого.

Дело осложнялось тем, что против них не было никаких доказательств. Воры вполне могли спрятать серебро на дне в укромном месте и после отъезда экспедиции извлечь его. Если на них напустить полицию, они могут вообще выбросить слитки в море. Учитывая все это, Стенюи решил действовать по дипломатическим каналам. Супруга главаря жила в Фуншале. С ней была проведена откровенная беседа: желает ли мадам И., чтобы ее мужа посадили в тюрьму за воровство, а имя семьи покрылось позором?

Мадам И. взяла дело в свои руки. Она позволила своему мужу и, рыдая, начала заклинять его вернуть похищенное. Если он не сделает это, она, — о, страшная кара! — расскажет обо всем своей матери! Угроза была не напрасной. Теща едва не застучала беднягу И. с сообщниками в тот самый момент, когда они опускали ворованные слитки в колодец позади дома. И. сдался перед грозным ультиматумом. Неустановленные личности ночью подложили серебряные бруски на ступени бельгийского консульства в Фуншале. Полиция квалифицировала воров как «импульсивных

молодых людей, поступивших опрометчиво, но заслуживающих прощения».

«За то время, что я играл в Мерзэ, из толщи песка один за другим появлялись разрозненные слитки. А половина останков судна еще покоилась посреди песчаной равнины, где мы не искали. Но раскапывать подводную «Сахару» было бы безумием — все равно что вычерпывать море ложкой. Баллоны становились все тяжелее, лямки все глубже врезались в плечи, покарябанные ладони саднили от морской воды, компрессор безостановочно барахлил, и, когда Мишель говорил о поломках, называя технические детали, я понимал, что моторы просто выдохлись, как и мы, — заключает свой рассказ Робер Стенюи. — Зачем искать дальше? Цель достигнута, все, что хотелось узнать, узнано. Летбридж после пяти лет работы тоже должен был принять трудное решение. Он оставил нам часть сокровищ. Мы последуем — как и во всем другом — его примеру. Надо же оставить что-то и нашим преемникам, верно?»

(Р. Стенюи. Сокровища испанского галеаса. — «Вокруг света», 1971, № 7; «Клады бухты Портуду-Гильерми» — «Вокруг света», 1977, № 7)

13. ГАЛЕОНЫ XX ВЕКА

Как и раньше, современных охотников за подводными сокровищами влечет прежде всего золото. Причем, усилия кладоискателей-подводников облегчаются в тех случаях, когда объектом их внимания становятся не испанские галеоны или пиратские бригантины, о ценных грузах которых далеко не всегда есть достоверные сведения, а судна, затонувшие уже в нашем, XX веке. Ведь в каждом конкретном случае хорошо известно, что именно находилось на таком затонувшем судне, а также место кораблекрушения. К тому же, вместо нарядыщиков-одиночек поисками и подъемом занимаются специализированные фирмы, оснащенные современной техникой для подводных работ. И тем не менее, почти каждый подъем ценного груза не обходится без непредвиденных осложнений.

ЗОЛОТО «ЛОРЕНТИКА»

«Искать стоит лишь то золото, которое имеется на недавно затонувшем судне, причем надо иметь правительственное разрешение, а также знать точное место расположения кладовой». — Эти слова были сказаны капитаном Даманом, а уж он-то знал, что говорил. Правительство Великобритании выдало ему коносамент (документ, подтверждающий договор о предоставлении права на перевозку груза морем) на английский лайнер

«Лорентик», на котором находилось золото на сумму 5 000 000 фунтов стерлингов.

Склад размещался в багажном отделении второго класса, причем в распоряжении Дамана был план парохода, а также спасшиеся люди, которые могли объяснить, как до этого клада добраться.

Итак, он точно знал, что золото на пароходе имеется. Оставалось только извлечь его.

Золото, о котором идет речь, находилось на судне, плившем в январе 1916 года из Ливерпуля в Галифакс. Оно предназначалось для уплаты за военные материалы. У берегов Ирландии судно подорвалось на mine, установленной с немецкой подводной лодки. «Лорентик» затонул в ледяных водах январской Атлантики почти немедленно после взрыва, и 354 человека команды утонули или замерзли в шлюпках. Даману предстояло приступить в работам шесть недель спустя, но погода была по-прежнему зимняя, ненастная.

Ему позволили самому набрать людей и предоставили швартовый лихтер вместо обычного водолазного судна. По нынешним стандартам это было примитивное спасательное судно, но в то время оно считалось довольно хорошим.

Когда все было готово, под воду отправился первый водолаз. Даман следил за стрелкой манометра, установленного на компрессоре. На глубине 62 футов водолаз остановился и сообщил, что достиг цели. Он стоял на поручнях правого борта судна. Корабль накренился на 60 градусов, поэтому ни на палубе, ни на борту водолаз стоять не мог. На той же палубе второго класса, где располагалось багажное отделение, на полпути от пра-

вого борта находился вход. Даман решил взорвать герметически закрывавшуюся дверь и таким образом проникнуть внутрь.

Работалось нелегко, т. к. на поверхности была очень большая волна, создававшая волнение и на глубине. Водолазы балансировали на поручнях правого борта, «словно кошки на коньке крыши», как выразился Даман.

Как бы стремясь еще более усложнить их положение, фалы спасательных шлюпок затонувшего судна с огромными блоками на концах бились о корпус наподобие кнутов. Не очень-то приятное чувство испытал один из водолазов, когда удар такого блока едва не пришелся по смотровому стеклу его шлема.

С помощью динамита водолазы взорвали стальную дверь. Всевозможные сосуды, ящики и другие плавучие предметы сразу же устремились вверх. Водолазы с железными стержнями в руках вошли через открытую дверь и освободили другие плавучие предметы, после чего взорвали металлическую дверь на противоположной стороне коридора (она вела в склад). Наконец, водолаз Э. Ч. Миллер снял эту дверь и проник в совершенно темное помещение. Золото было там. Оно лежало в сравнительно небольших деревянных ящиках (по футу в длину и ширину, шесть дюймов в высоту), но таких тяжелых, что Миллер едва мог их приподнять. Каждый ящик весил 140 фунтов на поверхности и около 85 фунтов в воде.

Волоча и вытаскивая из склада первый ящик, водолаз потратил весь лимит времени. Потом ему пришлось еще тащить этот ящик по наклонной

палубе коридора, огибать все углы и, наконец, проталкивать его через отверстие в борту судна. После этого он обвязал ящик концом троса и отправил его наверх. В ящике оказалось золота на сумму 8000 фунтов стерлингов. Сам Миллер в виде «награды» получил сильный приступ кессонной болезни, заставившей его отлеживаться в декомпрессионной камере.

На следующее утро Миллер снова спустился под воду и отправил наверх еще три ящика. При таком темпе работу можно было закончить недель через десять. Но в это время ветер вдруг переменял направление и начался сильный шторм.

Даман внимательно наблюдал за берегом, куда прибоем выбрасывало различные предметы. Боцман с «Лорентика», один из немногих уцелевших членов экипажа, узнал некоторые из этих предметов, в частности несколько резиновых ковриков, которые, по его словам, находились в курительной комнате второго класса.

— Где эта комната? — спросил Даман.

— В средней части судна, ниже третьей палубы.

Тогда Даману стало ясно, что море ломает затонувшее судно. Через неделю ветер стих, и работы возобновились. Швартовые бочки исчезли, и первому водолазу пришлось произвести разведку, чтобы снова найти вход на судно. Когда он погружался, Даман наблюдал за манометром компрессора. На этот раз стрелка не остановилась на отметке 62 футов, а дошла до 103. Судно опустилось на 40 футов, корпус его рухнул, и вход в склад загорело.

Даман решил спуститься сам. Он проник внутрь через дверь, но уже не шел, а полз, очень низко наклонив голову. Но даже и таким способом далеко продвинуться не удалось. Уже в нескольких футах от входа потолок коридора так опустился, что расстояние между ним и палубой равнялось всего 18 дюймам. При этом все оставшееся пространство было забито стальным ломом.

Даман медленно пополз обратно, следя за своим воздушным шлангом. Выбравшись на поверхность, он задумался. Уже нечего было и мечтать об окончании работ через десять недель, но добраться до золота все же казалось возможным. Он решил попробовать расчистить коридор взрывами, а потом укрепить его наподобие угольной шахты.

Водолазы опять спустились под воду с динамитом. Взрывами было убито много рыбы, — так много, что она усеяла палубу в коридоре, и водолазы скользили и падали.

На расчистку коридора ушло много недель. Наконец, один из водолазов достиг склада. Он находился на глубине 120 футов — почти на дне моря.

— Здесь нет золота, — заявил он по телефону. — Оно исчезло. В палубе много пробоин.

Как выяснилось, в палубе складского помещения образовались большие рваные пробоины, и, когда судно рушилось, ящики провалились сквозь них, а также сквозь нижние палубы и переборки, в которых было много щелей. Теперь золото было разбросано по дну вместе с обломками судна. Кроме того, поскольку над головой водолазов висело пять палуб, почти ничем не поддерживае-

мых, Даман решил, что путь к хранилищу через входную дверь слишком опасен и должен быть закрыт. Решили проложить новый путь — вертикальный, взорвав одну за другой палубы над тем местом, где, по предположениям, лежало золото.

Это была затяжная, трудоемкая работа, сопряженная с большим риском. Сначала надо было убрать взрывами упавшие металлические листы, которые покрывали палубы. Обычно водолаз зацеплял стальным тросом угол листа, чтобы приподнять его, а затем полз в образовавшееся пространство, чтобы заложить взрывчатку. Однажды, когда водолаз Блэчфорд находился под одним из таких листов с зарядом динамита в руке, хомутик на тросе ослаб, и лист упал ему на спину, придавив к полу. Люди, находившиеся наверху, видели, как выскакивал из воды трос, и забеспокоились о Блэчфорде. Услышав голос водолаза по телефону, Даман немного успокоился.

— Дайте мне как можно больше воздуха, сэр, — сказал Блэчфорд. Он хотел образовать воздушную подушку между листом и спиной.

— Теперь хорошо, — сказал он, когда клапан был отвинчен. — Прибавьте еще воздуха и пришлите сюда как можно быстрее второго водолаза.

Водолаз Клир, только что поднявшийся из воды, успел раздеться лишь наполовину. Ему стали опять надевать шлем еще до того, как Блэчфорд попросил о помощи. Взяв запасной трос с петлей, он пошел на погружение. Что касается первой просьбы Блэчфорда, то ее трудно было выполнить, ибо манометр показывал, что его костюм надут до предела. В то же время Даман понимал,

что костюм мог быть уже порван и частично наполнен водой; в этом случае дополнительный воздух был нужен Блэчфорду для того, чтобы не допустить воду в шлем. Говорить с ним по телефону стало уже невозможно: сквозь шум воздуха голос был еле слышен, а сам он тем более ничего не мог расслышать. Чтобы понять, что говорит Блэчфорд, Даман слегка уменьшил подачу воздуха, и до него донесся слабый, но ясно различимый голос:

— Дайте больше воздуха.

Но Даман рассудил по-своему и не выполнил просьбу.

Тем временем водолаз Клир шел вниз, обхватив одной рукой шланг Блэчфорда, чтобы не сбиться в пути. Он благополучно добрался до места происшествия, прикрепил трос к углу листа и велел поднимать его. Лист был осторожно поднят. Костюм Блэчфорда надулся, как воздушный шар, но не лопнул. Блэчфорд спустил через клапан лишний воздух и выполз из-под листа. В этой ловушке он пробыл девять минут. Когда он поднялся наверх, Даман объяснил ему, что боялся, как бы не лопнул костюм, поэтому и не выполнил его просьбу. А Блэчфорд, оказывается, об этом даже и не подумал. Он только беспокоился, как бы лист из-за недостатка воздуха в костюме не сломал ему спину.

Через два месяца судно было разрушено, и водолазы, наконец, снова отыскали золото. Первым его обнаружил все тот же Миллер. Он нашел десять отдельных слитков. Они перемешались с остатками мебели, постельных принадлежностей и

прочим хламом. Вместе с другими водолазами он расширил пробоину поблизости от того места, где были найдены слитки, и работа двинулась полным ходом. К началу сентября ими было добыто золота на сумму 800 000 фунтов стерлингов, или 16% общего количества. На этой стадии поиски были приостановлены, поскольку предстояла более срочная работа на затонувших подводных лодках. Этим водолазы были заняты до конца войны.

В 1919 году, после 18-месячного перерыва, они вновь возвратились к «Лорентику». На этот раз им предоставили должным образом оборудованное спасательное судно. Положение затонувшего судна почти не изменилось, и вскоре водолазы снова начали извлекать золото. Но потом «золотая жила» иссякла. Обнаружилось, что слитки, оказавшись вне хранилища, разделились на две части, причем одна часть затонула на значительном расстоянии от другой и была отделена большим нагромождением металлических листов. До сих пор водолазы подняли меньшую часть слитков, на сумму около 1,25 млн. фунтов стерлингов. Большая часть была погребена под кусками железа и дерева и прочими обломками судна, накопившимися за два года, и под массой камней и песка, поднятой со дна моря и потом осевшей и затвердевшей, как бетон.

Весной 1920 года они начали расчистку, пользуясь насосами, автоматическими ковшами и другими техническими средствами; однако большую часть обломков приходилось убирать вручную.

Так они работали одно лето, а потом и другое.

Энтузиазм их подогревался тем, что уже в начале работ они нашли несколько отдельных слитков; кроме того, правительство обещало выдать команде спасателей вознаграждение в размере одной восьмой части добычи. Все они служили в военно-морском флоте, и первоначально эта работа входила в их обязанности, но теперь они могли рассчитывать на дополнительную оплату. Премии не были персональными, но Даман учредил специальное вознаграждение в виде ящика сигарет тому, кто за одно погружение сможет извлечь на поверхность рекордное количество слитков (на сумму 45 000 фунтов стерлингов).

Несколько сот золотых слитков было найдено в песке, набившемся в щелях обшивки судна. Из-за свисавших листов брони их нельзя было извлечь оттуда взрывами, поэтому водолазам приходилось добираться до золота самим, опускаясь головой вниз. Один из них, по фамилии Лайт, пробыл в таком положении чуть дольше положенного. Когда он доставал золотой слиток, к его ногам устремился воздух. Вместо того чтобы потихоньку выбраться из щели, он выскочил оттуда как пробка. Но поскольку сигнальный конец и шланг были привязаны им к остову затонувшего судна, то на поверхность его не выбросило; он поднялся лишь на сорок футов, т. е. на длину оставленного им запаса линии. Он резко остановился и повис, как мина. Ноги оказались выше головы, костюм неестественно раздулся, руки вытянулись в стороны, и он стал совершенно беспомощен. Лайт сообщил по телефону о случившемся, добавив, что в шлем проникло немного воды. Это указывало на то, что

образовалась небольшая течь в скафандре. При нормальных условиях такая течь не имеет значения, но положение становится серьезным, если водолаз перевернут вверх ногами. В этом случае он может утонуть даже в кварте воды.

Даман связался по телефону с водолазом Блэчфордом, который проходил декомпрессию на глубине 30 футов, и приказал ему спуститься и перерезать бечеву, которой были привязаны к остову судна линии Лайта. Результат даже превзошел ожидания Дамана: вследствие плавучести Лайта обоих водолазов немедленно выбросило на поверхность. К счастью, они пролетели мимо корпуса спасательного судна. Лайта втащили за ноги и поместили в декомпрессионную камеру.

Работы продолжались еще три лета. Извлекались ящики со слитками, и отдельные бруски нередко имели разнообразную причудливую форму: одни были изогнуты в виде латинской буквы U, другие расплющены как воск, в третьи были вдавлены камни и болты.

К конце концов были извлечены все 3211 слитков, кроме 25, или более 99% затонувшего золота. Операция, на которую предполагалось затратить десять недель, длилась семь лет, но все расходы на спасательные работы составили лишь 3% стоимости извлеченного золота. Было произведено 5000 погружений, причем обошлось без серьезных жертв. Это была самая успешная в истории операция по добыче золота.

(Патрик Прингл. Приключения под водой. — Л.: Гидрометеорологическое изд-во, 1963)

РОКОВОЙ ГРУЗ «ЕГИПТА»

Наиболее роковым оказался золотой груз парохода «Египет», затонувшего при столкновении в другом судном в тумане недалеко от Бреста в 1921 году. «Египет» унес с собой на дно 94 человека и золота на сумму более двух миллионов фунтов стерлингов. Компания Ллойда в Лондоне выплатила за золото страховую премию, составлявшую 1% его стоимости. Таким образом, эта компания оказалась владелицей двух тонн золота, находящегося в бронированной кладовой на пароходе, который лежал на глубине 50 морских саженей в неизвестном месте бурного Бискайского залива. Эта глубина была недоступна для водолазов в обычном снаряжении, к тому же бронированная каюта, в которой лежало золото, находилась под тремя стальными палубами.

Множество людей начали прикидывать, как достать золото для компании Ллойда, ведь вопреки сказкам о подводных сокровищах затонувшие грузы остаются собственностью их владельца и тот, кто достанет их, получает лишь определенный процент их стоимости.

К конторе Ллойда потянулись целые вереницы любителей легенд о затонувших сокровищах, предлагавших самые немыслимые проекты. Наконец некий инженер Сэндберг, человек серьезный, сумел свести всю задачу к основному вопросу — к вопросу давления. Пределом для водолаза, дышащего сжатым воздухом, была глубина 200 футов, а «Египет», очевидно, затонул на глубине 300 футов. Следовательно, Сэндбергу нужен был жесткий

скафандр, способный выдержать давление воды на этой глубине. Он подписал контракт, обеспечивший ему 37,5% стоимости поднятых ценностей и больше ничего.

Какой-то американский офицер рассказал ему о скафандре, разработанном в Германии фирмой «Нейфельд и Кюнке», — неуклюжем сооружении с суставчатыми ногами и руками, снабженными механическими «клешнями». Этот скафандр мог выдержать давление воды на глубине 700 футов.

Сэндберг нашел себе партнера в Италии. Это был инженер Джованни Куалья, возглавлявший генуэзскую фирму «Сорима», которая занималась спасательными работами на затонувших судах. Куалья испытал немецкий аппарат во время работ на американском судне «Вашингтон», затонувшем в Раппальском заливе, где его водолазы спускались на глубину 318 футов — максимальную глубину индивидуального погружения в то время. Он сконструировал мощные электромагниты, при помощи которых поднимал с затонувшего корабля металлические предметы. «Буылки» Нейфельда и Кюнке были настолько громоздкими, что водолазы на этой глубине не могли пошевелить рукой, и Куалья упростил конструкцию, создав нечто вроде жестких «банок» со смотровыми люками и механическими захватами. Водолазы подняли с «Вашингтона» 7 тысяч медных болванок и стальных рельсов. Магниты поднимали целые гроздья колесных пар.

Эта операция оказалась прибыльной, и Куалья в порядке подготовки к работам на «Египте» про-

вел вторую «репетицию», на этот раз у побережья Франции. Там ему удалось поднять 800 тонн цинка, меди и стальных болванок.

Наконец, в 1928 году он с группой первоклассных водолазов отправился в Бискайский залив.

Точное место гибели «Египта» не было известно. До прибытия Куальи два норвежских парохода и французский тральщик уже в течение двух лет безуспешно прочесывали дно залива в поисках «золотого» судна. Куальи нанял бывшего капитана брестского парохода «Сена», протаранившего «Египет», и, основываясь на его воспоминаниях о том, где именно он плыл семь лет назад в густом тумане, оградил предполагаемое место крушения буйками, образовавшими коридор шириной в милю. Два судна экспедиции, «Артильо» и «Ростро», протралили коридор с помощью протянутого между ними троса. Они не обнаружили никакого затонувшего судна и принялись проверять новый параллельный коридор.

Так началась работа, которая затянулась на долгие годы тяжелого труда и катастроф.

С октября по май в Бискайском заливе работать было невозможно из-за постоянных штормов, да и летом часто налетали неожиданные шквалы. Во время штормов Куалья отводил свои суда за остров Бель-Иль между Лорианом и Сен-Назером, где его люди, чтобы не терять времени, работали на затонувшем бельгийском пароходе «Элизабетвиль», лежащем на глубине 240 футов. Ходили слухи, что в сейфе капитана находится шкатулка с бриллиантами. Им удалось поднять сейф при помощи захвата, опущенного с лебедки,

но он оказался пустым. Зато они подняли восемь тонн слоновых бивней из Конго.

В конце августа 1930 года, когда уже надвигались осенние штормы, трос зацепился за что-то твердое на дальней стороне тральной полосы, в трех милях от места, указанного капитаном «Сены». Водолаз-ветеран Альберто Барджелинни быстро влез в стальную «бутылку», проверил, как действуют кислородный прибор и телефон, и пошел вниз. Рабочий у лебедки приостановил спуск на полпути, чтобы дать возможность водолазу наполнить водой балластное отделение. Трос разматывался ровно. Кабина достигла глубины 318 футов — это была максимальная глубина, на которую до сих пор опускались водолазы экспедиции. Барджелинни дал сигнал продолжать спуск. Он прошел 350, затем 375 и 400 футов, но дна еще не было. Наконец, на глубине 414 футов он сообщил: «Вижу дно. Спускайте медленнее!»

Лебедка мягко опустила кабину на илистый грунт на глубине 426 футов — на эту глубину до Барджелинни не опускался еще ни один водолаз. Голос из глубины океана сказал: «Поднимите меня немного, чтобы я мог оглядеться». Лебедка оторвала кабину от ила, и Барджелинни заболтался в кабине, как в шейкере для сбивания коктейлей. Предмет, подвешенный на тросе в глубине, вращается вокруг собственной оси, раскачивается подводными течениями и подпрыгивает в такт качке корабля, а кроме того, дергается вверх-вниз на пружинящем тросе. Барджелинни приплясывал на полу раскачивающейся кабины, стараясь разглядеть что-нибудь сквозь крохотные

люки. Он увидел неподалеку корпус большого корабля, стоящего на родном киле, и попросил, чтобы его подтянули поближе, — в слабом отблеске солнечных лучей, еле проникавших на глубину 70 морских саженей, он разглядел ряд шлюпбалок, нависших над дном. Он сообщил наверх: «Шлюпбалки вынесены, — значит, шлюпки были спущены. Я уверен, что это «Египет».

Чтобы окончательно удостовериться, Куалья приказал достать сейф, находившийся в капитанской каюте на мостиковой палубе. Для того чтобы добраться до нее, надо было убрать трехтонный деррик. Спустившиеся вслед за Барджелинни водолазы висели в кабинах над палубой затонувшего корабля, давая точные указания людям, спускавшим сверху взрывчатку, и терпеливо закладывали неуклюжими клешнями заряды под дерриком. Во время этой работы, продлившейся несколько месяцев, водолазы, чтобы удержать кабины на месте, сбрасывали якоря на грунт.

Наконец сейф был поднят. Его вскрыл британский консул в Бресте. В сейфе обнаружили посланные на «Египет» дипломатические депеши и, словно в насмешку, ключ с пометкой «бронированная каюта». Таким образом, после трехлетней работы Куалья все-таки нашел «Египет», затонувший на глубине не в 50, а в 70 морских миль.

Он послал водолазов с помощью взрывчатки проложить путь к «золотой» каюте через прогулочную, верхнюю и главную палубы. После каждого взрыва обломки поднимали на поверхность при помощи электромагнитов. Это была долгая и кропотливая работа. Десять минут уходило на то,

чтобы опустить кабину, десять минут — чтобы правильно установить ее, и около получаса — чтобы опустить заряд, вложить его в механические клешни и укрепить на месте. Затем тратилось двадцать минут, чтобы поднять водолаза, взорвать динамит и вновь опустить водолаза. После этого опускался мощный электромагнит, который следовало подвести совершенно точно к нужному месту. Ветры и волнение то и дело заставляли их прерывать работу на несколько дней.

Куалья подыскал еще один корабль, затонувший в тихом месте, чтобы иметь работу во время штормов. Это был американский грузовой пароход «Флоренс», перевозивший боеприпасы и торпедированный в 1917 году в заливе Киберон позади острова Бель-Иль. Он лежал на глубине всего 50 футов и представлял довольно значительную угрозу для судоходства, так что французские власти обратились к Куалье с просьбой уничтожить его. Куалья учитывал, что часть опасного груза «Флоренс» может взорваться, несмотря на то что судно пролежало в воде 13 лет.

Водолазы укрепили на пароходе целую серию зарядов. «Артильо» отошел от места взрыва на расстояние трех миль. Старший водолаз Альберто Джанни спустился вниз, чтобы заложить последний заряд. Он взобрался на палубу, а «Артильо» отошел еще на тысячу футов, чтобы быть в полной безопасности. Джанни, держа в руках два запальных провода, стал медленно сближать их. Находившийся на пароходе тринитротолуол взорвался с такой силой, что «Артильо» разлетелся на куски. Джанни, а также знаменитые водолазы

Аристид Франчески и Альберто Барджелини и еще одиннадцать водолазов погибли.

Куалья потерял водолазов и плавучую базу. Он вернулся в Геную, оборудовал новое судно, которое назвал «Артильо II», обучил новых водолазов и на следующий год вернулся к месту гибели «Египта». За лето им удалось пробить верхнюю палубу и проделать «шахту» через остальные две палубы.

Как-то поздно вечером, когда над заливом дул свежий ветер, предвестник осенних штормов, водолаз, заглянувший через взорванную дверь в бронированную каюту, срывающимся от волнения голосом доложил на поверхность, что видит золото. Сразу же после этого разразился шторм, заставивший их прервать работы на полгода.

Когда весной следующего, 1932 года они возобновили работы, первый же водолаз обнаружил, что вся шахта сплошь забита обломками. На расчистку ее ушел целый месяц. В июне из грейфера, поднятого над палубой, вывалились два тяжелых предмета. Это были два золотых слитка.

«Сорима» потратила четыре года на эту работу, и водолазам пришлось трудиться еще три тяжелых года, прежде чем удалось поднять весь драгоценный груз. Это была самая глубоководная операция из всех проведенных до сих пор, и если Джанни, Франчески и Барджелини она не принесла ничего, кроме гибели, то Ллойд, Сэндберг и «Сорима» получили хорошую прибыль.

(Джемс Даган. Человек в подводном мире. — М.: Мысль, 1965)

УНИКАЛЬНЫЙ ПОДЪЕМ ЗОЛОТЫХ СЛИТКОВ

В 1940 году в тридцати милях от Хвангарея (Новая Зеландия) на глубине 438 футов затонул, подорвавшись на немецкой контактной mine, почтовый лайнер «Ниагара». Он был построен в 1913 году и принадлежал Новозеландской судоходной компании. Это было красивое двухтрубное судно, считавшееся одним из лучших и самых больших судов на линии Австралия — Северная Америка.

К счастью, пассажирам и экипажу вовремя удалось спустить шлюпки и отойти от тонущего судна.

Одному лишь капитану «Ниагары» и некоторым военным представителям в Веллингтоне было известно, что вместе с пароходом на дно пошел ценный груз — 590 золотых слитков, которые «Ниагара» должна была доставить в Канаду для уплаты счетов США за выполнение военных заказов. Поскольку из соображений секретности ценный груз не был застрахован, гибель «Ниагары» явилась серьезным ударом для англичан. Через несколько дней тайно был образован судоподъемный синдикат, руководство которым поручили австралийскому капитану Уильямсу. Он должен был найти затонувшее судно и во что бы то ни стало поднять его. Для этого спешно переоборудовали небольшой теплоход «Клэймор», который стоял на приколе в Окленде.

В декабре 1940 года «Клэймор» направился в район гибели «Ниагары». На борту спасателя находилась специально сконструированная одним

австралийским инженером глубоководная камера, в которой должен был работать лучший водолаз Австралии Джонсон. Участок моря в шестнадцать квадратных миль оградили буйми, и теплоход начал тралить дно, следуя параллельными курсами. В полдень следующего дня трал судна за что-то зацепился. Место отметили буюм, однако продолжать работы не пришлось: начался шторм, и поисковая партия укрылась в гавани Вхангароа.

Когда шторм утих, под воду в наблюдательной камере опустился водолаз Джонсон. В первый раз ему не удалось ничего увидеть, но когда после второго погружения он дал сигнал к поднятию, то услышал, что какой-то предмет скребет по стенке кабины, и, выглянув через люк, увидел трос необычного вида, весь покрытый водорослями. Скрежет прекратился еще до того, как он добрался до поверхности. Он не понимал, в чем дело, но трос явно не принадлежал его плавучей базе «Клеймор».

Когда «Клеймор» поднял якорь, все объяснилось: на якорной цепи висела большая немецкая мина. Мина болталась совсем рядом с «Клеймором». Капитан Уильямс приказал опустить мину, вытравив якорную цепь, затем перевел цепь на буй и оставил мину на глубине, где она не представляла опасности для проходящих судов. Он доложил о случившемся командованию флота.

На следующий день он вернулся с тральщиком. Обезвредить смертоносный объект было поручено Джонсону. Поскольку помпа, через которую он получал воздух, находилась на «Клейморе», судно должно было стоять прямо над миной. Ввиду

угрозы взрыва вся команда перешла на тральщик, за исключением капитана Уильямса и четырех обслуживающих.

Джонсон спустился под воду, держа в руках тонкий трос, ведущий к тральщику. Он должен был очистить мину от водорослей, в которых она запуталась, и прикрепить к ней конец этого троса, чтобы тральщик мог отбуксировать ее в безопасное место. Джонсон осторожно прикрепил трос к мине и собрался было дать сигнал к поднятию, как вдруг увидел, что трос мины уже почти перетерся о якорную цепь «Клеймора». Внезапно он лопнул, и мина пошла вверх. Сигнальный конец и шланг Джонсона запутались в «рогах» детонатора, и он стал подниматься вверх, лежа на мине. Она поднялась прямо под днище «Клеймора», но не взорвалась, т. к. Джонсон играл роль подушки, мешающей ей войти в контакт с корпусом корабля.

Капитан Уильямс дал на тральщик сигнал осторожно подтянуть тральный трос. Джонсон, стучаясь о деревянное днище «Клеймора», продвигался вместе с миной вдоль корпуса, одновременно распутывая шланг и сигнальный конец, чтобы устраниться от дальнейшего «участия в деле», если мина выйдет из-под днища. Это заняло немало времени. Затем трос лопнул, Джонсон освободился. Мина всплыла на поверхность в десяти футах от «Клеймора». Джонсона вытащили на палубу, на «Клейморе» со всей поспешностью выбрали якорь, и плавучая база отплыла прочь, чтобы дать возможность тральщику пулеметным огнем уничтожить смертоносную мину.

Прошло еще девять недель, прежде чем Джонсон, выглянув из люка своей кабины на глубине 438 футов, увидел на дне вентилятор, а рядом корпус «Ниагары». Пароход лежал на боку под углом в 70 градусов. Это означало, что его придется подрывать по диагонали через борт, применяя небольшие порции взрывчатки, чтобы не разрушить весь корпус.

Первый взрыв прошел удачно. На поверхность выбросило раненую акулу и часть рубки.

Второй взрыв разрушил цистерны с горючим, и по воде разлилось широкое пятно нефти. Видимость под водой на несколько дней резко ухудшилась. Тем не менее они продолжали работу, поднимая мощным краном взорванные плиты и... распевая песни, которые по телефону слышали водолазы, сидящие внизу в своих подводных кабинах.

Наконец они добрались до «золотой» кладовой. Увы, она была надежно заперта толстой стальной дверью. Встала проблема: сильный взрыв мог выбить дверь, раскидать 295 ящиков с золотыми слитками по всему помещению и похоронить золото под корпусом судна, слабый же взрыв просто повалил бы огромную стальную дверь на ящики и, таким образом, закрыл бы единственный вход в бронированную кладовую «Ниагары». Это, пожалуй, был один из самых ответственных моментов во всей операции. Но все же 5 октября 1941 года взрыв был произведен, и, под ликующие крики экипажа, храповой глубоководный захват доставил стальную дверь на палубу «Клэймора».

13 октября 1941 года моряки подняли первый ящик с золотыми слитками, а всего за 39 дней ими было найдено 553 слитка — 94% общего количества золота.

Дальнейшие поиски не дали никаких результатов. Где-то на дне остались лежать последние 37 слитков золота...

Прошло более десяти лет. И вот в 1953 году английский спасательный корабль «Формост-17», совершив длительный океанский переход, прибыл в район гавани Хвангарея. За несколько недель спасатели достали со дна океана еще 30 золотых слитков.

Остальные семь слитков так и остались на дне. На это раз, надо полагать, навсегда...

ЗОЛОТОЙ ГРУЗ «ЭДИНБУРГА»

В сентябре 1986 года английское водолазное судно «Дипвотер-2» пришло в Баренцево море и встало в точке над затонувшим на глубине 260 метров британским крейсером «Эдинбург». После пятилетнего перерыва была продолжена глубоководная операция по спасению золотого груза. Экспедиция 1981 года из-за начавшихся осенних штормов не смогла довести до конца спасательные работы: из предполагаемых 465 золотых слитков весом 11—13 килограммов каждый с борта крейсера был поднят 431.

...В конце апреля 1942 года «Эдинбург» во главе конвоя судов вышел из Мурманска в Англию. Крейсер был построен незадолго до войны. Его

водоизмещение — 10 тысяч тонн, длина 174 метра, толщина бортовой брони до 8 сантиметров; он был вооружен трех-, четырех- и шестидюймовыми орудиями, торпедными аппаратами. На борту крейсера находилось, по имеющимся сведениям, около пяти с половиной тонн золота — для большей безопасности драгоценный груз поместили в артиллерийский погреб. Золото предназначалось для уплаты за военные поставки нашим союзникам по антигитлеровской коалиции.

30 апреля крейсер «Эдинбург», оторвавшийся от кораблей противолодочной обороны, был торпедирован фашистской подводной лодкой. По свидетельству очевидцев, первый удар был нанесен в борт, второй — в корму, был поврежден винторулевой комплекс, в результате чего «Эдинбург» потерял ход, но еще оставался на плаву.

Из охраны конвоя на помощь крейсеру поспешили два английских и два советских эсминца — «Гремящий» и «Сокрушительный», а также буксир и посыльное судно. Создалась благоприятная обстановка для отбуксировки в Кольский залив. Но 2 мая возле неуправляемого крейсера появились три эсминца и самолеты-торпедоносцы противника и открыли по нему шквальный огонь. К этому моменту наши военные корабли, израсходовав запасы топлива, ушли бункероваться на базу, и в бой вступили английские эсминцы, которые вели непрерывный обстрел вражеских кораблей, искусно маневрировали, ставили дымовые завесы, не давая наносить торпедные удары по «Эдинбургу». Буксир и посыльное судно, сделав несколько

выстрелов, вышли из боя, чтобы не мешать маневрам эсминцев.

К исходу сражения противник сумел послать третью торпеду в корпус крейсера, после чего «Эдинбург» еще больше накренился. Фашисты тоже понесли потери. Один эсминец был уничтожен, второй сильно поврежден и под прикрытием третьего ушел из района боя.

Команда «Эдинбурга» и возвращавшиеся в Англию моряки с погибших в предыдущих конвоях судов — всего 750 человек — перебрались на подошедшие вскоре корабли сопровождения и были отправлены в советский порт Полярный на Кольском полуострове, откуда со временем вернулись домой.

Чтобы «Эдинбург», все еще остававшийся на плаву, и золотой груз не достались врагу, крейсер по приказу командира конвоя английского контр-адмирала Бонэма-Картера был потоплен тремя торпедными выстрелами. А вместе с ним в морские глубины ушел и груз золота.

Около сорока лет пролежал «Эдинбург» на дне Баренцева моря. За это время появились глубоководная техника, радионавигационное оборудование и водолазное снаряжение, позволившие приступить к поиску и спасению золотого груза. Накопился также опыт длительного пребывания человека под водой и последующей декомпрессии.

В 1981 году было заключено советско-английское соглашение и подписан контракт с фирмой «Джессоп марин рикавериз лимитед» на условиях «без спасения нет вознаграждения». Все расходы по проведению поисковых и спасательных работ

до благополучной выгрузки золота в согласованных портах неслла фирма. По контракту извлеченный драгоценный груз делился между Великобританией и Советским Союзом в пропорции одна треть — две трети.

Долгое время, до 1981 года, попытки обнаружить место гибели «Эдинбурга» оставались безрезультатными.

1 мая 1981 года английское поисковое судно «Даммтор» вышло в рейс. На побережье Норвегии были установлены радионавигационные передатчики для определения местонахождения экспедиционного судна с точностью до 30 метров, что обеспечило точный выход его на промерные галсы. На дно был опущен специальный маневренный аппарат (так называемое «око»), который по команде с борта мог плавно обходить затонувшие объекты и с помощью телекамер производить их дистанционный обзор. Цветное изображение передавалось наверх, на монитор, и одновременно шла видеоманитофонная запись. Поиски увенчались успехом. В середине мая в судовом журнале появилась запись: «Эдинбург» обнаружен».

Было установлено, что крейсер лежит на глубине 260 метров с креном 90 градусов в наиболее благоприятном положении для спасательных работ — кверху пробоиной в правом борту. Казалось бы, через эту пробоину, величиной пять на пять метров, будет легко проникнуть внутрь, к расположенному неподалеку золотому грузу. Кстати, варианты спасательной операции отрабатывались на однотипном крейсере «Белфаст», превращенном в плавучий музей, который стоит

сейчас на Темзе, в центре Лондона. Но золото, как известно, находилось в артиллерийском погребе, рядом с боеприпасами. Хотя, по мнению специалистов, они не могли взорваться, но все же сохранили свои боевые качества. Поэтому операция, естественно, представлялась опасной. Для ее выполнения отобрали группу самых опытных водолазов-глубинников из разных стран, возглавляемую Майклом Стюартом.

Затем, уже осенью, на смену поисковому судну в точке над затонувшим крейсером встало спасательное судно «Стефанитурм», которое обычно работает в Северном море, обслуживая буровые вышки на морских нефтепромыслах. На его борту имелись барокамеры, колокол для подводных спусков и другое специальное оборудование для работ на больших глубинах.

Операция началась.

Первый раз на глубину ушли три водолаза, но колокол оказался тесен для троих, и в дальнейшем стали погружаться по двое. Впоследствии это обстоятельство учли и во второй экспедиции использовали колокол, рассчитанный для погружения втроем.

Итак, первоначально предполагалось пробраться к золоту через пробоину искореженного металла. Тогда, чтобы добраться до переборки артиллерийского погреба, прорезали отверстие в том же правом борту. Но промежуточное помещение — топливный танк — тоже оказалось загроможденным обломками рухнувшей палубы и других конструкций. А когда вскрыли переборку, обнаружили целые завалы из песчаных наносов, водорос-

лей, мазута, обломков труб. Пришлось расчищать, работая в сплошной темноте, на ощупь, в облаке ила, который отсасывали специальным устройством. Но полностью рассеять это облако, не пробиваемое даже самым ярким светом, не удалось.

Так продолжалось до 16 сентября. Только через 15 суток после начала работ по расчистке проходов к артиллерийскому погребу Джон Россье, 28-летний водолаз из Зимбабве, нашел первый слиток под номером КР0620. Каждый на судне подержал его в руках...

Сначала слитки поднимали в сварной металлической корзине — по 40 штук, но корзина застревала в загроможденном обломками трюме, и тогда решили применить капроновый мешок на 20 слитков.

На борту «Стефанитурма» было 25 специалистов-подводников (всего 60 членов экипажа), из них 15 непосредственно участвовали в глубоководных спусках — работали в три смены по два человека. Находились они на судне в жилых барокамерах, а на крейсер их доставляли в своеобразном подводном лифте — водолазном колоколе.

Наступило время осенних штормов. Сильные ветровые течения сносили судно с точки, да и водолазы устали: ведь на такой большой глубине до них еще никто не работал.

В день окончания глубоководных работ на воду был спущен венок в память о погибших моряках крейсера «Эдинбург». Тогда во время морского сражения было убито 60 английских военных моряков. Сохранившиеся чудом останки подняли на

борт спасательного судна, накрыли государственным флагом Великобритании, чтобы отдать почести погибшим...

С приходом в Мурманск участников спасательной экспедиции генеральный директор компании «Джессон марин рикавериз лимитед» Кейт Джессон сказал, что следующей весной экспедиция будет продолжена. Но только через пять лет в точке над затонувшим крейсером встало спасательное судно «Дипвотер-2». По новому советско-английскому соглашению право ведения глубоководных работ было передано английской фирме «Вартон Вильямс», которая участвовала в качестве фирмы-партнера в предыдущей экспедиции.

Еще до прихода в точку водолазы вошли в барокамеры, как бы начав постепенный спуск на глубину. Первое погружение, произведенное 4 сентября, установило, что за прошедшие после первой экспедиции годы в рабочих отсеках крейсера скопилось много наносов — их пришлось удалять, используя специальную аппаратуру. 7 сентября, когда подняли 5 золотых слитков, спасательные работы были приостановлены: даже самая совершенная техника не позволила продолжить глубоководные спуски во время шторма.

Участников экспедиции, кстати, волновала версия, основанная на архивных и литературных источниках, по которой количество погруженного в 1942 году на «Эдинбург» золота удваивается.

Водолазами, спускавшимися с «Дипвотер-2», был вскрыт и тщательно обследован соседний с артиллерийским погребом отсек, куда, вероятнее всего, могла быть погружена предполагаемая вто-

рая партия золотого груза. Все это помещение было заставлено ящиками с пиротехникой, на обследование и перестановку которых ушло около полутора суток. Но золота там не оказалось.

Двадцать три погружения совершили с судна «Дипвотер-2» двенадцать водолазов-глубинников. На судне они находились в трех барокамерах с последующим периодом декомпрессии двенадцать суток. На глубину 215 метров отправлялись в водолазном колоколе, который был оборудован специальным устройством, которое, компенсирует при волнении раскачку колокола и обеспечивает нормальное погружение. Далее — до крейсера — водолазы погружались самостоятельно, по двое, неся за собой целую систему жизнеобеспечения из трубопроводов и кабелей; с их помощью подавались дыхательная смесь и вода для обогрева, велись связь, телевизионный осмотр, освещение объекта и другие работы. Применялись эластичные водолазные костюмы мокрого типа с водяным обогревом до 75 градусов. Дело в том, что когда человек дышит гелиокислородной смесью под соответствующим давлением — в данном случае 23,5 атмосферы, — он начинает мерзнуть даже при 35 градусах. К тому же в придонных слоях низкие температуры. При ведении работ третий водолаз для страховки находился в колоколе.

Как известно, в море судно дрейфует под воздействием ветра, волн, течений. Чтобы удержать корабль без якоря в нужной точке, на борту «Дипвотер-2» была установлена система динамического позиционирования, которая по сигналам двух гидроакустических буев, опущенных на глу-

бину, определяла отклонение судна от крейсера. Обработав эти данные, ЭВМ давала команду подруливающим устройствам, удерживающим «Дипвотер-2» в заданной позиции. И все же при сильном шторме, когда скорость ветра достигала 22 метров в секунду, погружаться было нельзя.

По документам после первой операции на крейсере оставалось 34 золотых слитка, без учета предполагаемой второй партии золота. Во время второй операции было обнаружено и поднято два.

Остальные пять, находившиеся в носовой части артиллерийского погреба, разнесенной снарядом во время боя, бесследно исчезли среди искореженного металла. Это подтвердил и телевизионный осмотр объекта.

Расположенные в непосредственной близости от золотого груза боеприпасы — снаряды различного калибра, мины, гранаты, патроны — к счастью, не помешали работам.

От мазута, вытекшего из топливных танков, поднятые слитки отмывали керосином, возвращая им благородный блеск. Общий вес спасенного во второй экспедиции золота составляет 345 килограммов. Оно оценивается примерно в 3 миллиона фунтов стерлингов.

В ходе двух экспедиций, названных в зарубежной прессе «операцией века», с крейсера «Эдинбург» на поверхность было извлечено 99% от примерно пяти с половиной тонн драгоценного металла. За последнее время это наиболее удачная крупномасштабная операция по поиску и спасению затонувших сокровищ.

С учетом всех обстоятельств можно сказать, что такие сложные глубоководные работы выполнялись свободно плавающими водолазами впервые.

После успешного завершения операции спасенный золотой груз был разделен на борту «Дипвотер-2» между Советским Союзом и Великобританией в оговоренной пропорции; обе стороны должны отчислить по 45 процентов своей доли в пользу фирмы, поднявшей со дна моря драгоценный груз.

Десять слитков на борту «Дипвотер-2» отправились в Англию. Девятнадцать были перегружены в Баренцевом море — с помощью телескопической стрелы двумя партиями (для уменьшения риска) — на советское судно.

(В. Мерцалов. Золотой груз «Эдинбурга». — «Вокруг света», 1987, № 4)

РАЗДЕЛ V. КЛАДЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

За пять месяцев до капитуляции фашистской Германии Гитлер, по утверждению одного из его приближенных, заявил в узком кругу: «Мы окончательно побеждены... будущая война уничтожит Европу в течение одного дня. Если наш народ избежит истребления, именно ему предстоит подхватить факел цивилизации и воссоздать западную элиту. Я хочу оставить сокровища для возрождения будущего Великого рейха».

Неизвестно, действительно ли говорил это Гитлер, до последней минуты продолжавший надеяться на «секретное оружие» и на внезапный перелом в ходе войны. Но зато достоверно известно, что гитлеровцы действительно прятали награбленные ими сокровища. И не только в швейцарских банках... Прятали в горах, в пещерах, на дне озер, зарывали в землю. Это породило множество детективных историй...

1. СОКРОВИЩА РСХА

СОГЛАШЕНИЕ «ГИММЛЕР — ФУНК»

Эта история началась в Берлине, в середине 1942 года, в кабинете на Лейпцигерштрассе. В обстановке полнейшей секретности два человека подписали документ, похожий на договор между двумя державами.

Собственно, это и были властители двух могущественных держав: хозяин кабинета — Генрих Гиммлер, возглавлявший войска СС, и его гость Вальтер Функ — президент рейхсбанка Германии. Они договорились, что эсэсовцы будут передавать захваченные ценности в кладовые рейхсбанка.

С того дня в подземелья рейхсбанка потекли золотые реки. Комендантам концлагерей предписывалось вырывать изо рта заключенных золотые коронки, начальникам гарнизонов — отнимать у жителей городов и сел золотые серьги, броши, кольца, забирать при обысках серебряные ложки, облагать население поборами под угрозой расстрела заложников.

С охранными отрядами СС были тесно связаны гестапо — государственная тайная полиция, а также служба безопасности — СД. В 1942 году гестапо и СД были объединены под эгидой РСХА — имперского управления безопасности. Начальником РСХА был назначен генерал СС и шеф гестапо Эрнст Кальтенбруннер. Он лично отвечал за

передачу в рейхсбанк ценностей в соответствии с соглашением «Гиммлер — Функ».

Примерно в это же время в гестапо и СД родилась идея торпедировать экономику союзников «бумажным оружием». В 1943 году была начата операция «Бернхардт».

РСХА была придана «техническая группа» во главе со штурмбаннфюрером СС Бернхардтом Крюгером. В концентрационный лагерь Заксенхаузен были привезены самые квалифицированные граверы Европы. Они должны были изготавливать печатные формы для фабрикации фальшивых английских банкнот.

В огромной лаборатории изучались химический состав, плотность и структура бумаги, которую применяет английский банк. Рецепты этой лаборатории пересылались на три бумажные фабрики. На одной из них приготавливалась бумажная масса, на второй производилась бумага, на третьей она проходила окончательную обработку.

Английский банк через неравные промежутки времени меняет серии и номера денежных знаков. Определенные номера отвечают лишь определенным сериям, а серии, в свою очередь, соответствуют датам, стоящим на каждой купюре. Эту чрезвычайно сложную систему должна была расшифровать группа ученых-математиков, прикомандированных к гестапо.

В лагере Заксенхаузен построили два новых каменных барака — 18 и 19. Здесь узники резали бумагу, работали на печатных станках и вели специальную обработку «готовой продукции», в результате которой новеньким фальшивым банкно-

там придавался вид неоднократно побывавших в кошельках и кассах.

Итак, Крюгер должен был фабриковать миллиарды фальшивых фунтов стерлингов. Распространение же их было поручено бывшему адъютанту Кальтенбруннера Отто Скорцени, возглавившему в 1943 году «специальную школу Ораниенбаум», расположенную в охотничьем замке Фриденталь в часе езды от Берлина, — настоящий «университет» для убийц, где курсанты обучались технике убийств и диверсий, прыжкам с парашютом и подводному плаванию. Здесь же будущие агенты проходили специальную психологическую обработку: их отучали от чувства сострадания, от привязанности к родным и близким. Эти чувства заменяла идея преданности Гитлеру и величия смерти во имя фюрера. Чтобы секреты гестапо не стали известны противнику, агент, захваченный в плен, обязывался немедленно покончить с собой. Поэтому в «школе Ораниенбаум» обучали и технике самоубийства.

О ходе операции «Бернхардт» знал очень узкий круг лиц: шеф гестапо Эрнст Кальтенбруннер, его адъютант Хаттль, Скорцени, Крюгер и еще два—три человека, в том числе финансовый эксперт операции эсэсовец Швенд.

Изготовление фальшивых денег имело три главных цели. Во-первых, в большинстве стран немецкие марки не принимались как средство платежа, английские же фунты стерлингов ценились высоко. Под руководством Швенда на черных рынках Германии и нейтральных стран на фальшивые деньги скупались золото и иностран-

ная валюта. Эти ценности Кальтенбруннер сдавал в кладовые рейхсбанка.

Во-вторых, миллиарды фальшивых фунтов намечалось пустить в обращение на территории Великобритании, ее союзников и нейтральных государств, связанных с нею торговыми отношениями. Это должно было привести к краху банков и фирм, к дезорганизации торговли, разорению тысяч людей, короче говоря, к экономической катастрофе Великобритании.

Но для такой цели фальшивые деньги должны были совершенно не отличаться от подлинных. Этого удалось достигнуть — увы — слишком поздно, только в 1945 году. До тех пор опытные эксперты в швейцарских банках отличали немецкие фальшивки от настоящих банкнот. Но и эти фальшивки не пропадали. Эти «деньги» имели третье назначение: их расходовали на содержание агентурной сети. РСХА требовало огромных средств; услуги немецких агентов с 1943 года, по предложению Хаттля и Швенда, стали оплачиваться фальшивыми купюрами.

ТАЙНИК С «ПОЛЬСКИМ ЗОЛОТОМ»

В последних числах декабря 1943 года над одним из пустынных уголков Южного Ирана появился самолет без опознавательных знаков. Сделав круг над местностью, самолет выбросил четырех парашютистов — гауптштурмфюрера СС Курмиса, двух эсэсовцев и переводчика. Курмис был, что называется, «человеком с биографией» —

он уже отличился в Литве в роли палача. Двое его помощников прошли обучение в Фриденале. Переводчиком был иранец, привлеченный за какое-то преступление, но бежавший от суда. Все четверо получили задание проникнуть на коммуникации англичан и поджечь нефтепромыслы.

Немцы стремились во что бы то ни стало парализовать снабжение английского флота горючим. Группа Курмиса представляла собой один из диверсионных отрядов, заброшенных, по заданию Кальтенбрунера, в районы Ближнего Востока. Это было крупное задание выпускникам Фриденальской школы, и Скорцени позаботился, чтобы его агентов хорошо оснастили. Вслед за группой на пяти грузовых парашютах были спущены ящики с минометами, автоматами, противопехотными минами и особыми минами замедленного действия, изготовленными в лаборатории Фриденала. Эти мины имели тот же удельный вес, что и нефть. Вместе с потоками горючего они должны были попадать в нефтепроводы, танкеры, цистерны, вызывая всюду внезапные пожары.

В одном из тюков находился также ящик со 100 тысячами фальшивых фунтов стерлингов, предназначенных для подкупа кочевых племен, и два кожаных мешка с золотыми монетами, слитками золота и платины — на случай, если фальшивые банкноты не окажут желаемого действия. Эти ценности были выделены диверсионной группе по случаю удачной массовой «польской кампании». В результате этой кампании рейх получил 18.000 килограммов золота и 100.000 килограммов

серебра, значительная часть которых, по предложению РСХА, предназначалась на развертывание диверсий на Ближнем Востоке.

...Группа Курмиса разбила лагерь и отправила переводчика к одному из мелких южноиранских феодалов. Братья этого феодала жили в Германии и поддерживали тесную связь с нацистскими кругами. Переводчик возвратился через два дня с вьючными и верховыми лошадьми.

К удивлению своих сообщников, Курмис не отдал приказа сворачивать палатки. В ближайшую же ночь он погрузил кожаные мешки на двух лошадей и сам, вооруженный до зубов, отправился в неизвестном направлении. Остальным диверсантам было строжайше запрещено покидать лагерь до его возвращения.

Курмис, усталый и запыленный, вернулся только на рассвете. Кожаные мешки были пусты. Точное описание ориентиров места, где он спрятал ценности, Курмис специальным шифром передал по радио в Берлин.

Известие о группе парашютистов быстро распространилось по пустыне. Конные гонцы принесли эту весть и в резиденцию Назыр-Хана, вождя одного из крупных племен, возглавлявшего антианглийскую группировку в Южном Иране.

Назыр-Хан избрал своим военным советником уже немолодого прусского майора Шульце-Хольфуса. Под руководством этого майора состоялось немало налетов на английские коммуникации в течение 1941 и 1942 годов. Хан рассчитывал на вторжение фашистов в Иран со стороны Кавказа. Шульце-Хольфус уверял его в том, что оно неиз-

бежно. Но когда надежда на вступление немецких войск в Иран рухнула, Назыр-Хан заключил в англичанами негласный мир.

Посланцы Назыр-Хана без труда разыскали Курмиса и его подручных, и все произошло, как в сказке. Было с блеском продемонстрировано традиционное гостеприимство. На вертелах жарились целые бараны. В котлах дымился плов. Хозяева и гости восседали на экзотических коврах. Ораторы в цветистых речах превозносили гостей, Гитлера и его армию.

Казалось, все обстоит отлично. Курмис преподнес Назыр-Хану массивный пистолет, отлитый, кроме нескольких стальных деталей, из золота. Хан не скрыл своего восторга от подарка и долго рассыпался в благодарностях. А затем неожиданно дал понять, что видит в этом знаке внимания вполне понятное признание своих прежних заслуг перед Германией, однако никаких новых обязательств участвовать в борьбе против союзников на себя более не берет.

Для Курмиса его слова показались громом среди ясного неба пустыни. Правда, законы восточного гостеприимства охраняли агентов, тем не менее оставаться у Назыр-Хана немецкая диверсионная группа сочла опасным. И Шульце-Хольфус, хорошо знавший страну, повел группу в горы.

Несомненно, у Курмиса были запасные явки и запасные маршруты, но ими он воспользоваться не успел. Диверсантов обнаружила и захватила английская контрразведка, возможно, что даже не без помощи Назыр-Хана. Ни у кого из эсэсовских

агентов не хватило духа раздавить зубами ампулу с цианистым калием, как их учили в школе. Все сдались живыми.

Шульце-Хольфус впервые за много лет услышал от диверсантов Скорцени рассказы о порядках и нравах в агентурных школах гестапо и войсках СС. Они перепугали давно не бывавшего в Германии майора. Попав в плен, он немедленно выложил на допросе все, что знал, надеясь спрятаться подальше от гестапо. Дали показания и оба эсэсовца. Однако они не знали главного — где зарыты сокровища.

Курмис молчал, опасаясь, что длинная рука Кальтенбруннера достигнет его и в камере английской контрразведки.

Допрос следовал за допросом. Где золото? Кто разрабатывал планы диверсий? Кого и какими методами учит Скорцени в своей агентурной школе?

Курмис не отвечал.

Но вот однажды он потребовал бумагу. Сделав вид, что собирается писать показания, Курмис незаметно вскрыл себе вены карандашом. Английские врачи успели вовремя сделать ему переливание крови. Курмиса поместили в военный госпиталь и установили круглосуточные дежурства у его постели. Но англичане недооценили немецкого агента. Курмис сумел воспользоваться чьей-то оплошностью и выбросился в окно.

Со смертью Курмиса местоположение тайника с ценностями, захваченными в Польше и спрятанными в Южном Иране, осталось известным лишь высшим чинам гестапо. После казни Кальтен-

бруннера, возможно, что этим секретом владел один лишь Скорцени.

«РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЕ СОВЕЩАНИЕ»

Декабрь 1944 года. За окном сторожевой будки назойливый, мелкий дождь. Тучи заволокли хмурое небо, сырость до костей пронизывает угрюмых эсэсовцев в клеенчатых плащах. В такой день самолеты союзников не полетят над обожженной разрывами бомб Германией.

Охранник в стальной каске внимательно изучает документы пассажиров, подъезжающих к домику на окраине города Страсбурга. Подкатывают все новые машины. По всему видно, что собирается высокое начальство. Под плащами поблескивает шитье мундиров. Шеф гестапо Кальтенбруннер, не меняя каменного выражения лица, ждет, пока закончится проверка его документов.

Не успел его бронированный «хорх» проползти по узкой аллее к зданию, как у сторожевой будки остановился забрызганный грязью «Опель-адмирал» Адольфа Эйхмана — начальника «Отдела IV», ведавшего уничтожением евреев в Европе. За ним на спортивной машине прибыл Отто Скорцени. Появляются один за другим короли германской промышленности и тузы финансового мира.

Сегодня они собрались под председательством Кальтенбруннера, чтобы решить вопрос о том, как быть со всем тем богатством, что прибыло в Берлин из городов Европы, из концентрационных ла-

герей, из музеев и частных коллекций; что делать с золотом, купленным в нейтральных странах на фальшивые деньги, наконец, — с самими фальшивыми деньгами.

В конце 1944 года Кальтенбруннер уже понял, что война проиграна. Однако он старался как-то сберечь попавшие в Германию в ходе войны ценности: шеф РСХА надеялся, что в дальнейшем с их помощью удастся воздвигнуть новый, «четвертый рейх». На «распределительном совещании» был произведен их раздел между руководителями Германии.

Все решалось быстро, точно и четко: кому из участников совещания отдается такая-то доля и каким путем она будет скрыта от победивших в войне союзников. Счет шел на миллионы. Никто не мелочился, ибо никто не знал, что будет завтра. Герингу предназначалось 8,5 млн. марок, на имя подставных лиц Геббельса покупались земли, Кальтенбруннер получал счет на имя Артура Шейдлера на сумму 3 млн. марок.

Протокол совещания вел лично Кальтенбруннер, скрепивший затем своей подписью подробные реестры распределенных ценностей. Переброска их за рубежи была возложена на РСХА. Совещание рассмотрело также оперативные планы, системы псевдонимов и шифров.

После страсбургского совещания поток капиталов хлынул из Германии в испанские, швейцарские, южноафриканские банки. «Тайна вкладов», не позволяющая банкиру сообщать даже полиции о размерах счета любого из вкладчиков, независимость банков нейтральных стран, а также зако-

ны, запрещающие банку интересоваться происхождением вкладов — все это оказалось на руку руководителям третьего рейха.

Впрочем, Кальтенбруннер не слишком доверял своим соратникам. «Личные» шифры получил очень узкий круг лиц. Подавляющая масса ценностей была вложена на зашифрованные счета с особым условием: вклад выдается при наличии на документе трех подписей. Эти подписи должны были принадлежать людям, знающим три части шифра, но не знакомым друг с другом. Список этих людей хранился в РСХА среди особо важных документов, чтобы ни одна из «троек» не могла сговориться.

Но далеко не все, что скопилось в подвалах германского рейхсбанка, и далеко не все, что попало в руки высокопоставленного руководства, было переправлено за границу. В первую очередь это относилось к фальшивым деньгам. Кальтенбруннер сумел реализовать «только» 350 миллионов фунтов стерлингов, изготовлено же было значительно больше. Вывозить их за границу было бы неблагоразумно. Не удалось вывезти и весь золотой запас рейхсбанка, секретные документы гестапо и СС, ценности, которые руководители СС держали при себе. Пока была хоть какая-то надежда, что удастся заключить сепаратный мир с американцами, все это находилось в Берлине. Когда же советские войска вступили на территорию Германии, Вальтер Функ и Эрнст Кальтенбруннер подписали новое соглашение. Оставшееся золото, драгоценности и шедевры мирового искусства РСХА должно было либо перебросить в

Швейцарию, либо спрятать в тайниках на германской территории, которую пока еще контролировали нацисты.

«АЛЬПИЙСКАЯ КРЕПОСТЬ»

Австрийская Штирия — идиллический край, родина поэтических сказок. Долины Штирии славятся плодородием и мягкостью климата. Отроги Альп, окружающие долины, издавна известны ископаемыми богатствами. Железная руда, свинец, соль добывались здесь с незапамятных времен. Об этом говорят бесчисленные выработанные и заброшенные шахты и штольни. На старый рудник здесь можно наткнуться всюду...

Апрель 1945 года. Советские войска подходили к Берлину, американцы и англичане быстро продвигались на восток. Не сегодня — завтра Германия должна была оказаться целиком оккупированной соединившимися войсками союзников. Конец третьего рейха оставался вопросом ближайших дней.

Штирия оказалась островком в стороне от главных направлений военных действий. Сюда бросились остатки эсэсовских подразделений, чтобы в горах создать так называемую Альпийскую крепость.

Эвакуация ценностей третьего рейха из Берлина началась, по-видимому, в конце марта или начале апреля 1945 года. Кальтенбруннер вместе со своим штабом и колоннами охраняемых эсэсовцами автомашин отступил сначала на юг Германии,

в Баварию, где в начале апреля было еще относительно спокойно. В Баварии была наспех закопана часть золотого запаса.

«Консервацией» ценностей должен был руководить сам президент рейхсбанка Вальтер Функ, но он не сумел пробиться в Баварию и попал в руки американцев.

Союзники приближались быстрее, чем рассчитывал Кальтенбруннер. Он понимал, насколько опасно оставлять эти огромные сокровища в одном районе, и когда остатки эсэсовских отрядов отошли в Штирию, Кальтенбруннер приказал перебросить из Баварии в Штирию сто грузовиков с золотом, документами и произведениями искусства.

В «Альпийской крепости» предполагалось организовать длительное сопротивление союзникам и, не торопясь, спрятать ценности в горах таким образом, чтобы, кроме посвященных, никто не мог их найти.

Руководил подготовкой к обороне «Альпийской крепости» Отто Скорцени. Он вывез сюда своих агентов из «специальной школы Ораниенбаум» и сумел даже перебросить из Фриденталя фабрику фальшивых документов. Здесь в тишине заброшенной штольни его «мастера» изготовили паспорта для Гиммлера, Кальтенбруннера, Эйхмана и многих других высокопоставленных нацистов.

Одновременно с этим два опытных диверсанта — Хунке и Радль — по извлеченным из архивов картам изучали заброшенные шахты, выбирая наиболее подходящие для устройства тайни-

ков. Хеттль, уроженец Штирии, хорошо знающий эти места, рекомендовал Скорцени сотрудника тайной экспериментальной базы подводного флота эсэсовца Келлера. Опытный альпинист и скалолаз Келлер оказал эсэсовцам немалую помощь.

Ста пятидесяти офицерам специальной команды гестапо предстояло не смыкать глаз всю апрельскую ночь. Для конспирации их одели в шинели с погонами рядовых. Получив снаряжение, офицеры выслушали наставления генерала СС Фрейлиха, который не то от ночного холода, не то из желания остаться неузнанным, прикрывал лицо воротником шинели.

Задание заключалось в том, чтобы сопровождать шесть колонн, идущих в Австрию. Несмотря на то, что дорога, по которой проходил маршрут, контролировалась войсками, а каждая колонна охранялась танковым подразделением, офицерам было предписано соблюдать особые меры предосторожности и не спускать глаз с водителей. В случае опасности офицеры должны были взорвать машины.

Крытые брезентом грузовики стояли на дороге. Воздух дрожал от мерной работы дизелей. На ящиках с грузом не было никаких надписей, кроме порядковых номеров. Длинные черные чехлы скрывали содержимое.

Многие немцы еще верили в чудесное предвидение фюрера и в «новое секретное оружие», которое должно было обеспечить перелом в проигранной войне. Сопровождающие думали, что охраняют стратегический груз. Лишь Фрейлих знал, что везут автомашины.

В длинных свинцовых ящиках лежало золото, в более коротких и плоских — фальшивые деньги. Миллиарды фальшивых фунтов стерлингов, которыми агенты Скорцени так и не успели «торпедировать» экономику Великобритании.

В ящиках кубической формы, помеченных литерой «В», находились архивы, которыми Кальтенбруннер дорожил не меньше, чем самими сокровищами. Здесь были списки участников Страсбургского распределительного совещания с указанием доли каждого; номера зашифрованных счетов в иностранных банках, списки агентов гестапо во всех странах мира.

В кармане у одного из эсэсовцев находился реестр, впоследствии обнаруженный американцами, надлежащим образом оформленный и подписанный Фрейлихом:

166 250 000 швейцарских франков,
299 018 300 американских долларов,
31 351 250 000 в золотых слитках,
2 949 100 в бриллиантах,
93 450 000 коллекции марок и предметы искусства,
5 425 000 наркотики.

(Последние четыре цифры не расшифрованы, поэтому неизвестно, в каких денежных единицах, — марках, франках, долларах — исчисляются ценности). В целом богатства, вывезенные РСХА в Штирию, оценивались во время Нюрнбергского процесса в пять миллиардов двести миллионов долларов.

Колонна грузовиков прибыла из Баварии в «Альпийскую крепость» 3 мая 1945 года. Берлин

уже капитулировал. Гитлер и Геббельс покончили с собой. Гиммлер скрывался где-то на севере Германии под вымышленной фамилией.

В этот день Кальтенбруннер произвел Отто Скорцени в шефа разведки и контрразведки Германии и назначил своим заместителем. Эту должность ранее занимал Вальтер Шелленберг, но он был уже арестован союзниками.

Своему новому заместителю Кальтенбруннер поручил прятать прибывающие грузы. Однако тайники еще не были оборудованы. Скорцени встретил автоколонну близ высокогорного озера Топлиц. Дальше дорога оказалась забитой автомашинами, поэтому колонне двигаться было некуда. Скорцени приказал команде, сопровождавшей колонну, оборонять горные проходы, предварительно передав груз группе фриденвальских агентов. По совету опять-таки Хеттля грузы было решено затопить в озере, на глубине 80—90 метров. Лишь небольшую часть ценностей успели перенести в тайники, устроенные в шахтах.

Пока Скорцени выполнял приказ, Кальтенбруннер зарывал свое «личное» золото в Зальцбурге, в саду виллы Керри. Один из руководителей фашистской партии Хельмут фон Химмель, тоже прибывший в Зальцбург, прятал принадлежавшие «партийной кассе» миллионы в подвалах средневекового дворца Зальцбургского архиепископа.

У Адольфа Эйхмана было семь ящиков с ценностями — на восемь миллионов долларов. Австрийской жандармерии удалось проследить их путь от «Ракотеля», где жил Эйхман, до местечка,

лежащего в шести километрах от озера Альтаусзее, называемого Блю-Альм. Дальнейшая судьба их неизвестна.

8 мая гитлеровская Германия капитулировала и как государство перестала существовать. Защитники «Альпийской крепости» понимали бессмысленность дальнейшей борьбы. Те, кто надеялся, что союзники сохранят им жизнь, стали сдаваться американцам. Построенные укрепления никто не оборонял. Американские солдаты и отряды австрийских антифашистов легко проникли в «крепость» и прочесывали ее квадрат за квадратом в поисках руководителей гестапо, СД и РСХА.

Со Скорцени осталось лишь немного преданных ему людей. Однако он не сдавался. Вместе с Радлем и Хунке он скрывался в альпийской хижине, которую охраняли верные ему эсэсовцы. Здесь выполнялся последний приказ Кальтенбруннера: создать тайную организацию, которая могла бы помогать видным гитлеровцам маскироваться и уходить от суда. С помощью спрятанных сокровищ и тайных складов оружия эта организация должна была превратиться в большую силу, а в дальнейшем стать ядром возрожденной фашистской партии.

Скорцени удалось переправить несколько агентов в Швейцарию, а оттуда — в разные концы Европы. Они должны были организовать там тайные базы гитлеровцев. Главную базу организации Скорцени, Радль и Хунке оборудовали в заброшенной шахте близ Зальцбурга. Они уложили в штольнях тонны взрывчатки, мины разных конст-

рукций, стрелковое оружие, гранаты и зажигательные бомбы.

Скорцени распустил свою группу лишь тогда, когда американцы случайно наткнулись на его тайник. За себя он был спокоен: в горах, на секретном аэродроме его ждал готовый к старту самолет. Однако этот самолет обнаружила группа партизан. А 15 мая 1945 года и сам Отто Скорцени был схвачен в своем убежище.

Был арестован и Кальтенбруннер. Фальшивый паспорт не помог начальнику РСХА.

«БАВАРСКИЕ» КЛАДЫ.

В июне 1945 года близ деревушки Эйнзидель американцы выкопали один из «баварских» гитлеровских кладов. Вскоре выяснилось, что другой клад — ящики с платиной — спрятан во дворе дома местного лесничего. Лесничий был подвергнут допросу и подтвердил, что в конце апреля получил указание из Берлина оказать помощь в сохранении государственных ценностей, но, однако, сразу же после занятия Эйнзиделя союзниками он сдал ценности группе американских офицеров. Лесничий представил форменную расписку, которая, как и следовало ожидать, оказалась фальшивой.

Тогда же американскому коменданту — майору Боргу — позвонили из немецкой полиции города Штаренберга и сообщили, что в местном пруду обнаружен неопознанный труп человека с простреленным черепом. Офицер, высланный на ме-

сто происшествя, обнаружил в кармане убитого багажную квитанцию. По квитанции на вокзале был выдан огромный сундук с золотыми слитками. Сундук передали Боргу, и после этого его следы теряются, ибо в руки американских оккупационных властей сундук не попал.

В начале 1947 года Борг бежал из Германии. Его дезертирство было расследовано. Но результаты расследования не опубликованы. Известно лишь, что Борг очень сдружился с одним из участников захоронения фашистского золота, сыном бывшего нацистского посла в Швеции Генрихштейна. Известно также, что американский майор и бывший нацист частенько совершали на комendantском «паккарде» путешествия в Швейцарию. Бросалось в глаза, что, отправляясь в путь, машина всегда была тяжело нагружена, а возвращалась порожняком.

В декабре 1947 года в городе Гармиш-Партенкирхен разыгралась новая трагедия — была найдена мертвой, с перерезанным горлом, вдова полковника СС, хозяйка местной гостиницы и ресторана. Офицер немецкой уголовной полиции, который вел следствие, установил, что эта дама была тоже тесно связана с лицами, укрывавшими ценности. Американцы немедленно отстранили излишне проникательного офицера от расследования, а через несколько дней он был убит при загадочных обстоятельствах.

АЛЬПИЙСКИЕ СОКРОВИЩА

Зальцбургские клады Кальтенбруннера, фон Химмеля и золотые запасы рейхсбанка, спрятанные Скорцени в старой шахте, были обнаружены в 1945—46 годах.

Отто Скорцени 28 июля 1948 года бежал из лагеря военных преступников в американской зоне оккупации близ Дармштадта с помощью той самой организации, начало которой он же положил в «Альпийской крепости». В дальнейшем она выросла и тесно переплелась с организацией Гелена (ФРГ) и ОАС (Франция).

Организация, как и предвидел Кальтенбруннер, требовала много денег. Поэтому члены ее, руководимые Отто Скорцени из Испании, продолжали зорко следить за тем, что делается в районе Зальцбурга и особенно у озера Топлиц. Не случайно жена Адольфа Эйхмана жила здесь до 1952 года.

Драмы одна страшнее другой стали происходить в этих местах. Еще в феврале 1946 года на поиски спрятанных сокровищ отправились на гору Раухфанг три опытных альпиниста; два инженера — Хельмут Майер и Людвиг Пихлер, а также шофер Хаслинггер.

Хаслинггер вернулся один. На вопрос о спутниках он ответил, что из-за плохой погоды он побоялся продолжать путь и дошел только до полдороги. Оба инженера не вняли его увещаниям и пошли дальше.

Через месяц команда спасательной службы нашла сложенную из снега хижину. Около хижины

лежали трупы обоих инженеров. Живот Пихлера оказался разрезанным, желудок вынут и вложен в карман.

Что искал убийца в желудке своей жертвы?

Преступление осталось нераскрытым.

В 1949 году на допросе у следователя о сокровищах заговорил бывший эсэсовец Готтлих. Он якобы командовал охраной группы пленных в районе Зальцбурга. «Русские пленные зарыли тридцать ящичков. Но они не проговорятся!» — заявил он. Место, где спрятаны ценности, Готтлих отказался назвать.

Его слова просочились в печать, и через три дня Готтлих бесследно исчез. Его брат потребовал расследования, но получил по почте «совет» немедленно отказаться от своих намерений.

В 1950 году в ФРГ вышла книга Вальтера Хагена «Операция Бернхардт». В ней подробно, как мог это сделать только участник событий, описана операция по изготовлению фальшивых денег. Многие поверили автору, указавшему, кроме всего прочего, место затопления рейхсбанковских сокровищ — в 29 километрах от озера Топлиц. Но вскоре выяснилось, что под именем Вальтера Хагена скрывается не кто иной, как адъютант Кальтенбруннера Хеттль. Целью его публикации было навести поиски на ложный след.

А вскоре Хеттль был выпущен из тюрьмы и избрал местом жительства опять-таки район города Зальцбурга, где он открыл частную школу для мальчиков.

В 1952 году искать тайники в штирийских Альпах отправился преподаватель географии, фран-

цуз Жан де Сос. Есть основания предполагать, что он что-то нашел. Но Жан де Сос не вернулся. Его жизнь оборвала pistolетная пуля.

Банковский служащий Эммануэль Берба, который также пустился за сокровищами в горы, был найден обезглавленным. Нет следов Иозефа Маттеиса: обнаружен лишь покинутый им кемпинг.

В том же году на поиски сокровищ выехали гамбургский инженер Келлер и некто Герт Гернс. Оба опытные скалолазы. Однако Гернс «сорвался» в пропасть (его тело было найдено в районе озера Топлиц). Келлер дал показания о том, как произошел несчастный случай, и затем внезапно исчез. А вскоре было установлено, что инженер Келлер из Гамбурга и эсэсовец Келлер, начальник тайной подводной базы, одно и то же лицо.

ТАЙНА ОЗЕРА ТОПЛИЦ

В 1959 году западногерманский иллюстрированный журнал «Штерн» решил предпринять экспедицию по подъему затопленных сокровищ третьего рейха со дна озера Топлиц. Операция была широко разрекламирована по радио и в печати. Сообщалось, что экспедиция оснащена ультразвуковыми зондами и подводными телекамерами и что она обнаружила семь ящиков на глубине около 80 метров.

Когда это стало известно, в адрес экспедиции начали поступать анонимные письма, полные угроз и требований прекратить поиски. Все же семь ящиков экспедиция подняла на поверхность озе-

ра. В шести из них оказались фальшивые фунты стерлингов. В седьмом, кубическом ящике, с надписью В-9 были, по-видимому, документы. Но об этом «Штерн» умолчал.

И тут появился упомянутый выше Келлер. На другой день после находки его видели беседующим с начальником экспедиции. О чем они говорили — неизвестно. Но поиски были немедленно прекращены по приказу главного редактора журнала. Никаких объяснений по этому поводу журналистам добиться не удалось.

В 1961 году возникла «исследовательская группа озера Топлиц» во главе с перуанцем немецкого происхождения миллионером Швендом. Швенд не успел еще появиться в Австрии, как газеты разоблачили его связи с руководством гестапо. Вдобавок выяснилось, что это тот самый Швенд, которого разыскивает полиция по делу об убийстве. Поднятые протесты не позволили группе приступить к поискам ни в 1961, ни в 1962 годах.

В 1964 году исполнилось 20 лет со времени Страсбургского распределительного совещания. По закону — ценности, лежащие на шифрованных счетах и ни разу за двадцать лет не востребованные, становятся собственностью банка, в котором они хранятся. Астрономические суммы могли уплыть из рук неофашистских организаций, руководимых Скорцени, если не будут найдены шифры и ключи к ним.

Вот почему в 1963 году «исследовательская группа» на высокогорном озере Топлиц начала активно действовать, невзирая на препятствия. Пресс-конференция руководителей группы Барча

и Ригля, состоявшаяся летом 1963 года, окончилась скандалом. Общественность Австрии потребовала официального обследования озера Топлиц австрийскими властями.

Дело упорно тормозилось, пока не появилась новая жертва. В начале осени 1963 года при непонятных обстоятельствах в озере Топлиц утонул юноша аквалангист. Сигнальная веревка оказалась обрубленной.

Австрийские власти вынуждены были приступить к обследованию озера. Они сообщили, что на глубине 80 метров озеро в отдельных местах заполнено окаменелыми остатками деревьев на высоте до 60 метров. Из-за наступивших холодов работы были прерваны до весны 1964 года, когда было сообщено, что на дне озера Топлиц ничего нет.

Снова на сцене появился Хеттль. Он также устроил пресс-конференцию, чтобы еще раз заявить, что ни озеро Топлиц, ни другие окрестные озера не содержат ничего интересного и ценного. Хеттль отвечал корреспондентам по-военному ясно и точно. Только по одному вопросу им не было сказано ничего вразумительного. Почему он, Хеттль, выбрал этот район для своего пребывания? Почему руководимая им школа расположена в столь труднодоступном месте?

Тайна озера Топлиц осталась неразгаданной.

А может быть, тут и нет никакой тайны? Может быть, не было Штутгартского совещания, как утверждает тот же Хеттль, не было ни спрятанных архивов, ни сокровищ? В самом деле, чем объяснить, что ни в Австрии, ни в Германии,

несмотря на поиски, ничего не было найдено?

И вдруг ошеломляющая находка там, где ее все не ждали: в Чехословакии, недалеко от австрийской границы, лежит Черное озеро. Расположенное в угрюмой болотистой местности, озеро это издавна служило пищей для романтических и кровавых легенд.

Летом 1964 года чехословацкое телевидение решило устроить репортаж со дна Черного озера, полагая, что здесь могут оказаться какие-нибудь средневековые реликвии. Но вместо рыцарских перчаток или останков русалочьих жертв со дна озера 7—13 июля 1964 года были подняты ящики с документами гестапо. О их содержании мир узнал 15 сентября из сообщения Чехословацкого министерства внутренних дел.

Здесь оказались важнейшие документы об истреблении шести миллионов евреев той самой организацией, которой руководил Эйхман. Здесь оказались сведения об убийстве австрийского канцлера Дольфуса, произведенном Скорцени по приказу Кальтенбруннера. Здесь был список агентов гестапо, шпионивших не за кем-нибудь, а лично за другом и союзником Гитлера — Бенито Муссолини.

Удалось найти очевидца перевозки этих ящиков. Франтишек Гоуска был в эшелоне автомашин, которые вышли из Берлина 23 апреля 1945 года. Вел эту колонну Скорцени. Гоуска видел, как одна часть колонны отделилась в Баварии от эшелона и направилась в сторону «Альпийской крепости», в то время как другая, в которой находился он сам, продолжала путь в Моравию.

Как происходило затопление, он не знает: за несколько часов до этого Гоуске удалось бежать и этим спасти себе жизнь. Он точно помнит, что, не доезжая до Черного озера, от колонн отделились еще четыре тяжело нагруженные машины; вскоре они примкнули к колонне уже без груза.

Архивы и сокровища, запрятанные гестапо после бегства из Берлина, стало быть, существуют — и не только в одной «Альпийской крепости».

2. ЗОЛОТО РОММЕЛЯ

Ореолом глубокой тайны по сей день окутано все, что относится к золоту генерал-фельдмаршала Эрвина Роммеля, командовавшего германскими экспедиционными силами в Северной Африке. Шесть тяжелых ящиков, доставленных под усиленной охраной 8 мая 1943 года в Бизерту и затем бесследно исчезнувших, по сообщениям печати, стоили жизни нескольким искателям сокровищ. Одни из них исчезли при весьма странных обстоятельствах, других находили убитыми...

С 50-х годов интерес к «сокровищам Роммеля» не ослабевал. Этой теме, гарантирующей читательский интерес, посвящались многочисленные статьи в иллюстрированных журналах и даже был поставлен художественный фильм «Монокль». Вкратце события в нем развивались следующим образом.

Африканский корпус Роммеля, продвигаясь во время войны по Северной Африке, награбил несметные сокровища — золотые слитки, валюту и произведения искусства из музеев захваченных городов. В 1943 году эсэсовцы погрузили эти ценности в шести больших бронированных контейнерах на суда и отправили из тунисского порта Бизерта в Аяччо на Корсике, откуда их должны были вывезти с морским конвоем в Италию. Но налетевшая американская авиация потопила немецкие корабли. Тогда эсэсовская охрана решила спрятать сокровища в подводной пещере у корсиканского побережья — в бухте Сен-Флорин, по одним данным, или возле восточного побережья

на глубине пятидесяти пяти метров — по другим.

В 1948 году на Корсике появился бывший эсэсовский фельдфебель Петер Флейг, незадолго до этого выпущенный из лагеря военнопленных. Он утверждал, что участвовал в затоплении контейнеров с сокровищами и может найти это место. Целый месяц Флейг нырял с аквалангом, пока не кончился выделенный французским военно-морским министерством кредит в миллион франков. Результат поисков был нулевой. Сам Флейг, обвиненный в мелком мошенничестве, провел два месяца в тюрьме Бастии. По выходе оттуда он был похищен мафией. Ее главари пытками вырвали у него точные сведения о кладе, после чего Флейг как в воду канул (возможно, в буквальном смысле слова).

Несколько экспедиций, занимавшихся поисками сокровищ после эсэсовского фельдфебеля, закончились полным фиаско. Осведомленные лица утверждали, что в этой серии неудач видна рука мафии, тем более, что каждый раз кто-нибудь из кладоискателей погибал.

В этой истории, писаной и переписанной сотни раз, все или почти все было выдумкой.

Главным действующим лицом тех событий, о которых пойдет речь, является Джон Годли — третий ирландский барон Килбракен, журналист и путешественник. В середине 50-х годов он приехал на лето в Аяччо. В первый же вечер хозяин гостиницы поведал ему о спрятанных на Корсике «сокровищах Роммеля». Килбракен запросил один американский журнал, не заинтересует ли их данная тема. Оттуда прислали «добро».

Полтора месяца Джон по крупицам собирал сведения, которые если и не прояснили до конца эту запутанную историю, то по крайней мере выявили ее главные этапы. Он бродил по кабачкам в крохотных портах побережья; беседовал со всеми людьми, встречавшимися с Флейгом; нашел водолазов, которых экспедиции нанимали для подводных работ; интервьюировал судебных чиновников и тюремных надзирателей в Бастии.

Наконец, в 1961 году Килбракен разыскал самого Флейга, который, как оказалось, вовсе не «исчез», а преспокойно жил в тихом немецком городке на Рейне, подальше от мафии и журналистов.

Все, что ему удалось узнать, Килбракен изложил американцу Эдвину Линку — изобретателю знаменитого «Линк-Трейнера» (тренажера для пилотов, на котором летчики во время второй мировой войны проходили ускоренный курс подготовки), а также владельцу компании, насчитывающей 16 тысяч служащих. Эдвин Линк, кроме того, увлекался подводной археологией и конструированием новых технических средств для жизни человека под водой.

Линк внимательно выслушал Килбракена и ответил «нет».

— С вашими сведениями и моим снаряжением нам предстоит искать иголку в стоге сена. А в данном случае у нас еще завязаны глаза и на руки надеты боксерские перчатки. Наберитесь терпения. В следующем году я жду новый чувствительный магнитометр «Протон», который готовит для нас профессор Грей из Эдинбургского уни-

верситета. Думаю, это как раз то, что нам нужно.

Килбракен не стал настаивать, ведь за плечами Линка был большой опыт по обнаружению затонувших судов, а его яхта «Си Дайвер» была первым судном, задуманным и построенным как поисковый корабль для подводной археологии, представлявший собой плавучую электронную лабораторию.

Линк пообещал Килбракену, что следующим летом он вместе с ним займется поисками «сокровищ Роммеля» на Корсике. Слово свое он сдержал.

Итак, летом 1962 года яхта «Си Дайвер» вышла из Монако и направилась к Бастии. На ее борту, кроме Джона Килбракена и Эдвина Линка, находился известный кладоискатель-подводник Робер Стенюи. Он оказался там совсем не случайно. Незадолго до начала экспедиции Стенюи написал письмо Линку, в котором изложил подробный план подводных поисков «сокровищ Роммеля». К тому же, его хорошо знали как опытного подводника, нашедшего в Ирландии сокровища Непобедимой Армады. Линк и Килбракен решили включить Стенюи в состав экспедиции и воспользоваться предложенным им планом.

На борту «Си Дайвера» Стенюи узнал подлинную историю знаменитых сокровищ. Вот что рассказал ему о них Килбракен:

— Во-первых, «сокровища Роммеля» — вовсе не сокровища Роммеля. Во-вторых, Петер Флейг — не Петер Флейг. Но Бог с ним, будем называть его так. В 1947 году он сидел в лагере Дахау, где американцы держали эсэсовцев и военных преступ-

ников. Там же был некий Шмидт. Во время кампании в Северной Африке он возглавлял особую моторизованную команду СС, следовавшую за корпусом Роммеля, но подчинявшуюся лично Гиммлеру. В ее задачу входил методический грабеж банков, ювелирных магазинов и музеев в оккупированных немцами городах. В конце кампании, когда союзники прижали немцев к морю, а связь с Гиммлером была потеряна, оберштурмбаннфюрер Шмидт решил действовать на свой страх и риск. Он разделил сокровища на три части. Одна была переправлена и спрятана в Австрии, другая в Италии возле Виареджо, наконец, третья — неподалеку от Корсики.

В лагере Дахау Шмидт предложил Флейгу поменяться документами — они немного походили друг на друга. Фельдфебеля ожидало освобождение, а выдачи шефа «девизеншуцкомандо» требовало польское правительство, чтобы судить за массовое убийство мирного населения. Без всяких сомнений его ждала виселица. Взамен Шмидт обещал передать Флейгу три точные карты с обозначением трех тайников. Пока тянется следствие он должен был молчать, а потом признаться в подмене, заявив, что сделал это под угрозой смерти. Тем временем Шмидт рассчитывал оказаться на свободе. Флейг колебался, но, в конце концов, все же согласился и взял карты. Однако в этот самый момент Шмидта неожиданно увезли из Дахау.

Тогда Флейг решил, что может обменять часть сокровищ на быстрое освобождение. Он вступил в контакт с капитаном американской контрразвед-

ки Брейтенбахом, которому передал две карты с пояснениями Шмидта. Американец сел в джип и помчался в Австрию. Там в горах под Зальцбургом в сенном сарае он обнаружил тайник с музейными полотнами. находка была передана военным властям. Этот факт официально подтвержден Пентагоном. Затем Брейтенбах отправился в Виареджо, где, по данным Шмидта, были спрятаны деньги из банков. Все оказалось точным. Третью карту Флейг оставил себе.

Флейг прочитал статьи Килбракена о «сокровищах Роммеля» и через своего адвоката доктора Герта Федлера предложил тому с ним встретиться. Но при первой встрече он плел всякие небывлицы. Например, что лично присутствовал при затоплении контейнеров, хотя было известно, что в 1943 году он находился в госпитале в Кракове. Флейг никому не верил, даже собственному адвокату. И только письмо Робера Стенюи Эдварду Линку, которое Килбракен показал ему, заставило немца признаться в том, как на самом деле развивались события.

Дело в том, что в 1948 году, когда Флейга выпустили из лагеря и он приехал на Корсику, его поиски были мистификацией. Ведь он нырял под надзором французов, и его вознаграждение не было оговорено никаким контрактом. В случае удачи Флейг мог рассчитывать лишь на жалкие крохи от найденных сокровищ. Поэтому он намеренно врал. Целый месяц немец опускался в месте, ничего общего не имевшего с подлинной «точкой» на карте. Потом произошла эта история с судом: Флейга вдруг обвинили в краже кинока-

меры, после чего он два месяца просидел в тюрьме.

В тюремной камере Флейг познакомился с корсиканским водолазом Андре Маттеи, который был задержан за контрабанду. Выйдя из тюрьмы, он поселился в дешевом пансионе в Бастии. В декабре Флейг сказал своей хозяйке, что едет в Порретто, где жила семья Маттеи. Больше его не видели. Об этом эпизоде из своей биографии Флейг ничего не рассказывал.

Между тем события вокруг «сокровищ Роммеля» развивались следующим образом.

В 1952 году водолаз из Бастии по имени Анри Элле и адвокат Канчеллиери решили заняться поисками сокровищ, для чего зафрахтовали яхту «Старлена». Но при выходе из порта яхту протаранил лайнер, по какой-то непонятной причине отклонившийся от курса. Следующей весной Элле зафрахтовал другую яхту — «Романи Мейд», но она так и не пришла на Корсику из-за поломки мотора. А через несколько месяцев Элле погиб под водой при невыясненных обстоятельствах. Тогда адвокат Канчеллиери начал переговоры с несколькими фирмами, занимающимися подводными работами, но ни одна из них не взялась за поиски сокровищ. А через некоторое время машина адвоката вдруг потеряла управление и врезалась в заводскую стену. Он умер на месте, не приходя в сознание...

В августе 1961 года Андре Маттеи, напившись в баре Бастии, заявил, что он «засек» «сокровища Роммеля». В ту же ночь он не вернулся домой. Через три дня его тело, прошитое автоматной

очередью, было обнаружено в зарослях возле Проприано...

Так обстояли дела с «сокровищами Роммеля», когда их поисками занялись члены экспедиции.

Вот что вспоминает Робер Стенюи о событиях, происходивших тогда на борту «Си Дайвера»:

...18 апреля 19... года на борту «Си Дайвера» собрались десять человек семи национальностей. Адвокат Феллер приехал один — у Флейга были веские причины не показываться на Корсике. Собственно, его присутствия и не требовалось: он ведь не участвовал в затоплении клада. Феллер привез кусок немецкой гидрографической карты со схемой и пометками, сделанными военным преступником Шмидтом. Кроме того, адвокат имел при себе шесть килограммов документов. Накануне отплытия из Монако Феллер, Линк и Килбракен заперлись в штурманской рубке со всеми картами и досье. В полночь было выработано окончательное соглашение. Все члены экспедиции подписали обязательство в течение 10 лет не разглашать местоположение наших поисков. Скажу, однако, что оно находится за пределами французских территориальных вод, так что, с точки зрения международного права, не было допущено никаких нарушений.

Отправной точкой стала карта Шмидта — Флейга: пожелтевший обрывок миллиметровки с нанесенной на нее береговой линией, ориентирами и глубинами. Но от этой карты шефа «деви-зеншущкомандо» до клада столь же далеко, как от теории до практики. Карандашные линии на бумаге превращались на море в полосы шириной в

Елисейские поля, а «точка», где линии сходились, в натуре в три раза превышала площадь Согласия. Высчитав отклонение компаса (курсы были выверены в соответствии с магнитным склонением 25-летней давности), мы вычертили «вероятностную зону». Подводные поиски всегда начинаются с подобного зыбкого ориентира.

— Шмидт вышел в море на рыбацкой шаланде, — сказал Феллер. — С ним были два матроса и эсэсовский унтер-офицер. Они прошли... миль на восток, промерили лотом дно, определили координаты и сбросили в море шесть металлических контейнеров.

— Кстати, а что стало с тремя свидетелями операции? — спросил Килбракен.

Феллер прижал одну руку к бедру, а другой повел из стороны в сторону: «Та-та-та-та-та! Аллес тод». (Все убиты.)

Впрочем, эта деталь не имеет прямого отношения к предстоящим поискам. Главная задача для нас — разработать рациональную методику, чтобы не проходить дважды одно и то же место и вместе с тем охватить всю вероятностную зону. Наиболее гарантированное решение, к сожалению, существует только на бумаге. Туман, течение, волны и ветер обязательно вносят свои поправки: море сносит буи, туман скрывает ориентиры, волны и ветер относят суда, обрывают якоря и тянут тросы во все стороны.

— Ну что ж, начнем!

Семь утра. Приникнув к секстанту, Эд Линк разворачивает яхту по главной оси. На корме матросы приготовились спускать сигнальные буи.

Когда судно пересекает поперечные оси, Эд дает короткий сигнал сиреной: бетонная глыба уходит на дно, разматывая трос. Красный буй отмечает «точку». Я погружаюсь под воду, чтобы проверить, как лег «якорь».

Когда я поднимаюсь на палубу, лорд Килбракен кивком указывает мне на маячащую невдалеке лодчонку: «Новости на Корсике разносятся быстро. Вчера там был один малый. Сегодня уже двое».

Беру бинокль. Это обычная прогулочная посудина с подвесным мотором. На обоих пассажирах соломенные канотье с красной лентой и цветастые рубашки — стиль марсельских гангстеров. В руках у одного блеснуло что-то похожее на компас.

— Да, я показывал вам милое послание от заинтересованных лиц? — спрашивает герр Феллер и протягивает фотокопию страницы, вырванной из ученической тетради в клеточку:

«Господин адвокат! Не советуем лезть в историю с кладом Роммеля. Вам мало троих убитых? Смотрите, как бы и вам не загнуться. Это золото — НАШЕ. Не суйте нос на Корсику. И ваш друг Флейг тоже. Ваши друзья».

— Слог замечательный. Когда вы получили письмо?

— В мае. После этого пришли еще два конверта. В обоих были бланки счетов одного пригородного парижского ресторана.

— Вам назначали свидание?

— Полагаю, да. В последний приезд в Париж я позвонил хозяину ресторана, спросил, нет ли для меня записки. Нет, хозяин не в курсе.

«Си Дайвер» был хорошо оснащен специальной электронной техникой, но вот корабельная артиллерия у него полностью отсутствовала. Поэтому во избежание неприятных сюрпризов кто-нибудь из нас стоял на вахте».

После разметки вероятностной зоны кладоискатели приступили к поискам внутри нее. Судно ходило взад — вперед, ведя на буксире по дну электронный детектор. Штурман Майкл громко сообщал позицию каждые десять секунд. Эдвард заносил в таблицу цифры интенсивности магнитного поля. Так проходили часы...

Вдруг немного южнее «горячей точки» появился сигнал.

Стенюи, не раздумывая, надев акваланг, опускается на 35-метровую глубину. Он не надеется увидеть аккуратно уложенные контейнеры, ведь даже если все они опустились на дно друг на друга, то теперь в этом месте должен быть единый предмет причудливой формы или холмик. Обломки довольно быстро обрастают морскими организмами, привлекают представителей флоры и фауны. Поэтому Робер стал искать морскую анемону, губки, просто более светлое или темное пятно, крупную рыбу (часто посторонние предметы становятся оазисами, где рыбы находят убежище и пищу). Он делает несколько 30-метровых кругов. Клада нет...

Проходит пятнадцать минут. Надо подниматься. И хотя Стенюи не нашел того, что искал, он смог сделать важное наблюдение: здешние донные отложения должны были быстро засосать контейнеры.

Между тем поиски клада продолжались. В течение нескольких дней, с шести утра и до семи вечера «Си Дайвера» без усталости ходила взад и вперед.

24 апреля с утра небо затянуло облаками. Неожиданно сквозь разрывы в тучах выглянуло солнце. Яркий луч словно прожектором высветил на берегу характерное здание, служившее главным ориентиром на карте Шмидта — Флейга. Совершенно случайно Стенуи навел на него бинокль. Сюрприз оказался потрясающим: кладоискатели ошиблись зданием! Чтобы убедиться в этом, потребовалось необычное естественное освещение... Теперь придется начинать все сначала...

Вероятностная зона переехала на полмили, и «Си Дайвер» начал столь же прилежно уютить море в новом месте. В упорном поиске шли часы, дни... За это время со дна был поднят богатый урожай: якоря, мотки троса, железные кошки. С каждым днем зона поиска сужалась. Несколько раз звучала ложная тревога, но клада все не было...

С самого начала Линк поставил предел поискам — две недели. До последней минуты «Си Дайвер» ходил с севера на юг и с юга на север, словно пахарь, которому нужно подготовить к сеvu целую плантацию. Но чуда не случилось...

В ту ночь, когда «Си Драйвер» оставил за кормой огни Бастии, Эдвард Линк сказал:

— Мы вернемся сюда. Магнитометры еще переживают младенческий период. Через несколько лет появится прибор, который нам нужен... Рань-

ше нас здесь никто ничего не найдет. Мафия привыкла действовать кастетом, а не электроникой.

Увы, в истории с «сокровищами Роммея» кладоискателям пришлось поставить точку. В следующем году у Эдвина Линка трагически погиб взрослый сын, и он прекратил свои экспедиции. А его спутники были связаны обетом молчания.

3. УСКОЛЬЗАЮЩИЕ МИЛЛИОНЫ

По единодушному мнению сотрудников Итальянского банка, наиболее характерной чертой их директора, синьора Пьеро Адзолини, если исключить прямо-таки немецкую пунктуальность, была вспыльчивость. Во всяком случае, секретарь синьора Адзолини никогда не забывал, что его предшественник был уволен только за то, что в поданном шефу на подпись письме оказалось, с точки зрения последнего, два лишних слова. Поэтому нетрудно понять замешательство секретаря, когда, разбирая утреннюю почту, он прочитал весьма необычное послание. Некие «синьора А. М.» и «синьор Антонио» предлагали указать местонахождение тайника с золотыми слитками на сумму 1 500 000 000 долларов, которые были реквизированы нацистами во время второй мировой войны из итальянского казначейства. За свои услуги авторы письма хотели бы получить 10 процентов стоимости сокровищ.

«Что это — бездарная шутка, бред сумасшедшего или хитроумная проверка профессиональной компетентности, которую периодически устраивает шеф? — ломал голову секретарь. — Как поступить со злополучным письмом? Выбросить в корзину? А вдруг все написанное правда?.. Доложить шефу и получить резкий выговор за то, что по пустякам отнимаю его драгоценное время?..» В конце концов он решил проконсультироваться у специалистов насчет реальности нацистского клада.

Заключение профессора Луиджи Вилларио, к

которому обратился банковский чиновник, оказалось весьма интригующим. Да, в 1948 году по поручению тогдашнего министра финансов Медичи он специально занимался изучением этого вопроса и выяснил следующее. В сентябре 1943 года Итальянский банк имел 120 тонн золота: 90 — в слитках, хранившихся в 626 ящиках, и 30 — в золотых монетах, упакованных в 543 мешка. 14 сентября того же года весь золотой запас Италии был реквизирован немцами. 30 тонн золота были вывезены ими в район Фортеццы в Южном Тироле, где после войны их обнаружили союзники. Остальное золото было также отправлено нацистами куда-то в северном направлении двумя партиями — 30 тонн в феврале и 60 тонн 3 мая 1944 года. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Как и следовало ожидать, ознакомившись с письмом, директор банка лишь раздраженно фыркнул: «Чепуха!» Однако секретарь, выдержав паузу, почтительно попросил выслушать его до конца. Расчет оказался правильным: справка профессора Вилларио произвела должное впечатление. Но, вместо того чтобы дать указание связаться с министерством финансов или Виминальским дворцом (резиденция министерства внутренних дел), синьор Адзолини отпустил секретаря, оставив письмо у себя. Едва за тем закрылась дверь, как шеф тут же набрал номер генерала Муско, возглавлявшего итальянскую секретную службу.

...С первых дней существования «Сервицио информации форца армате риунити» — «Объединенная информационная служба вооруженных сил», сокращенно СИФАР, не ограничивалась

официально возложенными на нее функциями разведки и контрразведки. Она постаралась взять под свой контроль всю политическую и экономическую жизнь Италии. Поэтому одним из важнейших подразделений СИФАР стал сверхсекретный отдел РЕИ, дословно именовавшийся «отделом промышленно-экономических исследований», во главе с полковником Ренцо Рокка. По сути дела этот отдел являлся центром политического шпионажа. Располагая широкой сетью информаторов, РЕИ подбирали кандидатуры для выдвижения на высшие государственные должности, влиял на ход съездов политических партий, стоял за кулисами их расколов и объединений. Его агенты устанавливали доверительные связи с друзьями, знакомыми, супругами, шоферами сильных мира сего, покупая за деньги положительные рекомендации, содействие в получении выгодных постов. Таким путем РЕИ собирал конфиденциальную информацию, сплетни, компрометирующие факты, заполняя ими тысячи и тысячи досье.

Полковник Рокка отнесся к поручению генерала Муско расследовать письмо «синьоры А. М.» и «синьора Антонио» со всей серьезностью. Если сведения о нацистском кладе подтвердятся и его удастся найти, эти деньги весьма пригодились бы для пополнения секретного фонда СИФАР. Ведь содержание многочисленной агентуры, не говоря уже о подкупе влиятельных лиц, обходится недешево, и полковник Тальмонте, «министр финансов» СИФАР, постоянно жалуется на нехватку средств.

Первое, что сделал начальник РЕИ, это приказал изучить архивы итальянской военной разведки в годы фашистской диктатуры. Как он и предполагал, там обнаружилось кое-что заслуживающее внимания. Так, в дополнение к справке профессора Вилларио полковник Рокка узнал, что, кроме банковского золотого запаса, немцы в конце войны вывезли ценности, награбленные у еврейской общины Рима, и что по приказу командующего войсками СС в Италии обер-группенфюрера Карла Вольфа операцией руководил штандартенфюрер СС Дольман, бежавший в Испанию. Значит, нацистский клад, скорее всего, действительно существует.

Вскоре в газете «Глобо» появилось невинное объявление с номером телефона, по которому «А. М.» и «Антонио» должны были связаться с итальянским банком: под видом его служащих предстояло выступить сотрудникам отдела РЕИ. Полковнику Рокка важно было установить личности авторов письма, а затем, смотря по обстоятельствам, постараться самостоятельно раскрыть их тайну или, в крайнем случае, заставить согласиться на более скромную компенсацию. Начальник отдела РЕИ почти не сомневался, что сумеет «прижать» неизвестных, кто бы они ни были.

Первую неожиданность «синьора А. М.» преподнесла, назначив местом встречи базилику Санта-Мария Маджоре. Вторую сообщила уже при свидании с «доверенным лицом директора Итальянского банка». Оказывается, она выступает лишь в качестве посредника своего близкого

друга «синьора Антонио». Место тайника знает только он. Конечно же, в случае согласия с его условиями она сообщит, как связаться с ним, хотя это не так просто. Ведь он немец и проживает в Западной Германии.

Неожиданный поворот дела спутал первоначальные планы полковника Рокка. Правда, его люди без особого труда установили личность «синьоры А. М.». Подлинная фамилия ее была Морлупо. В дальнейшем в целях конспирации она именовалась «мисс Эмма». Узнали они и то, что в 1943 году в доме ее отца жил немец-эсэсовец. Местонахождение тайника она, по-видимому, действительно не знала. Единственное, что удалось выведать у этой деловитой синьоры, — тайник расположен милях в тридцати от Рима, на старой Виа-Фламиния где-то в районе горы Монте-Соратте. Туда были немедленно посланы несколько групп агентов СИФАР, которые собрали богатую коллекцию слухов, но не привезли ни одного конкретного подтверждения существования клада.

В Монте-Соратте, одиноко возвышающейся в малолюдной местности, еще перед войной было начато строительство секретного подземного командного пункта для итальянской армии. В горе был пробит целый лабиринт тоннелей, куда позднее, после высадки союзников в Анцио, перебрался со своим штабом из Фраскати фельдмаршал Кессельринг. Местные жители утверждали, что после войны Манте-Соратте стала обиталищем привидений. Причем, по их же словам, эти бесплотные существа были поголовно одеты в выцветшую эсэсовскую форму.

Затем пошла новая волна слухов — о таинственных туристах, которые по ночам появляются на горе с фонарями, картами и лопатами. Чтобы положить конец этим тревожащим пересудам, местные власти летом 1950 года объявили Монте-Соратте запретной зоной и послали в ближайшую деревню Сан-Оресте армейское подразделение и взвод карабинеров. Увы, последние не обнаружили ни привидений, ни «туристов», хотя, как утверждали окрестные жители, на горе произошла перестрелка. Однако и это имело вполне прозаическое объяснение: сидевшие в засаде карабинеры и армейский патруль в темноте не признали друг друга.

Внимание полковника Рокка привлекла одна деталь. 83-летний священник дон Джермино Аббалле рассказал, что ночью в начале мая 1944 года на Монте-Соратте слышалась сильная стрельба, а приблизительно через месяц, тоже ночью, раздался мощный взрыв. Это же подтвердил и Антонио Пьермарини, возглавлявший во время войны фашистскую организацию в деревне, а затем сидевший в союзническом лагере для военнопленных. Он отлично помнил, что новозеландские войска захватили их деревню 5 июня (в тот день его и арестовали!), а накануне ночью к нему заходили пятеро эсэсовцев — трое офицеров и двое солдат, до этого, видимо, прятавшихся на горе.

Во время очередной встречи «мисс Эмме» было официально заявлено, что Итальянский банк принимает ее условия. А на следующий день в Мюнхен по полученному от нее адресу выехали двое агентов СИФАР.

...Дождь, то нудно моросящий, то обрушивающийся яростным потоком, вот уже вторые сутки безраздельно царил в городе. Он притушил серой пеленой яркие огни реклам и превратил дома в маленькие, отрезанные друг от друга крепости. В одной из них — старомодном, чопорном особняке с садиком на Дахауэрштрассе — в тот вечер перед двумя смуглыми, черноволосыми мужчинами шаг за шагом разворачивалась одна из необычных историй минувшей войны.

— Личную охрану обергруппенфюрера Вольфа составляли мы, солдаты полка СС «Адольф Гитлер», — неторопливо рассказывал худощавый жилистый мужчина в золотых очках, придававших его аскетическому лицу высокомерно-неприступный вид. Это был хозяин особняка 42-летний Вильгельм Фогт. — В десять часов вечера третьего мая 1944 года тридцать человек подняли по тревоге и послали с колонной состоящей из пятнадцати грузовиков, по Виа-Фламиния в Кастельнуово-дель-Порто. Там во дворе какого-то старинного палаццо нам приказали погрузить на машины множество железных и деревянных ящиков...

Затем колонна двинулась дальше и вскоре свернула с шоссе на проселочную дорогу. На фоне звездного неба впереди темнела какая-то громада, в которой Фогт узнал очертания горы Монте-Соратте.

— Мне уже приходилось не раз бывать там, и я решил, что мы возем в штаб фельдмаршала Кессельринга образцы секретного оружия, о котором тогда ходило много всяких слухов. Грузо-

вики остановились у входа в один из главных тоннелей. Оттуда вышел офицер СС и приказал машинам въехать внутрь. Через несколько сот метров мы остановились в просторном зале, построились возле грузовиков. К нам подошли трое офицеров — старший был в звании оберштурмбаннфюрера — и объяснили задачу. Предстояло перетаскать привезенный груз по нескольким галереям в небольшое помещение с бронированной дверью.

Всю ночь, как проклятые, мы таскали туда ящики и складывали штабелями вдоль узкого прохода. Когда дело подошло к концу, оберштурмбаннфюрер подал команду каждой паре солдат захватить по ящику и обратно в главный зал не возвращаться, а построиться в нише, недалеко от пересечения галерей. Там, мол, мы получим указание, каким маршрутом следовать в Рим... Не знаю, в чем было дело: может быть, в нелогичности приказа — ведь инструктаж можно было провести и в главном помещении, подслушивать все равно было некому, — а может быть, в автоматах, которые висели на груди у офицеров... — Фогт умолк, словно бы мысленно восстанавливая ту решающую для него минуту, врезающуюся в память на всю жизнь. — Ящик, который достался мне с моим напарником Куртом, был довольно легкий. Я пожаловался Курту, что у меня разламывается поясница, и попросил его одного отнести груз. Курт согласился...

Дальнейшие поступки Фогта, как признался он сам, были продиктованы не разумом, а прямо-та-

ки животным инстинктом самосохранения. Пока солдаты разбирали ящики, Фогт успел юркнуть в кабину одного из грузовиков и затаился там. Он видел, как едва в галерее скрылась последняя пара, в глубь горы направились часовые.

— Минут через двадцать из галереи послышались гулкие автоматные очереди, приглашенные крики и стоны. Еще толком не понимая, что произошло, я выскочил из кабины и бросился по тоннелю к выходу. Мне удалось пробраться в Монте-Арджентарио, где жила моя подруга-итальянка. Почти год я скрывался у нее, а после войны вернулся сюда, в Германию, — закончил свой рассказ бывший эсэсовец.

— Почему же вы не сообщили о тайне Монте-Соратте раньше? — недоверчиво спросил один из агентов СИФАР.

— Зачем? Чтобы подарить золото союзникам, а самому очутиться в тюрьме или в лучшем случае в лагере для военнопленных? — улыбнулся Фогт своими тонкими бескровными губами. — Вы ведь помните послевоенную сумятицу...

Резкий звонок в прихожей заставил итальянцев насторожиться.

— Минуточку, прошу прощения, господа, — успокаивающе сказал хозяин, пружинисто поднимаясь из своего глубокого кресла. — Это, наверное, наш Герлах наконец-то привез заказанное пиво. Я его жду с самого утра...

Щелкнул замок входной двери. Послышалась монотонная дробь дождевых капель по листьям деревьев. Внезапно ее разорвали глухие хлопки выстрелов, словно кто-то открывал бутылки шам-

панского. В следующую секунду агенты СИФАР были на крыльце. Где-то справа в темноте взвизгнули на повороте тормоза, и опять наступила тишина, на фоне которой неумолчный шелест дождя казался зловещим. За его густой завесой итальянцы не сразу разглядели темную фигуру, лежавшую в конце короткой бетонной дорожки у открытой калитки.

— Да, второй раз надуть судьбу Фогту не удалось, — спокойно заметил один из агентов, тщетно пытавшийся нащупать пульс у лежавшего ничком немца. Он выпустил жилистую руку, со стуком упавшую на бетон. — Больше нам здесь делать нечего. Пусть полиция сама разбирается, что к чему...

Итак, поездка в Мюнхен, на которую возлагались все надежды, окончилась ничем. Правда, рассказывая о своих передрыгах после освобождения союзниками Италии, Фогт обмолвился о том, что однажды возил свою подругу, «мисс Эмму», в Монте-Соратте и даже объяснил ей приблизительно, где должна находиться штольня с золотом, вход в которую немцы, конечно же, взорвали или замуровали. Полковник Рокка приказал немедленно доставить к нему синьору Морлупо — теперь он не считал больше нужным маскироваться под Итальянский банк. Но и здесь его ждала неудача: буквально накануне бедная синьора... отравилась консервами. Врачам с трудом удалось спасти ей жизнь, но зрение она утратила навсегда.

Как эти ни парадоксально, но именно эта сплошная цепь неудач укрепила уверенность пол-

ковника в реальности существования нацистских сокровищ. Во-первых, совпадение дат и отдельных деталей в рассказах священника из Сан-Оресте и самого Фогта. Во-вторых, убийство бывшего эсэсовца и попытка ликвидировать его сообщницу, — шеф РЕИ не сомневался, что кто-то приложил руку к ее отравлению. Все это свидетельствовало о решимости определенных лиц не допустить раскрытия тайны. Правда, отсюда напрашивался и другой вывод: эти лица имеют своего человека в СИФАР. Скорее всего он связан с «Шпинне» («Паук» — тайная организация бывших эсэсовцев, действовавших в Европе после второй мировой войны) и вывел бывших нацистов на след агентов полковника Рокка, а через последних — на Фогта и синьору Морлупо. Трудно было сказать, сколько уйдет времени, чтобы найти его, если это вообще удастся, — слишком много сотрудников СИФАР перешли к ней в наследство от СИМ, существовавшей при Муссолини. Поэтому начальник РЕИ решил подключить к поискам министерство обороны.

Лабиринт подземных галерей и штолен на Монте-Соратте наводнили саперы и военные геологи. Начальник СИФАР генерал Муско был настроен оптимистически: месяца два — три, ну, пусть полгода — золото обязательно будет обнаружено, считал он. Однако шло время, росло число обследованных коридоров и тупиков, разобранных завалов, но результатов не было. А с их отсутствием пошел на убыль и энтузиазм в верхах. Большая часть персонала и техники была снята с Монте-Соратте, и лишь горстка специали-

стов осталась в ее мрачных недрах. Наконец, в 1958 году, когда исчезли последние надежды найти нацистское золото, операция была окончательно прекращена. Полковник Рокка дал себе слово, что рано или поздно — пусть хоть через двадцать лет — все-таки нащупает дорогу к кладу, но только с другого конца, разыскав тех, кому доверена эта тайна.

Тем временем на смену спецслужбам пришел частный охотник за сокровищами — депутат парламента Спаллини. 18 мая 1959 года он получил официальное разрешение властей на поиски «любых ценностей» в районе горы Монте-Соратте. Начальник РЕИ, на всякий случай затребовавший досье депутата, с удивлением обнаружил, что Спаллини одно время был близким другом теперь уже покойной синьоры Морлупо. За нанятыми им специалистами было установлено постоянное наблюдение, тем более, что парламентарий отчаянно спешил и поэтому не жалел денег: за четыре года он вложил в дело около миллиона лир. Невольно напрашивался вопрос: уж не поделилась ли своей тайной и не свозила ли его в свое время к горе «мисс Эмма»? Именно в силу этого предположения, когда в 1964 году депутат Спаллини скоростижно скончался — видимо, он был близок к успеху и его тоже устранили, решил Рокка, — полковник добился нового тщательного обследования горы. Была даже пробита специальная штольня на юго-восточном склоне, которая, по расчетам, должна была вывести ко все еще не обнаруженному центральному залу. Увы, и на сей раз нацистское золото осталось недося-

гаемым. Что же касается начальника РЕИ, то к этому времени его поглотили другие, более важные дела.

(Сергей Барсов. Ускользающие миллионы. — М.: Общество по изучению тайн и загадок земли, 1991)

4. ПО СЛЕДАМ «ЯНТАРНОЙ КОМНАТЫ»

ИСТОРИЯ В ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда Фридрих I Гогенцоллерн был коронован в Кенигсберге, это событие он решил отметить в веках. Например, созданием шедевра искусства, равного которому не знал мир. С этой целью в Кенигсберг пригласили датского художника, архитектора и знатока янтаря Готфрида Вольфрама. Ему было поручено создать в берлинском замке Шарлоттенбург янтарную галерею. Первую из стен галереи закончили в 1707 году. Затем архитектору замка Эосандру фон Гете датский мастер показался чрезмерно дорогим, и он, отобрав у датчанина заказ, передал его двум мастерам-янтарщикам из Гданьска — Эрнсту Шахту и Готфриду Турову. К тому же от идеи замковой галереи отказались: янтарем решили покрыть стены относительно небольшого помещения — размером с кабинет — в городском дворце в Берлине. Поверхность янтарных панелей составляла теперь 70 квадратных метров.

В 1716 году в Германии побывал Петр I. В Берлине его принимал король Фридрих-Вильгельм, сын Фридриха I. Петру понравился янтарный кабинет, и он выразил желание, чтобы и в его доме в Петербурге был такой же. Король Пруссии мечтал о могуществе своего королевства, ему нужны были союзники, и потому он без колебаний пре-

поднес «Янтарную комнату» предполагаемому союзнику-царю.

(Кстати, в порядке исторической занимательности: Петр не пожелал остаться в долгу перед августейшим собратом и преподнес ему 55 богатырей, а точнее — солдат ростом более двух метров. Солдат-гигантов прусский король разыскивал по всей Европе и всячески старался их добыть. Вообще подобный обмен «подарками» между монархами был тогда в моде...)

Комнату разобрали и через Кенигсберг, Клайпеду и Ригу доставили в Петербург. В 1755 году императрица Елизавета приказала перенести «Янтарную комнату» в свою резиденцию в Царском Селе.

В Большом дворце Царского Села «Янтарную комнату» много раз переделывали, изменяя первоначальный характер и вид. Поверхность янтарного покрытия увеличилась в четыре раза, а элементы барокко дополнились элементами нового стиля — рококо.

Таковы исторические факты. Значительно меньше общего с историей у легенд, множество которых сопровождало янтарное чудо с первых дней его существования. Но мы ограничимся фактами, оставив легенды в стороне, поскольку нас интересует нынешняя судьба «Янтарной комнаты», ибо приключения этого шедевра волнуют людей с первых послевоенных дней.

Каждые несколько лет оживает надежда найти ее, появляются гипотезы, находятся «хорошо информированные свидетели», но... до сих пор никакие поиски не принесли результатов.

СЛЕД ОБРЫВАЕТСЯ

Когда «Оберкомандо дер Вермахт» — главное командование гитлеровской армии сообщило, что наступающие на Ленинград немецкие войска заняли город Пушкин, к Эриху Коху, гаулейтеру Восточной Пруссии, с конфиденциальной просьбой обратился доктор Альфред Роде. Роде, директор Прусского музея искусств в Кенигсберге, отлично знал, что в Пушкине находится «Янтарная комната».

Однако дело было не простым. Всеми награбленными предметами искусства занимался аппарат Розенберга, уполномоченного Гитлера «по делам охраны произведений культуры и искусства». В его распоряжении был, помимо всего прочего, специальный батальон СС, составленный из историков и искусствоведов в форме. Командовал батальоном некто фон Кюнсберг, по профессии историк искусств, а по призванию — вор.

Гаулейтер поддержал идею Роде: обоим хотелось заполучить «Янтарную комнату» в восточно-прусскую метрополию. Отлично зная методы и средства, применявшиеся в лабиринтах партийной и государственной власти «третьей империи», Кох продумал акцию, которая должна была свести на нет старания Розенберга. В Кенигсберге была организована специальная пресс-конференция. Газеты подняли шум: «Янтарной комнате» грозит гибель в зоне боевых действий! Шедевр, созданный по приказу прусского короля, должен быть спасен и помещен в Прусский музей искусств, утверждали комментаторы. После этого в дело

включились люди Коха. Тем более, что войсками, двигавшимися на Ленинград, руководил фельдмаршал Кехлер, старый приятель Коха и бывший командующий вермахта в Восточной Пруссии.

И через короткое время солдаты и офицеры восточнопрусских дивизий, действовавших под Ленинградом, обратились к гаулейтеру Коху с просьбой «взять под охрану дорогое сердцу каждого цивилизованного человека произведение искусства — «Янтарную комнату». На просьбу фронтовиков гаулейтер не мог не откликнуться... Теперь можно было начинать.

В Пушкин был откомандирован доктор Альфред Роде (кстати сказать, известный знаток янтаря и автор множества работ о нем). Под его наблюдением «Янтарная комната» была демонтирована, и вскоре во двор кенигсбергского замка въехала колонна военных грузовиков, кузова которых были тщательно затянуты парусиной. Впереди ехал в «опеле» доктор Роде.

Доктор проделал немалую работу. С педантичностью прусского чиновника он подробно описал все, что подлежало демонтажу, отметив номера ящиков, их размеры и содержание. Много лет спустя польская специалистка, изучая докторский рапорт, сравнила его с сохранившимися довоенными снимками и установила, что не хватает примерно пятидесяти квадратных метров янтарной отделки — на фризе и плафонах. Правда, доктор Роде аккуратно записал, что между янтарной обшивкой стен и потолком было не покрытое янтарем пространство шириной в полтора метра. (Это, кстати, одна из малых тайн «Янтарной

комнаты», сопровождающих большую тайну: что случилось с фризом в стиле рококо и плафонами?)

Благодаря записям доктора Роде мы знаем, что «Янтарную комнату» вывозили в ящиках длиной четыре и шириной в два метра. Всего ящиков было двадцать два.

В кенигсбергском замке была в кратчайший срок устроена выставка. На открытие пригласили Эриха Коха. Много-много лет спустя в польской тюрьме Кох вспомнит:

«...Как сегодня, помню день, когда доктор Роде пригласил меня на торжественное открытие «Янтарной комнаты». Мы очутились в каком-то сказочном мире. Стены зала до потолка были покрыты резным янтарем. Сверкали тысячами искр зеркала в хрустальных рамах, оправленных в янтарь. В янтарные панели вмонтированы были картины старых мастеров. Резьба по янтарю была настолько миниатюрна, что приходилось рассматривать ее в увеличительное стекло».

До осени 1944 года «Янтарная комната» находилась в резиденции Коха, хотя Розенберг дошел до самого Гитлера. Но тот, учитывая заслуги партайгеноссе с нацистским членским билетом за номером 90, распорядился оставить «комнату» в ведении Коха.

После начала бомбардировок Кенигсберга янтарный клад упаковали и спрятали в подземелье замка. Но фронт стремительно приближался, советские войска подходили к Кенигсбергу, и Кох обратился в Берлин с просьбой прислать уполномоченного «для приема сосредоточенных в городе

произведений искусств, документов и ценностей». Так появился в резиденции гаулейтера посланник Гимmlера — оберштурмбаннфюрер СС Георг Рингель с десятью эсэсовцами. (Имя его оказалось псевдонимом, и это создало дополнительные трудности в дальнейших поисках следов «Янтарной комнаты».)

Кох выделил в помощь эсэсовцам обер-бургомистра Кенигсберга Хельмута Вилля, и эвакуация ценностей началась. Известно, что среди прочих вещей было там и 800 икон, украденных в Ростове, Харькове и Киеве.

На этом обрывается след «Янтарной комнаты», ибо все, что написано ниже, — всего лишь версии, достоверные, основанные на фактах, но, увы, никем и никогда не доказанные.

ЧТО С ВАМИ, ДОКТОР РОДЕ?

Вскоре после взятия Кенигсберга в город приехала специальная комиссия из Москвы, которая занималась розысками произведений искусств, вывезенных немцами с оккупированных советских территорий. Руководил ею известный историк искусств профессор Брюсов.

Профессор Брюсов знал доктора Альфреда Роде по его работам. Он разыскал в разрушенном городе немецкого ученого и предложил ему сотрудничать с советской комендатурой: нужно было спасти то ценное, что сохранилось в развалинах Кенигсберга.

Альфред Роде передал комиссии небольшое ко-

личество награбленных гитлеровцами произведений искусств и кое-что из экспонатов музея, сохранившихся после осады города в апреле 1945 года. О «Янтарной комнате» он не проронил ни слова. Да его об этом и не спрашивали: ведь в то время еще никто в комиссии Брюсова не знал о том, что «Янтарную комнату» привезли из Пушкина в Кенигсберг. О своей роли доктор Роде тем более предпочитал не распространяться. Правда, уже тогда можно было обратить внимание на то, что Роде в одной из бесед вскользь упомянул о двух бункерах в кварталах Старого города, погребенных под развалинами разбомбленных домов. Но у комиссии работы было больше чем достаточно, а Роде ничего конкретного не сказал: «Так, мол, слышал краем уха, что там должны вроде быть сокровища мирового значения, но точно не знаю — где там, что там...»

...А потом уцелевшие стены, торчащие среди развалин, взлетели на воздух. И в тот же день бесследно исчез Роде с женой. (Найти их не удалось до сих пор.) В их квартире нашли только свидетельство о смерти, где сообщалось, что супруги Роде «скончались от кровавой дизентерии с признаками тифа». Свидетельство подписал немецкий врач Пауль Эрманн. Следствие без труда установило, что в Кенигсберге никогда не существовало врача с таким именем и что супруги Роде не похоронены ни на одном из городских кладбищ...

Существует версия, что супругов Роде отравили «вервольфы», диверсанты, оставленные в городе немецкой разведкой. Известно, что во главе ке-

нигсбергских вервольфов стоял тот самый таинственный оберштурмбаннфюрер Рингель, который прибыл в город по заданию Гимmlера, чтобы эвакуировать ценности. Псевдоним его «Рингель» означает, кстати, «колечко»; под подобными именами скрывались агенты, занимавшиеся золотом, камнями, валютой.

Спустя десять лет после окончания войны профессор Брюсов (ныне покойный) получил письмо из ФРГ, от сына доктора Роде — Вольфганга.

«Не могу себе представить, чтобы мой отец допустил вывоз «Янтарной комнаты» из Кенигсберга. Мне кажется, что она находится в подвалах замка».

Вообще роль доктора Роде неясна. Вряд ли нацистские власти сняли с него ответственность за «Янтарную комнату» после того, как ее разместили в кенигсбергском замке. Следовательно, ему должна была быть известна ее дальнейшая судьба. Неизвестно также, зачем он остался в Кенигсберге. Не исключено, что он должен был выяснить, что известно советским властям. Может быть, он выполнял какую-то тайную миссию.

Кроме него, о месте, где спрятана «Янтарная комната», должен был знать его начальник — инспектор памятников и музеев города доктор Фрезе. Но он покинул Кенигсберг перед самым его взятием и исчез без следа.

Другой свидетель событий — Пауль Фейербрандт, хозяин ресторана, который помещался как раз в подвале замка, где осенью 1944 года спрятаны были ящики с янтарными панелями, показал

на следствии, что, когда началась осада города, ящики еще были в замке.

Через пятнадцать лет после окончания войны, когда история «Янтарной комнаты» и ее безуспешных поисков вновь появилась на страницах прессы, редакция одной из западноберлинских газет получила письмо. Автор письма сообщал, что его отец, штурмбаннфюрер СС из Кенигсберга, незадолго до смерти часто рассказывал сыну о специальном задании, которое он выполнил по приказу высших властей рейха.

В конце 1945 года по распоряжению Гитлера и Гимmlера он отбыл на подводной лодке из Шефлина в Кенигсберг с тем, чтобы спрятать партийный и правительственный архивы, картины, золото, брильянты и валюту. Из рассказа сын запомнил только названия улиц: «Штейндамм», «остров Кнайпхофф», «пассаж Кенингштрассе», «вокзал Норд-Баннхоф». И вот теперь, писал молодой человек, желая искупить вину отца, он передает в распоряжение редакции его записную книжку и еще кучу бумаг, содержание которых ему расшифровать не удалось.

На обрывках бумаги, в уцелевших рапортах часто повторяются слова: «Акция «Зелень» выполнена», «Взрыв дал результаты» и тому подобное.

Увы, на основе этих клочков вряд ли можно собрать информацию для новых поисков «Янтарной комнаты». Но для ее спасения нельзя оставлять без внимания даже самых мелких возможностей.

Такой возможностью могут оказаться и остатки

немецкого транспортника «Вильгельм Густлофф», затонувшего 31 января 1945 года на Слупской Косе.

ПОИСК ВЕДУТ ПОЛЬСКИЕ АКВАЛАНГИСТЫ

Всегда, когда ищут исчезнувшее сокровище, тут же находятся свидетели, которые кое-что видели, а что-то домыслили. Гдыньский таксист Богушевич, работавший во время войны в порту, утверждает, что сам видел с палубы стоящего рядом с «Вильгельмом Густлоффом» буксира, как на транспортник грузили ящики, в которых, несомненно, находилась «Янтарная комната». Это же подтверждал в свое время Эрих Кох. Таких свидетельств разной правдоподобности зарегистрировано в Польше свыше десятка. Неудивительно, что аквалангисты из «Акулы», студенческого клуба Гданьского политехнического института, решили проведать эту версию под водой.

31 января 1945 года вышел из Гдыни перегруженный сверх предела немецкий военный транспортник «Вильгельм Густлофф», гигант водоизмещением в 25 тысяч тонн. В его трюмы и на палубу набилось почти десять тысяч человек: военные, в основном офицеры, и гражданские чиновники. В их чемоданах хранилась «военная добыча», самое ценное, что удалось увезти с оккупированных территорий.

Море было единственным путем для бегства, поскольку на суше из-за стремительного наступ-

ления советских и польских войск шансов не оставалось. «Густлофф» охраняли военные корабли. Но на Слупской Косе советская подводная лодка С-43, пройдя под кораблями конвоя, торпедировала транспортник. Он пошел ко дну так стремительно, что спаслось всего 922 человека.

В лодках Гданьского морского управления остатки «Густлоффа» зарегистрированы как «навигационная помеха № 73». Корабль лежит на глубине шестидесяти метров, в двадцати морских милях к северу от маяка Стило, за пределами польских территориальных вод.

Интерес к затонувшему «Густлоффу» проявляли с самых первых послевоенных лет многие люди и организации в разных странах. Ходили упорные слухи, что в трюмах транспортника скрывается среди прочих ценных грузов и «Янтарная комната».

Аквалангисты из студенческого клуба «Акула» сокровищ в трюмах не обнаружили, зато сильных впечатлений оказалось больше чем достаточно. Двухсотметровый остов полон скелетов в остатках немецкой формы. В носовом трюме одна вода. В центральном трюме нашли тоже немного: боеприпасы, проржавевшее оружие, запасные части. В самые нижние трюмы попасть, однако, не удалось. Но надежды на то, что именно там могут находиться ящики с «Янтарной комнатой», очень малы. Студенты из «Акулы» еще раз внимательно изучили все сообщения о ящиках, которые грузили на борт «Густлоффа», и пришли к выводу, что информация малоубедительна. К примеру, в трюме корабля аквалангисты видели подобные

ящики, но в них были запасные части к судовому двигателю. Так что свидетели могли видеть, как грузят на транспортник большие плоские ящики, но кто знает, что там находилось?

Кроме того, из разломившегося после торпедной атаки на три части гигантского корабля груз мог пойти ко дну еще раньше, чем «Густлофф» перевернулся. И наконец, не следует забывать о том, что в первые месяцы 1945 года порты Гданьска и Гдыни покинули десятки и даже сотни немецких транспортных кораблей. Многие из них не избежали судьбы «Густлоффа». И на одном из них могла находиться разобранный и запакованный в ящики «Янтарная комната».

При всем том «морскую» версию нельзя окончательно сбрасывать со счетов. Вполне возможно, что более подробные исследования затонувших у польского побережья немецких судов принесут свои результаты...

Наконец, небольшая доля надежды остается на то, что находящийся в польской тюрьме Эрих Кох знает больше, чем говорил до сих пор.

ЧТО МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ ВЫ, ЭРИХ КОХ?

С Кохом о «Янтарной комнате» говорили много раз, но обычно он ссылался на слабую память. Лишь как-то раз он разговорился чуть побольше с одним варшавским журналистом, часто посещавшим Коха в тюрьме.

«...Как-то раз Кох встретил меня необычайно оживленный. — Читали об этих поисках? — гово-

рит он, указывая пальцем на заметку об экспедиции аквалангистов в «Трибуна люду». — Что еще за поиски? — спрашиваю его я, всячески стараясь казаться равнодушным. — Погиб, что ли, кто?

Некоторое время Кох смотрел на меня с сочувствием. Потом покрутил ус и произнес:

— Ну и ну, журналисты, сами пишете, сами читаете... «Янтарную комнату» ищут. Да, если бы ее нашли, это была бы величайшая сенсация столетия.

Два года подряд Кох в беседах со мной возвращался к этой теме, но подробности, которые он сообщал, были общеизвестны. В конце концов он подтвердил версию, что сокровище спрятано где-то на территории Восточной Пруссии. Задание выполняла специальная группа СС, присланная из Берлина. Фамилию командира группы Кох не помнил.

Как-то во время одной из наших бесед с Кохом я выразил мнение, что, если бы Кох помог отыскать «Янтарную комнату», этим он снял бы с себя хоть часть вины за ее похищение.

Кох возмутился.

— А кто, как не я, спас это бесценное сокровище из лап Альфреда Розенберга? Если бы не я, он бы ее непременно захапал! Так что о какой вине может быть речь?

В другой раз Кох сам заговорил о «Янтарной комнате». В первых днях апреля 1945 года Коху позвонил тот самый офицер СС, имени которого он никак не может вспомнить. Офицер сообщил, что две наиболее ценные картины из собственной коллекции Коха спрятаны в бункере в квартале

Понарт. Там же, сказал офицер, где и другие произведения искусства.

— А не было там «Янтарной комнаты»? — спрашиваю я.

— Тот эсэсовец со своими людьми долго с ней возились, но, когда все попытки вывезти «комнату» в рейх провалились, им, конечно же, не осталось ничего другого, как спрятать ее...»

ЛЕГЕНДЫ И НОВЫЕ ВЕРСИИ

Умерший эсэсовец, рассказавший своему сыну о тайной миссии, якобы знал место, где спрятана «Янтарная комната». Не исключено, впрочем, что все эти версии «подбрасываются» только для того, чтобы увести поиски по ложному следу. Может быть, «опекает» до сих пор сокровище семейство Роде. Маловероятно, но, тем не менее, не исключено, что из осажденного Кенигсберга удалось прорваться какому-то судну, где-то в море груз приняла подводная лодка, а потом сокровище оказалось на другом континенте. А может быть... версиям нет числа.

Но ни одной из них нельзя пренебречь, если мы хотим, чтобы похищенный шедевр вернулся на свое место в Пушкине под Ленинградом.

(Юзеф Снечинский. По следам «Янтарной». — «Вокруг света», 1976, № 5)

РАЗДЕЛ VI. ПО СЛЕДАМ СЕНСАЦИОННЫХ ОТКРЫТИЙ И НАХОДОК

Кто-то полвека назад с легкой иронией назвал археологию «наукой лопаты». В одной же почтенной энциклопедии об археологии напечатано следующее: «Археология (греч.) в широком смысле, согласно современному словоупотреблению, — наука, изучающая изобразительное искусство и художественное ремесло классической древности».

Итак, изобразительное искусство и художественное ремесло! Неудивительно, что археология и по сей день нередко считается наукой, несколько удаленной от жизни. Тем не менее каждому поколению она дает о себе знать какими-либо сенсационными событиями: открытием гробницы фараона Тутанхамона в Долине царей или сокровищ Приама в Трое. Видимо, поэтому археологов иногда еще называют «кладоискателями от науки». Хотя бывали случаи, что подобные по своей исторической значимости находки делали и обыкновенные грабители могил, либо происходило это совершенно случайно.

Именно о таких сенсационных открытиях и находках, дающих возможность приподнять завесу таинственности над событиями, давно канувшими в вечность, мы и хотим рассказать на следующих страницах.

1. СОКРОВИЩА ЦАРЯ ПРИАМА

Генрих Шлиман — один из самых выдающихся археологов XIX века, первооткрыватель легендарной Трои, воспетой Гомером.

Он родился 6 января 1822 года в деревне земли Мекленбург в бедной семье, однако впоследствии стал очень богатым человеком. В 1864—1865 годах Шлиман совершил кругосветное путешествие, побывав в Индии, Китае, Японии и Америке. В 1866 году он учился в Париже. Почти в 45-летнем возрасте Шлиман стал изучать археологию и древнегреческий язык. Тогда же он написал свою первую книгу о Китае и Японии.

В 1868 году Шлиман начал поиски Трои в турецкой Малой Азии.

Что же заставило его, очень богатого коммерсанта, оставить в возрасте 41 года свое процветающее дело и начать совершенно новую жизнь — жизнь, полную трудностей и забот, которая потребовала от него в жертву все его состояние? Причина этого одна — Шлиман верил Гомеру, которого считал не только главой всех поэтов, но к тому же еще и историком, повествующим в своих эпических произведениях об исторических событиях.

А начиналось все так: маленький мальчик стоит около могилы на кладбище в своей родной деревушке, расположенной высоко в горах, на немецкой земле Мекленбург. В этой могиле был похоронен злодей Хенниг, по прозвищу Бранденкирль. Рассказывали, что он заживо сжег одного пастуха, а потом ударил его, уже обуглившегося,

мертвого, ногой. Это не прошло Бранденкирлю даром: как говорили, каждый год его левая нога в шелковом чулке и башмаке вылезала из могилы.

Мальчик стоял и ждал: нога не показывалась. Тогда он попросил отца раскопать могилу, чтобы узнать, куда она в этом году запропастилась.

Недалеко от этого места был холм. Под ним была закопана золотая колыбель; так, во всяком случае, утверждали пономарь и няня. Как-то мальчик сказал своему отцу, промотавшему все свое состояние пастору: «У тебя нет денег? Почему бы нам не выкопать колыбель?»

Отец рассказывал сыну сказки и легенды. Старый гуманист, он рассказывал о борьбе героев Гомера, о Парисе и Елене, об Ахилле и Гекторе, о могущественной Трое, сожженной и разрушенной. В 1829 году на рождественские праздники он подарил сыну иллюстрированную «Всемирную историю для детей» Эррера. Там была картинка: Эней, держа сына за руку и посадив старика отца на спину, покидает охваченный пламенем город. Мальчик смотрел на изображение, на крепкие стены, на огромные Скайские ворота. «Так выглядела Троя?» — спросил он. Отец утвердительно кивнул. «И все это разрушено, совершенно разрушено, и никто не знает, где стоял этот город?» «Разумеется», — ответил отец.

«Я не верю этому, — сказал маленький Генрих Шлиман. — Когда я вырасту большой, я найду Трою и сокровища царя».

Отец рассмеялся.

Это не выдумка, это даже не окрашенные в сентиментальные тона воспоминания детства,

которым нередко предаются в старости люди, добившиеся успеха в жизни. Задача, которую поставил перед собой семилетний мальчик, была проведена в жизнь. А в шестьдесят один год уже всемирно известный исследователь, очутившись случайно на родине, раскопал могилу злого Хеннига. Это подтверждает ту истину, что «первые впечатления ребенка остаются на всю жизнь»...

Правда, Генрих Шлиман не был первым из тех, кто поверил в Гомера и существование Трои. Еще за два поколения до него, в конце XVIII века, француз ле Шевалье вел поиски в Троеде — там, где узкий Геллеспонт разрывает мост в Европу. Но ле Шевалье так ничего и не нашел; его сбила с толку болтовня местных жителей. В 1864 году австриец фон Хан заложил разведочный раскоп в том месте, где шестью годами позднее стал копать Шлиман.

Генрих Шлиман не поддавался сомнительным рассказам местных жителей; от берега моря он направился к возвышенности, до которой было около часа ходьбы. Она называлась Гиссарлык. Шлиман пришел сюда не случайно, ибо он тщательно изучил античные сообщения об истоках и течении реки Скамандра.

В раздумье стоял Шлиман на холме Гиссарлык. Потом, так ничего и не раскопав, он возвращается в Париж. Там Шлиман пишет свою вторую книгу: «Итака, Пелопоннес и Троя». Так он наметил для себя задачу, которой потом посвятил жизнь.

Пришло время осуществления его замысла. В

1870 году он вместе со своей молодой женой-гречанкой Софией снова стоял с лопатой в руках на холме Гиссарлык. Наняв рабочих из местных жителей, он начал поиски Трои. На собственные средства... Ни одно учреждение Запада не помогло ему. Прошло три года. Шлиман и его рабочие углубляли и углубляли свои раскопы.

При этом, свободный от всяких предубеждений, Шлиман совершил свое первое преступление в глазах ученых-археологов. Особенно не размышляя, он прошел через культурные напластования классического греческого и римского времени. Его интересовало то, что лежит глубже, под ними. Он буквально прокопал весь холм, дойдя до его скалистого основания. Там он обнаружил следы древнейшего культурного слоя — Трои I.

Шлиман не был в особом восторге от Трои I, более того — он был разочарован. И это когда-то была Троя? Эти убогие постройки? Немыслимо! Это не могла быть гомеровская Троя. Тогда он поднялся слоем выше и стал раскапывать Трою II.

Здесь он нашел то, что искал: мощные крепостные стены, скошенные фундаменты из небольших камней и надземные части зданий из глиняных кирпичей и деревянных балок.

Была ли это Троя Гектора и Приама?

Чудовищный пожар разрушил эту Трою II. Везде были видны его следы: так и только так когда-то погибла Троя.

Генрих Шлиман знает это совершенно точно. Для него нет сомнений. Кто из знающих Гомера мог бы в этом усомниться?

Итак, прошло три года. Шлиман был удовлетворен своими открытиями. Нужно ли искать дальше?

15 июня 1873 года он намеревался закончить свою работу и ехать домой, чтобы написать отчет о ее результатах. Для него Троя была найдена. И вот тогда-то Шлиман нашел то, что увенчало всю его работу, то, что привело в восторг весь мир... Это событие было поистине драматическим.

Дело было утром жаркого дня. Шлиман вместе со своей женой наблюдал за обычным ходом раскопок, не слишком рассчитывая найти что-либо новое, но все же, как всегда, полный внимания. На глубине около 28 футов была обнаружена та самая стена, которую Шлиман принимал за стену, опоясывавшую дворец Приама. Внезапно взгляд Шлимана привлек какой-то предмет; он всмотрелся и пришел в такое возбуждение, что дальше действовал уже словно под влиянием какой-то потусторонней силы. Кто знает, что предприняли бы рабочие, если бы они увидели то, что увидел Шлиман? «Золото...» — прошептал он, схватив жену за руку. Она удивленно уставилась на него. «Быстро, — продолжал он, — отошли рабочих домой, сейчас же!» «Но...» — попробовала было возразить красавица гречанка. «Никаких «но» — перебил он ее, — скажи им все, что хочешь, скажи, что у меня сегодня день рождения и я только что об этом вспомнил, пусть идут празднуют. Только быстрее, быстрее!..»

Рабочие удалились. «Принеси твою красную шаль!» — крикнул Шлиман и прыгнул в раскоп. Он работал ножом, словно одержимый, не обра-

щая внимания на огромные каменные глыбы, грозно нависшие над его головой. «В величайшей спешке, напрягая все силы, рискуя жизнью, ибо большая крепостная стена, которую я подкапывал, могла в любую минуту похоронить меня под собой, я с помощью большого ножа раскапывал клад. Вид всех этих предметов, каждый из которых обладал колоссальной ценностью, придавал мне смелость, и я не думал об опасности».

Матово поблескивала слоновая кость, звенело золото...

Жена Шлимана держала шаль, наполняя ее постепенно сокровищами необычайной ценности. Сокровища царя Приама! Золотой клад одного из самых могущественных царей седой древности, окропленный кровью и слезами: украшения, принадлежавшие людям, подобным богам, сокровища, пролежавшие три тысячи лет в земле и извлеченные из-под стен семи исчезнувших царств на свет нового дня! Шлиман ни минуты не сомневался в том, что он нашел именно этот клад. И лишь незадолго до его смерти было доказано, что найденный им клад принадлежал царю, жившему за тысячу лет до Приама.

Таясь, словно воры, Шлиман и его жена осторожно перенесли сокровища в стоявшую неподалеку хижину. На грубый деревянный стол легла груда сокровищ: две золотые диадемы с 2271 золотым кольцом, 4066 пластинками сердцевидной формы и с 16 изображениями богов — все из чистого золота. Кроме того, — 24 золотых ожерелья, серьги, пуговицы и иголки; короче — всего 8700 изделий из чистого золота. Найдены были также зо-

лотая чаша весом 601 грамм, золотой сосуд и другая посуда из серебра, электрона и меди.

«Можно предположить, что кто-либо из семьи Приама в спешке уложил сокровища в ларь, так и не успев вынуть из него ключ, и попытался их унести, но погиб на крепостной стене от руки врага или был достигнут пожаром. Брошенный им ларь был сразу же погребен под обломками стоявшей неподалеку дворцовой постройки и пеплом, образовавшими слой в пять-шесть футов».

И вот фантазер Шлиман берет пару серег, ожерелье и надевает эти старинные тысячелетние украшения своей красавице жене. «Елена...» — шепчет он.

Но как поступить с кладом? Шлиман не сможет сохранить находку в тайне, слухи о ней все равно просочатся. Прежде всего Шлиману необходимо было скрыть этот золотой клад от турок — не для того, чтобы присвоить его себе, а с тем, чтобы продемонстрировать и передать ученому миру на Западе. Он решает перевезти это огромное сокровище в Афины, в его собственный дом, не привлекая к себе внимания. Хотя Афины и находились тогда под турецким господством, однако Шлиман считал, что оттуда легче найти пути для отправки сокровища через границу.

Ему и его жене пришла в голову идея использовать для этой цели корзинки из-под овощей. И вот спрятанное в овощах сокровище Приама совершает путь из Гиссарлыка через Геллеспонт в Афины. Турецкие чиновники недоуменно качали головами: неужели овощи в Гиссарлыке лучше, чем в Афинах? Но, видимо, это так, раз молодая

госпожа Шлиман предпочитает их всем другим овощам и хочет иметь их в своей афинской кухне. Ясно — это причуды богатой женщины! А раз так, надо предоставить ей полную свободу действий! С этих пор корзинки из-под овощей госпожи Софии Шлиман стали так же известны в истории археологии, как ее красная шаль, в которую первоначально складывали сокровища Приама, обнаруженное в щели древней стены Трои II. Позднее Шлиман подарил большую часть сокровищ Музею этнографии в Берлине.

Найдя «Сокровища царя Приама», Шлиман почувствовал, что достиг вершины жизни. Можно ли было после такого успеха рассчитывать на что-нибудь большее?

2. ЗОЛОТОЕ ЛИЦО АГАМЕМНОНА

Околдованный «Сокровищами царя Приама», Шлиман принялся на поиски нового клада и, кто бы мог себе это представить, нашел его!

Троя, судя по описаниям Гомера, была очень богатым городом. Микены же были еще богаче: Гомер везде называет этот города «златообильным».

С Микенами связана одна из наиболее мрачных и одновременно одна из самых возвышенных, полная темных страстей глава истории Греции — история возвращения и гибели Агамемнона.

Вождь троянского похода, «царь царей» Агамемнон, был сыном Атрея, царя Микен. Атрей, заподозрив своего родного брата Фиеста в том, что тот якобы обольстил его жену, решил отомстить ему. Однажды он пригласил его на пиршество и угостил жареным мясом. Сразу же после пира Атрей сообщил, что Фиест ел тела своих двух убитых сыновей.

После резни уцелел лишь третий сын Фиеста — Эгист. Мальчик поклялся мстить всему роду Атрея. Агамемнон не догадывался, что делалось в душе двоюродного брата и, отправляясь во главе объединенных греческих войск осаждать Трою, оставил его в Микенах со своей женой Клитемнестрой.

Девять лет стоял Агамемнон перед Троей. Эгист использовал это время:

Тою порою, как билися мы на полях Илионских,
Он в безопасном углу многоконного града Аргоса
Сердце жены Агамемнона лестью опутывал хитрой...

Преступная пара, опасаясь последствий вероломства, задумала погубить Агамемнона, как только он вернется из троянского похода.

Эгист поставил часового, который должен был предупредить его о возвращении супруга Клитемнестры, и окружил себя вооруженными людьми. Потом он пригласил Агамемнона на пир, но, «преступные козни замыслив», убил его, «подобно тому, как быков убивают за жвачкой». Не спасся никто и из друзей Агамемнона, никто из тех, кто пришел вместе с ним. Прошли долгие восемь лет, прежде чем Орест, сын Агамемнона, отомстил за отца, расправившись с Клитемнестрой, своей матерью, и Эгистом — убийцей.

Эти события вдохновляли многих авторов трагедий: Агамемнону посвящена самая выдающаяся трагедия Эсхила; французский писатель Жан-Поль Сартр написал драму об Оресте. Память о «царе среди мужей», одном из самых могущественных и богатых правителей, владыке Пелопоннеса, никогда не угасала.

В отличие от Трои руины Микен находились на поверхности земли. В Арголиде, в северо-восточной части Пелопоннеса, еще и теперь можно увидеть мрачные крепостные стены замка Агамемнона, возвышающиеся на отвесной скале. Главный вход во дворец, так называемые «Львиные ворота», перед которыми в изумлении застывали все, кому довелось их увидеть, был от-

крыт всем взорам точно так же, как и «сокровищницы» (в свое время их принимали за печи для выпечки хлеба), в том числе и самая знаменитая среди них — «Сокровищница Атрея», отца Агамемнона. Это было подземное куполообразное помещение высотой более тринадцати метров, своды которого были сложены из циклопических камней, связанных друг с другом лишь силой собственной тяжести.

Некоторые античные писатели считали, что именно здесь, в этом районе, находится гробница Агамемнона и его друзей, убитых вместе с ним. Местоположение города было ясным, вопрос же местоположения гробниц был по меньшей мере спорным. Найти Троию Шлиману помог Гомер. На этот раз он опирался на одно место из записей Павсания — греческого писателя и путешественника, посетившего Микены в 170 году новой эры, согласно которому гробница Агамемнона находится внутри кольца крепостного вала. Свое мнение Шлиман высказал впервые еще в книге об Итаке. Раскопки подтвердили его правоту.

Чтобы начать археологические раскопки, Шлиману нужно было получить концессию от греческого Археологического общества в Афинах. Но греки, памятуя шумную аферу с троянскими сокровищами, ему не доверяли. Переговоры тянулись более двух лет и, по всей вероятности, так ничем бы и не кончились, если бы Шлиман не обязался вести раскопки лишь во дворе цитадели, не представлявшем (по мнению членов общества) никакой археологической ценности.

7 августа 1876 г. Шлиман вместе с женой при-

ехал в Микены. Только здесь, на месте, археолог понял, какую трудную задачу поставил он перед собой. Двор цитадели был покрыт колоссальным пластом мусора весом по меньшей мере в несколько тысяч тонн. Исследователь нанял в окрестных деревнях 125 рабочих и бодро принялся за расчистку. Работы начали на расстоянии нескольких метров от «Сокровищницы» возле Львиных ворот. Одни рабочие кирками расшатывали камни, другие грузили их на тачки и вывозили за пределы двора. Шлиман то и дело обнаруживал фрагменты фриз (фриз — строительное украшение в форме горизонтального пояса), раскрашенные вазы, терракотовые статуэтки, каменные формы, в которых отливали украшения («Эти украшения, вероятно, изготавливались из золота и серебра», — тут же заключил кладоискатель), стеклянные бусы и геммы.

За четыре месяца выкопали огромный котлован. Но игра стоила свеч.

Шестым декабря 1876 года датирована запись Шлимана об открытии первой могилы. Далее надо было действовать с величайшей осторожностью. В течение двадцати пяти дней его жена Софья, верная и неутомимая помощница, работала буквально не разгибая спины; она просеивала руками землю, рыхлила ее ножом. Вместе они нашли еще пять могил, а в могилах — останки пятнадцати человек. Королю Греции была отправлена телеграмма: «С величайшей радостью сообщая Вашему Величеству, что мне удалось найти погребения, в которых были похоронены Агамемнон, Кассандра, Эвримедон и их друзья, умерщ-

ленные во время трапезы Клитемнестрой и ее любовником Эгистом». Можно себе представить, какое потрясение испытывал Шлиман, когда он отрывал останки тех, кто, как ему казалось, жил в страстях и ненависти более двух тысяч лет тому назад.

Шлиман не сомневался в своей правоте. И в самом деле, разве мало было оснований придерживаться подобной точки зрения, разве не казалось, что факты полностью подтверждают его выводы? «Тела усопших были буквально осыпаны драгоценностями и золотом... Разве обыкновенным смертным положили бы такие драгоценности в могилу?» — спрашивал Шлиман. Было найдено дорогое оружие, которое должно было служить умершему защитой от всяких случайностей в царстве теней. В то же время Шлиман указывал на совершенно явные следы поспешности сожжения тел. Те, кто хоронили их, даже не могли дождаться, пока огонь полностью сделает свое дело: они забросали полусожженные трупы землей и галькой с поспешностью убийц, которые хотят замести свои следы. И хотя драгоценные украшения свидетельствовали о каком-то соблюдении обычаев того времени, сами могилы, не говоря уже об усопших, имели такой откровенно неприличный вид, который мог уготовить своей жертве только изоцренный в ненависти убийца. У Шлимана не было ни малейшего сомнения в своей правоте. И все же (сегодня мы это знаем совершенно точно) его теория была неверной. Да, он нашел царские погребения, но не Агамемнона и его друзей, а людей совершенно

другой эпохи — погребения, которые были по меньшей мере лет на 400 старше погребения Агамемнона.

Но это, в общем, несущественно. Важно было то, что он сделал еще один великий шаг по дороге, которая вела к открытию древнего мира, что он вновь подтвердил правдивость сведений Гомера и что он открыл сокровища, которым мы обязаны сведениям о той культуре, что лежит в основе европейской цивилизации.

Клад, найденный Шлиманом, был огромен. Его превзошла лишь знаменитая находка Карнарвона и Картера в Египте. «Все музеи мира, вместе взятые, не обладают и одной пятой частью этих богатств», — писал Шлиман.

В первой могиле Шлиман насчитал 15 золотых диадем — по 5 на каждом из трех усопших. Кроме того, там были золотые лавровые венки и украшения в виде «свастик».

В другой могиле — в ней лежали останки трех женщин — он собрал более 700 тонких золотых пластинок с великолепным орнаментом из изображений животных, медуз, осьминогов. Золотые украшения с изображением львов и других зверей, сражающихся воинов, украшения в форме львов и грифов, лежащих оленей и женщин с голубями... На одном из скелетов была золотая корона с 36 золотыми листками. Она украшала голову, уже почти обратившуюся в прах. Рядом лежала еще одна великолепная диадема с приставшими к ней остатками черепа. Он нашел еще пять золотых диадем с золотой проволокой, при помощи которой они закреплялись на голове, бесчис-

ленное множество золотых украшений со «свастиками», розетками и спиралями, головные булавки, украшения из горного хрусталя и обломки изделий из агата, миндалевидные геммы из сардоникса и аметиста. Он нашел секиры из позолоченного серебра с рукоятками из горного хрусталя, кубки и ларчики из золота, изделия из алебастра.

Но самое главное, что он нашел те золотые маски и нагрудные дощечки, которые, как утверждала традиция, употреблялись для защиты венценосных усопших от какого-либо постороннего воздействия. Ползая на коленях, он соскребал слой глины, под которым были скрыты останки пяти человек из четвертой могилы. Уже через несколько часов головы усопших превратились в пыль. Но золотые мягко поблескивающие маски сохранили форму лиц. Черты этих лиц были совершенно индивидуальны, «вне всякого сомнения, каждая из масок должна была являться портретом усопшего».

Он нашел перстни с печатями и великолепными камнями, браслеты, тиары и пояса, 110 золотых цветов, 68 золотых пуговиц без орнамента и 248 золотых пуговиц с резным орнаментом, золотую модель храма, золотой осьминог... Мы не будем продолжать это перечисление. Описание находок Шлимана занимает 206 страниц большого формата. И все это золото, золото, золото.

Вечером, когда окончился этот день и ночные тени опустились на Микенский акрополь, Шлиман приказал зажечь здесь костры «впервые после перерыва в 2344 года», напоминающие о тех

кострах, которые оповестили в свое время Кли-темнестру и ее возлюбленного о грядущем прибытии Агамемнона. На этот раз, однако, костры должны были отпугивать воров от одного из самых богатых кладов, когда-либо изъятых из гробниц умерших царей.

3. ИСТОРИЯ ВЕНЕРЫ МИЛОССКОЙ

...В мае 1821 года потрясенный Париж осаждал Лувр. Благодаря стараниям французского короля Людовика XVIII, посла в Турции маркиза де Ривьера и молодого тридцатилетнего офицера, впоследствии знаменитого французского ученого и путешественника Дюмон-Дюрвиля в нем появилась... Венера Милосская. Галантные французские кавалеры оказались здесь на высоте и чуть ли не огнем пушек габары «Эстафеты» вырвали античную красавицу из рук команды турецкого судна, которое попыталось опередить французов при покупке Венеры из Милоса. Подоспевшие вслед за французами английский фрегат и голландский бриг остались ни с чем: «Эстафета» на всех парусах уходила от благодатных берегов Греции в спасительный Тулон...

Вот как была найдена и вывезена из Греции знаменитая скульптура, этот признанный мировой шедевр, украшающий ныне парижский Лувр.

...2 апреля 1820 года французская габара «Эстафета» бросила якорь у греческого острова Милос, что находится в группе Кикладских островов. 24-летний французский офицер Вутье выбрался на берег полюбоваться окрестностями. Он прогуливался по склонам холма, когда услышал изумленный крик и увидел, что пахавший небольшое поле крестьянин пытается удержать в руках тяжелый плуг, медленно проваливающийся в яму. Вутье бросился на крик и помог Йоргосу, как звали крестьянина, вытащить плуг из чернеющего провала.

Спустившись вниз, Вутье и Йоргос застыли в изумлении — они находились под сводами какого-то подземелья: то ли в подземном храме, то ли в подвалах некогда стоявшего здесь дворца. А через мгновение они увидели статую прекрасной женщины.

— Какой волшебный мрамор, — первое, что пришло в голову ошеломленному моряку. — Богиня... Настоящая античная богиня!

Вутье позвал на помощь, и через полчаса Афродита, или Венера, получившая впоследствии название Милосской, стояла под жарким солнцем, овеваемая легким морским бризом. Йоргос был счастлив, как никто: еще бы, ведь на его родовом участке была найдена статуя, и он скоро совсем станет богатым и сможет приобрести маленькую лавчонку, отремонтирует или даже купит себе дом. О такой удаче он и не помышлял... Вутье положил руку на плечо ошеломленного крестьянина:

— Вот вам, Йоргос, задаток, сто пиастров, не уступайте ее никому, кто придет не от меня... Все же мы с вами первые увидели это чудо.

— По рукам! — И Йоргос остался сторожить свое сокровище. В тот же вечер Вутье разговаривал с представителем французского консульства на острове. К удивлению, он встретил холодный прием.

— Какой энтузиазм!.. Молодой человек, правительство Франции не уполномочивало меня закупать здесь всякие сомнительные шедевры...

— Но, месье, если бы вы ее видели... если бы я не был так беден... Франция не простит вам по-

добной потери. Подумайте, Лувр, толпы ценителей прекрасного, газеты всего мира рассказывают об античной богине... И ваше имя, месье, на страницах газет... Вы можете рассчитывать на повышение — Стамбул вместо глухого островка. Я надеюсь на вас, месье! Учтите, нельзя терять ни минуты — весь остров только и говорит о находке. А здесь есть и английское консульство, не забывайте и о турках... Ведь Греция принадлежит им.

Так и не договорившись с равнодушным чиновником, Вутье вернулся к Йоргосу, пообещав ему вот-вот заплатить деньги. А через несколько дней произошло чудо. Рядом с «Эстафетой» бросила якорь другая французская габара, несмотря на свои внушительные размеры носившая имя «Козочка». На борту судна в чине старшего офицера находился тридцатилетний, еще ничем не знаменитый Дюмон-Дюрвиль. Ему не надо было ничего объяснять.

— Потрясающе! — только и смог вымолвить он.

— Увы! У нас берут ее из-под носа. Эконом Милосского монастыря каждый день приходит к Йоргосу и торгуется с ним. Он собирается купить статую для одного знатного турка. Только порядочность Йоргоса и ненависть к туркам оставляет нам последний шанс на надежду. Но так бесконечно продолжаться не может... А мое судно отходит завтра. Попытайтесь что-либо сделать теперь вы.

— Что, если поговорить с нашим послом в Константинополе? Он слывет любителем и знатоком искусства.

«Эстафета» отплыла 21 апреля, «Козочка» последовала за ней. К счастью, в Константинополь. Дюмон-Дюрвиль бросился к послу, маркизу де Ривьеру.

— Великолепное произведение искусства, ваше превосходительство! Но следует поторопиться, — и он подробно рассказал о находке.

— Я сделаю все возможное. Я доложу королю...

К тому времени, когда вопрос о покупке был решен, стало известно, что к Милосу на всех парусах идет английский фрегат. Естественно, не для того, чтобы только осмотреть статую Венеры... То же самое задание получило командование голландского брига. Кроме того, к острову направилось еще и турецкое судно «Галлаксиди». Что ему здесь делать?

...Когда «Эстафета» бросила якорь у знакомого места, матросы увидели целый кортеж монахов. Они несли на носилках Венеру прямо к берегу. Вероятно, Йоргос потерял терпение, ожидая французов, и уступил скульптуру Милосскому монастырю.

— Капитан! — обратился Вутье к своему командиру. — Маркиз де Ривьер приказал мне взять Венеру на борт, чего бы это ни стоило. Прикажите вашим матросам...

— Одной пушки и двадцати четырех человек будет достаточно? Вутье, вы возглавите десант!

На берегу уже заметили приготовления французов, спускавших на берег шлюпку с вооруженными матросами. На «Галлаксиди» раздались крики: «К оружию! Они хотят перехватить у нас

богиню!» Турки стали готовиться к бою — ведь они были в «своих» водах...

— Если раздастся хоть один выстрел, — прокричал капитан, — мы сумеем ответить и разнесем вас в щепки.

А на берегу французам пришлось буквально брать на абордаж носилки с Венерой, пока личный секретарь, маркиза де Ривьеры вел переговоры с настоятелем местного монастыря.

— Я же заплатил Йоргосу за статую 750 пиастров...

— Но Франция предлагает вам 8 тысяч франков. Это большая сумма, вы знаете. С такими деньгами вы сможете сделать дворец из своего монастыря.

— Мне хотелось угодить туркам, но еще охотнее я сделаю услугу королю Франции. Кроме того, на вашей стороне сила, — кивнул монах в сторону французского судна, приготовившегося к бою. — Венера ваша!

...Вутье поручено было сопровождать сокровище до Тулона.

А 7 мая 1821 года знаменитая греческая богиня любви и красоты заняла свое место в Лувре. На первом осмотре был сам король Франции, весь свет Парижа, иностранный дипломатический корпус. В том числе послы Англии, Голландии и Турции, только теперь понявшие, что потеряли их страны. Но по-настоящему проиграла одна лишь Греция, в то время находившаяся под турецким игом. Именно ей принадлежали все вывезенные в это время за рубеж археологические сокровища. Только законом, изданным в 1834 году, она объяв-

ляла все найденные на ее территории памятники древности национальным достоянием «всех эллинов». По сути дела, это был первый в истории закон об охране памятников от официальных и неофициальных грабителей могил, всевозможных авантюристов, кладоискателей, скупщиков древностей.

(Б. Босов. Сильбо Гомера и др. — М.: Детская литература, 1985)

4. ТАЙНА «СВЯЩЕННОГО КОЛОДЦА»

За последнее столетие археологам-подводникам удалось найти множество ценнейших памятников культуры доколумбовой Америки. Только подняты они были не со дна морского, а со дна священных колодцев на территории полуострова Юкатан, где до конкисты процветала древняя цивилизация, созданная индейцами майя. Раньше европейцев майя стали применять в своих вычислениях символ нуля, их календарь был точнее, чем календарь средневековой Европы, они построили десятки городов, возвели сотни храмов и тысячи монументальных стел, покрытых надписями. Ювелиры майя создали великолепнейшие изделия из золота, превосходившие произведения европейских ювелиров. Но почти все они были превращены в «золотой лом» испанскими завоевателями, и в музеях мира хранилось считанное число этих шедевров — до тех пор, пока не начал раскопки под водой предприимчивый американец Эдвард Томпсон...

ОТКРЫТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ МАЙЯ

В 1836 году один мексиканский полковник по фамилии Гарлиндо ездил по глухим селениям Юкатана и Центральной Америки, проводя среди местных жителей рекрутский набор. В рапорте начальству он упомянул об удивительном открытии: в бескрайних дебрях девственных лесов он неожиданно увидел загадочные, очень древние

руины, покрытые буйной растительностью, сквозь которую проглядывали барельефы.

Через три года рапорт неизвестно какими судьбами очутился в Нью-Йорке и попал в руки адвоката Джона Ллойда Стефенса. Лаконичное замечание о таинственных сооружениях произвело на него сильное впечатление. Надо сказать, что увлечением Стефенса была археология и античная история. Этим наукам он посвящал почти все время, нередко забрасывая свои адвокатские дела. Он уже путешествовал по Египту, Аравии, Палестине, Греции и Турции. О своих приключениях Стефенс написал две книжки, которые пользовались немалой популярностью. Он всегда мечтал совершить какое-нибудь великое открытие, и вот — о диво! — Стефенс узнает из рапорта неизвестного военного, что великие открытия ожидают его, можно сказать, совсем рядом — в Мексике.

Решение было принято мгновенно: он поедет туда и увидит собственными глазами то, о чем пишет Гарлиндо. Готовясь к поездке, Стефенс перевернул все доступные ему сочинения историков и путешественников, чтобы собрать информацию о стране, в которую собирался отправиться. Но тут его ожидало разочарование. Кроме банальных заметок, он не нашел абсолютно ничего такого, что могло бы хоть как-нибудь помочь ему в его намерениях. О народах Мексики, Юкатана и Центральной Америки никаких сведений просто-напросто не существовало.

И все же зацепка была найдена. В одной из книг Стефенс наткнулся на заметку некоего Фуэнтеса. Этот мексиканский испанец в 1700 году

бродяжничал по Гондурасу и возле Копана открыл огромный ансамбль старинных, хорошо сохранившихся зданий и пирамид. Поэтому Стефенс решил отправиться именно в Гондурас, хотя не имел ни малейшего представления о трудностях, связанных с путешествием в глубь диких, безлюдных джунглей. Он уговорил принять участие в экспедиции своего друга, художника Фридриха Казервуда.

В 1839 году небольшой караван Стефенса, который состоял из мулов, проводников и индейцев-носильщиков, оказался на границе Гондураса и Гватемалы. Маленькая группа смельчаков углубилась в мрачную чащу дикой растительности. Путешественники двигались по дорогам Юкатана с большим трудом. Навьюченные животные по брюхо проваливались в смрадные болота. Колючие лианы цеплялись за одежду и впивались в тело. Гнилостные испарения отравляли организм, обессиливая путешественников. Ни пирамид, ни дворцов, ни храмов не было видно. Казалось, что в этом суровом краю не могла существовать никакая цивилизация.

Однако Стефенс принадлежал к числу настоящих путешественников. Он не прекратил поиска, пока не встретил индейцев, знавших о развалинах в джунглях.

Эти развалины оказались древними храмами. Каменные стены их были так густо оплетены тропическими растениями, что можно было пройти совсем близко и ничего не увидеть.

А когда Стефенс и Казервуд проникли внутрь одного из храмов, они были поражены удивитель-

ным искусством древних жителей Мексики. Путешественники поняли, что открыли столицу какого-то могущественного гениального народа. Казервуд старательно зарисовал скульптуры и орнаменты, находившиеся в храме, а Стефенс тщательно все описал.

Как потом оказалось, Стефенс и Казервуд нашли древний город Чичен-Ицу. Они узнали, что по-индейски «чи» — значит «устье», «чен» — «колодец». Следовательно, Чичен-Ица — «устье колодца ицев». Где же этот колодец, который дал название древнему городу?

И опять поиск. И снова удача.

В книге, которую Стефенс и Казервуд выпустили в свет после своего возвращения из Юкатана, в частности, говорилось: «Колодец был самый большой, самый таинственный из всех встреченных нами на Юкатане — он был мертв, словно в нем поселился дух вечного молчания».

Под впечатлением книги Стефенса историки наперебой стали ворошить старые испанские источники и пришли к выводу, что строителями замечательных городов были майя. За много столетий до прихода ацтеков они создали богатую культуру, на территории Центральной Америки и Юкатана возникли их города-государства.

Однако книга Стефенса не открыла тайну жизни майя. Десятки путешественников устремились на Юкатан за разгадкой этой тайны. В 1864 году была найдена книга Диего де Ланды «Сообщение о делах в Юкатане». Автор этой книги был архиепископом на Юкатане в XVI веке. Подружившись с одним индейским князем, он

записал его рассказы о богах, войнах и обычаях майя.

«У них, — писал Ланды, — был обычай прежде и еще недавно бросать в колодец живых людей в жертву богам во время засухи, и они считали, что жертвы не умирали, хотя не видели их больше. Бросали также многие другие вещи из дорогих камней и предметы, которые они считали ценными. И если в эту страну попадало золото, большую часть его должен был получить этот колодец из-за благоговения, которое испытывали к нему индейцы».

Слово «золото» мелькнуло рядом со словом «майя». Теперь легендарные индейцы волновали не только ученых Старого и Нового Света, но и предприимчивых дельцов и кладоискателей, мечтавших о богатстве.

ОБРУЧЕНИЕ БОГА ДОЖДЯ

«Сеньор, мы приехали!» — густой голос метиса отозвался многоголосым эхом в ночной тишине. Лохматые мексиканские лошадки стали, как вкопанные, и тотчас опустили головы, чтобы, наконец, подремать. Молодой американец, внезапно пробудившийся ото сна, покачнулся и, пожалуй, упал бы с лошади, если бы его не поддержал проводник. Он открыл глаза и замер, очарованный волшебным зрелищем.

Перед ним высилась темно-синяя пуща, а над верхушками деревьев, словно плывущий в обла-

ках, белел в полусвете луны какой-то храм или дворец, возведенный на вершине пирамиды.

Так, в 1885 году 25-летний Эдвард Томпсон прибыл в Чичен-Ицу, величайший и могущественнейший город-государство майя, о котором ходили по свету самые фантастические легенды.

Едва забрезжил рассвет, Томпсон вскочил с постели и, выпив несколько глотков кофе, немедленно помчался к пирамидам. Взобравшись на первую попавшуюся, он долго любовался панорамой руин. Вдруг, пристально всмотревшись вдаль, Томпсон радостно вскрикнул — среди деревьев, как серебряное зеркальце, блестел небольшой круглый пруд.

— Священный колодец — храм бога дождя, — шепнул он мексиканцу.

Смуглое одутловатое лицо проводника просияло.

— Да, сеньор, Священный колодец, — сказал тот добродушно улыбаясь. — Люди разное о нем болтают... Некоторые говорят, что в определенные времена года его воды превращаются в кровь. А другие видели, как из его глубин выходил хоровод плачущих девушек. Тогда в чаще звучит пение невиданных жрецов, играют флейты и грохочут барабаны.

Тем временем уже совсем рассвело.

Через некоторое время пришельцы спустились по крутым ступеням вниз и по узкой тропинке направились к пруду. Он имел очень мрачный вид, и нечего удивляться, что местные жители боялись к нему приближаться. Это была, по существу, зияющая бездна — яма, наполненная водой. Берега-

ми ее являлись отвесные каменные стены высотой до 20 метров. Поверхность черного омута покрывали водоросли, листья и плавающие стволы полуистлевших деревьев.

Томпсон опустил лот и убедился, что глубина пруда достигает приблизительно 25 метров. На берегу виднелись руины алтаря, от которого украшенная барельефами плотина вела к храму, стоящему на пирамиде.

Тщательно обследовав берег пруда, Томпсон сел на камень и еще раз задумался над смыслом своей экспедиции. Он вынул из кармана книжку с сообщениями архиепископа Диего де Ланды и в который уже раз прочитал: «Если в этой стране было когда-нибудь золото, то большая его часть должна находиться на дне пруда в Чичен-Ице».

Майя в отличие от ацтеков своим многочисленным божкам приносили в жертву, как правило, лишь цветы и фрукты. Только когда наступала засуха и нужно было умиловить разгневанного бога дождя Чак-Мооля, который, по преданиям, жил на дне пруда — Священного колодца, жрецы посылали ему невесту, самую красивую девушку. Люди давали ей очень богатое приданое: бросали в воду драгоценности и различную домашнюю утварь.

К замечанию Ланды почти все отнесли с недоверием. Ученые считали, что это типичная романтическая народная легенда, лишенная реальных оснований.

Но молодой Томпсон сразу ей поверил. Сообщение Ланды настолько сильно подействовало на пылкое воображение юноши и так его увлекло,

что он решил разгадать тайну Священного колодца на месте. Хотя знакомые и подшучивали над Томпсоном, называя его фантазером, он отправился в путешествие на Юкатан, чтобы разработать план извлечения из глубин пруда древних сокровищ майя.

Пока метис раскладывал костер, собираясь готовить обед, Томпсон сидел на жертвенном камне и, устремив взгляд в мрачную пучину пруда, пытался представить себе, как праздновалось торжество в честь бога дождя.

Вот по ступеням пирамиды сходит процессия во главе с королем, жрецами и сановниками. Их пышные одеяния переливаются всеми цветами радуги, над головами развеваются пестрые султаны. Мерно покачивается плотно закрытый паланкин, в котором сидит юная избранница бога.

Под ритуальное пение жрецов, под звуки флейт и барабанов все медленно шествует вдоль плотины, затем останавливаются у алтаря и молча ждут, пока не выкатится из-за горизонта багровый диск солнца и первые его лучи не заиграют огоньками на водной глади.

Тогда жрецы выводят из паланкина бледную, испуганную девушку, накидывают на нее прекрасное свадебное покрывало, а голову украшают венком из цветов. При виде невесты толпа взрывается громом приветствий; исступленно звучат флейты, а барабаны грохочут с такой силой, что кажется, будто на землю обрушился страшный град.

Жрецы заканчивают пение и молитвы — наступает мертвая тишина. Четыре жреца поднима-

ют девушку и с размаху бросают ее в Священный колодец. Крик ужаса несчастной жертвы пронизывает воздух, затем слышится глухое, страшное бульканье воды — бог дождя принял в свое царство новую избранницу. Вслед за жертвой в Священный колодец сыплется дождь ожерелий, браслетов, ларцов, гребней, булавок, ваз и керамических чаш с замечательным орнаментом.

Можно ли извлечь таинственные сокровища из черного и смрадного омута? Томпсон пришел к выводу, что для этого необходима специальная землечерпалка и водолазный скафандр. Но где взять денег?

Возвратившись в Соединенные Штаты, Томпсон развернул активную деятельность: он выступал с лекциями в университетах и на научных конгрессах, пока не собрал, наконец, необходимые средства. Потом он отправился в Бостон, где под руководством опытного водолаза освоил трудное водолазное искусство и достиг неплохих результатов, хотя физически был человеком довольно хилым.

Но особую надежду Томпсон возлагал на свое приспособление, напоминающее землечерпалку, которое сделали на заводе по его заказу. Механизм состоял из 10-метровой мачты, ковша с зубчатым краем, кривошипа, стальных тросов и блоков.

В Юкатане американец нанял нескольких рабочих, прежде всего ловца жемчуга, опытного водолаза, грека, который работал на острове Багама. Вместе с ними он вторично прибыл в Чичен-Ицу.

Диаметр пруда составлял около 70 метров, поэтому не могло быть и речи о том, чтобы обыскать все его дно. Томпсон справился с этими трудностями очень остроумно. Толстый ствол дерева, напоминающий по контурам человеческую фигуру, он бросал в воду до тех пор, пока не определил место, куда, по всей вероятности, попадали живые жертвы. Здесь он и пустил в ход свой механизм.

Ковш извлекал на поверхность черный, как смола, ил, гнилые ветви, истлевшие деревья, а однажды даже сцепленные между собой кости ягуара и серны, немое свидетельство лесной трагедии. Солнце пекло немилосердно; на берегу росли кучи ила и грязи, наполняя воздух невыносимым смрадом.

Так работа продолжалась изо дня в день, не принося никаких результатов. Но однажды появился первый робкий вестник успеха: среди ила ученый обнаружил бело-желтые кусочки какой-то смолистой массы. Разогретые на огне, они распространяли сладковатый пьянящий аромат. Томпсон не сомневался, что нашел благовония, которые жрецы использовали во время церемонии приношения жертвы.

Вскоре, как из рога изобилия, посыпались разнообразные находки. Каждый ковш приносил добычу: украшения, вазы, копья, ножи или чаши из обсидиана и яшмы. Окончательным подтверждением рассказа Ланды был скелет молодой девушки, извлеченный со дна Священного колодца.

Томпсон торжествовал: ему припомнился исполненный трудностями путь, по которому в кон-

це концов он пришел к успеху, разочарования, насмешки со стороны людей, считавших его неисправимым мечтателем. И вот теперь он совершил одно из величайших археологических открытий в Америке.

Дальнейшие поиски Томпсон решил проводить в скафандре водолаза. Свои подводные переживания и приключения он описывает настолько красочно и с таким драматическим напряжением, что лучше предоставить слово ему самому.

«Когда я ступил на первую перекладину лестницы, — вспоминает Томпсон, — парни, которые обслуживали помпу, по очереди подходили ко мне и с мрачной миной пожимали руку. Нетрудно было угадать их мысли: они прощались со мной навсегда, не веря, что я вернусь живым. Отпустив лестницу, я погрузился, как мешок, наполненный свинцом, оставляя за собой цепочку серебристых пузырьков.

Свет стал сначала желтым, потом зеленым, наконец, пурпурно-черным, и вот я очутился в крошечной тьме. Уши пронзила острая боль — возрастало давление. Погружаясь, я ощутил, что очень быстро теряю в весе, и когда, наконец, стал на колонне, которая отвалилась от руин алтаря на берегу, мне показалось, что я скорее пузырь, а не человек, одетый в тяжелый скафандр.

Приятно было думать, что я — единственный человек в мире, который посетит это место живым и живым его покинет. Рядом со мной появился водолаз-грек, мы пожали друг другу руки.

В иле и грязи ковшом был проделан коридор с отвесными стенами шестиметровой высоты. В

этих стенах, как изюминки в тесте, торчали камни различной формы.

Представьте себе, как мы двигались наощупь в потемках, окруженные со всех сторон этой стеной грязи, шарили в щелях и трещинах известнякового дна, разыскивая предметы, которые не захватил ковш. И еще представьте себе, что каждую минуту какой-то валун, подмытый водой, соскальзывал на наши головы. Однако это не было настолько грозным, как могло бы показаться. Пока мы держались на определенном расстоянии от стены, нам не грозила опасность.

Наши рабочие верят, что в черных глубинах «Священного колодца» живут гигантские змеи и чудовища. Водолаз-грек и я как-то раз настолько увлеклись работой, собирая памятники древности, что забыли об обычной осторожности. Неожиданно что-то громадное незаметно соскользнуло сверху и с непреодолимой силой стало вдавливать меня в грязь. На мгновение меня до мозга костей пронзил ужас, холодные мурашки пробежали по телу. Но потом я почувствовал, как грек стал отталкивать этот предмет и освободил меня от тяжести. Это был огромный гнилой ствол дерева, который оторвался от стены ила и упал на меня как раз в то время, когда я наклонился».

Результаты поисков были буквально сенсационными и полностью подтвердили предание о том, что майя бросали в Священный колодец девушек. На поверхность извлекли тысячи разнообразных предметов: бусы, браслеты, чаши и статуэтки идолов, сделанные из яшмы, золотые щиты с сюжетными барельефами, ножи и прекрасно отпо-

лированные зеркала из обсидиана, но главное — черепа молодых женщин.

Почти все предметы оказались разбитыми на мелкие части. Майя верили, что мертвые вещи имеют души, поэтому перед тем, как бросить в воду, они лишали их жизни, разбивая на алтаре, чтобы их души могли лучше служить своей хозяйке в королевстве бога дождя.

Осматривая останки молодых женщин, Томпсон сделал неожиданное открытие: нашел череп, который явно принадлежал старцу.

Чей же это череп?

Неужели жреца принесли в жертву богу дождя? Конечно, нет. Хроники ни разу не упоминают о таких жертвах.

Наиболее близким к истине нам кажется следующее предположение. Вслед за девушкой бросился в воду охваченный отчаянием отец. Ведь недаром в старой индейской песне поется:

Догорает от жажды кукуруза в поле,
Чак-Мооль зовет тебя, милая доченька,
Но обильнее, чем дождя потоки,
Потекут мои слезы, мои горькие слезы.

(Зенон Косидовский. Когда солнце было богом. — М.: Наука, 1991)

НА ДНЕ СВЯЩЕННОГО КОЛОДЦА

По возвращении в Штаты Эдвард Томпсон опубликовал свой дневник, в котором подробно описывал, как ему удалось вырвать у Священного колодца скрытые там сокровища.

Из дневника Томпсона могло создаться впечатление, что историкам и археологам больше нечего делать в Священном колодце. Однако мексиканские ученые придерживались другой точки зрения.

Прежде всего следовало учитывать, что он не был вырыт руками человека. Майя не строили подобных сооружений, а брали воду из естественных источников. Колодец скорее всего имел карстовое происхождение. Когда-то на его месте была подземная пещера. Потом ее верхний свод случайно провалился, и образовался водоем диаметром в 60 метров. Произошло это две тысячи лет назад. Следовательно, на дне должен находиться очень толстый слой ила, который Томпсон при всем желании не мог вычерпать с помощью ручной лебедки.

Но и это еще не все. На основании сложных расчетов историки пришли к выводу, что обряд жертвоприношений у Священного колодца начался примерно в 450 году новой эры и практиковался почти тысячу лет. Значит, Эдвард Томпсон, положивший на свой счет два миллиона долларов, сумел поднять никак не больше десятой части сокровищ майя.

Заключение, подписанное видными мексиканскими учеными, гласило: есть полный резон орга-

низовать экспедицию для повторного обследования Священного колодца. Бесценные сокровища майя, наверняка оставшиеся там, должны попасть в национальные музеи, прежде чем до них доберутся алчные кладоискатели.

В 1954 году в Чичен-Ицу отправилась первая научная экспедиция, организованная Мексиканским национальным институтом антропологии и истории. Ее возглавил большой энтузиаст изучения доколумбовой эпохи, бывший президент страны Эмилио Портес Хил. Кстати, по его заказу были изготовлены специальные водолазные костюмы, в которых на дно колодца собирались спускаться и ученые.

Однако по прибытии на место они столкнулись с неожиданным препятствием. От древних майя дошла легенда о том, что Священный колодец охраняют от злоумышленников верховные боги Юкатана. Временами они превращают воду в человеческую кровь, вид которой не в силах выдержать ни один смертный. Кроме того, боги населили колодец гигантскими ядовитыми змеями, убивающими всякого, кто осмелится приблизиться к нему.

Действительно, когда члены экспедиции подошли к краю огромной круглой ямы, та оказалась наполнена водой кроваво-красного цвета. Конечно, это не испугало ученых. Их пример успокоил и остальных. Но вот работать в колодце практически было невозможно. Несмотря на сильные электрические фонари водолазы не видели даже собственных рук. Пытаться на ощупь искать в иле драгоценные древности значило уподобиться

«грабителю» Томпсону, которого совершенно не интересовала топография находок, столь важная для археологов. Между тем уже первые поднятые из Священного колодца предметы свидетельствовали о том, что там таятся огромные сокровища. Чтобы извлечь их с пользой для науки, следовало вернуться в эту уникальную археологическую кладовую с более совершенными техническими средствами.

А пока... пока ученые убедились в абсолютной беспочвенности устрашающей легенды майя. Никаких гигантских ядовитых змей в колодце и его окрестностях не водилось. Правда, поблизости изредка попадались питоны, но они были невелики и никогда не нападали на людей. Что же касается красного цвета воды, то это явление вызывалось вполне прозаической причиной — безвредными микроскопическими водорослями, бурное размножение которых начиналось в тот период, когда в воде гнивала опавшая с деревьев листва. Достаточно устранить причину — возвести над колодцем шатер, и вода приобретет нормальный цвет.

Увы, этот вариант оказался неприемлем: подобное сооружение имело один существенный недостаток — высокую стоимость, которая была не по карману мексиканскому институту. Тогда на помощь призвали химиков. После многочисленных опытов они разработали специальный препарат, убивающий водоросли и делающий воду прозрачной.

Одновременно мексиканские инженеры сконструировали пневматическое устройство для откач-

ки воды и ила, получившее название «эрлифт». В 1961 году его по частям доставили в Чичен-Ицу, смонтировали на большом плоту и для испытаний спустили в колодец.

Для начала работ был выбран солнечный весенний день. На дно Священного колодца опустили широкий прорезиненный рукав, и неуловимый Эмилио Портес Хил торжественно включил эрлифт. Втягиваемый мощным насосом ил стал поступать по рукаву наверх и падать в мелкоячеистое сито, возле которого заняли свои места археологи. Каждый поднятый предмет тут же заносился в реестр и получал научное описание.

За несколько недель экспедиция достала из колодца около четырех тысяч различных старинных изделий: золотые нагрудные украшения, серьги, гребни, бусы, медные и бронзовые пуговицы, кольца, небольшие фигурки божков, оружие. Встречались и курьезы. Так, однажды в сито упали несколько кукол, сделанных из каучука. По заключению экспертов, это были самые древние в мире изделия из каучука. Как они очутились в Священном колодце, оставалось только гадать.

Казалось бы, экспедиция добилась впечатляющего успеха. Но ее руководитель Эмилио Портес Хил вдруг приказал прекратить работы и разобрать эрлифт. В ответ на недоуменные вопросы сотрудников он заявил, что при подъеме сильный насос повреждает хрупкие предметы из глины, которые представляют ценность как археологические документы. Подобная небрежность непозволительна для настоящих ученых.

Потребовалось целых шесть лет сотрудничест-

ва с инженерами, чтобы усовершенствовать эрлифт и подготовить третью экспедицию к развалинам древнего города.

В начале 1968 года через джунгли Юкатана двинулся огромный караван: тракторы, автомашины и лошади тащили части 25-тонного подъемного крана с 60-метровой стрелой, 15-метровый понтон, мощные дизельные насосы, ящики с продовольствием и консервантами для сохранения находок. На сей раз ученые намеревались в буквальном смысле до дна вычерпать Священный колодец, чтобы раскрыть все его тайны. Но прежде нужно было еще добраться до него. Продвижение каравана замедлялось тем, что во многих местах приходилось перестраивать мосты, иначе они не выдержали бы тягачи и платформы с грузами. Хорошо еще стоял сухой сезон, и можно было не бояться завязнуть на отвратительных грунтовых дорогах.

И вдруг, когда оставалось преодолеть последний мост на подходе к Чичен-Ице, налетел шквальный ветер, небо заволокли тучи, начался сильнейший ливень. Пришлось срочно разбивать временный лагерь. Среди рабочих экспедиции были прямые потомки майя. Они поведали огорченным археологам еще одну легенду своих предков, объяснявшую, по их мнению, внезапную непогоду. Время года — сухой сезон или сезон дождей — не играло никакой роли. Когда на Юкатане появлялись враги, направлявшиеся к Чичен-Ице, боги-хранители устраивали на их пути лесные пожары, свирепые бури и даже землетрясения. Если это не помогало, вмешивался сам Юм-

Чак. Он вылезал из Священного колодца и обрушивал на землю ужасающие ливни. А чтобы запугать пришельцев и показать, что именно он препятствует их продвижению, Юм-Чак разбрасывал на дорогах мертвых змей.

На первый взгляд объяснение происходящего выглядело впечатляюще. Иначе с чего бы посреди сухого сезона вдруг разверзлись хляби небесные. Да и на дорогах вокруг временного лагеря валялось много мертвых змей. На самом деле мистика тут была ни при чем. Просто в спешке сборов перед дальнейшей дорогой археологи забыли познакомиться с прогнозом погоды. А ведь именно в это время над Юкатаном свирепствовал очередной тайфун, пришедший с Атлантики. Что же касается пресмыкающихся, то они просто утонули в ливневых потоках, которые вынесли их на ставшие руслами дороги.

И вот тут ученым пришла на ум любопытная гипотеза: а что если жрецы майя знали секреты метеорологических прогнозов? Быть может, они могли заранее предсказывать тайфуны и устраивали свои пышные церемонии с жертвоприношениями как раз накануне начала ливней?

Чтобы не терять время, часть археологов с рюкзаками за плечами ушла пешком в Чичен-Ицу. Они благополучно добрались до Священного колодца и начали раскопки в его окрестностях. Однако главная неожиданность ожидала их у края площадки возле провала. Там была тщательно замаскированная ниша-кладовая, где лежали нефритовые идолы, каменные змеи, глиняные божки и большие каменные изваяния бога

дождя Юм-Чака. Очевидно, их хранили на тот случай, если понадобится сбрасывать в колодец во время церемоний.

Через несколько дней, когда ненастье кончилось, главные силы экспедиции принялись ремонтировать изрядно пострадавший от ливня мост. В конце концов, несмотря на размытые дороги, подъемное оборудование было доставлено к месту назначения.

После того, как мощные насосы понизили уровень воды в колодце на пять метров, а химикаты осветлили ее, туда спустили понтон с эрлифтом. Чтобы не повреждать находки при откачке ила по длинному рукаву, сито установили прямо на понтоне. Кроме того, на дне постоянно дежурили водолазы, следившие за всасывающим соплом. Именно им принадлежит заслуга первого важного открытия: глубоко в придонном слое они обнаружили большие базальтовые изваяния ягуаров, которые считались у майя доверенными слугами Юм-Чака. Вслед за ягуарами были подняты головы каменных змей. Когда со скульптур удалили покрывавшую их корку, археологи с изумлением увидели, что пролежав в иле много веков, они тем не менее сохранили свою яркую раскраску.

Ну а эрлифт исправно подавал в сито то, что почти тысячу лет майя бросали в Священный колодец. Конечно, там были всевозможные изделия из золота, причем в гораздо большем количестве, чем смог добыть Томпсон. Но археологов интересовали прежде всего, казалось бы, обыденные вещи, дававшие представление о жизни древней Чичен-Ицы: искусно обработанные броши из мор-

ских кораллов, вырезанные из ценных пород дерева домашние божки, позолоченные детские сандалии, куски материи, расшитые золотыми нитками, ваза с десятками прекрасно сохранившихся рисунков, шкатулка в виде черепахи с головой ягуара.

Было извлечено также более трехсот человеческих скелетов, вызвавших настоящую сенсацию. Проведенная мексиканским антропологом Пабло Ромеро экспертиза показала, что среди найденных черепов лишь два—три были женскими. Один скелет явно принадлежал старику. Все же остальные оказались детскими. Таким образом была опровергнута легенда о невестах Юм-Чака, красивых семнадцатилетних девушках.

Больше того, путем скрупулезного анализа расположения различных предметов в многометровом слое ила археологи уточнили ход церемонии жертвоприношения. Выяснилось, что жрецы сначала бросали в Священный колодец драгоценности, художественные изделия, изображения богов. Если дождь все же не начинался, наступала очередь человеческих жертв. Причем их вовсе не сталкивали в колодец живыми. Жестокая традиция требовала предварительно умерщвлять жертвы обсидиановым ножом на самом краю верхней площадки. Свежей детской кровью обмазывали каменных идолов, которые затем тоже летели в воду.

Впрочем, осталось и немало загадок. Например, совершенно неожиданно под плитами площадки у колодца обнаружили яму, где находилось 50 детских черепов. Для чего их прятали там, никто не

знает. Неясно также, почему жрецы топили головы каменных змей, а их тела закапывали. Словом, мексиканским ученым предстоит еще много дел в Чичен-Ице.

И все-таки историю сокровищ майя можно считать закончившейся счастливо. Хотя начало их поискам положила алчность, в итоге они обогатили науку.

(Герман Малиничев. На дне священного колодца. — М.: Общество по изучению тайн и загадок земли, 1991)

5. СОКРОВИЩА КОБАДИАНА

Эта история началась и развивалась по тем классическим канонам, которые рисует воображение, когда речь заходит о находках несметных сокровищ...

Весна 1880 года. Уже не один день в пути караван самаркандских купцов Вази-эд-Дина, Хулама Мухаммада и Шукера Али. Купцы не спешат — путь их далек, в Индию, товар хоть и драгоценный, но непортящийся — шелк, атлас, парча, а караванный шаг верблюда отмерен тысячами, и изменить его не под силу даже Аллаху. Верблюды не ускорили его и тогда, когда из-за дальних солончаков донеслись пьянящие запахи воды и кизяка, предвещающие близость реки и человеческого жилья, а на горизонте появился четкий силуэт Калы — крепости-дворца бека, высоко вздымающейся над зеленью садов Кобадiana, последнего на пути каравана города бухарского эмира. За переправой через Амударью начинаются уже владения афганского эмира Абдеррахмана.

Купцы расположились на ночлег в караван-сарайе. А когда наутро уже собрались в путь, узнали весьма печальную для себя новость: Абдеррахман, чья казна никогда не наполнялась доверху, издал новый указ — конфисковывать на границе у проезжающих все деньги. А денег у самаркандских купцов было предостаточно — из Индии они намеревались привезти много чая и пряностей, спрос на которые так велик на базарах Бухары, Хивы, Самарканда.

Посоветовавшись, удрученные купцы решили истратить на драгоценности, которые конфискации не подлежали. Но где в окраинном Кобадияне найти такие изделия, которые были бы достойны пресыщенной Индии?

И вот от одного местного ювелира услышали они поистине сказочную историю...

Был в городе праведной жизни старик, дни и ночи возносящий молитвы Аллаху с просьбой помочь страдающим от поборов бека кобадианцам. Услышал его горячие молитвы Аллах и послал ему во сне святого, и тот показал почтенному старцу место, где лежат неопишуемые сокровища. Наутро пришел старик на указанное место — к разрушенному древнему городу — и нашел на берегу реки, у самых стен крепости, несколько золотых изделий.

С тех пор долго ходили кобадианцы — тайком от соглядатаев и чиновников бека — к этим развалинам и находили там редкостные по красоте золотые предметы.

И ювелир, осторожно закрыв дверь своей лавочки, показал купцам едва уместающуюся на ладони тяжелую золотую рыбину.

— ...Но как продать эти вещи — ведь о них сразу же станет известно беку? — закончил рассказ ювелир. — Вот если почтенные купцы тайно согласились бы их купить...

Купцы не колебались. К следующему утру весь кобадианский клад был рассован по тюкам с тканями. Купцы не скупались — они знали, что деньги вернутся к ним сторицей: английский наместник в Индии лорд Литтон — страстный лю-

битель древностей и не поскупится ради пополнения своей богатейшей коллекции.

Караван благополучно миновал афганскую границу и продолжил свой неторопливый путь...

По канонам кладоискательских сюжетов тут предполагается появление разбойников. И они появились.

...В одну из ночей английский резидент в Курдистане капитан Бертон проснулся в своем доме в деревне Сех Баба от торопливого стука в ворота. Слуга ввел дрожащего, насмерть перепуганного человека. Из его сбивчивых слов Бертон понял лишь одно: какие-то разбойники напали на караван самаркандских купцов, захватили всю поклажу, а самих купцов связали и потащили в пещеру, где теперь делят награбленное. Только ему, бедному погонщику, удалось сбежать, и он может указать путь к пещере.

Капитан Бертон с двумя дежурными солдатами отправился за погонщиком. Еле приметная тропинка, вьющаяся по обрывистым склонам, привела капитана к черной расщелине, откуда брезжил тусклый свет. Выхватив револьвер, капитан ворвался в пещеру.

Картина, представшая перед ним, была поистине шехеразадовской...

В глубине пещеры в призрачном свете чадящих факелов сидели связанные купцы, а в центре ее дрались, размахивая кинжалами, разбойники. По всей пещере была разбросана вьючная поклажа и поблескивали золотые изделия. Как и «полагается» по сюжету, грабители поссорились в своем тайном логове при дележе добычи. Увидев

Бертон, разбойники, смяв англичан и бросив большую часть добычи, бросились наутек.

Эпилог последовал наутро. Собрав всех жителей Сех Баба на базарную площадь, капитан Бертон объявил, что разбойников и похищенное золото все равно найдет, так что лучше кончить дело миром — вернуть драгоценности.

Через несколько часов свою долю вернули почти все грабители — остальные, видимо, были из отдаленных мест. Исчезла, по подсчетам купцов, всего лишь четверть клада. Счастливые торговцы, подарив Бертону самый красивый золотой браслет, поспешили уйти из этих страшных мест. И уже без приключений дошли до Равалпинди.

Злоключения купцов на этом кончились, но не кончились злоключения клада. Золотые изделия попали вначале не в руки коллекционеров, а к перекупщикам краденого. Решив, как говорится, «содрать две шкуры с одного тигра», они сделали с предметов клада золотые копии — весом, конечно, поменьше — и попытались их продать генералу Кенингему, коллекционеру. Привыкший к подобным историям, Кенингем уличил мошенников. Опасаясь нежелательного для себя расследования, перекупщики вынуждены были выложить подлинники. Но, как потом выяснилось, прибавили к ним несколько посторонних вещей, в том числе и коллекцию монет, которые до этого не могли сбыть, уверяя, что все это от самаркандских купцов.

И в таком виде — почти 180 драгоценных предметов, большей частью золотых, и около 1500 монет — Амударьинский клад (под этим названием

он вошел в историю) очутился в Британском музее, ошеломив буквально всех знатоков древности.

Амударьинский клад — одна из самых замечательных и загадочных находок в истории. Где именно он был найден? Если не считать ссылку на указующий перст Аллаха, никаких сведений об этом не сохранилось. Где изготовили его? Кому принадлежал? Какие причины заставили владельцев закопать его? Каким временем датировать эти изделия? И наконец, что это была за страна, в которой имели хождение столь великолепные изделия?

Для ответа на последний вопрос надо отправиться в области, весьма удаленные от берегов Амударьи: к Нилу и на побережье Эгейского моря. Когда римский полководец Германик в I веке нашей эры осматривал руины знаменитого храма в Фивах, сопровождавший его жрец прочел на стене иероглифическую надпись. По словам жреца, фараон Рамзес II подчинил себе множество областей и дошел до страны Бактрии на самом краю земли. На самом деле этой надписи в Карнаке нет: Рамзес никогда не был в Бактрии. Вся фраза — фантазия жреца, попавшая в римские хроники, но свидетельствующая о реальном знании древних египтян, о том, что далеко на востоке есть богатая и знаменитая страна — Бактрия. Более подробно рассказали о ней писатели Древней Греции. «Отец истории» Геродот сравнивал Бактрию с Вавилоном, а Аполлодор называл ее «украшением всей Арианы».

И это не просто слова. Недаром, после того как

в VI веке до нашей эры Бактрия вошла в состав империи, созданной царями Ирана из рода Ахеменидов, она стала одной из важнейших персидских сатрапий: ее наместником назначался принц крови, ее войска участвовали в дальних походах (в трагедии «Персы» Еврипид упоминает нескольких бактрийских военачальников), огромная дань поступала из этой страны, издревле славившейся богатством — конями, золотом, лазуритом, рубинами.

Когда Александр Македонский, разгромив персов, включил Бактрию в свою империю, он женился на бактрийской царевне Роксане и задумал перенести столицу своей эфемерной державы в Бактрию. Надо думать, что принять это решение побудили его не столько чары восточной принцессы, сколько важные политические соображения: он считал Бактрию наиболее развитой и культурной страной на востоке, где будет легче всего осуществить мечту о гармоническом слиянии эллинской и варварской культур.

Для того чтобы пролить свет на бактрийскую загадку и отделить легенды от вымысла, замечательный советский ученый М. М. Дьяконов в 1946 году организовал археологическую экспедицию, отправившуюся в район Кобадияна, в южный Таджикистан. Оазисы южного Таджикистана и Узбекистана и северный Афганистан, связанные Амударьей, — это и есть территория древней Бактрии. Первые же годы работы экспедиции привели к важным открытиям: в Бактрии еще до включения ее в ахеменидскую империю существовала земледельческая культура, воздвигались города,

процветали ремесла. В последние годы исследования в Бактрии продвинулись далеко вперед. Были продолжены работы в Таджикистане, профессором Г. А. Пугаченковой сделаны замечательные находки в Узбекистане, а в северном Афганистане развернула исследования советско-афганская экспедиция под руководством И. Т. Кругликовой.

Теперь история бактрийской культуры прослеживается уже со II тысячелетия до нашей эры, и Бактрия предстает перед нами страной, где градостроительство и архитектура, гончарное и металлургическое ремесла, обработка золота и изобразительное творчество имели многовековые традиции.

Поэтому находка Амударьинского клада в бактрийской земле перестала быть загадочным феноменом, а представляется вполне закономерным явлением.

Но остается вопрос — кому принадлежало это замечательное сокровище?

В состав клада входят золотые пластинки с изображением мужчин в одежде персов или бактрийцев. Одни из них вооружены луками и мечами, некоторые держат в руках сосуды, цветы или пучки прутьев. Такие прутья применялись жрецами древних ираноязычных народов. При гадании их рассыпали по земле и по положению веточек предсказывали судьбу, а во время жертвоприношений раскладывали прутья в виде подстилки, чтобы на нее слетело божество принять жертву.

Если в составе клада есть изображения жре-

цов, значит, это сокровище древнебактрийского храма, решили некоторые ученые. Однако в Бактрии главным жрецом был царь, и даже сам титул правителя — кави — первоначально означал «запевала хора при жертвоприношении». Поэтому на амударьинских пластинах, вполне возможно, изображены идеализированные портреты бактрийских владык. Кроме того, есть в составе клада небольшие статуэтки бородатых мужчин с зубчатой короной на голове и в костюме персидского царя — именно так изображали царей на рельефах дворца в столице ахеменидской державы Персеполе. Кроме того, предполагаемое место находки клада — каменное городище — местные жители называют Тахт-И Кобад, трон Ковада, по имени легендарного царя Бактрии. И — самое главное — предположению о том, что найденный клад — царский, соответствуют сюжеты скульптур и рельефных изображений на изделиях.

Среди предметов клада два изображения золотых колесниц. Одна из них — с возницей и восседающим вельможей — запряжена четверкой коней. Наличие колесниц в кладах трудно объяснить случайностью. У древних ираноязычных народов, в том числе и у бактрийцев, существовало особое сословие знатных воинов, сражавшихся стоя на колесницах, к которому принадлежал и сам царь. Колесница была у них отнюдь не только средством передвижения, но и символом власти. На них иранцы и бактрийцы изображали своих богов и царей. В гимне Митре описывается, как этот солнечный бог в одежде, осыпанной звездами, выезжает из-за горизонта на колеснице, запряженной

четверкой белых коней с золотыми копытами. Золотое колесо его колесницы — солнце, развевающиеся гривы коней — солнечные лучи. Быстро летят по небу кони Митры, будто орлы. Кони были посвящены солнцу. Вероятно, поэтому в составе клада так много изображений лошадей. И это тоже не случайно.

Бактрия издревле славилась коневодством. В легендах рассказывается, что в озере или в пещере в горах жил замечательный небесный скакун, оплодотворявший кобылиц царского табуна. Рожденные от него жеребята не скакали, а словно летали на крыльях. Они были священной собственностью царя и составляли его славу. Поэтому название коня входило в имена многих бактрийских владык — Виштаспа, Аурватаспа, а столица страны называлась Зариаспа — Златоконная.

Верхом на коне представляли и бога грома и победы Веретрагну, мечущего с неба стрелы молний и уничтожающего врагов. А царь считался земным воплощением этого победоносного грозного божества. Не его ли изображает всадник с копьем на золотом диске?

А кого видели древние бактрийцы в охотнике на серебряном диске? Прекрасный конь, покрытый попоной, с подвязанным хвостом мчится в стремительном галопе среди гор (их художник изобразил треугольничками). На коне сидит охотник в костюме, который носили в Средней Азии две с половиной тысячи лет назад. Сбоку прикреплен лук, в руках копьё, которым он собирается поразить то двух убегающих оленей, то двух баранов. Но вдруг охотник встречает зайца, вы-

хватывает лук и целится в животное. На этом рассказ, изображенный на диске, обрывается, и мы никогда не узнали бы его конца, если бы в эпосе одного ираноязычного народа — осетин — не сохранилась вся древняя легенда. В ней рассказывается о том, что знаменитый иранский герой отправился на своем белом коне на охоту. Долго он скакал по весенним лугам и вдруг встретил замечательного белого зайца. Выхватил он свой лук, но так и не смог застрелить волшебного зверя. До самого конца земли, до владений бога вод доскакал герой, преследуя зайца, и тут вышел к нему старец и поведал, что заяц — это перевоплотившаяся морская царевна, которая избрала героя своим женихом. Сыграли свадьбу, и от этого брака родился богатырь Батрадз. Очень похожая легенда о происхождении царского рода от брака водной нимфы и героя была и у скифов. Не хотел ли сценой на диске бактрийский правитель напомнить своим подданным, что род его имеет божественное происхождение?

Другие изделия клада также свидетельствуют о царском происхождении его: золотые диадемы, гривны и браслеты носили персидские цари, а их красные одежды были расшиты золотыми бляшками с изображениями орлов и соколов. Иногда цари посылали в подарок украшения и одежду со своего плеча. Царь Киаксар преподнес браслеты и гривны на свадьбу своей дочери; Кир Младший отправил в подарок царю Киликии сделанные из золота гривну, браслет, меч и персидский костюм.

Греческий писатель Ксенофонт пишет, что при

персидском дворе было великой частью быть пожалованным царским подарком: золотой гривной и браслетом, золотым мечом, персидским платьем или конем с золотыми удилами.

Эти-то царские подарки и составляют, должно быть, большую часть вещей Амударьинского клада. Гордый, недоступный, выходил в парадном одеянии бактрийский правитель и садился на свою колесницу: важному лицу не подобало ходить пешком.

Исследование Амударьинского клада пролило также свет на одну малоизвестную страницу истории, о существовании которой до недавнего времени даже и не подозревали. Традиционно существовало мнение, что эллинской культуре дверь на восток открыл поход Александра Македонского. Вещи Амударьинского клада были изготовлены намного раньше. Но если присмотреться к ним, то можно заметить, как много греческих элементов в изображениях сидящих женщин, танцовщиц, птиц, пальметок, орнаментов. Свободная трактовка фигур абсолютно чужда помпезному стилю ахеменидских дворцов, а, наоборот, родственна искусству областей Малой Азии, где в пору иранского господства основное население составляли греки. Несомненно, что часть вещей, проникнутых греческим духом, попадала в Бактрию из эгейских центров в результате торговли или как военные трофеи.

Однако только торговлей да военной добычей существование Амударьинского клада объяснить трудно.

...Вот серебряная статуэтка обнаженного юно-

ши. Судя по всему, она может символизировать восточного бога Митру, бога-солнце, которого в гимне, ему посвященном, называют «дружественным к людям», «дающим сыновей», «заставляющим растения расти». Но почему образ иранского божества оказался создан по канонам древнегреческого искусства?

Подобные фигурки из мрамора или драгоценных металлов в VII—VI веках до нашей эры изготовляли по всему Средиземноморью. Это так называемые куросы — скульптуры, передающие идеализированный образ греческого юноши, может быть Аполлона. Статуэтки эти предназначены для подношений в храмы и иногда сопровождаются надписью «такой-то меня посвятил».

Бактрийский курос очень похож на своих малоазиатских собратьев. Но как он попал за тысячу верст в Бактрию?

Оказывается, ахеменидские цари широко применяли труд греческих мастеров. Выяснилось, что при строительстве дворцов иранских владык в Пасаргадах, Сузах, Персеполе работали ремесленники со всех концов ахеменидской державы. А иногда ахемениды переселяли в глубинные области своих обширных владений целые группы греков. Так были основаны греческие поселения в районе Кандагара, в Согдиане и в Бактрии. Должно быть, эти первые греческие поселенцы, прибывшие в Бактрию, и принесли с собой с эгейских берегов статуэтку своих куросов, да и не только их. Руки ионийских переселенцев стали изготавливать персидские изделия по греческим образцам. Естественно, эллинские каноны подвергались пе-

реработке в соответствии с местными вкусами и традициями.

Так задолго до похода Александра Македонского закладывались основы эллинистического искусства, явившегося синтезом достижений художников Запада и Востока.

Исследование Амударьинского клада продолжается по сей день, ибо в нем как бы сфокусировалась одна из сложнейших исторических проблем — проблема взаимоотношений культур, контактов цивилизаций.

(Е. Кузьмина. Сокровища Кобадияна. — «Вокруг света», 1975, № 6)

6. ЗИМБАБВЕ. КОПИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

Как и многие рассказы об Африке, этот тоже начинается с записок португальца.

«В центре этой страны, — рассказывает португальский путешественник XVI века ди Гоиш, повествуя о той части Африки, где ныне расположена Южная Родезия, — находится крепость, сложенная из больших тяжелых камней... Это весьма интересное и хорошо выстроенное здание, при укладке которого, согласно сведениям, не употреблялось никаких скрепляющих материалов... Крепости, сооруженные таким способом, высятся и в других районах равнины. Всюду у царя есть свои наместники... Царь Бенамотаны владеет огромным государством...»

Вернее всего, португальцы не забирались столь далеко в глубь материка, и сведения о Зимбабве, встречающиеся в трудах того времени, почерпнуты у торговцев с восточного побережья Африки, которые часто бывали в царстве момотаны (так произносился титул царя, португальцы звали его бенамотаной), могущественном средневековом африканском государстве.

Последующим европейским путешественникам рассказы о царях и крепостях не были интересны: Европа выкачивала из Африки ее богатства, в первую очередь рабов. И в течение нескольких столетий никаких сведений о таинственной крепости в Европу не поступало.

Лишь сто лет назад английский путешествен-

ник Адам Роджерс забрел в долину реки Лимпопо и в трехстах километрах от реки, в зарослях кустарников, обнаружил развалины гигантских каменных сооружений, которые он даже не смог толком описать, так как не видел раньше ничего подобного. Ясность внес немецкий геолог Маух. Спустя несколько лет он попал в те же места, осмотрел руины и объявил, что видел, без сомнения, копию храма царя Соломона, а в долине, под крепостью, — копию дворца царицы Савской, в котором она изволила пребывать во время своего визита в Иерусалим.

Трудно сегодня догадаться, откуда у геолога Мауха возникла теория о храме царя Соломона и местожительстве царицы Савской, но в Европе, охваченной в то время интересом к Африке, которую делили европейские державы, слухи об открытии Мауха стали сенсацией. Очевидно, вдохновленный этим рассказом, английский писатель Райдер Хаггард написал известный роман «Копи царя Соломона».

В 1890 году в долине реки Лимпопо появился отряд англичан и фактическая сторона рассказов Мауха подтвердилась. Громадные каменные строения в самом деле возвышались в том районе, а по соседству жили племена, совершенно не представлявшие себе, кто и когда мог сотворить эти сооружения.

Вслед за военными отрядами на земли народов машона и матабеле пришли и первые белые поселенцы: земли здесь плодородные, а климат куда лучше, чем в Западной Африке. Поселенцев в их довольно одинокой жизни утешала мысль, что

они — не первые колонизаторы в этих краях. Еще царь Соломон пытался присоединить эти земли к своей короне. «Теперь, — писал один из них, — в стране Офир находятся англичане, которые заново открывают сокровища древности».

Сведения о том, что именно здесь лежит библейская золотая страна Офир, не были вымыслом англичан. Когда Васко да Гама пытался зинджей, попавших к нему в плен у берегов Мозамбика, один из них признался, что золото, уходящее из Африки через восточный порт Софала, в самом деле поступает из глубины континента: он сам видел старые книги и свитки, из которых явствует, что речь идет о тех самых коях, откуда раз в три года получал золото царь Соломон.

Когда эти сведения достигли португальского короля Манозля Счастливого, тот немедленно приказал принять все меры, чтобы золото шло только к нему. С 1489 года Софала официально именовалась в португальских документах как «земля, в которой расположены золотые копи».

Португальские короли получали золото из Африки далеко не в тех количествах, в каких желали бы: мешали конкуренты — местные торговцы. Их было так много, что всех не изведешь. Но главным врагом португальского короля оставались собственные подданные. Подсчитано, что три четверти получаемого в Африке золота оседало в карманах чиновников и комендантов крепостей.

Легенды об Офире возродились уже на рубеже нашего века.

Золотая лихорадка, охватившая земли машона и матабеле, по размаху не уступала калифорний-

ской или аляскинской — она лишь не обрела своего Брет Гарта или Джека Лондона, и потому о ней известно немного. Но достаточно сказать, что к 1900 году в тех краях было зарегистрировано 114 тысяч заявок на золотоносные участки, в основном на месте древних рудников, которые казались золотоискателям наиболее верным путем к богатствам Офира. В течение нескольких лет от рудников и следа не осталось, а вот золота нашлось немного, ибо рудники зачастую были выработаны уже много лет назад. Заодно золотоискатели разрушили все старинные плавильные печи, мастерские и жилища рудокопов.

Наступила очередь развалин древних крепостей и дворцов.

Первым догадался искать здесь сокровища царя Соломона некий Поссельт, который принялся за дело в 1888 году. Он облазил руины Зимбабве, золота не нашел, зато откопал несколько изображений птиц из мыльного камня (стеатита), к которым проводники относились с суеверным ужасом.

...Золотоискатель впервые увидел цитадель Зимбабве с вершины скалистого гребня, спиной крокодила поднимающегося над долиной. Стоявшая там крепость, которую археологи впоследствии назвали Акрополем (Маух считал ее храмом царя Соломона), была возведена на самом гребне «крокодила» таким образом, что скалы гребня, соединенные перемычками из неотесанных глыб, вошли в нее составной частью. Спускаясь затем по склону десятиметровой толщины, стена полукольцом охватывала большой внутренний двор. По верху стены сохранились обрубки колонн, а

внутри крепости — множество помещений, где укрывались в тяжелые времена жители долины.

И вот оттуда, с высоты, открылось в окружении множества разрушенных каменных зданий удивительное эллиптическое строение, само Зимбабве.

Маух и другие путешественники вслед за ним были убеждены, что Зимбабве построено пришельцами с севера. Поразительна сила самогипноза, ведь нелегко в классической форме африканского крааля — в овале, происшедшем от изгородей для скота, от тростниковых оград, углядеть угловатые, четкие линии архитектуры Ближнего Востока.

Грандиозная каменная крепость, словно вычерченная по лекалу, с одной конической башней, обнесена стеной почти трехсотметровой длины, толщиной в основании пять метров и высотой — десять, почти полностью сохранившейся — так тщательно и умело были уложены каменные глыбы. (Подсчитано, что в стены Зимбабве уложено пятнадцать тысяч тонн камня.)

Входные ворота в цитадель давно уже разрушены, но если пройти в закругляющийся внутрь проем и подняться по ступеням, слева увидишь «тайный» проход к башне — узкую щель между основной и дополнительной стеной, достигающей в длину шестьдесят метров. Саму башню Поссельт видел целой, видел он и другие строения внутри Зимбабве, которых мы никогда уже не увидим. И снова виноваты царь Соломон и геолог Маух...

Вслед за Поссельтом к реке Лимпопо пришли

другие охотники за драгоценностями иудейского царя. Вера в их существование была так сильна, что все новые группы грабителей ворошили старинные здания, сравнивали с землей крепости и рушили дворцы. Больше других известен золотоискатель Нил, основавший «исследовательскую» «Компанию древних развалин». За пять лет своей деятельности, по словам самого Нила, только эта компания «исследовала» сорок три района развалин и обнаружила 500 унций золота в различных предметах, которые были переплавлены и проданы как «не имеющие художественной ценности». Но, как пишет Бэзил Дэвидсон, «никому не удалось узнать, сколько найдено предметов из золота, ибо вся эта орава, подобно Нилу, переплавляла их и продавала». Никто из золотоискателей не был заинтересован в том, чтобы преувеличивать свои находки и тем самым обратить на себя внимание властей и конкурентов. Куда выгоднее было прибедняться. И если Нил признался в пятистах унциях (все-таки больше десяти килограммов золотых изделий), то можно себе представить, сколько всего уничтожено бесценных произведений негритянского искусства.

Но к «заслугам» любителей старинных развалин относится не только уничтожение золотых изделий: добывая их, они планомерно разрушали все встречавшиеся памятники. От большинства из сорока трех, ограбленных Нилом, и следов не осталось. Даже в Зимбабве, с которым ничего не удалось поделаться времени и врагам, Нил уничтожил несколько строений внутри цитадели и снес вершину конической башни.

Любители поработали на славу и продолжали работать, только негласно, и после 1902 года, когда был издан указ об охране памятников древности. Пример тому — правда, счастливое исключение — история с находками на холме Мапунгубве.

Этот холм расположен к югу от Зимбабве. Там, среди поселений племени бавенда, были раскиданы редкие фермы буров.

В 1932 году фермер Ван Граан, наслышавшись о святости холма Мапунгубве, решил взобраться на него и поглядеть, нечем ли там поживиться. Долго фермер старался найти путь на вершину холма, который поднимается над равниной отвесными стенами. Местные жители отказывались показать ему путь. «Когда белые заводили разговор о холме, они осторожно поворачивались к нему спиной. Считалось, что тому, кто заберется на холм, грозит верная смерть. Только тем великим, что предводительствовали их предками и зарыли там свои тайные сокровища, открыт туда доступ».

Наконец Ван Граану удалось найти человека, показавшего потайной путь на холм — заросшую кустарником, скрытую в скалах расщелину. Прорубая путь сквозь колючки, Ван Граан, его сын и три спутника добрались до расщелины. Внутри нее обнаружили вырубленные в скале ступеньки. Через несколько минут кладоискатели оказались перед высокой стеной из камней и, миновав ее, вышли на плоскую вершину.

Недавно прошел ливень, смыл пыль и глазам предстало поле, усеянное битой керамикой, кусками железа и меди. Кое-где поблескивали крупицы золота.

Кладоискатели бросились ковырять землю ножами. Вскоре рядом с ними уже лежали кучей золотые находки — фигурки носорогов, золотые пластины, проволока... Появился из-под земли скелет, но рассыпался от грубого прикосновения...

Золота набралось два килограмма, и «исследователи», разумеется, решили ни с кем не делиться благой вестью. Эта находка также канула бы в лету, если бы сын Ван Граана не оказался студентом-историком и не проговорился об этом своему профессору в Претории.

Профессор сообщил властям, на место выехал чиновник, которому удалось разыскать участников «экспедиции» и убедить их не переплавлять находки.

Археологическая экспедиция, впоследствии работавшая там, пришла к выводу, что вершина холма — древний некрополь, где хоронили вождей племен и родовую знать. Здесь оказалось более десяти тысяч тонн земли, принесенной снизу специально для погребений. В одном из могильников археолог Ван Тонден обнаружил двадцать три скелета «королевского» погребения. Два скелета были скованы двухкилограммовой золотой цепью, ноги третьего были обвиты сотнями золотых пластин и около 12 тысяч золотых бусин. И до сих пор погребения в Мапунгубве еще не раскопаны до конца.

...А руинам Зимбабве продолжали отказывать в негритянском происхождении. Каких только не возникало предположений об их происхождении! Разумеется, царь Соломон оставался претендентом номер один, но с течением времени его все ча-

ще заменяли сабейцы из Южной Аравии, финикийцы и египтяне — считалось, что постройкам не меньше двух тысяч лет. В общем, был сделан существенный шаг назад по сравнению с португальцами, которые в XVI веке не сомневались, что Зимбабве возведен в царстве мономотаны.

Гласом вопиющего в пустыне прозвучало заявление знатока Африки Селуоса, который утверждал, что некоторые африканские племена и сегодня возводят каменные постройки того же типа. В 1905 году Британская научная ассоциация решила внести ясность в эту проблему, и к руинам Зимбабве был командирован опытный археолог Дэвид Рэнделл Макайвер. Ученый заявил, что все предположения об иноземном или древнем происхождении Зимбабве — полная чушь. По его предположениям, крепость построена африканцами в XIV — XV веках.

Казалось бы, вопрос решен — но ничего подобного. Множество ученых и историков-дилетантов из Англии, а особенно в Родезии и Южной Африке встретили заявление Макайвера в штыки. И они были столь активны, что в 1929 году пришлось посылать еще одну экспедицию во главе с Гертрудой Кейтон-Томпсон. На основе своих исследований Кейтон-Томпсон написала ставшую классической книгу «Культура Зимбабве», в которой целиком присоединялась к Макайверу. Она датировала постройки средневековьем и авторами их считала народ банту. Последующие раскопки с применением радиоуглеродного анализа установили, что первые постройки в Зимбабве датируются VI — VII веками нашей эры, а покинуты эти

укрепления были примерно в 1750 году. Кстати, это не означает, что сторонники «страны Офира» сложили оружие. К примеру, в ЮАР была издана роскошная монография о Зимбабве, автор которой не пожалел времени и труда для того, чтобы пробудить к жизни тени финикийцев и других благородных «белых» людей.

До сих пор один важный вопрос все-таки остается нерешенным: мы не знаем точно создателей Зимбабве. Существуют несколько вполне обоснованных теорий, связывающих создание комплекса с тем или иным африканским народом, однако ввиду того, что в средневековье проходили постоянные миграции африканских племен и народов, в основном направленные к югу, ввиду отсутствия письменных памятников сегодня еще нельзя сказать, какой из этих народов начал строительство Зимбабве. Вернее всего, права Кейтон-Томпсон, полагавшая, что основатели Зимбабве и первые строители — предки народа банту. Около XII века банту, очевидно, были вытеснены или покорены народом машона, правитель которого имел титул мономотаны. Строительство здесь и в других районах царства мономотаны продолжалось. Появляются каменные форты и здания в Налетали, Регине, Ками и других местах — сотни поселков и крепостей усеивают страну к югу от Лимпопо. К этой же или родственной культуре относится и некрополь в Мапунгубве.

Государство мономотаны погибло в 1693 году под ударами народа барозви (баротсе), и к этому периоду относится последний взлет цитадели Зимбабве, перестроенной и увеличенной по при-

казу мамбо Чангамира. Затем появились новые завоеватели и Зимбабве был оставлен...

Как бы ни изменялась в будущем эта картина, дополняясь и уточняясь новыми исследованиями и раскопками, не вызывает сомнения одно: Зимбабве — замечательный памятник прошлого Африки, созданный африканскими народами и не имеющий прототипов.

(Игорь Можейко. 7 и 37 чудес. — М.: Наука, 1980)

7. ОТКРЫТИЕ ГРОБНИЦЫ ТУТАНХАМОНА

5 ноября 1922 года 49-летний египтолог Говард Картер на скалистом склоне Долины царей напал на след какого-то погребения. Под фундаментом одной из хижин, где жили рабочие, неожиданно открылись первые ступеньки уходящей вниз лестницы. Поспешно освободили всю лестницу. Затем путь преградила каменная стена. На ней нашли уже известную ранее надгробную печать, обычную в царских гробницах: шакал и девять фигур. Печать оказалась нетронутой.

Затаив дыхание, пробивают защитную стенку. За ней открылся длинный ход, забитый галькой и тяжелыми камнями.

После того как проход освободили, Картер остановился перед второй стеной. И на ней была печать царских усыпальниц, но поврежденная. Должно быть, эта гробница один раз уже вскрывалась, а потом ее вновь замуровали.

За этой второй стеной открылась камера шириной 8 метров и глубиной 3 метра 60 сантиметров. Она оказалась наполненной многочисленными вещами: ларцами, сундуками, ложами, креслами, вазами, короче говоря, различными предметами царского дворцового обихода. Здесь было золото, драгоценные камни, роскошная керамика и посуда из алебаstra — богатства, не поддающиеся никакой материальной оценке.

В камере находился также громадный палинкин. Одна его сторона украшена львиной головой,

другая — бычьей. Однако самой повозки от планкина не было. Лишь части ее валялись в углу: дышло, рама, колеса. Все позолоченное.

Из приоткрытой крышки черного сундука выглянула большая золотая змея.

Самым дорогим из всех вещей был трон. Вся его богато отделанная поверхность облицована золотом и стеклом, фаянсом и драгоценными камнями. Ножки трона сделаны в форме львиных лап, а на спинке вырезаны две львиные головы. Змеи в коронах и с крыльями образуют подлокотники трона. Между планками спинки из дерева вырезано еще шесть змей, покрытых золотом.

Обнаружили и вторую камеру. Она находилась за первой и была приблизительно наполовину меньше. И ее охраняла царская печать и наполняла масса предметов. Казалось, в этих подземных скальных камерах спрятано все имущество целого дворца фараона. Повсюду встречаются имена и титулы его владельца: фараон Тутанхамон.

Однако радость Картера была несколько омрачена. Следы показывали, что эти камеры уже были когда-то вскрыты. Все выглядело так, как будто много лет назад их разыскали, а потом спешно засыпали.

И вообще гробница ли это фараона?

Или это только подземный склад?

Большую часть зимы 1922—1923 годов Картер был занят расчисткой обеих камер. Находящуюся поблизости пустую усыпальницу какого-то царя превращают в лабораторию для реставрации всех найденных вещей, которые многие тысячелетия пролежали в камерах, вырубленных в скале.

Только после этого Картер смог продолжить исследование таинственных камер.

Вновь и вновь рассматривает он северную стену первой камеры. Там стоят две статуи из черного дерева в натуральную величину. Их головы, пояса, браслеты на руках и сандалии позолочены. Почему они стоят там?

Может быть, это стражи? Что же они охраняют?

ЭКСПЕРТЫ, ПИЛИГРИМЫ И РЕПОРТЕРЫ

Картер мобилизует общественность, информирует египетское правительство, науку, своих друзей. Начались сенсационные поиски среди гробниц фараонов в Долине царей — где-то здесь находилась таинственная царская гробница — наверняка, единственная, которая еще не была ограблена.

Картер нуждается в советах и помощи. Он чувствует, что самое великое открытие еще впереди и что один он с ним не справится.

Американские исследователи из нью-йоркского Метрополитен-музея бросили свои работы на Ниле и поспешили на помощь. В действие вступили специалисты по химии, по консервации трупов, по надписям, искусству и истории. В Европе и Америке египтологи поспешили к кораблям, чтобы отправиться в Египет, в Долину царей.

На Картера обрушился поток телеграмм, писем, пожеланий, предупреждений, предложений помощи и советов. К Нилу устремились коррес-

понденты всех крупнейших агентств печати и газет. Используя свои связи с состоятельным англичанином лордом Карнарвоном, который в течение многих лет финансировал раскопки Картера, газета «Таймс» добилась предоставления ей права первой информации. Началось волнение во всей мировой печати, а также в правительственных кругах Египта.

Поток туристов направился в Фивы и расположился лагерем у входа в таинственную гробницу Долины царей, осложняя жизнь ученым.

Что же это такое? Интерес международной общест­венности к археологическим исследованиям или всего лишь праздное любопытство, вызванное чудом, тайной, отстоящей от нас на тысячу лет? Или же это только тщеславное желание присут­ствовать «при том моменте», когда Картер вместе с другими археологами раскроет гробницу с сокровищами?

В ряде случаев это даже нечто большее!

Время от времени в некоторых кругах общества раздавались голоса о том, что нарушать покой царственного мертвеца — кощунство.

Но найдут ли вообще его труп в скальной гробнице?

В феврале 1923 года Картер с бьющимся сердцем стоит перед стеной усыпальницы, которую охраняют фигуры двух черных стражей с позолоченными головами. Вокруг него собралось множество людей. Ученые с величайшими предосторожностями пробивают отверстие в стене. На расстоянии менее метра находилось нечто, напоминающее стену из массивного золота.

ЗОЛОТОЙ ЗАЛ

По мере того как сносили защитную стену, открывался гигантский ковчег. По своим размерам (5 на 3 метра при высоте 2,73 метра) он заполнял почти всю кубатуру усыпальницы. Его крыша приближалась к потолку. Между стеной усыпальницы и скалой оставалось лишь узкое пространство, покрытое пестрыми изображениями и надписями. Здесь лежали и стояли различные предметы ценнейшей погребальной утвари. Перед ковчегом стояла великолепная лампа с тремя лотосообразными чашечками со стеблями и листьями лотоса, вырезанная из одного куска алебастра. В углу лежал большой погребальный букет, составленный из ветвей и листьев персеи и оливы.

Итак, сюда, в этот ковчег, ставился саркофаг с мумией фараона. В тот самый момент, когда Картер понял это, он испытал глубочайшее разочарование: печать от двери с царским знаком Тутанхамона оказалась нарушенной.

Картеру уже совершенно ясно, что ковчег вскрыт и обворован. «Горя нетерпением, мы отодвинули задвижки, — сообщает он, — и распахнули створки двери так, словно их только вчера закрыли».

Но там не оказалось саркофага. Вместо него Картер увидел второй ковчег, очень похожий на внешний. Частично он был еще прикрыт полотняным покровом. Потемневшее от времени полотно украшали золотые звезды. Между ними сверкали золотые цветы, прикрепленные к ткани с помощью этих звезд. От тяжести многочисленный зо-

лотых украшений обветшавшее полотно во многих местах порвалось. Чтобы осмотреть второй ковчег, требовалось прежде всего снять покров. Как и первый ковчег, второй также сверкал золотом и был почти сходен с ним, если не считать отсутствия инкрустаций из синего фаянса. Зато его украшали великолепные рельефы, передающие сцены из жизни загробного мира.

И тут Картер открывает для себя самое главное: почти не веря своим глазам, смотрит он на печать. Она нетронута.

Это печать с тронным именем фараона Тутанхамона — единственная целая печать во всей Долине царей.

ЗОЛОТЫЕ КОВЧЕГИ

В присутствии удивленных и взволнованных гостей Картер вновь опечатывает ковчег. Теперь он знает — и вместе с ним знает весь мир, — что за опечатанной стеной второго ковчега он найдет мумию фараона Тутанхамона.

И все же Картер не меняет своего решения вскрыть внутренний ковчег. Но сначала нужно с соблюдением всех предосторожностей вытащить из погребальной камеры внешний ковчег: узкое помещение не позволяло поступить иначе.

Прежде всего Картер обнаружил позади усыпальницы еще одно, более обширное помещение. Это сокровищница. Картер сразу же увидел, что здесь хранятся ценнейшие сокровища гробницы. У задней стены сокровищницы стоял огромный об-

шитый золотом ящик, сделанный в форме ковчега. Вокруг него свободно стоят изваяния богинь — хранительниц мертвых. Раскинув руки в охранительном жесте, они абсолютно естественно с сочувственным выражением лица устремляют свой взгляд на вход, словно уже видят перед собой вторгшегося чужеземца. Картер предчувствовал, что в этом драгоценном ящике находятся канопы мертвого фараона. Словно пораженные громом, исследователи остановились перед эмблемами и сокровищами времени, отстоящего от нас почти на три с половиной тысячи лет. У самого входа, на постаменте, установленном на салазках, лежало изваяние бога-шакала Анубиса, а за ним на подставке виднелась голова быка. Рядом с ними и вдоль стен сокровищницы стояло множество черных ковчегов и ящичков. Все они, за исключением одного, были закрыты и опечатаны. В центре комнаты находилась группа великолепных шкатулок из слоновой кости и дерева, инкрустированных золотом и синим фаянсом. Здесь же стояли модели лодок с парусами и полным оснащением, а у северной стороны — колесница.

Прошло много месяцев, прежде чем усыпальница была расчищена настолько, что Картер снова мог заняться исследованием большого ковчега. И как раз в это время произошло событие, которое потрясло многочисленных читателей газет больше, чем все публиковавшиеся ранее сообщения о бесценной гробнице Тутанхамона. Лорд Карнарвон, человек, в течение многих лет оказывавший Картеру финансовую поддержку, скончался.

Он умер в начале апреля 1923 года в Каире от приступа жестокой лихорадки. По-видимому, причиной ее был укус москита. Жизнь лорда Карнарвона оборвалась в каирской гостинице в ненастную ночь, которая редко бывает в Египте. От удара молнии, видимо, погас свет в гостинице, и лихорадивший больной, напуганный последовавшим вслед за молнией ударом грома, в течение нескольких минут в темноте безуспешно звал сиделку, укрывшуюся в подвале. Врачи констатировали разрыв сердца. Но весь мир внезапно решил, что он умнее медицины, и безапелляционно заявил: это проклятие фараонов.

ПРОКЛЯТИЕ ФАРАОНОВ

Лифтеры в гостинице, суеверные жители долины Нила, продавцы газет и чистильщики сапог, прачки и лакеи, кучера и разносчики овощей — все они стали шептать о том, что фараон отомстил нарушителям своего покоя.

Мировая пресса подхватила благодатную тему. Может быть, египетские фараоны повелели окропить свои усыпальницы ядом? Или здесь действовала атомная энергия? А может быть, к смерти лорда Карнарвона приложили свою руку привидения? Спириты и знатоки оккультных сил с достоинством предложили свою помощь. Они устаноят связь с покойным лордом, чтобы тот из потустороннего мира сообщил, какова же настоящая причина его внезапной кончины. Умерли еще и другие люди: сначала друзья лорда Карнарвона,

затем ученые, которые когда-либо входили в гробницу фараона. Правда, умерли и многие из тех, кто окружал лорда, но никогда не видел гробницу Тутанхамона. Один умер на пароходе, другой — в Лондоне. Остальных смерть настигла в иных местах.

Мировая печать тщательно отмечает все смертельные случаи, добросовестно описывая обстоятельства смерти, возраст каждого покойного, указывает, отчего именно он скончался и где это произошло. Умирает и сиделка, которая в ненастную ночь оставила больного лорда одного в номере каирской гостиницы. Правда, она умерла от родильной горячки.

Впрочем, другие знакомые Карнарвона доживали в Англии до благословенного возраста — 70 или 80 лет. Они умирали от гриппа, от воспаления легких, от рака и от других заболеваний, свойственных столь почтенному возрасту. Но оживившееся общественное мнение всего мира не может удовлетвориться такими вульгарными объяснениями. Оно во всем усматривает сверхъестественные силы, которые накажут каждого, кто когда-либо посмел войти в гробницу Тутанхамона или даже просто был знаком с лордом Карнарвоном. И вот мир с часами в руках ожидает неизбежной в самое ближайшее время кончины человека, который открыл гробницу фараона и более года почти постоянно в ней находился, — смерти Картера и его ближайших сотрудников. Но как ни странно, они тогда не умерли. Картер, в течение 10 лет работавший у гроба Тутанхамона, умирает в преклонном возрасте.

Всюду твердят, что человеку, переступившему порог гробницы Тутанхамона, угрожает смерть. Тайнственные силы подстерегают нарушителей покоя мертвого фараона и всегда готовы отомстить им. Что за бессмыслица, утверждает Картер. На самом деле нет на свете более безопасного места, чем эта гробница. Когда она была раскрыта, исследователи не обнаружили в ней никаких микробов. «Недоброжелатели, — уверяет Картер всех окружающих и всю мировую печать, — вопреки истине приписывают все болезни, все несчастные и смертельные случаи каким-то таинственным силам, якобы действующим здесь. Непростительно лживые сведения такого рода публикуются и повторяются с неприязненным удовлетворением. Мне трудно, говоря о клеветнических утверждениях подобного рода, сохранять спокойствие». Ученый полагал, что здравый смысл должен с презрением отвергнуть подобные вымыслы, но тут же высказал предположение, что мы, очевидно, не так далеко ушли от седой старины, как это думают некоторые «хорошие люди».

ЗОЛОТЫЕ ГРОБЫ

Проходят месяцы. Взволнованный мир все еще занимается смертью лорда Карнарвона. А в погребальной камере Тутанхамона осторожно разбирают на части внешний ковчег. Это очень трудная работа. Тяжелые дубовые доски, толщиной 5,5 сантиметра, покрытые золотом и фаянсом, за много лет ссохлись, а покровы, наоборот, растяну-

лись. Между досками и их покрытием возникли пустоты. При малейшем прикосновении возникала опасность, что кусочек золота будет вдавлен внутрь или совсем оторвется.

В невыносимой жаре узкого помещения нужно с величайшими предосторожностями отделить и вынести отдельные части ковчега. А ведь только одна его внешняя сторона весила больше 7 центнеров.

Наконец дело сделано. Второй ковчег высвобожден. На его печатях неповрежденные царские эмблемы. Этот ковчег также необычайно велик — двухметровой высоты и примерно четырехметровой длины.

В течение нескольких минут Картер колеблется. Он должен собраться с мыслями, решить, что следует делать дальше.

Но вот двери внутреннего ковчега распахиваются. Картер сломал единственную неповрежденную в Долине царей печать фараона. То, к чему стремились в погоне за золотом сотни грабителей могил с незапамятных времен, Картер совершает во имя науки.

В раскрытых дверях показался третий ковчег. В пространстве между ним и вторым ковчегом снова лежит многочисленная погребальная утварь. Это роскошные скипетры, оружие, булавы и луки. Третий ковчег также позолочен, украшен надписями и изображениями. Он заперт; на засовах висит неповрежденная царская печать Тутанхамона.

Стараясь подавить волнение, Картер открывает и этот ковчег: «Я устранил драгоценную пе-

чать, отодвинул засовы и открыл дверцы. И тогда я обнаружил четвертый ковчег!»

Этот ковчег еще более прекрасен, чем все предыдущие. Он тоже сделан из дубовых досок и покрыт золотом. Но его украшали еще и прелестные барельефы, иероглифы и изображения богов. На углах ковчега изваяны богини-хранительницы с огромными крыльями.

Теперь Картер уже более не в силах владеть собой. «В крайнем возбуждении он отодвинул засовы незапечатанных дверей четвертого ковчега, и они медленно раскрылись. Перед археологом сияет саркофаг: «поистине ни с чем не сравнимый огромный желтый кварцитовый саркофаг». Он стоит перед Картером, и ученому кажется, что «благочестивые руки только что прикасались к нему».

Саркофаг имеет 2,75 метра в длину и 1,5 метра в высоту. Он вырезан из монолитного блока. У карниза богиня распростерла протянутые вперед руки и крылья, как бы защищая мертвого от покушения живых.

По всем четырем углам саркофага стоят такие же богини-хранительницы. Их раскинутые крылья окружают весь саркофаг. Он закрыт тяжелой плитой из полированного розового гранита. Посредине эта плита треснула. Чтобы поднять тяжелую крышку саркофага, понадобилось прибегнуть у помощи специальных приспособлений. Прежде всего нужно было удалить из усыпальницы все части ковчега. Проходят недели, прежде чем закончились подготовительные работы и можно было начать подъем.

Торжественно настроенное собрание — губернаторы, министры, профессора из самых различных стран, известные археологи, анатомы, историки искусства и культуры, директора музеев, — затаив дыхание, наблюдают, как 12-тонная гранитная плита поднимается вверх. В глубочайшем молчании собравшиеся смотрят в открытый саркофаг. Но пока видны только лишь покровы. Это тонкая полотняная ткань, прикрывающая содержимое саркофага. Их осторожно снимают. Открывается золотой гроб. Верхняя часть этого изумительного гроба выполнена в форме мумии. Золотой гроб имеет около 2,5 метра в длину. Он сделан из твердого дерева и покрыт позолотой. Форма гроба (антропоидная) передавала образ Осириса. Голова и руки его изваяны из массивного золота, лоб украшен двумя эмблемами — это коршун и кобра, выполненные из стекла и фаянса; брови и веки сделаны из искусственного лазурита, глазные яблоки — из арагонита, зрачки — из обсидиана. В руках бог сжимает царскую эмблему, инкрустированную толстым слоем темно-синего фаянса. На лбу лежит маленький венок из цветов.

Кто положил его туда?

«О мать Нут! — начертано на гробе. — Да будут распростерты надо мною твои крылья, как извечные звезды».

ПЕРЕД ЛИЦОМ ФАРАОНА

С огромным нервным возбуждением мир ожидал вскрытия гроба, а оно все откладывалось.

Возникли неожиданные недоразумения между английским и египетским правительствами, имеющие политическую окраску. Египтяне хотят взять дело в свои руки. Картер отправляется читать лекции. Гробницу официально закрывают. Лишь в январе 1925 г. все заинтересованные стороны, наконец, приходят к соглашению. Усыпальницу снова открывают, работы могут продолжаться.

В «золотом зале» — так древние египтяне называли подобного рода усыпальницы — Картер открывает, наконец, золотой гроб Тутанхамона. В нем лежал второй золотой гроб — шедевр древнеегипетского художественного ремесла. Он имел 2 метра в длину и также был выполнен из тяжелого дерева, покрыт инкрустациями и золотом. Форма его тоже антропоидная. Голова бога украшена венцом фараона.

Когда открыли и этот, второй золотой гроб, в нем показался третий, целиком состоящий из массивного золота. Он весил 4,5 центнера.

Этот единственный в своем роде гроб имеет в длину 1,85 метра. Он изображает молодого Тутанхамона в образе Осириса. Лицо, шея и руки блестят полированным золотом. Вокруг шеи лежит двойная цепь больших бус, сделанных из красного и желтого золота и синего фаянса. Тело и ноги опять-таки прикрывают четыре богини-хранительницы. Весь гроб инкрустирован полудраго-

ценными камнями и цветным стеклом. В этом, третьем гробу лежит сам Тутанхамон.

Богато убранный драгоценными камнями, золотом и всеми возможными украшениями покоится он в своем золотом гробу. Семь браслетов украшают его правую руку от локтя до запястья, шесть браслетов — левую руку. Браслеты, золотые и серебряные, инкрустированы различными полудрагоценными камнями и разноцветным стеклом.

Грудь царя покрыта многочисленными амулетами и священными эмблемами. 35 предметов были расположены 17 группами на 13 слоях полотняных полос, в которые была запелената мумия. Здесь, конечно, священные числа играют особую роль. В бинтах, обвивающих грудь и живот, лежат две группы колец, рядом с правой кистью — пять, рядом с левой — восемь. Пять и восемь! Как в Ханаане, как в нордической Эдде и как в Библии, когда Авраам приносил жертву, — так же и в царском гробу Тутанхамона.

А сам Тутанхамон?

Богато украшенная, обуглившаяся почти до неузнаваемости, едва напоминающая человека фигура, нечто почти совершенно разложившееся лежало перед глазами ученых.

ИЗМЕРЕННЫЙ И ОЦЕНЕННЫЙ

Большое количество благовонного масла было разлито во всех гробах царя, в золотом гробу и около мумии. В ходе времени масло почернело и

превратилось в смолистую массу. Эта масса склеила мумию, а также золотую маску в саркофаге так плотно, что, несмотря на все усилия, не удавалось сдвинуть ее с места. Масло впиталось в бинты мумии, им был пропитан также весь труп. И что еще хуже: жирная кислота, содержащаяся в благовониях, действуя на протяжении тысячелетий, вызвала полное обугливание трупа фараона.

Разочарованные исследователи установили, что в саркофаг было залито почти два ведра жирного битума. Это способствовало дальнейшему разрушению мумии.

Было принято решение не перевозить мумию фараона Тутанхамона в музей Катра, а оставить ее в погребальной камере Долины царей. Но его одежда, личное имущество, золотые гробы и ковчеги, его дворцовая мебель — все это сегодня уже вывезено из Долины царей и в большей своей части находится в Музее египетских древностей Каира.

Десять лет Картер тщательно проверяет и упаковывает сокровища усыпальницы. В течение этого времени множество туристов, преимущественно из Америки и Англии, приезжают в Долину царей. Многие из них жаловались на медленное прохождение работ по реставрации. Но не в интересах дела, а лишь с целью удовлетворить свое любопытство и в погоне за сенсациями. Исследования Картера стали модными. Эта мода на гробницу Тутанхамона особенно в англосаксонских странах расцвела как пышный цветок. «Маленький Тут» на протяжении целого года был наибо-

лее популярной фигурой в Англии. Шелк «Тутанхамон» становится самым модным. В Германии шелк «маска Тутанхамона» также был выброшен на рынок, и модницы хватали его, не обращая, конечно, никакого внимания на то, что бесцеремонные торговцы расцветили ткани бессмысленными иероглифами, лишь отдаленно напоминающими египетские.

Но какое это имело значение! Ведь все носили платья из шелка «маска Тутанхамона»!

(Эрих Церен. Библейские холмы. — М., изд-во «Правда», 1986)

8. РУКОПИСИ МЕРТВОГО МОРЯ

История эта началась в 1947 году в районе Мертвого моря, недалеко от Иерусалима. Там у берега протянулась горная цепь Рас-Фешха, у подножия которой бьет ключ Аин-Фешха. Приблизительно в 4 километрах севернее от него, высоко в горах, расположена пещера. Племя бедуинов весной пригоняло туда свои стада коз и баранов и пасло их маленькими группками.

Однажды один мальчик-бедуин пошел искать свою козу и обнаружил при этом узкую щель в скале. Через нее можно было увидеть темную пещеру. Он подумал, что в этой пещере может быть спрятано сокровище и позвал другого мальчика. Оба они протиснулись через отверстие в скале. Пещера имела приблизительно 8 метров в длину и 2 метра в ширину. Никаких золотых сокровищ там не было. Стояли лишь глиняные кувшины, плотно закрытые крышками. Один кувшин был разбит камнем, брошенным мальчиком.

В кувшинах находились свитки из кожи, завернутые в старую полотняную ткань. Внутренняя сторона свитков была исписана какими-то буквами.

Так были впервые обнаружены знаменитые рукописи Мертвого моря, которые спустя два года стали мировой сенсацией.

Между тем мальчики поняли, что хотя они и не нашли золота, но обнаружили «древности», за которые можно получить это золото. Они забрали с собой тщательно спеленатые кожаные свитки и несколько неповрежденных кувшинов, чтобы по-

казать их шейху племени. С его мудрых советов и началась одиссея этих рукописей.

МОНАХИ, ТОРГОВЦЫ, ПРОФЕССОРА

Понятно, что бедуины прежде всего обратились к своему мусульманскому священнику, к шейху в Вифлееме. Шейх посмотрел свитки и понял, что они были написаны не на арабском языке. Находка сразу же потеряла для него интерес, т. к. для верующего мусульманина серьезное значение имеет только язык Корана.

Шейх из Вифлеема без особого энтузиазма направил сыновей бедуина к торговцам древностями. Таким образом оба они попали к торговцу Кандо, который, занимаясь в Вифлееме своими делами, не проявлял никакого интереса к пещерам, где христианский «спаситель» появился на свет. Кандо, в свою очередь, обратился к одному из своих коллег в Иерусалиме, а тот рассказал о свитках епископу, главе христианской секты якобитов Мар Афанасиосу Иошуа Самуилу, архиепископу-митрополиту Иерусалима и всей Иордании.

Этот епископ имел свою резиденцию в монастыре св. Марка, расположенном среди путаных узких переулков старого Иерусалима и пребывавшем, если можно так выразиться, в полудремоте. Потому что там не было никого, кроме немногочисленных монахов пришедшей в упадок общины якобитов.

Епископ прежде всего потребовал, чтобы ему

показали эти таинственные свитки — понятное желание, которое было сообщено торговцу Кандо в Вифлеем и от него бедуинам племени Таамире на берег Мертвого моря. Проходили недели. Лишь в июне 1947 года все, наконец, произошло. В один прекрасный день трое бедуинов появились у торговца Кандо в Вифлееме с найденными в пещере свитками. Кандо сообщил по телефону о своих гостях архиепископу-митрополиту Иерусалимскому — Мар Афанасиосу Иошуа Самуилу. И вот после всех этих событий три оборванных сына пустыни стояли перед воротами монастыря св. Марка в Иерусалиме и просили разрешения войти, чтобы показать свои кожаные свитки его преосвященству.

Однако эти люди Мертвого моря своим видом произвели на почтенных монахов столь отталкивающее впечатление, что бедуинов попросту вытолкали из монастыря. Тем более что епископ, которого не было при этом, забыл дать соответствующее указание.

Это недоразумение привело к тому, что три окончательно запутавшихся, непривыкших к городскому движению бедуина отправились странствовать по Вифлеему и, в конце концов, не желая вступать более ни в какие сделки, продали большую часть своих сомнительных свитков торговцу Кандо, а меньшую — какому-то вифлеемскому шейху. По-видимому, они получили немного денег, причем скорее из милосердия.

С этого времени цены на свитки стали повышаться. Епископ из Иерусалима приобрел пять

лучших свитков у торговца Кандо приблизительно за 300 марок. Но ни епископ, ни торговец даже и не догадывались, каких золотых рыбок они поймали.

Естественно, что епископ Иерусалимский Мар Афанасиос Иошуа Самуил, в первую очередь, предпринял попытку определить возраст этих рукописей. Под вымышленным предлогом, что свитки были случайно найдены в собственной библиотеке монастыря, он направил монаха в Американскую школу восточных исследований в Иерусалим, попросив через него справку о времени написания рукописей и их значении.

В это время (стоял уже февраль 1948 года) мировая пресса еще не знала, какие сенсационные вести придут к ней с Мертвого моря и из Иерусалима.

Американцы очень быстро путем сопоставлений определили, что рукописные свитки епископа относятся к древнейшему времени. Они сравнили их с папирусом на древнееврейском языке, найденном в Египте, скопировали отдельные фрагменты и направили фотокопии одному из своих крупнейших специалистов в области исследования Палестины — профессору Вильяму Ф. Олбрайту. В середине марта 1948 года авиапочта доставила ответ Олбрайта: «Сердечно поздравляю с самой крупной находкой рукописей для нашего времени».

Олбрайт не выразил никаких сомнений в подлинности рукописей. Он определил, что пересланные ему в фотокопии фрагменты (свиток Исаяи) написаны приблизительно за сто лет до н. э.

Это была сенсация. И тогда началась охота за свитками древних рукописей.

ОДИН МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ

Что касается епископа, то тот попытался выяснить место находки кожаных свитков, чего бы это ему ни стоило. Когда ему с помощью торговца Кандо это удалось, он послал нескольких монахов к Мертвому морю с тем, чтобы тщательно обследовать найденную пещеру.

Его люди сначала расширили вход в пещеру, сделав пролом в скале выше первоначальной узкой щели; затем они выбросили наружу все, что еще оставалось в пещере. Среди мусора нашлось еще несколько фрагментов древних рукописей, которые и были немедленно доставлены епископу.

С этого момента Мар Афанасиос Иошуа Самуил, архиепископ-митрополит Иерусалима и всей Иордании, исчез с глаз всего оплакивающего его общества. Ибо он уехал со своими свитками в страну неограниченных возможностей, не только достаточно богатую, но и весьма приверженную к Библии; во всяком случае настолько, что древние рукописи, имеющие к ней отношение, покупались там за огромные деньги. По слухам, епископ потребовал один миллион долларов в валюте Соединенных Штатов, а на самом деле получил четверть миллиона за свои пять кожаных свитков и некоторые фрагменты. Сам же он заплатил за них всего около 300 марок. Во всяком

случае епископ обеспечил себе спокойную старость.

Но в Палестине охота за рукописями только еще начиналась. Ее стимулировали не в последнюю очередь вести из США.

Ученые из Американской школы восточных исследований в Иерусалиме, узнав об успехе побывавшего в США уважаемого епископа, стали усердно разыскивать в Вифлееме торговца Кандо, от которого епископ получил свои свитки. Но Кандо никак не удавалось найти: он скрылся от всех, пребывая, наверное, в своего рода приступе мировой скорби из-за того, что получил за свитки всего 300 марок. Ведь история с епископом и его четвертью миллиона долларов подняла много шума в Палестине. Кроме того, Кандо имел все основания бояться и за свою скромную лепту, т. к. его могли судить за незаконную продажу древностей.

Наконец, в начале 1949 года секретарю музея Рокфеллера удалось найти Кандо в Иерусалиме. Но Кандо оставил у себя лишь несколько фрагментов — жалких, грязных и отчасти уже прогнивших кусочков кожи. Больше у него уже ничего не было. И Кандо, который свои самые ценные кожаные свитки прямо-таки подарил епископу, получив до смешного мизерную сумму, — этот Кандо хотел сейчас сделать тот бизнес, о котором мечтал всю свою жизнь; по крайней мере с этими последними фрагментами, которые у него еще оставались. Он никогда не сможет простить себе продажу лучших своих свитков дельцу-епископу. Теперь, после упорной торговли, за каждый ква-

дратный сантиметр разорванных и гнилых кусочков кожи он сумел-таки получить по одному фунту стерлингов. Тысячу фунтов стерлингов передало в качестве аванса в дрожащую руку Кандо Иорданское управление древностями при заключении с ним договора.

Это примирило торговца Кандо с сильными мира сего, хотя он никогда более уже не оставался доволен самим собой. И этот персонаж исчез из нашего поля зрения, чтобы освободить место для других действующих лиц, боровшихся либо за золото, либо же за научную честь.

ОХОТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Прежде всего — это профессор Е. Сукеник, заведующий кафедрой палестинской археологии в еврейском университете Иерусалима. Он обратил внимание на находку рукописей еще до того, как американцы получили о них какие-либо сведения.

Дело в том, что епископ перед тем, как обратиться к американцам, показал профессору один из кожаных свитков через третье лицо. Будучи специалистом по древнееврейским рукописям, Сукеник, конечно, сразу же определил, что показанный ему свиток текста Исаяи должен относиться ко времени, приблизительно совпадающему с рождением Христа, а может быть, даже — к более раннему. После этого Сукеник на собственные средства стал разыскивать источник появления этих древних рукописей, и ему удалось, в

конце концов, приобрести те свитки, которые бедуины продали за бесценок шейху в Вифлееме. Сколько заплатил за них Сукеник шейху — неизвестно. И можно думать, что и его рукописные свитки в один прекрасный день дойдут до США, если государство Израиль не сочтет за честь само приобрести эти древнейшие рукописи.

Все это время европейские и американские археологи совместно с христианскими монахами искали таинственную пещеру, в которой были найдены драгоценные свитки. Правда, бедуины, у которых о ней спрашивали, молчали. Прослышав о сенсационных и неясных для них известиях, пришедших из большой страны, что за океаном, в которых сообщалось об огромных количествах золота, полученных за «древности», они все же пришли к определенным выводам и предприняли розыски других пещер, где можно было бы обнаружить многочисленные кожаные свитки. Ибо для них уже стало ясно, сколько они потеряли из-за своей наивности.

Сыны пустыни поняли, какой выгодой могут обернуться поиски древних пещер. И они, знавшие пустыню у Мертвого моря как свои пять пальцев, но никогда ранее не интересовавшиеся древними пещерами, сейчас с редким усердием принялись за поиски их среди скал у Мертвого моря.

Их новые успехи сопровождались повышением цен на рукописи. За каждый грязный порванный квадратный сантиметр старого фрагмента они требовали один иорданский динар, что равнялось приблизительно одному фунту стерлингов. Здесь

можно провести сравнение с таксой торговца Кандо, по которой можно судить о таинственных связях между ним и бедуинами. С другой стороны, в то время как европейцы и американцы все еще продолжали поиски первой пещеры севернее источника Аин-Фешха, новые свитки или по крайней мере их фрагменты уже текли из какого-то источника, известного только сынам пустыни.

Повсюду, где археологам и лингвистам при помощи разных средств удавалось раскрывать тайны бедуинов, они находили лишь опустошенные пещеры. Короче говоря, близ первой пещеры в течение нескольких лет нашли еще 10 пещер, из которых бедуины в течение 1952 года извлекли не менее 15 000 обрывков из приблизительно ста библейских фрагментов и несколько сот рукописей светского содержания.

Но в каком состоянии!

Очевидно, рукописные свитки подвергались захоронению в пустыне уже после многократного использования и, следовательно, значительно изношенными и частично разорванными.

Время довершало остальное. Тропический климат, насекомые и пресмыкающиеся продолжали свою разрушительную работу в пещерах.

В 1956 году нашли 11-ю пещеру. В ней, кроме древних рукописей Ветхого завета, обнаружили целый свиток библейских псалмов.

(Эрих Церен. Библейские холмы. — М.: Правда, 1986)

ИЕРУСАЛИМСКИЕ КЛАДЫ

В 1960—1061 годах комплексная археологическая экспедиция Иерусалимского университета, Департамента древностей и Израильского археологического общества произвела систематическое исследование и раскопки пещер на побережье Мертвого моря. Всего было обследовано около 40 пещер. Рукописи, найденные в них, были написаны как на древнееврейском, так и на армянском, греческом и других языках. И тогда переводчики с удивлением прочитали в них сообщения о многочисленных кладах, спрятанных в окрестностях Иерусалима.

Всего в рукописях говорилось о 60 таких кладах. Подробное перечисление их содержимого позволило подсчитать общий объем этих сокровищ. Оказалось, что в окружающих холмах зарыто около 20 тонн золотых и серебряных изделий.

Однако расшифровать древние рукописи оказалось легче, чем найти сами сокровища. Многочисленные государственные, частные и религиозные организации ищут их с тех пор. Вся сложность заключается в том, что за два тысячелетия, прошедшие с того времени, внешние приметы, указанные в рукописях, перестали существовать. Реки переменили свои русла или исчезли, озера давно высохли и заросли кустарником, на месте леса раскинулась пустыня и т. д. Вот почему искатели кладов отложили на время заступы и вооружились чертежными досками, пытаясь восстановить внешний вид местности, каким он был двадцать веков назад...

9. ЧТО ДАЛ «ДОПРОС» АФИНЫ ПАЛЛАДЫ?

Тот день, как и любой другой летний день в Египте, был наполнен зноем, словно ниспадавшим на землю вместе с лучами раскаленного Солнца, медленно плывшего по голубому небосводу. Он так бы и канул бесследно в Лету, этот обычный летний день, если бы еще до наступления темноты не произошло событие, которому суждено было пролить свет на неизвестные прежде страницы античной истории. Впрочем, и само это событие далеко не сразу обрело известность, ибо его главные действующие лица отнюдь не торопились раскрыть свою тайну. Так что же тогда произошло?

...В один из жарких июньских дней 1969 года трое египетских рабочих, трудившихся неподалеку от Асьюта — города, что стоит на левом берегу Нила, случайно наткнулись на умело сооруженный и хорошо замаскированный тайник: в нем находилось множество античных серебряных монет. Когда счастливики пришли в себя и пересчитали монеты, их оказалось более 900 штук. Кто припрятал клад? Что побудило древнего богатея скрыть свое серебро? Почему он так и не смог воспользоваться сокровищем? Должно быть, эти вопросы мало интересовали новых владельцев клада. Их волновала куда более прозаическая проблема: как бы тайком да повыгоднее сбыть найденное серебро, на которое у них, естественно, не было никаких прав. Разделив добычу на три

части, компаньоны приступили к нелегальной реализации свалившегося на них богатства.

Уже вскоре среди нумизматов мира прошел слух об «асьютском сокровище», как окрестили египетскую находку прослышавшие о ней специалисты. Первые же монеты, попавшие в руки коллекционеров, вызвали огромный интерес: не так уж много сохранилось до наших дней древнегреческих денег, а тут сразу чуть ли не тысяча монет, которые, быть может, держали в своих руках великие греки античности Геродот или Софокл, Еврипид или Фидий. Но где они, эти поистине драгоценные монеты? К сожалению, за несколько месяцев, прошедших после обнаружения тайника, все его содержимое буквально развеялось по всему свету, причем, как нетрудно догадаться, каналы, по которым растекалось античное серебро, не афишировались дельцами, принимавшими участие в операции.

Но вот весной 1970 года некий торговец ценностями из Бейрута предложил покупателям полсотни греческих серебряных монет, которые, по мнению ученых, относились к V веку до нашей эры. Естественно было предположить, что речь идет о части асьютского клада. Небольшие металлические диски, отчеканенные почти два с половиной тысячелетия назад, приковали к себе взоры крупных специалистов по истории монетного дела. Еще бы, ведь с помощью этих древнейших монет можно заполнить многие пробелы в биографии металлических денег, узнать о неведомых ранее торговых и политических связях античного мира, выяснить, по каким путям-дорогам в те да-

легкие времена серебро путешествовало от места добычи к месту чеканки. Однако для того, чтобы монеты заговорили в полный голос, нужно было подвергнуть исследованию и сравнительному анализу по возможности большее их число: только тогда полученная информация окажется достаточно полной и объективной. Но как вновь собрать воедино рассыпавшийся по планете клад?

Многим эта затея казалась безнадежной, особенно с учетом существовавшего почти во всех странах запрета на вывоз даже единичных экземпляров древних монет и предусмотренных законом довольно суровых мер наказания за попытки его нарушить. В таких неблагоприятных условиях вряд ли можно было рассчитывать на то, что новые обладатели асьютского серебра охотно согласятся участвовать в международном научном сотрудничестве. Все же взявшиеся за столь сложное дело английские и американские эксперты по античной нумизматике не теряли надежды. И, как выяснилось, не напрасно: спустя пять лет им удалось выявить и каталогизировать 873 монеты из найденного в Египте клада. Теперь уже на повестку дня встал вопрос о всестороннем и тщательном его изучении.

Среди многочисленных методов, с помощью которых учёные наших дней исследуют металлы и сплавы, явно преобладают те, в основе которых лежат достижения современной физики. И не удивительно поэтому, что в изучение античных монет асьютского клада решающий вклад внесли представители этой науки. В середине 70-х годов группа ученых старейшего немецкого университета в

Гейдельберге, основанного еще в конце XIV века, проводила исследования проб лунного грунта, доставлено на Землю американскими астронавтами. Руководил работами профессор Вольфганг Гентер — директор Института ядерной физики имени Макса Планка. Занимаясь в прежние годы изучением состава метеоритов и космической пыли, он обрел в научном мире заслуженное признание. Но Гентер был не только физиком: с меньшим увлечением отдавался он и археологии. Вот почему ученый с огромным интересом взялся за разгадку тайны монет Древней Греции.

Именно Гентеру и принадлежала идея воспользоваться для исследования античных раритетов хорошо знакомыми ему космохимическими методиками, которые позволяют определять состав даже самых крохотных пылинок, разгуливающих по просторам Вселенной. Предположив, что в асьютском кладе могли оказаться монеты различных древнегреческих полисов, таких, как Афины, Эгина, Коринф, Тасос, гейдельбергские физики решили для начала выяснить, где добывалось серебро, шедшее на изготовление тех или иных монет. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо было произвести физическую и химическую идентификацию монетного металла и серебряных руд различных древних месторождений, т. е. определить для каждой конкретной монеты природный источник ее серебра. Задача эта чрезвычайно трудоемкая, но разрешимая. Каким же путем шли физики к ее решению?

Прежде всего им пришлось призвать на помощь представителей других профессий — геоло-

гов, историков, литературоведов, специализирующихся на текстах античных времен: они должны были подсказать, в каких точках этого региона два с половиной тысячелетия назад добывалось серебро. Затем предстояло серьезно покопаться в рудах указанных месторождений: взять пробы, выяснить их химический состав и сравнить с составом монетного металла. Но чтобы вести эксперименты, нужны реальные монеты, а не каталожные карточки с их описанием. Где же их взять?

К счастью, у Гентера имелись обширные связи среди нумизматов разных стран. С помощью швейцарского коллеги ему удалось раздобыть 118 монет из асыютского клада. С таким «капиталом» вполне можно было браться за дело. А дело предстояло нелегкое: требовалось определить изотопный состав серебра...

Используя два метода, физики, работавшие под руководством Вольфганга Гентера, «допросили» несколько десятков свидетелей античных времен — асыютские монеты, полученные из Швейцарии. Какие же «показания» удалось получить ученым? Первый вывод, который буквально напрашивался сам собой, позволили сделать те монеты из асыютского клада, что чеканились в Афинах. Узнать их было легко: на лицевой стороне изображалась одна из самых почитаемых греческих богинь покровительница города мудрая и прекрасная Афина Паллада в своем традиционном шлеме, а на оборотной красовалась сова с огромными, будто блюдца, глазами. Как показали результаты исследования, все афинские монеты имели совершенно одинаковый изотопный состав

и весьма близкие характеристики примесей. Это означало, что все они имели одно и то же рудное происхождение. Следовательно, Афины располагали каким-то богатым источником серебра, позволявшим на протяжении длительного времени не только чеканить огромное количество монет, но и, по-видимому, финансировать многогранную государственную деятельность, в том числе и ведение различных войн на море и на суше.

Что же это был за неиссякаемый источник драгоценного металла? На этот вопрос с большой степенью вероятности можно было ответить еще до проведения скрупулезного анализа. Дошедшие до нас хроники тех времен и произведения античных авторов свидетельствовали о том, что еще с VI века до нашей эры афиняне вели крупные разработки серебряных руд на горе Лаврион, расположенной к востоку от Афин. Греческие археологи произвели любопытный подсчет количества серебра, добытого в древности на Лаврийских рудниках. Здесь сохранились прорубленные в скалах штольни и отвалы пустой породы; они-то вместе со средним содержанием серебра в руде и послужили отправными данными для расчетов. Оказалось, за три столетия Лаврион подарил Афинам примерно три тысячи тонн благородного металла. В последующие столетия добыча серебряной руды сократилась, а в начале новой эры рудники и вовсе оказались заброшенными. Лишь в конце прошлого столетия возобновилась и продолжается до сих пор разработка этого исторического месторождения серебра.

Но вернемся в античные времена. Основным

конкурентом Афин была в ту пору находившаяся неподалеку островная держава Эгина. В V веке до нашей эры отношения между этими городами-государствами, и прежде не отличавшиеся теплотой, стали откровенно враждебными. В начавшихся вскоре войнах, которые велись с перерывами несколько десятилетий, перевес чаще всего оказывался на стороне афинян. Многие воины Эгины прошли через афинский плен и были отпущены домой с отрубленными пальцами, чтобы впредь не могли взять в руки оружие. Можно с уверенностью сказать, что важную роль в достижении военного превосходства Афин сыграли серебряные богатства Лавриона, позволявшие афинянам иметь более мощный, чем у противника, флот.

Косвенно этот вывод нашел подтверждение и в исследованиях гейдельбергских физиков. Когда они подвергли изотопному «допросу» эгинские монеты с изображением черепахи, также оказавшиеся в асыютском кладе, выяснилось, что ситуация с серебром у Эгины была не столь благополучной, как у ее могущественной соперницы: своими серебряными рудниками остров не располагал, и поэтому эгинским финансистам приходилось чеканить монеты из привозного серебра различных месторождений. Но вот что удивило физиков: если эгинские деньги, относящиеся к периоду до 495 года до нашей эры, чеканились из серебра малоизвестных рудников, то в последующие несколько лет в качестве источника серебра Эгина стала использовать... рудники Лавриона.

Что это могло означать? Быть может, просто в

одном из сражений эгинянам удалось захватить в виде трофея серебряные слитки, но возможна и иная версия: в результате неизвестного историкам события, вероятнее всего, носившего военный характер, Эгина на какое-то время получила доступ к лаврийским кладам. Иными словами, в затяжных войнах с Афинами, видимо, иногда случался праздник и на эгинских улицах. Но что это было за событие или цепь событий? Раскроет ли нам когда-нибудь история эту свою давнюю тайну?

А вскоре настали черные времена для всей Греции: на ее территорию вторглись пришедшие с мечом персы. Правда, в начале греко-персидских войн успех сопутствовал греческим войскам: в знаменитой битве при Марафоне, состоявшейся в 490 году до нашей эры, они одержали блестящую победу над армией персов. Затем наступила десятилетняя передышка, во время которой в Афинах по инициативе известного государственного деятеля и полководца Фемистокла был создан большой и сильный флот. Вот тут-то и пригодилось серебро Лавриона. Новому флоту еще предстояло сказать веское слово, однако когда военные действия возобновились, сражения шли в основном на суше, где верх чаще брали персы.

Возглавляемые царем Ксерксом многотысячные персидские полчища подошли к горному проходу Фермопилам, откуда открывался путь к завоеванию значительной части земель Эллады. Против врага выступило объединенное греческое войско во главе со спартанским царем Леонидом. Неизвестно, как бы сложилась судьба битвы при

Фермопилах, если бы не предатель-перебежчик, помогший персам проникнуть в тыл к грекам. В этот трудный момент Леонид решил отправить свое войско на защиту Афин, а сам с тремястами воинами продолжал мужественно драться с завоевателями. Силы были неравны, и все спартанцы геройски погибли в бою. Прорвавшиеся через горный проход персы вскоре овладели многими греческими городами. Пали и были разрушены Афины. Казалось, ничто не может помешать торжеству персидских завоевателей.

Но жив был афинский флот — тот, что создавался на серебро Лаврийских рудников. И вот осенью 480 года до нашей эры в Эгейском море у острова Саламин произошло крупное сражение, в котором персидские корабли, а их насчитывалось более восьмисот, были наголову разбиты и обращены в бегство. Лиха беда начало: спустя ровно год в битве при Платеях грекам удалось разгромить сухопутное войско персов, а в морском бою у мыса Микале добить остатки персидского флота. Эти победы завершили разгром непрошенных гостей: захватчики вынуждены были очистить территорию Греции.

Как справедливо считают историки, переломным моментом в ходе многолетних греко-персидских войн послужило Саламинское морское сражение. Именно оно, по сути дела, дало ответ на вопрос, будет ли дальше свободно развиваться греческая культура или она, а вместе с ней и вся европейская цивилизация окажутся под пятой восточной деспотии. Задумаемся, что могло произойти, если бы Афины не располагали в те дале-

кие времена серебряными сокровищами Лавриона и не смогли бы в короткие сроки создать на эти средства мощный морской флот. Кто может сегодня точно сказать, к каким историческим последствиям привел бы захват персами греческих земель? Не стало ли бы персидское иго для народов Западной Европы таким же тормозом в культурном развитии, каким оказалось для России монголо-татарское иго?

Вот на какие раздумья наводит знакомство с асьютским кладом, точнее, тот анализ древних серебряных монет, который позволил «разговорить» казавшихся немymi свидетелей важных событий античной истории.

(С. И. Венецкий. Где клады зарыты? — М.: Знание, 1989)

10. ЗОЛОТО МОЧИКА

Начало этой истории драматично: раскопавший древнюю могилу человек погиб. Впрочем, его смерть вряд ли можно считать неизбежной карой разгневанных богов (вспомним некогда наводившее суеверный ужас «заклятие пирамид»!) — скорее то был несчастный случай. Ведь здесь, в долине Ламбаеке на севере Перу, многие крестьяне испокон веку занимаются своего рода любительской археологией. Уборка урожая сахарного тростника — работа сезонная, и местные жители вновь и вновь перекапывают соседние террасы, сложенные из древних кирпичей, в надежде выудить из земли что-нибудь ценное, годное на продажу. А полиция, пытаясь вернуть расхищаемые ценности государству, нередко применяет оружие...

И вот осенью 1987 года искатели кладов раскопали в одной из старых террас золотые предметы. Дознавшись, полиция потребовала очистить место захоронения, которое сразу оцепили и позвонили в археологический музей Ламбаеке с просьбой прислать специалиста. Однако ночью крестьяне из поселка Сипан попытались проникнуть за оцепление, началась стрельба и в результате — один из них смертельно ранен.

Известие о том, что в захоронении обнаружены старинные предметы, тридцатисемилетний доктор археологии Вальтер Альва воспринял довольно пессимистически. Он уже не раз приезжал на подобные вызовы и всегда заставлял лишь развороченную землю, отвратительную мешани-

ну из обломков человеческих костей и мусора.

Кирпичные террасы и руины древних пирамид на севере современного Перу — наследие некогда населявших эти края индейцев, создателей культуры Мочика с центром Моче. Они обитали на территории между Андами и Тихим океаном в начале нашей эры, а к седьмому веку их культура достигла полного расцвета. Из обожженных на солнце глиняных кирпичей индейцы воздвигали прекрасные храмы и гигантские мавзолеи. Древние буквально осыпали своих мертвецов золотом. Захоронения отличались особой пышностью, однако археологи не могут похвастать интересными находками из гробниц этого периода — золотые вещицы доколумбовых времен стоят на черном рынке чрезвычайно дорого. Прекрасные произведения искусства, уникальные золотые и медные украшения, замечательная керамика — сколько бесценных для науки открытий и свидетельств из жизни наших предков поглотил ненасытный черный рынок?!

На этот раз ученым повезло. Кажется, судьба сжалилась над ними и щедрой рукой восполнила многие потери и разочарования — археологи вносили в свой каталог одну драгоценную находку за другой. Через год доктор Альва и его коллеги составили наиболее полную коллекцию предметов культуры доколумбовой поры на Американском континенте — таинственной и древней культуры Мочика.

Доктор Альва и его коллеги полагают, что гробница принадлежит правителю страны, объединявшему функции главного жреца и военачальни-

ка. Здесь же обнаружили еще несколько захоронений, по-видимому, это была свита умершего, его личная прислуга — телохранитель, воин в доспехах и еще один мужчина, видимо, посыльный или егерь, похороненный вместе с собакой, возможно, одной из тех пятнистых охотничьих собак, которые встречаются на рисунках той поры, изображающих царскую охоту на оленей. В изголовье и у ног правителя покоились останки двух молодых женщин. В погребальной камере найдено и множество разнообразных предметов.

Раскопки гробницы сипанского правителя позволили, наконец, более полно взглянуть на культуру Мочика. По всей вероятности, эти люди не создали своей империи, однако их владычество распространялось на довольно большой территории побережья — около 350 километров. Подобно древним шумерам в Месопотамии, они использовали орошаемое земледелие и создали хитроумную систему оросительных каналов, превратив свои неплодородные земли в маленький оазис изобилия. Плодами его кормилось свыше пятидесяти тысяч человек, гораздо больше, чем ныне. По уровню ткачества индейцы моче не уступали знаменитым инкам, которые появились на исторической арене 1200 лет спустя. Моче строили пирамиды и достигли потрясающих высот в искусстве обработки металлов. Но особенно интересной оказалась обнаруженная в гробнице керамика. Свыше тысячи горшков, мисок, кувшинов и кувшинчиков внесли археологи в свой каталог. Некоторые сосуды причудливо разрисованы, красная и оливковая краски к тому же хорошо сохранились.

На первый взгляд рисунок росписи производил впечатление какого-то непривычного орнамента, но, присмотревшись, исследователи увидели определенные, вполне реалистичные и часто повторяющиеся мотивы. Например, сцена похорон: двое мужчин с видимым усилием спускают на веревках в яму длинный, похожий на гроб предмет. Часто изображаются фигуры воинов, горбуны, связанные пленники с искаженными от боли лицами, женщины, рожаящие детей, эротические сцены и охота. Сотни других горшочков, вылепленных из красной глины, не расписаны и выглядят проще, однако они сделаны наподобие маленьких скульптур — целая армия глиняных горшков-гномов! Многие из этих скульптурных сосудов явно воспроизводят одни и те же образы — нечто вроде нашего массового производства. Горшки изображают сидящих, стоящих и коленопреклоненных пленников с веревочными ошейниками, обнимающихся влюбленных и лица, посылающие нам воздушный поцелуй.

Сипанская терраса воздвигнута около 300 года нашей эры, а к десятому веку культура Мочика уже угасла. Что послужило причиной ее заката? По мнению некоторых ученых, эта культура была уничтожена в результате вторжения с запада воинственных горных племен. Другие полагают, что происходило совершенно мирное, длительное проникновение чуждых народов с юга, которые понемногу ассимилировались с индейцами моче. К сожалению, гробница повелителя Сипана пока еще не дала ответа на этот вопрос. Тем не менее ценность открытия как для археологической на-

уки, так и для расширения наших представлений о прошлом человечества неизмерима. По мнению специалистов, за всю историю перуанской археологии подобных находок еще не было. Такое событие, пожалуй, сравнимо лишь с сенсацией 1911 года, когда американским историкам удалось пробиться сквозь джунгли к горной цитадели Мачу Пикчу.

(Галина Леонова. — По материалам журнала «Гео»)

11. ЗОЛОТОЙ ЧЕЛОВЕК КУРГАНА ИССЫК

В 1969 году казахские археологи под руководством К. А. Акишева приступили к раскопкам огромного кургана, расположенного в 50 километрах восточнее Алма-Аты. Археологи сами называли курган Иссyk, так как народные предания обошли его своим вниманием. В общем-то, это не было удивительным: рядом с Иссyком высились другие его собраты, составляя грандиозный курганный комплекс — сорок пять земляных пирамид, вытянувшихся на расстояние в три километра. И рядом со своими соседями Иссyк не выделялся ничем: высота его составляла всего лишь... шесть с половиной метров. Всего лишь — потому что рядом стояли исполины высотой до 15 метров. Как и другие курганы, Иссyк был ограблен еще в древности... В счастье для науки, грабители не заметили одно — причем боковое, т. е. не главное даже — погребение, в котором лежали останки человека, отныне вошедшего в мировую науку под именем «золотого человека Иссyка».

«Саки же (скифское племя) носили на головах высокие островерхие тюрбаны плотные, так, что стояли прямо. Они носили штаны, а вооружены были сакскими луками и кинжалами...»

В общем-то, Геродот в своей девятитомной истории о саках пишет немного — лишь упоминая их рядом с другими племенами и народами. Но зачастую само это соседство уже говорит о многом.

Случайно избегнув в младенчестве насильственной смерти и вознесясь впоследствии на гребне дворцовой интриги, сын знатного перса Камбиса Кир свергнул мидийскую династию, правившую персами. Став «владыкой Азии», он начал бесконечные войны с эллинским миром. При этом, уточняет «отец истории», вначале Кир на самих эллинов не обращал никакого внимания, считая их в военном отношении противником слишком ничтожным: «ведь помехой Киру были Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне». Сочетание таких могущественных держав древнего мира, как Вавилон и Египет, с одним из многочисленных скифских племен на первый взгляд кажется странным. Но объяснение этому можно прочесть между строк у самого Геродота: он писал, что конница саков представляла собой серьезную военную силу, намного укреплявшую те армии, на стороне которых сражалась. «В войске варваров наиболее отличились пешие персидские воины и конница саков», — подводит историк итог одной битвы.

Древнеперсидские хроники, клинописные стелы, свидетельства античных авторов помогли исследователям очертить контуры истории этих племен. Саки, согласно древним источникам, делились на три большие группы: носящие остроконечные шапки, варящие напиток Хаом и Заморские. Часть этих племен, в конце концов, была покорена персидскими царями. Во II веке до нашей эры саки после длительной войны с могущественной Парфией были отеснены на земли, входящие ныне в границы Ирана и Афганистана, где и осе-

ли. Вскоре они были полностью ассимилированы местными жителями и уже в первых веках нашей эры как самостоятельный народ исчезают из исторических хроник.

В общем-то, к сакам историческая память оказалась куда менее милостива, нежели к их братьям и современникам, — скифам Причерноморья. Восхищение Геродота исключительным мужеством и военной доблестью саков, азиатских скифов, как бы легло в основу традиционно сложившегося представления о месте их в историческом процессе — только как военной силы. А уникальные находки в скифских курганах Причерноморья, сделанные русскими археологами, окончательно оттеснили саков к дальнему горизонту исторического внимания. Блеск золота причерноморских курганов был настолько ослепителен, что долгое время даже ведущие историки считали, что именно здесь, вблизи древнегреческих городов-колоний, был центр всей скифской культуры.

Немалую роль в этом сыграло и другое обстоятельство. Европейские этнографы XVIII—XIX веков начали изучение кочевых и полукочевых народов Средней Азии, когда те находились в состоянии культурного и социально-экономического застоя, а отдельные племена вообще были почти на грани голодного вымирания. И по сути дела, пишет доктор исторических наук К. А. Акишев, эта печальная картина была целиком перенесена и в историческую перспективу — без всякого учета катастрофических потрясений, испытываемых народами Средней Азии, начиная со вторжения

орд Чингисхана, приведших в итоге к нарушению и гибели исторически сложившихся коммуникаций и взаимосвязей, резкого уменьшения поголовья скота — основы существования кочевых племен.

И еще — на этом, видимом современниками социально-экономическом фоне, продолжает исследователь, «своеобразные формы общественной организации и государственного строя, материальной и духовной культуры, сложившейся в результате многовекового развития, возникшие в определенной среде и в определенной обстановке и приспособленные к своему образу жизни и быту, к своим традициям, вкусам и духовным запросам, считались низшими и варварскими...»

Но со временем новые исторические и археологические данные все больше и больше ставили под сомнение эти сложившиеся представления. «Археологи постепенно выявили, — пишет академик Б. Б. Пиотровский, — общность многих элементов культуры от Дуная на западе вплоть до Великой китайской стены на востоке, на широкой полосе степей предгорий и горных пастбищ, между 40 и 50 параллелями». На обширнейших просторах — протяженностью свыше 7000 километров — сложился и около десяти веков существовал конгломерат схожих между собой скифских культур. Особенно отчетливо эта схожесть проявилась в так называемом «скифосибирском зверином стиле» — золотых, серебряных, бронзовых изделиях и украшениях, вышивке на тканях. Мир скифского искусства был миром хищников, птиц, оле-

ней, горных козлов, то фантастически преобразованных мифологической фантазией мастеров, то изображенных с предельным, даже натуралистическим, подобием. Но в этом мире вплоть до середины XX века исследователи не могли увидеть следов саков.

В 1947 году археологи начали раскопки курганов в Горном Алтае — в тех местах, где, по Геродоту, кочевали племена саков. Результаты этих раскопок оказались поистине сенсационными. Слой вечной мерзлоты сохранил буквально в первозданном виде не только вещи, но и тела погребенных — спустя тысячелетия исследователи смогли даже изучить редкостную по своей изощренности татуировку погребенного знатного воина (кстати, абсолютно соответствующую звериному стилю всего скифского искусства). Природа Алтая сохранила тончайшие шелковые ткани, войлочные одежды, ярчайшие краски ковров. «Мастерство исполнения, проявленное алтайскими художниками во всех областях творчества, поражает и по сей день, — пишет известный исследователь сибирских древностей М. П. Завитухина. — Оно отработано на протяжении нескольких поколений на основе подлинно народного творчества... До сих пор алтайское искусство является одной из вершин композиционного мастерства». Были сделаны открытия и в других курганах, свидетельствующие о развитой социальной структуре сакского общества Семиречья. И вот науке открылось богатство сакского кургана Иссык...

Захороненный в кургане воин действительно

был золотой — в погребальной камере, тщательно срубленной из вековых стволов тянь-шаньской ели, археологи нашли свыше четырех тысяч золотых изделий: предметы украшения одежды, головного убора и обуви, перстни, статуэтки, бляхи. На полу стояли сосуды из дерева, глины, бронзы и серебра. И расположение предметов, украшавших некогда парадный доспех погребенного воина, остатки железного меча и кинжала позволили исследователям в результате кропотливой работы воссоздать — впервые в науке — облик сакского воина. Именно сакского — и не только потому, что этот курган расположен на территории, которая согласно древним источникам им принадлежала, и насыпан был именно в «сакское» время: реконструкция полностью совпала с описанием одежды тех саков, которые, как свидетельствовал Геродот, «носили на головах высокие островерхие тюрбаны».

А те произведения звериного стиля, что были найдены в кургане Иссык, не только окончательно «ввели» саков в великий мир скифского искусства, дав исследователю право говорить о существовании самостоятельной школы мастеров Семиречья, но и позволили сделать предположение, ранее казавшееся невозможным.

«Комплекс находок в кургане Иссык, — пишет К. А. Акишев, — дал дополнительные материалы, проливающие свет на уровень социальной истории саков Семиречья. Можно утверждать, что пышность и богатство золотой одежды иссыкского сака были рассчитаны не на один только внешний эффект — смысл этого богатства гораздо

глубже, его надо рассматривать в плане социально-политическом. Главное назначение одежды было в возвеличивании личности вождя, возведении его в ранг солнцеподобного божества... По-видимому, сакское общество Семиречья стояло на более высокой ступени социальной организации, чем нам представлялось до раскопок исыкского кургана...»

И этот вывод исследователя, кроме того, подтверждается находкой, столь же пока загадочной, сколь и ошеломляющей: на одной из серебряных чаш, стоящих возле останков золотого воина, археологи обнаружили нацарапанные знаки — следы письменности! Следы самой древней письменности вообще на территории Средней Азии!..

Тщательный анализ показал, что надпись на чаше, состоявшая из двух строк, содержит в общей сложности 25 или 26 знаков, среди которых удалось распознать 16 или 17 различных, что свидетельствует об алфавитном характере надписи. И этот анализ, проведенный крупнейшими специалистами Института востоковедения АН СССР, заканчивается такой фразой: «Весьма возможно, что надпись на чаше написана неизвестным ранее алфавитом».

Скифы не оставили после себя письменности, среди тысяч и тысяч археологических находок, сделанных в скифских курганах, не обнаружено даже следов ее существования. И сложилось убеждение, что в скифских обществах вообще не было письменности, так как уровень их развития позволял обходиться без нее. И вот так неспра-

ведливо обойденные историей саки, долгое время казавшиеся глубокой периферией скифской культуры, дарят надежду на то, что и это мнение не столь уж незыблемое.

(В. Левин. Золотой человек кургана Иссык. — «Вокруг света», 1979, № 4)

12. КЛАДЫ СТАРОЙ РЯЗАНИ

«...И во граде многих людей, и жен, и детей мечами посекали... и весь град пожгли, и всю красоту знаменитую...» Эти горестные слова были написаны после того страшного декабрьского дня 1237 года, когда полчища Батыя обрушились на столицу Рязанского княжества.

После этого разгрома город уж не мог оправиться и спустя несколько лет запустел окончательно. Оставшиеся жители ушли в город Переяславль-Рязанский — тот, что сейчас называется Рязанью, — а на месте Старой Рязани остались лишь крутые холмы крепостных валов.

Но вот в 1822 году крестьянин Устин Ефимов, распахивая свой надел вблизи старорязанских валов, увидел в отвале борозды круглую золотую бляху, покрытую драгоценными камнями и тончайшими — позолоченной напаянной проволоки — узорами. Рядом лежала другая, третья.

С тех пор — то во время раскопок, то случайно — в Старой Рязани было найдено огромное количество уникальных по своему мастерству ювелирных изделий из золота, серебра, меди.

Кто же были мастера, изготавливавшие столь совершенные предметы? Долгое время многие ученые утверждали, что рязанские драгоценности были не местного производства, а привозные — из Византии. Но изучение ювелирной техники мастеров древней Руси доказало, что сокровища Старой Рязани были созданы в основном русскими мастерами. Только русские ювелиры XI—XII веков из-

готовляли такую филигрань — стони мельчайших, до долей миллиметра, золотых проволочек, напаянных прихотливыми кружевами на металлическую поверхность, и владели таким искусством сочетания различных эмалевых красок, разделенных почти невидимыми невооруженным глазом золотыми перегородками.

И не только ювелирная техника указывала на принадлежность изделий древнерусским мастерам.

Несколько лет назад археологической экспедицией доктора исторических наук А. Л. Монгайта был найден клад, в котором лежал серебряный с позолотой браслет. На браслете исследователи увидели изображение гуслера-скомороха. Чеканка на браслете в точности повторяла древнерусские книжные миниатюры, старинные гравюры, а форма «гуселок звончатых», лежащих на коленях скомороха, в точности повторяла форму гуслей, какие встречаются во время раскопок древнерусских поселений.

...В огне Батыева нашествия погибла рязанская летопись, пали все защитники города и сам город сгорел дотла. Но остались немые свидетели величия города и искусства его мастеров.

Никто не может предсказать, какие еще сокровища скрыты в древней земле Рязани. В июле этого года археологи нашли небольшой костяной кружок с изображением древнерусского воина. Сейчас еще трудно сказать, является ли это изображение конкретным портретом какого-то знатного рязанского дружинника или эта фигура воина — символ неизвестных защитников города, что

сражались за «красоту знаменитую», как гласит древнерусское сказание, «один с тысячью, а два с тьмою».

(В. Даркевич. Клады Старой Рязани. — «Вокруг света», 1969, № 11)

ЛИТЕРАТУРА

Бродский Б. Ненайденные сокровища. — М.: Знание, 1965.

Векслер А., Мельникова А. Московские клады. — М.: Московский рабочий, 1988.

Венецкий С. И. Где клады зарыты? — М.: Знание, 1989.

Венецкий С. И. Тайны исчезнувших сокровищ. — М.: МНПП «Янга-Центр», 1991.

Головня И. А. Золотые миражи. — М.: Знание, 1993.

Горбовской А., Семенов Ю. Закрытые страницы истории. — М.: Мысль, 1988.

Грин Л. Последние тайны старой Африки. — М.: Мысль, 1966.

Грин Л. Тайны берега скелетов. — М.: Общество по изучению тайн и загадок земли, «Мистерия», 1993.

Гуляев В. Гибель падающего орла. На суше и на море. — М.: Мысль, 1970.

Даган Д. Человек в подводном мире. — М.: Мысль, 1965.

Керам К. Боги, гробницы, ученые. — М.: изд-во иностранной литературы, 1960.

Косидовский З. Когда солнце было богом. — М.: Наука, 1991.

Можейко И. 7 и 37 чудес. — М.: Наука, 1980.

Прингл П. Приключения под водой. — Л.: Гидрометеорологическое изд-во, 1963.

Серебро и золото, и камень. Сост. Л. Борисова. — М.: Общество по изучению тайн и загадок земли, 1991.

Скрягин Л. Сокровища погибших кораблей. — М.: Молодая гвардия, 1968.

Тайны веков. Сост. В. Суханов. — М.: Молодая гвардия, 1978.

Церен Э. Библейские холмы. — М.: Правда, 1986.

Чеснок В. Ф. Клады: о легендах и мифах. — Ростов н-Д: изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1992.

Научно-популярное издание

КЛАДЫ И КЛАДОИСКАТЕЛИ

Подготовка текста *Иванов Юрий Николаевич*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 8.10.96. Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая с ФПФ: Усл. печ. л. 33,6. Тираж 15 000 экз. Заказ 865.

Фирма «Литература». Лицензия ЛВ № 1181. 220050, Минск, ул. Ульяновская, 39.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729. 220034, Минск, ул. В. Хоружей, 21-102.

При участии МППО им. Я. Коласа. Лицензия ЛП № 82. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных издательством диапозитивов.

Энциклопедия тайн и сенсаций

КЛАДЫ И КЛАДОИСКАТЕЛИ

Клады страны пирамид
Библейские холмы
Сокровища Темплеров
Золото Инков
Уакерос — профессиональные грабители могил
Пиратские клады
Драма острова Нокс
Подводные кладовскатели
Сокровищный бизнес
Золото "Черного принца"
Клады Наполеона
Сокровища Лобенгулы
Клады Третьего Рейха
Русские клады
Клад Молчана
Золото партии

и сотни других невероятных историй
о сокровищах и кладах...

© ЛИТЕРАТУРА, 1996

ISBN 985-437-055-0

90000

9 789854 370552